

Джон Р.Р. Тоаксен

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Перевод с английского Марк Дж. Тоаксен Р.Р. Тоаксен

Это последняя, заключительная часть трилогии Джона Рональда Руэла Толкиена о древнем Средиземье.

К стенам Королевского города стекаются несметные войска Повелителя Тьмы. Король-призрак ведет чудовищную армию — тролли и орки, гоблины и назгулы идут на штурм города. Насмерть стоят бесстрашные защитники, все длится и длится кровавый бой... А в горах Мордора Фродо и Сэмми, томясь от жажды и голода, прячась от вездесущих врагов, все ближе и ближе подступают к жерлу Огненной горы...

- [Джон Рональд Руэл Толкиен](#)
 - [КНИГА ПЯТАЯ](#)
 - [1. МИНАС ТИРИТ](#)
 - [2. ПОХОД СЕРОГО ОТРЯДА](#)
 - [3. СБОР РОХАНА](#)
 - [4. ОСАДА ГОНДОРА](#)
 - [5. РЕЙД РОХИРРИМ](#)
 - [6. БИТВА НА ПОЛЯХ ПЕЛЕННОРА](#)
 - [7. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР ДЕНЕТОРА](#)
 - [8. ДОМА ИЗЛЕЧЕНИЯ](#)
 - [9. ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ](#)
 - [10. ЧЕРНЫЕ ВОРОТА ОТКРЫТЫ](#)
 - [КНИГА ШЕСТАЯ](#)
 - [1. БАШНЯ КИРИТ УНГОЛ](#)
 - [2. ЗЕМЛЯ ТЕНИ](#)
 - [3. ГОРА СУДЬБЫ](#)
 - [4. ПОЛЕ КОРМАЛЛЕН](#)
 - [5. НАМЕСТНИК И КОРОЛЬ](#)
 - [6. МНОГО РАССТАВАНИЙ](#)
 - [7. ДОРОГА ДОМОЙ](#)
 - [8. ОЧИЩЕНИЕ УДЕЛА](#)
 - [9. СЕРЫЙ ПРИЮТ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

1. МИНАС ТИРИТ

Пиппин выглянул из своего убежища в плаще Гэндальфа. Он не мог решить, спит он еще или уже проснулся. Темный мир проносился мимо, и ветер громко свистел в его ушах. Он не видел ничего, кроме качающихся звезд, а справа огромной тенью уходили назад горы юга. Сонно он попытался определить время и решить, какой сегодня день путешествия, но память его была запутанной и неопределенной.

Он помнил первую поездку с ужасной скоростью и без остановок, пока на рассвете он не увидел бледное сверкание золота, и они прискакали в молчаливый город и большой пустой дом на холме. Едва успели они добраться до убежища, как крылатая тень снова пролетела над ними, и люди потеряли присутствие духа от страха. Но Гэндальф успокоил их, а Пиппин уснул в уголке беспокойным сном, смутно чувствуя, как приходили и уходили люди, как они разговаривали и как Гэндальф отдавал приказания. Потом они снова скакали, скакали всю ночь. Это была вторая, нет, третья ночь с тех пор, как он смотрел в камень. И с этим ужасным воспоминанием он проснулся окончательно, и шум ветра показался ему полным ужасных угрожающих голосов.

На фоне неба горел огонь, желтое пламя за черным барьером. Пиппин снова укрылся, на мгновение испугавшись, что Гэндальф привез его в какую-то ужасную страну. Он протер глаза и увидел, что это луна, почти полная, встает в восточной части неба. Значит ночь еще не прошла и им предстояли часы езды. Он зашевелился и заговорил:

— Где мы, Гэндальф?

— В королевстве Гондор, — ответил колдун. — В земле Анориен.

На некоторое время снова наступило молчание. Вдруг Пиппин, схватившись за плащ Гэндальфа, вскрикнул:

— Что это? Смотрите! Огонь, красный огонь! В этой земле есть драконы? Смотрите, вон еще один!

Вместо ответа Гэндальф громко сказал своему коню:

— Вперед, Обгоняющий Тень! Мы должны торопиться. Время не ждет. Смотри, горят маяки Гондора, взывая о помощи. Война началась. Смотри, огонь на Амон Дине, пламя на Эйленахе: и дальше на запад вспыхивают огни: Нардел, Эрелас, Мия-Риммон, Каленхад и Халифирмен у границ Рохана.

Но Обгоняющий Тень замедлил свой бег, поднял голову и заржал. Из тьмы донеслось ответное ржание: вскоре послышался топот копыт, мимо пролетели, как призраки в лунном свете, три всадника и исчезли на западе. Тогда Обгоняющий Тень сжался, прыгнул вперед, и ночь понеслась мимо, как ветер.

Пиппин хотел спать и почти не слушал рассказ Гэндальфа о гондорских обычаях и о том, как повелитель города установил на холмах маяки и организовал посты, где всегда были свежие лошади, если нужно было послать всадников на север в Рохан или на юг.

— Уже очень давно не горели эти маяки, — сказал Гэндальф, — а в древние дни Гондора они вообще были не нужны, потому что у Гондора были семь камней.

Пиппин беспокойно зашевелился.

— Спи и не бойся! — сказал Гэндальф. — Ты едешь не в Мордор, как Фродо, а в Минас Тирит, и там ты будешь в безопасности, насколько это вообще возможно в наши дни. Если Гондор падет, а Кольцо будет захвачено, тогда и в Уделе ты не найдешь убежища.

— Вы не очень успокоили меня, — заметил Пиппин, но тем не менее сон охватил его. Последнее, что он помнил, перед тем как уснуть глубоким сном, был белоснежный пик, возвышающийся над облаками и отражавший лучи заходящей луны. Он подумал, где теперь

Фродо, в Мордоре ли он, жив ли он... Или мертв. И не знал он, что издалека Фродо глядел на ту же луну, заходящую над Гондором, и ждал наступления дня.

Пиппин проснулся от звука голосов: прошли еще день в укрытии и ночь скачки. Были сумерки, приближался холодный рассвет, и все вокруг было окутано промозглым серым туманом. Обгоняющий Тень стоял покрытый потом, от него поднимался пар, но шею он изгибал гордо и не показывал никаких признаков усталости. Рядом с ним стояло много высоких людей, закутанных в плащи, а за ними в тумане виднелась каменная стена. Она казалась частично разрушенной, но Пиппин слышал звуки торопливой работы: удары молотов, звук мастерков и скрип колес. Кое-где в тумане видны были факелы и костры. Гэндальф разговаривал с людьми, преградившими ему путь; прислушавшись Пиппин понял, что разговор идет о нем.

— Да, верно, мы знаем вас, Митрандир, — говорил предводитель людей, — и вы знаете пароль семи ворот и можете свободно проехать. Но мы не знаем вашего спутника. Кто он? Гном из северных гор? Нам в наши времена не нужны чужеземцы, если только они не могучие воины, в чью преданность и помощь мы могли бы поверить.

— Я поручусь за него перед Денетором, — возразил Гэндальф. — Что же касается доблести, то не нужно судить о ней по фигуре. Он прошел через большое количество битв и опасностей, чем вы, Инголд, хотя вы вдвое выше его; он прошел от взятого штурмом Изенгарда, о чем мы везем известие; он очень устал, иначе я разбудил бы его. Его зовут Перегрин, он очень храбрый человек.

— Человек? — с сомнением переспросил Инголд, а остальные засмеялись.

— Человек! — воскликнул Пиппин, окончательно проснувшись. — Человек! Конечно, нет. Я хоббит, и не очень храбр, разве что иногда и в случае крайней необходимости. И Гэндальф вводит вас в заблуждение.

— Многие совершающие великие деяния не могли бы сказать о себе больше, — заметил Инголд. — Но что такое хоббит?

— Невысоклик, — ответил Гэндальф. — Нет, не тот, о ком говорилось, — добавил он, заметив удивление на лицах людей. — Не он, но один из его родичей.

— Да, и тот, кто путешествовал с ним, — добавил Пиппин. — И с нами был Боромир из вашего города, он спас меня в снегах севера, но был убит, защищая меня от множества врагов.

— Стой! — сказал Гэндальф. — Новость об этом горе следовало сначала сказать отцу.

— Об этом догадывались, — сказал Инголд, — были нехорошие видения и предзнаменования. Проходите быстрее! Повелитель Минас Тирита захочет увидеть того, кто принесет ему последние новости о его сыне, будь он человек или...

— Хоббит, — подсказал Пиппин. — Малую службу могу я предложить вашему повелителю, но сделаю все, что смогу, в память о храбром Боромире.

— Доброго пути! — сказал Инголд, а люди расступились, и Обгоняющий Тень прошел в узкие ворота в стене. — Да принесете вы добрый совет Денетору и всем нам в нужде, Митрандир! — Воскликнул Инголд. — Но пришли вы с новостями о горе и опасности. Говорят таково ваше обыкновение.

— Я прихожу редко и лишь тогда, когда помощь моя необходима, — ответил Гэндальф. — Что же касается совета, то я сказал бы вам, что вы опоздали в починке стены Пеленнора. Теперь вашей лучшей защитой будет мужество — мужество и надежда, которую принес я. Ибо не все мои новости плохие. Оставьте мастерки и точите мечи!

— Работа будет закончена до наступления вечера, — сказал Инголд, — эта часть стены обращена к нашим друзьям в Рохане, отсюда мы не ждем нападения. Вы знаете что-либо о рохиррим? Ответят ли они на наш зов?

— Да, они придут. Но они выдержали много битв у вас за спиной. Ни эта дорога, ни любая

другая не ведут больше к опасности. Будьте отважны. Вы скорее увидите войско врагов, выходящее из Инбриен, чем всадников Рохана. Прощайте и будьте бдительны!

Теперь Гэндальф ехал по широкой равнине за Ранмас Эчер. Так люди Гондора называли внешнюю стену, построенную ими с огромным трудом после того, как Итилиен оказался в тени врага. Более чем на десять лиг тянулась она от подножия гор, ограждая поля Пеленнора — прекрасные плодородные земли на длинных склонах и террасах, спускающихся к Андуину. В самом удаленном пункте, на северо-востоке, стена находилась в четырех лигах от ворот города и здесь она с хмурого откоса смотрела на низины у реки; люди сделали ее здесь высокой и прочной: именно в этом месте подходила дорога от бродов и мостов Осгилиата и проходила в охраняемые ворота между укреплениями. В самом близком пункте на юго-востоке, стена отстояла от города не более чем на лигу. Здесь Андуин, сделав широкий изгиб у холмов Эмин Арнон в южном Итилиене, резко поворачивал на запад, и внешняя стена возвышалась на самом берегу реки. Под ней лежали причалы гавани Харленд для кораблей, приплывающих вверх по течению из южных областей.

Земля за стеной была богатой, с обширными пашнями, множеством садов и фермами, с печами для сушки хмеля, амбарами, загонами и хлевами, со множеством ручьев, бегущих по зеленым полям с гор к Андуину. Но число живших здесь пастухов и земледельцев было невелико, и большая часть людей Гондора жила в семи кругах города или в высокогорных долинах Лессарнала, или дальше на юге, в прекрасном Лебенене, с его пятью быстрыми реками. Здесь, между горами и морем, жил суровый народ. Эти люди считались гондорцами, но кровь у них была смешанной, они были смуглые высокого роста, и их предки происходили от забытых людей, которые жили в тени холмов в темные годы до прихода королей. А дальше, в большой области Белфалас, жил принц Имрахил в своей замке Дол Амрот у моря; он был благородного происхождения, как и его люди, высокие, гордые, с серыми глазами.

Начинался день, и Пиппин проснувшись, осмотрелся. Слева от него лежало море тумана, поднимаясь к унылой тени на востоке. Справа поднимали свои головы большие горы, тянувшиеся с запада и внезапно круто обрывавшиеся, как будто река пробила гигантский барьер. И тут, где белые горы Эред Нимрайс подошли к концу, Пиппин увидел, как и обещал Гэндальф, темную массу горы Миндолуин, глубокую пурпурную тень ее высоких долин и ее склон, белевший в свете начинающегося дня. И на его выступающем склоне возвышался охраняемый город, с его семью стенами из камня, такими прочными и старыми, что, казалось, они были не построены, но высечены гигантами из костей земли.

Пока Пиппин смотрел в удивлении, цвет стены сменился с серого на белый, и неожиданно солнце вышло из восточной тени и послало луч, ударивший прямо в лицо города. Пиппин громко вскрикнул: башня Экталион, стоящая высоко внутри самой верхней стены, засверкала на фоне неба жемчугом и серебром, высокая и прекрасная, а ее вершина была как будто сделана из хрусталя; белые знамена свисавшие с укреплений, развевались на утреннем ветерке, слышался высокий чистый звук серебряных труб.

Так Гэндальф и Перегрин на восходе солнца подъехали к большим воротам Гондора, и железные створки распахнулись перед ними.

— Митрандир! Митрандир! — кричали люди. — Теперь мы знаем, что буря действительно близка!

— Она уже над вами, — сказал Гэндальф. — Я скакал на ее крыльях. Пропустите меня! Я должен увидеться с повелителем Денетором, пока длится его наместничество. Что бы не случилось, вы пришли к концу известного вам Гондора. Пропустите меня!

Люди расступались, услышав его повелительный голос, и больше не расспрашивали его хотя и смотрели в удивлении на хоббита, сидевшего перед ним, и на лошадь, что несла его. Люди

Гондора редко использовали лошадей, и их лишь изредка можно было увидеть на улицах, когда скакал какой-нибудь всадник со срочным поручением повелителя. И люди говорили:

— Это конечно, один из больших коней короля Рохана. Может и сами рохиррим скоро явятся к нам на помощь...

Обгоняющий Тень гордо поднимался по извилистой дороге.

Минас Тирит был построен на семи уровнях, расположенных вверх по склону холма, и каждый уровень был окружен стеной, и в каждой стене были свои ворота. Но ворота эти не были расположены на одной линии. Большие ворота первой городской стены выходили на восток, следующие — на юго-восток, а следующие — на северо-восток, и так далее; поэтому мощеная дорога, которая вела к цитадели наверху холма, все время поворачивала, и каждый раз, пересекая линию больших ворот, она проходила через туннель, пробитый в скале, чей выступ делил на две части все круги города, кроме первого. В тылу большого двора возвышался каменный бастион с краями, острыми, как у корабельного киля, созданный частично формой самого холма, а частично работой людей древности. Он поднимался вверх, до внутреннего круга, где находилась еще одна линия укреплений; поэтому те, что находились в цитадели, могли, как моряки огромного корабля, смотреть прямо вниз, на ворота, находившиеся в семистах футах под ними. Вход в цитадель также выходил на восток, но был вырублен в самой скале, здесь длинный освещенный фонарями склон вел к седьмым воротам. Тут входивший добирался наконец до высокого двора и площади фонтана у подножья белой башни, высокой и стройной, высотой в пятьдесят сажений от подножья до вершины; на этой вершине, поднятой на тысячу футов над равниной, развевался флаг наместника.

Это была неприступная крепость, и никакое войско не могло овладеть ею, разве уж что враг зашел бы сзади, взобрался бы на Миндолуин и оттуда по узкому отрогу, соединявшему Холм Стражи с горой, подобрался бы к городу. Но этот отрог, поднимавшийся на уровень пятой стены был перегорожен мощным валом, доходившим до самой пропасти у его западного края: в этом месте стояли дома и куполообразные могилы ушедших королей и повелителей.

Пиппин с растущим удивлением смотрел на обширный каменный город, более великолепный, чем все, что он видел во сне; больше и сильнее, чем Изенгард, и гораздо прекраснее. Но было видно, что уже многие годы город приходил в упадок; сейчас в нем жило меньше половины людей, чем когда-то. И на каждой улице они проходили мимо больших каменных домов, чьи двери и ворота с арками были украшены прекрасными надписями странной и древней формы; Пиппин предположил, что это имена больших людей, некогда живших здесь; однако теперь дома были пусты, шаги не звучали на их широких мощеных дворах, голоса не раздавались в их залах, лица не выглядывали из дверей или пустых окон.

Наконец они вступили в тень седьмых ворот, и горячее солнце, которое сияло за рекой, где Фродо шел по долинам Итилиена, здесь отражалось от гладкой поверхности, осветив многочисленные столбы и большую арку с ключевым камнем, вырезанным в виде головы короля с короной. Гэндальф спешил, так как лошадям не позволялось входить в цитадель, и Обгоняющий Тень после нескольких негромких слов своего хозяина позволил увести себя.

Стражники у ворот были одеты в черное, с высокими шлемами и длинными защитными пластинами, плотно пригнанными к щекам, поверх этих пластин крепились белые крылья морских птиц; шлемы сверкали серебряным блеском, так как сделаны были из митрила, наследие славы старых дней. На черных плащах было вышито дерево, цветущее белым цветом, как снегом, под серебряной короной и звездами. Это была одежда наследников Элендила, и никто не носил ее во всем Гондоре, кроме стражи цитадели перед двором с фонтаном и белым деревом, которое когда-то росло здесь.

Казалось, весть об их прибытии опередила все, и их немедленно и безо всяких вопросов

пропустили. Гэндальф быстро прошел через мощный белым камнем двор. Невысокий фонтан в его центре сверкал в утреннем солнце, вокруг него лежал зеленый газон; в середине, склонившись над бассейном, стояло мертвое дерево, и падающие капли печально стекали с его голых и обломанных ветвей обратно в чистую воду.

Пиппин взглянул на дерево, торопясь за Гэндальфом вслед. «Мрачно выглядит, — подумал он и удивился зачем оставили мертвое дерево в месте, где все остальное так хорошо украшено.

Семь звезд, и семь камней, и одно белое дерево.

В голову ему пришли слова, которые бормотал Гэндальф. Потом он оказался у дверей большого зала под сверкающей башней; вслед за колдуном прошел он мимо высоких молчаливых часовых и вошел в холодную гулкую тень каменного дома.

Они прошли по мощенному коридору, длинному и пустому, и в это время Гэндальф негромко говорил Пиппину.

— Будь осторожен в выборе слов, мастер Перегрин! Сейчас не время для хоббичьих дерзостей. Теоден — добрый старик. Денетор — человек другого сорта, гордый и хитрый, человек гораздо более древней родословной и большей власти, хотя и не называет себя королем. Он больше будет говорить с тобой и расспрашивать тебя, так как ты можешь рассказать ему о его сыне Боромире. Он сильно любил его; может быть слишком сильно, тем более что они очень похожи. Но под покровом этой любви он в то же время будет думать о том, что от тебя ему будет легче узнать, что он хочет, нежели от меня. Не говори ему больше того, чем необходимо, и оставь в стороне задачу Фродо. В должное время я поговорю с ним об этом. И ничего не говори об Арагорне.

— А почему? При чем тут Бродяжник? — прошептал Пиппин. — Он хотел прийти сюда, не правда ли? Он скоро придет сам.

— Может быть, может быть, — сказал Гэндальф. — Хотя если он придет, то таким путем, которого не ожидает никто, в том числе и Денетор. Так будет лучше. Во всяком случае мы не должны извещать о его приходе.

Гэндальф остановился перед широкой дверью из полированного металла.

— Послушай, мастер Пиппин, сейчас не время учить тебя истории Гондора: хотя было бы лучше, чтобы ты кое-что узнал о ней, когда прогуливал уроки в лесах Удела. Делай так, как я говорю! Тому, кто приносит могущественному повелителю весть о гибели его наследника, неразумно слишком много говорить о прибытии того, кто может предъявить права на трон. Ясно?

— На трон? — удивленно спросил Пиппин.

— Да, — сказал Гэндальф. — Если все эти дни уши твои были закрыты, а мозг спал, проснись хоть сейчас!

Он постучал в дверь.

Дверь открылась, но не было видно, кто открыл ее. Пиппин посмотрел в большой зал. Он освещался через два ряда окон с обеих сторон, за рядами высоких колонн, поддерживающих крышу. Высеченные из цельного черного мрамора, они поднимались к большой...

В этом огромном торжественном зале не было видно ни одного ковра, ни одного занавеса, ни одной вещи из ткани или дерева; между колоннами стояла молчаливый строй высоких статуй, высеченных из холодного камня.

Неожиданно Пиппин вспомнил о скальных статуях Аргоната и ощутил благоговейный страх, глядя на ряды давно умерших королей. В дальнем конце зала... ступени, очень широкой и глубокой стояло каменное кресло, черное, без всяких украшений, в нем сидел старик, глядевший себе на колени. В руках его был белый жезл с золотым набалдашником. Он не поднимал головы. Пришедшие торжественно прошли по залу к нему и остановились в трех шагах от ступеней.

Тогда Гэндальф заговорил:

— Привет, повелитель и наместник Минас Тирита, Денетор, сын Энтелиона! Я пришел с советом и новостями в темный час.

Старик поднял голову. Пиппин увидел точеное лицо с гордыми чертами и кожей цвета слоновой кости, с длинным орлиным носом между темными глубокими глазами; это лицо напомнило ему не столько Боромира, сколько Арагорна.

— Час действительно темный, — согласился старик. — У вас привычка появляться в такие часы, Митрандир. Но хотя все признаки говорят о том, что судьба Гондора близка, для меня эта тьма светлее, чем моя собственная. Мне говорили, что с вами пришел тот, кто видел смерть моего сына. Это он?

— Да, — сказал Гэндальф, — один из двоих. Второй сейчас с Теоденом из Рохана и сможет прибыть позже. Они невысоклики, но этот не тот, о ком говорилось в загадке.

— Да, невысоклик, — угрюмо сказал Денетор, — мало любви внушает мне это слово, с тех пор, как проклятая загадка обеспокоила наши советы и увела моего сына на смерть. Мой Боромир! Как он теперь нужен нам! И вместо него должен был идти Фарамир.

— Он пошел бы, — сказал Гэндальф. — И не будьте несправедливы в своем горе. Боромир потребовал, чтобы дело поручили ему, и не потерпел бы другого решения. Он был сильным человеком и добивался того, чего хотел. Я долго путешествовал с ним и хорошо узнал его. Но вы говорите о его смерти. Вы знали о ней до нашего прихода?

— Я получил это, — сказал Денетор и, положив жезл, поднял с колен предмет, на который он смотрел. В каждой руке он держал по половинке большого рога, сломанного по середине — рога дикого быка, окованного серебром.

— Это рог, который всегда носил с собой Боромир! — воскликнул Пиппин.

— Верно, — сказал Денетор. — И я в свое время носил его, и так делал каждый старший сын нашего дома еще с древних времен, до ухода короля, когда Эрендил, отец Мардила, охотился за диким быком араво в далеких полях Рена. Тринадцать дней назад я услышал звук этого рога, доносившийся с северных границ, и потом река принесла мне его разбитым; больше он не зазвучит. — Он замолчал, наступило тяжелое молчание. Неожиданно Денетор взглянул на Пиппина. — Что вы скажете на это, невысоклик?

— Тринадцать, тринадцать дней, — заикаясь, ответил Пиппин. — Да, я думаю, это так. Да, я стоял рядом с ним, когда он дул в рог. Но помощь не пришла. Только больше орков.

— Итак, — сказал Денетор, проницательно глядя Пиппину в лицо, — вы были там? Расскажите мне! Почему не пришла помощь? И как вы спаслись, а он нет, он, такой могучий человек, которому не мог противостоять ни один орк?

Пиппин вспыхнул и забыл свой страх.

— Самый могучий человек может быть убит одной стрелой, — сказал он, — а Боромир был пронзен множеством. Когда я последний раз видел его, он прислонился к дереву и вырывал из своего бока чернооперенную стрелу. Потом я потерял сознание и был захвачен в плен. Но я преклоняюсь перед его памятью, потому что он был очень храбр. Он умер, спасая нас — моего родича Мериадока и меня, — окруженных в лесу солдатами Повелителя Тьмы; и хотя ему не удалось нас освободить, моя благодарность от этого не меньше.

Тут Пиппин взглянул в глаза старику; и гордость его, подхлестнутая презрением и подозрительностью в холодном голосе взбунтовалась.

— Конечно, такому великому повелителю людей хоббит, невысоклик из далекого северного Удела, может оказать малую службу; но все же я предлагаю ее и свет своего долга.

Откинув свой серый плащ, Пиппин выхватил свой маленький меч и положил его к ногам Денетора.

Бледная улыбка, подобная блеску холодного солнца в зимний вечер, прошла по лицу старика; он склонил голову и отложил обломки рога.

— Дайте мне оружие! — сказал он.

Пиппин поднял меч и протянул его рукояткой вперед.

— Откуда он? — спросил Денетор. — Много-много лет лежит на нем. Несомненно, это лезвие принадлежало нашим родичам с севера в глубоком прошлом.

— Оно из могилы на границе моей страны, — сказал Пиппин. — Но сейчас там живут лишь злые духи, и мне не хочется говорить о них.

— Я вижу, странные сказания сплетаются вокруг вас, — сказал Денетор, — и мне ясно, что внешность человека, или невысоклика может обманывать. Я принимаю вашу службу. Ибо вас не устрашить словами: и у вас вежливая речь, хотя она звучит странно для нас на юге. А нам в эти дни нужны храбрые воины, велики они ростом или малы. Клянитесь!

— Возьми рукоять, — сказал Гэндальф, — и повторяй за повелителем, если твое решение твердо.

— Да, — сказал Пиппин.

Старик положил меч на свои колени, а Пиппин взял в руки его рукоять и медленно повторял вслед за Денетором:

— Я клянусь верно служить Гондору и повелителю и наместнику королевства, говорить и молчать, делать и допускать делать, приходить и уходить, в горе и довольствии, в войне и мире, в жизни и смерти, начиная с этого часа, пока мой повелитель не освободит меня, или пока меня не постигнет смерть, или пока не кончится мир. Так говорю я, Перегрин, сын Паладина, из Удела. Невысоклик.

— И это слышу я, Денетор, сын Энтелиона, Повелитель Гондора, наместник высокого короля, и я не забуду этого и не забуду вас награждать за сделанное: награждать верность любовью, доблесть честью, нарушение клятвы местью.

Пиппин получил свой меч и сунул его в ножны.

— А теперь, — сказал Денетор, — мой первый приказ вам: говорите и не отмалчивайтесь. Расскажите мне все, что можете, о моем сыне Боромире. Садитесь и начинайте!

Он ударил в маленький серебряный гонг, стоящий рядом с креслом, и тут же появилось несколько слуг. Пиппин понял, что они все время стояли в альковах с обеих сторон невидимые ему и Гэндальфу.

— Принесите вина, еды и сиденья для гостей, — сказал Денетор, и пусть в течении часа нам никто не мешает.

Это все, что я могу вам уделить: сейчас мне приходится заниматься очень многим, — сказал он, обращаясь к Гэндальфу. — Многим наверное, более важным, хотя для меня это не так. Но, может, к концу дня мы снова сможем поговорить.

— Надеюсь, что раньше, — сказал Гэндальф убежденно. — Я не для того проскакал сто пятьдесят лиг сюда из Изенгарда со скоростью ветра, чтобы привезти вам маленького воина, пусть и очень вежливого. Разве для вас ничего не значит, что Теоден выиграл большое сражение, что Изенгард разрушен и что я переломил посох Сарумана?

— Для меня это много значит. Я помню значение этих деяний для моей борьбы с угрозой с востока...

Он взглянул на Гэндальфа, и Пиппин увидел их сходство и почувствовал напряжение между ними: как будто огненная линия пролегла от глаз к глазам.

Денетор в сущности гораздо больше походил на великого колдуна, чем Гэндальф, он был более величавым, прекрасен и властен... И более стар. Но внутренним чутьем Пиппин знал, что Гэндальф обладает гораздо большей властью и более глубокой мудростью; обладает

могуществом, пока еще скрытым. И он был старше, гораздо старше. Насколько старше? — подумал Пиппин и вспомнил, что никогда не задумывался об этом раньше. Древобрад говорил что-то о колдунах, но тогда Пиппин не думал о Гэндальфе, как одном из них. Кто такой Гэндальф? В какое отдаленное время и в каком месте пришел он в мир и когда покинет он его? На этом его размышления прервались; он увидел, что Гэндальф и Денетор все еще смотрят друг другу в глаза, как бы читая мысли. Денетор первым отвел глаза.

— Да, — сказал он, — хоть и утрачены палантиры, но говорят, что повелители Гондора по-прежнему обладают более острым зрением, чем меньшие люди, да и получают они много вестей. Но садитесь.

Слуги принесли кресло и низкую табуретку, потом появился один из слуг с подносом, на котором были серебряный кувшин, чашки и белый хлеб. Пиппин сел, но не мог оторвать взгляда от старого повелителя... Было ли это на самом деле или только показалось ему, но сказав о камнях, Денетор со странным блеском в глазах взглянул на Пиппина.

— Теперь расскажите мне свою историю, мой вассал, — сказал Денетор наполовину добродушно, наполовину насмешливо. — Потому что слово того, с кем так подружился мой сын, будет встречено с пониманием.

Пиппин никогда не мог забыть этот час в большом зале под пронизательным взглядом повелителя Гондора, задаваемые им время от времени коварные вопросы, ощущение присутствия Гэндальфа, который смотрел, слушал и (Пиппин чувствовал это) скрывал нарастающий гнев и нетерпение. Когда прошел час, и Денетор снова ударил в гонг, Пиппин почувствовал себя выдохшимся. «Сейчас не может быть больше девяти часов, — подумал он. — Я мог бы съесть три завтрака подряд».

— Отведите Митрандира в приготовленное для него помещение, — сказал Денетор, — его спутник может находиться с ним, если пожелает. Но пусть будет известно, что я принял у него клятву в верной службе и что Перегрин, сын Паладина, должен быть обучен меньшим паролем. Сообщите капитанам, что они должны ждать меня здесь после третьего часа.

А вы, мой Митрандир, можете приходить когда захотите. Никто не может и не будет мешать вам приходить ко мне в любое время кроме кратких часов моего сна. Пусть же пройдет ваш гнев на неразумного старика.

— Неразумие? — переспросил Гэндальф. — Ну нет, мой повелитель, когда вы станете неразумным, вы умрете. Даже свое горе вы умеете использовать как завесу. Вы думаете я не понял, с какой целью вы целый час расспрашивали того, кто знает меньше меня?

— Если вы это поняли, то будьте довольны, — заметил Денетор. — Глупостью было бы отвергать в трудном положении совет и помощь; но вы предлагаете эти дары в соответствии с собственными вкусами. Отныне повелитель Гондора не будет оружием в чужих руках, пусть и достойных. И для него нет доли более высокой, чем польза для Гондора. И править Гондором буду я, и никто другой, кроме короля, если он вернется.

— Если король вернется? — переспросил Гэндальф. — Ну что ж, мой повелитель-наместник, ваша задача в этом случае, о котором теперь мало кто вспоминает, сохранить власть и передать ее вернувшемуся. В этой задаче я окажу вам всю возможную помощь... Но должен сказать следующее: я не правлю никаким королевством, ни Гондором, ни каким другим, ни большим, ни маленьким. Однако, все достойное, что находится в опасности в нашем мире, — это наша забота. И даже если Гондор исчезнет, я буду выполнять свои задачи, чтобы в грядущих днях что-то могло расти, цвести и приносить плоды. Потому что я тоже наместник. Вы не знали этого?

С этими словами он повернулся и зашагал по залу, и Пиппин побрел за ним.

Гэндальф не смотрел на Пиппина и не сказал ему ни слова, пока они шли. Проводник вывел

их из дверей зала, повел по двору фонтана и по узкой улочке между высокими каменными зданиями. После нескольких поворотов они подошли к дому рядом с северной стеной цитадели, недалеко от отрога, связывавшего холм с горой. Они прошли первый этаж, поднялись по широкой ровной лестнице и оказались в прекрасной комнате, полной воздуха и света, с красивыми занавесками, расшитыми тусклым золотом. Комната была почти лишена мебели: в ней находились лишь маленький стол, два стула и скамья; но с обеих сторон видны были занавешенные альковы, а в них кровати со всем необходимым, кувшины и бассейны для умывания. Три узких высоких окна выходили на север, из них виднелась большая дуга Андуина, все еще затянутая туманом, уходившим к Эмин Муилу и далеким водопадам Раурса. Пиппин взобрался на скамью, а с нее на широкий каменный подоконник.

— Вы сердитесь на меня, Гэндальф? — спросил он, когда проводник вышел, закрыв за собой дверь. — Я старался сделать как лучше.

— Ты и сделал! — сказал Гэндальф, неожиданно рассмеявшись. Он подошел и встал рядом с Пиппином, положив руку на плечо хоббита и глядя в окно. Пиппин с некоторым удивлением смотрел на такое близкое теперь лицо: звук смеха был веселым и радостным. Но в лице колдуна вначале он разглядел лишь линии заботы и печали, хотя вглядевшись внимательно, различил под всем этим великую радость: фонтан веселья, который, хлынув, заставил бы смеяться все королевство.

— Ты очень хорошо сделал, — сказал колдун, — и, надеюсь, не скоро ты опять окажешься загнанным в угол между двумя ужасными стариками. Впрочем, повелитель Гондора узнал от тебя больше, чем ты догадываешься, Пиппин. Ты не смог скрыть от него тот факт, что не Боромир вел товарищество от Мории и что среди нас был человек высокой чести, который придет в Минас Тирит, и что у него знаменитый меч. Люди много размышляли над рассказами о древних днях Гондора, и Денетор немало думал над загадкой и словами «проклятье Исилдура» с момента ухода Боромира.

Он не похож на других людей нашего времени, и каким бы не было его происхождение по какой-то случайности, кровь людей запада оказалась в нем, так же как и в его втором сыне Фарамире. У Денетора острый взгляд. Он может постигнуть, напрягая свою волю, многие мысли людей, даже тех, что живет далеко от него. Трудно обманывать его и опасно пытаться.

Помни это! Потому что ты поклялся служить ему. Не знаю, что в твоей голове или сердце заставило тебя поступить так, но это было хорошо сделано. Я не мешал: не следует мешать благородным деяниям, испытывая их холодным разумом. Твой поступок тронул его сердце и (насколько я могу судить) позабавил его. И по крайней мере ты свободно можешь теперь расхаживать по Минас Тириту, когда не исполняешь свои обязанности. Потому что у твоего поступка есть и другая сторона. Ты в его распоряжении, и он этого не забудет. Поэтому будь осторожен!

Он замолчал и вздохнул.

— Не будем думать о том, что может принести нам утро. Я уверен, что много наступающих дней будет хуже предыдущих. И я ничего не могу сделать. Доска установлена, и фигуры двинулись. Одна фигура, которую я так хочу увидеть, это Фарамир, он наследник Денетора. Не думаю, что он в городе, но у меня еще не было времени собирать новости. Я должен идти, Пиппин... Я должен идти на совет повелителя и узнать там, что нужно. Но теперь ход врага, и он вот-вот начнет игру. И пешки увидят не меньше других фигур, Перегрин, сын Паладина, солдат Гондора. Остри свой меч!

Подойдя к двери, Гэндальф повернулся.

— Я тороплюсь, Пиппин, — сказал он. — Сделай мне одолжение. Раньше, чем ляжешь спать, если ты не слишком устал, разыщи Обгоняющего тень и посмотри, как его разместили.

Эти люди добры к животным, это хороший и мудрый народ, но у них мало искусства в обращении с лошадьми.

С этими словами Гэндальф вышел, в это время послышался чистый ясный звон с башни цитадели. Колокол ударил три раза — пришел третий час с восхода солнца.

Через минуту Пиппин вышел в дверь, спустился по лестнице и выглянул на улицу. Солнце сияло теперь тепло и ярко, башни и высокие дома отбрасывали на запад длинные и четкие тени. Высоко в голубом воздухе гора Миндолуин поднимала свой белый шлем и снежный плащ. Вооруженные люди проходили взад и вперед по улицам города: был час смены постов и дежурств.

— Мы в Уделе называем это девятым часом, — громко сказал самому себе Пиппин. — Как раз время для хорошего завтрака у открытого окна в веселом солнечном свете. Как мне хотелось бы позавтракать! Бывает ли у этих людей завтрак? И когда у них обед и где?

Вскоре он заметил человека, одетого в черное с белым, шедшего из центра цитадели по узкой улице к нему навстречу. Пиппин чувствовал себя одиноким и собирался заговорить, когда этот человек подойдет к нему, но в этом не было необходимости... Человек направлялся прямо к нему.

— Вы невысоклик Перегрин? — спросил он. — И мне сказали, что вы поклялись служить повелителю и городу. Добро пожаловать! — Он протянул руку, и Пиппин пожал ее. — Меня зовут Берегонд, сын Даранора, — сказал человек. — Сегодня утром я свободен, и меня послали к вам сообщить вам время и рассказать вам то, что вы пожелаете узнать. Со своей стороны, я хочу узнать о вас. Никогда раньше не видели мы в своей земле невысокликов, и хотя до нас доходили слухи о них, в наших сказаниях говорится о них очень мало. К тому же вы друг Митрандира. Вы хорошо знаете его?

— Ну, — ответил Пиппин, — я знаю его всю мою короткую жизнь; позже я далеко с ним путешествовал. Но в этой книге многое можно прочесть, и я не поклянусь, что сам прочел больше одной-двух страниц. Но я знаю его наверное так, как знают немногие. Я думаю, в нашем товариществе только Арагорн знает его по-настоящему.

— Арагорн? — спросил Берегонд. — А кто это?

— О, — заикаясь, сказал Пиппин, — это один человек, шедший с нами. Я думаю, что сейчас он в Рохане.

— Я слышал, вы были в Рохане. Я многое хотел бы узнать от вас и об этой земле: мы надеялись на этих людей. Но я забыл о своем поручении: вначале я сам должен ответить на ваши вопросы. Что вы хотели бы узнать, мастер Перегрин?

— Ну, — промолвил Пиппин, — сейчас меня больше всего интересует, как у вас насчет завтрака и все такое. Я хочу спросить, когда у вас время еды и где столовая. И есть ли гостиницы? Я смотрел, когда мы шли в цитадель, но ничего не увидел, хотя надеялся получить хотя бы глоток эля, когда окажусь в доме мудрых и вежливых людей.

Берегонд серьезно взглянул на него.

— Старый служака, я вижу, — сказал он. — Говорят, люди после долгих блужданий прежде всего думают о сне и питье: я сам не путешествовал, впрочем. Значит, вы еще сегодня не ели?

— Ну, если говорить вежливо, то как-то ел, — сказал Пиппин. — Но не больше чашки вина и одного-двух кусочков хлеба по доброте вашего повелителя.

Берегонд рассмеялся.

— У нас говорят, за столом и маленький человек может делать большие дела. Но вы получите еду, как и все люди в цитадели, и с большим почетом. Это крепость и башня стражи, и мы в состоянии войны. Мы встаем до восхода солнца, перехватываем чуть в предрассветных сумерках и отправляемся на выполнение своих обязанностей. Но не отчаивайтесь! — он снова

засмеялся, увидев, какое отчаяние на лице Пиппина. — Те, у кого тяжелые обязанности, получают для подкрепления кое-что в середине утра. Затем в полдень, или когда позволяют обязанности, у нас бывает завтрак; а потом люди собираются для дневной еды, а вечером у нас бывает веселье.

Идемте! Мы немного пройдемся, возьмем еды и поедем где-нибудь в укреплениях, любуясь прекрасным утром.

— Минутку! — сказал Пиппин, покраснев. — Голод заставил меня забыть. Но Гэндалф, Митрандир, как вы его называете, попросил меня отыскать его коня — Обгоняющего Тень — большую лошадь из Рохана и зеницу королевского глаза, как мне говорили, хотя король отдал его Митрандиру в благодарность за помощь. Я думаю, новый хозяин любит это животное больше, чем многих людей и если его добрая воля что-то значит для города, вы будете обращаться с Обгоняющим тень со всем почтением и с большим вниманием, чем обращаетесь с хоббитом, если это возможно.

— Хоббит? — переспросил Берегонд.

— Так мы называем себя, — пояснил Пиппин.

— Я рад узнать это, — сказал Берегонд, — потому что теперь могу утверждать, что странный акцент не искажает хорошую речь, а хоббиты — народ, который хорошо говорит. Но идемте! Вы должны познакомить меня с этим конем. Я люблю животных, но мы редко видим их в этом каменном городе: ведь мой народ пришел из горных долин, а еще раньше — из Итилиена. Но не бойтесь! Посещение будет коротким, простым визитом вежливости, а оттуда мы пойдем в кладовые.

Пиппин обнаружил, что Обгоняющего тень разместили хорошо и ухаживают за ним тоже неплохо. В шестом круге, вне стены цитадели, находились прекрасные конюшни, где содержались несколько быстрых лошадей, используемых вестниками Гондора — они всегда были готовы отправиться в путь по требованию Денетора или его капитанов. Но сейчас все лошади и всадники отсутствовали.

Обгоняющий тень заржал и повернул голову, когда Пиппин вошел в конюшню.

— Доброе утро! — сказал Пиппин. — Твой хозяин придет, как только сможет. Он занят, но посылает свои приветствия, а я должен посмотреть, все ли у тебя есть. Я надеюсь, ты отдохнешь после долгой работы.

Обгоняющий тень покачал головой и переступил с ноги на ногу. Он позволил Берегонду потрепать себя по шее.

— Он выглядит так, как будто его подготовили к бегам, а не как вынесший долгое путешествие, — сказал Берегонд. — Как он силен и горд! Где его упряжь? Она должна быть богатой и прекрасной.

— Никакая упряжь недостаточно богата и прекрасна для него, — ответил Пиппин. — И у него ее совсем нет. Если он согласен везти вас, то понесет без упряжи; а если не согласен, то ни удар, ни кнут, ни узда не заставят его. До свидания, Обгоняющий тень! Потерпи немного! Битва близка.

Обгоняющий тень поднял голову и заржал так, что задрожала вся конюшня; они закрыли уши. Потом они ушли, проверив, полны ли ясли.

— А теперь позаботимся о себе, — сказал Берегонд и повел Пиппина назад в цитадель, а там к двери в северной стороне большой башни. Здесь они спустились по длинной и холодной лестнице в широкий коридор, освещенный лампами. В стенах по обоим сторонам были двери, и одна из них открыта.

— Это кладовая моего отряда гвардии, — сказал Берегонд. — Приветствую, Таргон! — обратился он к кладовщику. — Еще рано, но здесь новичок, которого повелитель принял к себе

на службу. Он ехал долго и издалека с туго затянутым поясом, и к тому же у него была сегодня трудная работа, и он голоден. Дай нам, что у тебя есть!

Они взяли хлеб, масло, сыр и яблоки; те были из зимних запасов: сморщенные, но крепкие и сладкие; и кожаную фляжку с недавно приготовленным элем; а так же деревянные тарелки и чашки. Все это они сложили в плетеную корзину и снова поднялись на солнце; и Берегонд отвел Пиппина к месту на восточном конце большого выступающего укрепления, где в стене была амбразура с каменным сидением под нею. Отсюда они могли смотреть на утро над морем.

Они ели, пили и разговаривали о Гондоре, о его путях и обычаях, об Уделе и о странах, которые видел Пиппин. И пока они говорили, Берегонд смотрел на Пиппина все с большим удивлением; а хоббит сидел, скрестив ноги или встав на цыпочки, глядя в амбразуру.

— Не скрою от вас, мастер Перегрин, — сказал Берегонд, — что для нас вы выглядите, как один из наших детей, как мальчик примерно девяти лет; и однако вы испытали опасности и видели чудеса, как мало кто из наших седобородых, я думал, мысль принять вас на службу — просто каприз нашего повелителя: так, говорят, поступали некогда короли. Но теперь я вижу, что это не так, и прошу извинить меня за эту глупость.

— Извиняю вас, — сказал Пиппин. — Хотя вы не очень ошибаетесь. В представлении моего народа я немного старше мальчика, и пройдет еще четыре года, прежде чем я «приду в возраст», как говорят у нас в Уделе. Но не беспокойтесь обо мне. Расскажите лучше, что я вижу.

Солнце поднялось уже высоко, и туман в долине перед ними рассеялся. Последние из его ключев уплывали, как кусочки белых облаков, несомые крепнущим ветром с востока, который трепал флаги и белые вымпелы цитадели. В глубине долины, на пять лиг и больше, сколько хватало глаз, видна была серая и блестящая великая река, текущая с северо-запада, изгибающаяся к югу и снова к западу, пока не терялась из виду в дымке и мерцании в том направлении, где далеко в пятидесяти лигах лежало море.

Пиппин мог видеть под собой весь Пеленнор, усеянный фермами и маленькими стенами, амбарами и хлевами, но нигде не видно было коров или других животных. Множество дорог и троп пересекало зеленые поля, и на них видно было большое движение: из больших ворот рядами выезжали телеги; а время от времени к воротам подъезжали всадники, спрыгивали с седла и торопились в город. Но движение большей частью устремлялось по большой дороге прочь от города, к югу, где телеги поворачивали вслед за поворотом реки и скоро исчезали из виду. Дорога была широкой и мощеной, вдоль ее восточного края шла зеленая верховая дорожка, а за ней стена. По дорожке взад и вперед скакали всадники, но все пространство дороги было заполнено большими телегами, двигавшимися к югу. Вскоре Пиппин заметил, что движение хорошо организовано, телеги двигались в три линии: в первой их быстро тащили лошади; в другой большие тяжелые фургоны медленно тащили быки; а вдоль западного края дороги двигалось множество маленьких тележек, которые толкали люди.

— Это дорога к долинам Тумладен и Лоссарнак и к горным поселкам, а дальше в Лебеннин, — сказал Берегонд. — Туда движутся последние телеги, которые увозят в убежища престарелых, детей и женщин, которые должны идти с ними. Все они должны выехать из ворот и дорога должна быть очищена на лигу до полудня — таков приказ. Печальная необходимость. — Он вздохнул. — Мало, может быть, из разлучившихся снова встретятся. В нашем городе всегда было слишком мало детей; теперь их совсем нет — лишь несколько мальчиков не уехали; для них найдется дело. Среди них и мой сын.

Они немного помолчали. Пиппин с беспокойством посмотрел на восток, как будто в любой момент ожидал увидеть тысячи орков, движущихся по полям.

— Что я там вижу? — спросил он, указывая на середину большого изгиба Андуина. — Это что, другой город или?..

— Это был город, — сказал Берегонд, — был главный город Гондора, и это была лишь его крепость. Это развалины Осгилиата по обе стороны Андуйна, который много лет назад захватили и сожгли наши враги. В дни юности Денетора мы отбили его — не для того, чтобы жить в нем, а как передовой пост. Мы восстановили мосты, чтобы могла пройти наша армия. А потом пришли свирепые всадники из Минас Моргула.

— Черные всадники! — спросил Пиппин, широко раскрыв глаза, в которых светился воскрешенный страх.

— Да они были черные, — сказал Берегонд, — и я вижу, что вы кое-что знаете о них, хотя ни разу о них не говорили.

— Я о них знаю, — тихо сказал Пиппин, — но я не могу говорить о них теперь, находясь так близко... Так близко... — Он замолчал, посмотрев за реку, и ему показалось, что он видит там обширную угрожающую тень. Возможно, это были горы, маячившие на краю поля зрения, чьи резкие края смягчались вуалью двадцати лиг туманного воздуха, а может, всего лишь облако. Но даже пока Пиппин смотрел туда, ему показалось, что тьма растет и собирается, очень медленно, медленно поглощая области, освещенные солнцем.

— Так близко к Мордору? — спокойно спросил Берегонд. — Да, он лежит там. Мы редко называем его; но мы всегда жили на краю его тени; иногда она кажется слабее и отдаленнее, иногда ближе и темнее. Сейчас она растет и темнеет; поэтому растет и наш страх и беспокойство. И свирепые всадники меньше года назад снова захватили броды, и много наших лучших людей убито было там. Боромиру в конце концов удалось отбить у врагов этот, западный берег, и мы все еще удерживаем эту половину Осгилиата. Но сейчас мы ждем там нового нападения. Может быть, главного нападения надвигающейся войны.

— Когда? — спросил Пиппин. — У вас есть предположения? Прошлой ночью я видел маяки и скачущих всадников, а Гэндальф сказал, что это означает начало войны. И он отчаянно торопился. А теперь все кажется снова медленным.

— Только потому что все уже готово, — пояснил Берегонд. — Это как глубокий вздох перед прыжком в воду.

— Но почему горели маяки прошлой ночью?

— Слишком поздно посылать за помощью, когда тебя уже осаждают, — ответил Берегонд. — Но я не знаю решения повелителя и его капитанов. У них много путей для сбора информации. А повелитель Денетор на других людей не похож: он видит далеко. Некоторые говорят, что когда ночью он сидит один в своем высоком кабинете в башне и напрягает свои мысли, он может увидеть будущее: и что иногда он даже испытывает мозг самого Врага, борясь с ним. И поэтому он там стар, слишком стар для своего возраста. А мой повелитель Фарамир сейчас за рекой выполняет какое-то опасное поручение; может, он прислал вестника.

Но если хотите знать, что я подумал, когда увидел горящие маяки, то это вчерашние новости из Лебеннина. Большой флот пиратов из Умбара далеко на юге подошел к устью Андуйна. Они всегда опасались могущества Гондора, заключили союз с врагом и теперь готовы нанести тяжелый удар в помощь ему. Потому что этот удар отвлечет силы Лебеннина и Белфаласа, чей народ и храбр и многочислен. Поэтому сейчас наши мысли устремлены к северу, к Рохану: тем более радуемся мы привезенной вами новости и победе.

И однако, — он замолчал, встал и посмотрел на север, восток и юг, — события в Изенгарде предупреждают нас о том, что мы пойманы в большую сеть. Это уже не перебранка у бродов, не набеги на Итилиен или от Анориена, не засады и грабежи. Это большая, тщательно и давно планируемая война и мы лишь один ее участок, что бы ни говорила наша гордость. Сообщают, что пришел в движение далекий восток, за внутренним морем, и север, за Чернолесьем, и юг, в Хараде. Теперь все государства подвергаются испытанию — выстоят они или же упадут перед

тенью.

Однако, мастер Перегрин, у нас особая честь — мы должны нанести главный удар ненависти Повелителя Тьмы, потому что эта ненависть идет из глубины времени и из глубины моря. Сюда падет главный удар молота. Именно поэтому сюда спешно прибыл Митрандир. Ибо, если мы падём, кто тогда устоит? Надеетесь ли вы, мастер Перегрин, что мы устоим?

Пиппин не отвечал. Он смотрел на могучие стены, на башни и знамена, на солнце в высоком небе, а потом на собирающуюся Тьму на востоке: и думал он о длинных руках Тьмы: об орках в лесах и горах, о предательстве Изенгарда, о птицах со злыми глазами и о черных всадниках, пробиравшихся даже на дороги Удела — и о крылатом ужасе, о назгулах. Он вздрогнул, надежда увяла. И в тот же момент лучи солнца ослабели, какая-то темная крылатая фигура на мгновение затмила солнце. Почти на пороге слышимости долетел до него с неба высокий и далекий крик, слабый, но леденящий сердце, жестокий и холодный. Он побледнел и укрылся за стеной.

— Что это было? — спросил Берегонд. — Вы тоже что-то почувствовали?

— Да, — пробормотал Пиппин. — Это знак нашего падения, тень судьбы, это свирепый всадник в воздухе.

— Да, тень судьбы, — сказал Берегонд. — Боюсь, что Минас Тирит падет. Ночь надвигается. Все тепло моей крови, кажется, ушло.

Некоторое время они сидели со склоненными головами и не разговаривали. Потом Пиппин поднял голову и увидел, что солнце по-прежнему сияет, и знамена развеваются по ветру. Он встряхнулся.

— Прошло, — сказал он. — Нет, сердце мое еще не впало в отчаяние. Гэндальф пал и однако вернулся, он с нами. Мы можем выстоять, хотя бы и на одной ноге.

— Хорошо сказано! — воскликнул Берегонд, вставая и прохаживаясь взад и вперед. — Ну нет, пусть даже все зло мира соберется здесь, Гондор не исчезнет. Врагу придется оставить горы трупов перед нашими стенами, прежде чем он возьмет их. А есть и другие крепости и тайные ходы в горах. Надежда и память сохраняются в скрытых долинах, где зеленеет трава.

— Я хотел бы, чтобы все уже кончилось, — сказал Пиппин. — Я не воин, и самая мысль о битве мне не приятна: но ждать на краю, когда знаешь, что нельзя спастись, хуже всего. Какой долгий день! Мне было бы легче, если бы я не должен был стоять и ждать, не имея возможности ударить первым.

— Ах, вы коснулись раны, которую ощущают многие, — сказал Берегонд. — Но дела могут измениться, когда вернется Фарамир. Он отважен, более отважен, чем считают многие: в наши дни люди не склонны верить, что капитан может быть мудр и знаком со свитками и сказаниями, как он, и в то же время быть смелым человеком, умеющим принимать быстрые решения в поле. Таков Фарамир. Менее суровый и горячий, чем Боромир, но не менее решительный. Но что может он сделать? Мы не можем напасть на горы... того королевства. У нас коротки руки, и мы не можем ударить, пока враг не приблизится к нам. Тогда наша рука будет тяжелой!

Он сжал рукоять меча.

Пиппин посмотрел на него: высокий, гордый и благородный, как все люди этой земли: при мысли о битве глаза его загорелись. «Увы, моя собственная рука легка, как перо, — подумал он, но ничего не сказал. — Пешка, как сказал Гэндальф? Возможно. Но на неверной шахматной доске».

Так они разговаривали, пока солнце не поднялось высоко; неожиданно прозвенели полуденные колокола, в цитадели началось движение: все, кроме часовых, шли обедать.

— Пойдемте со мной? — спросил Берегонд. — На сегодня вы можете присоединиться к моему отряду. Я не знаю, в какой отряд вас назначат — повелитель может оставить вас при себе

для поручений. Но вас встретят с радостью. И вам лучше познакомиться с многими людьми, пока еще есть время.

— Я пойду с радостью, — сказал Пиппин. — Я одинок, по правде говоря. Лучший мой друг остался в Рохане, и мне не с кем поговорить и пошутить. Может, я и на самом деле присоединюсь к вашему отряду. Вы его капитан? Если так, возьмите меня или замолвите за меня слово.

— Нет, нет, — засмеялся Берегонд, — я не капитан. Я всего лишь простой солдат третьего отряда цитадели. И однако, мастер Перегрин, быть даже простым солдатом гвардии башни Гондора очень почетно, и такие люди пользуются большим уважением в нашей земле.

— Тогда это не для меня, — сказал Пиппин. — Отведите меня в нашу комнату, и если Гэндальфа там нет, я пойду с вами — как ваш гость.

Гэндальфа не было, и никаких сообщений он не присылал; поэтому Пиппин пошел с Берегондом и познакомился с людьми третьего отряда. По-видимому, Берегонд пользовался большим уважением в отряде, потому что Пиппина приняли хорошо. В цитадели было много разговоров о товарище Митрандира и его долгом разговоре с повелителем. Ходили слухи, что с севера прибыл принц невысоклик, чтобы предложить Гондору союз и пять тысяч мечей. Говорили также, что когда придут всадники Рохана, каждый привезет за собой невысоклика, может и маленького, но отважного.

Хотя Пиппин с сожалением опроверг все эти обнадеживающие разговоры, он не мог объяснить свою новую службу только прежней дружбой с Боромиром; они поблагодарили его за посещение, слушали его рассказы о чужих землях и дали ему столько еды и эля, сколько он захотел. Единственной заботой Пиппина было сохранить «осторожность», как посоветовал ему Гэндальф, и не позволить своему языку свободно болтать, как обычно поступают хоббиты среди друзей.

Наконец Берегонд встал.

— Я с вами прощаюсь на время, — сказал он. — До захода солнца мне нужно выполнить свои обязанности; остальные тоже будут заняты, я думаю. Но если вы чувствуете себя одиноко, как вы сказали, может вам нужен веселый проводник по городу. Мой сын с радостью пойдет с вами. Он хороший парень. Если хотите, отправляйтесь в Нижний Круг, спросите старую гостиницу и Рат Келердайн на улице Ламповщиков. Там вы найдете его вместе с другими подростками, оставшимися в городе. У больших ворот должны произойти события, достойные того, чтобы их увидеть.

Он вышел, и вскоре за ним последовали и остальные. День по-прежнему был хорош, но воздух подернулся дымкой; для марта, даже так далеко на юге, было слишком жарко. Пиппин чувствовал сонливость, но в комнате оставаться ему не хотелось, и он решил погулять по городу. Он захватил с собой несколько кусочков для Обгоняющего тень, которые были с благодарностью приняты, хотя лошадь ни в чем не испытывала недостатка. Потом Пиппин пошел вниз по многим извивающимся улицам.

Люди смотрели на него, когда он проходил мимо. Перед его взглядом люди были серьезно вежливы, приветствуя его по обычаю Гондора со склоненными головами и руками прижатыми к груди; но за собой он слышал множество возгласов: с улицы кричали тем, кто оставался в домах, чтобы те вышли и посмотрели на принца невысоклик, товарища Митрандира. Многие говорили на общем языке, но вскоре Пиппин догадался о значении слов Эркил и Фарнакиат и понял, что так называют в городе его.

Наконец по узким улицам, многим перекрестным дорогам он пришел в самый нижний и самый широкий круг; здесь ему показали широкую улицу ламповщиков, ведущую прямо к большим воротам. Здесь он отыскал старую гостиницу — большое здание из серого

обветренного камня с двумя крыльями уходящими от улицы; между ними находилась узкая лужайка, а за ней дом со множеством окон; вдоль всего дома тянулась колоннада, а к траве сбегала широкая лестница. Среди колонн играли мальчики — единственные дети, которых увидел Пиппин в Минас Тирите, и он остановился, чтобы посмотреть на них. Вскоре один из них его увидел и с криком побежал по траве к улице, сопровождаемый несколькими другими. Он остановился перед Пиппином, разглядывая его с ног до головы.

— Здравствуйте! — сказал мальчик. — Откуда вы? Вы не житель города.

— Не был таковым, — ответил Пиппин, — но теперь я, говорят, стал человеком Гондора.

— О, мы все люди Гондора! — заявил мальчик. — Но сколько вам лет и как вас зовут? Мне уже десять лет, и скоро я буду пять футов ростом. Я выше вас. А отец мой в гвардии, он один из самых высоких там. А кто ваш отец?

— На какой вопрос отвечать сначала? — спросил Пиппин. — Мой отец обрабатывает землю вокруг Битвелла вблизи Танбора в Уделе. Мне скоро будет двадцать девять лет, так что я тебя обогнал; хотя во мне четыре фута, я вряд ли вырасту больше, разве что в стороны.

— Двадцать девять! — удивился мальчик и присвистнул. — Ну, вы совсем старик! Старше моего дяди Парласа. Но, — добавил он с надеждой, — держу пари, что я могу поставить вас на голову или уложить на спину.

— Может быть, и сможешь, если я позволю, — сказал Пиппин со смехом. — А может я то же самое сделаю с тобой: мы в нашей маленькой стране знаем кое-какие хитрые приемы. Позволь тебе сказать, что я считаю себя большим и сильным, и что никогда и никому не позволял ставить себя на голову. Так что, если понадобится сопротивляться и ничто другое не сможет помочь мне, придется мне тебя убить. Став постарше, ты узнаешь, что не следует судить только по внешности; и хотя ты принял меня за незнакомого слабого мальчишку и легкую добычу, позволь предупредить тебя; я не мальчишка, я невысоклик, жестокий, свирепый и злобный! — Пиппин соорудил такое свирепое лицо, что мальчишка отступил на шаг, но тут же вернулся со сжатыми кулаками и огнем в глазах.

— Нет! — засмеялся Пиппин. — Не верь всему, что говорит о себе чужеземец! Я не борец. Но с твоей стороны было бы вежливее перед дракой назвать себя.

Мальчик гордо ответил:

— Я Бергил, сын Берегонда из гвардии.

— Так я и думал, — сказал Пиппин, — потому что ты похож на отца. Я знаю его, и он послал меня к тебе.

— Почему же вы не сказали этого сразу? — спросил Бергил и неожиданно отчаяние появилось на его лице. — Не говорите мне, что он изменил свое намерение и отправляет меня с девочками! Но нет... Последние телеги уже ушли.

— Его послание менее дурное, — проговорил Пиппин. — Он говорит, что если ты откажешься от мысли поставить меня на голову, то можешь показать мне город и скрасить мое одиночество. А я в уплату расскажу тебе кое-что о других странах.

Бергил захлопал в ладоши и с облегчением рассмеялся.

— Хорошо! — воскликнул он. — Идемте! Пойдем к воротам.

— А что там происходит?

— Ждут до захода солнца капитанов с юга. Пойдемте с нами, и вы увидите.

Бергил оказался хорошим компаньоном, и лучшего у Пиппина не было со времени расставания с Мерри, и вскоре они смеялись и весело разговаривали, идя по улице и не обращая внимания на взгляды встречающих.

Вскоре они оказались в толпе, идущей к большим воротам. Здесь Пиппин сильно поднялся во мнении Бергила, потому что когда тот назвал свое имя и пароль, охранник отсалютовал и

пропустил его; больше того, он позволил Пиппину взять с собой своего спутника.

— Это хорошо! — сказал Бергил. — Мальчишкам больше не разрешается выходить за ворота без старших. Здесь нам будет лучше видно.

За воротами вокруг большой мощеной площади, где сходились все дороги, ведущие в Минас Тирит, стояла большая толпа. Глаза всех были устремлены на юг, и вскоре поднялся гул.

— Там пыль! Они идут!

Пиппин и Бергил пробрались в передний ряд и ждали. В удалении звучали рога, гул приветствий приближался к ним, как бы гонимый ветром. Послышались громкие звуки труб, и все люди вокруг них закричали.

— Фарланг! Фарланг! — услышал Пиппин голоса и спросил:

— Что они говорят?

— Идет Фарланг, — ответил Бергил, — старый толстый Фарланг, повелитель Лоссарнаха. Там живет мой дед. Ура! Вон он! Добрый старый Фарланг.

Впереди отряда двигалась большая, с толстыми ногами, лошадь, а на ней сидел необыкновенной толщины человек, с широкими плечами, старый, седобородый, однако одетый в кольчугу, черный шлем и вооруженный длинным тяжелым копьем. За ним гордо маршировала пыльная линия людей, хорошо вооруженных и несущих большие боевые топоры: у них были угрюмые лица, они были ниже и смуглей людей Гондора.

— Фарланг! — кричали встречавшие. — Правдивое сердце, истинный друг!

Но когда люди Лоссарнаха прошли, послышалось бормотание:

— Так мало! Всего две сотни. Мы надеялись, что придет в десять раз больше. Это новое известие о черном флоте. Они смогли уделить лишь десятую часть своей силы.

Так проходили отряды, их встречали приветственными криками, в ворота проходили жители областей, пришедшие защищать столицу Гондора в темный час; но их было весьма мало, гораздо меньше, чем надеялись горожане, меньше чем требовалось. Люди из долины Рингло шли пешком за своим повелителем Дерворина — триста человек. С нагорий Мортонда, из долины Блекрут высокий Дуинхир со своими сыновьями и пятью сотнями лучников. Из Анфаласа, с далекого Лонготренда длинная цепочка людей самого разного вида: охотники и пастухи, жители маленьких деревушек, плохо вооруженные, за исключением отряда Роларшида, их предводителя. Из Ламедена несколько угрюмых горцев без предводителя. Рыбаки из Этира, несколько сотен снятых с судов моряков, Кирлуин прекрасный с зеленых холмов от Пиннет Голина с тремя сотнями нарядных, одетых в зеленое людей. И последний и самый гордый Имрахил, принц Дол Амрота, родственник повелителя Гондора, с золочеными знаменами с изображением корабля и серебряного лебедя, с отрядом рыцарей в полном вооружении на серых лошадях; а за ними семьсот вооруженных воинов: высоких, сероглазых и темноволосых.

И это было все, меньше трех тысяч. Больше некому было приходиться. Крики и топот затихли в городе. Зрители некоторое время стояли молча. Пыль висела в воздухе, потому что ветер затих и вечер был тяжел. Приближался час закрытия ворот. Красное солнце заходило за Миндолуин. Тень накрыла город.

Пиппин взглянул вверх, и ему показалось, что небо стало пепельно-серым, как будто над ними нависло огромное облако пыли и дыма, и посылало столбы пламени, и теперь Миндолуин казался черным на фоне костра с пылающими углями.

— Так в гневе кончается прекрасный из дней! — сказал Пиппин, забыв о мальчике.

— Так и будет, если я не вернусь до вечернего колокола, — сказал Бергил. — Идемте? Сейчас прозвучит труба закрытия ворот.

Рука об руку они прошли в город последними перед закрытием ворот, и когда они достигли улицы ламповщиков, торжественно зазвонили. В окнах появились огни, а из домов и из казарм

донеслись звуки песен.

— До свидания на сегодня, — сказал Бергил. — Передайте привет моему отцу и поблагодарите за посланного им товарища. И завтра приходите снова. Я бы хотел, чтобы не было войны: тогда бы мы смогли весело провести время. Мы поехали бы в Лоссарнак в дом моего деда: там так хорошо весной, когда поля и леса полны цветов. Но может быть, мы еще побываем там вместе. Нашего повелителя никому не победить, а мой отец очень храбр. До свидания и возвращайтесь!

Они расстались, и Пиппин заторопился в цитадель. Путь казался ему длинным, он вспотел и чувствовал сильный голод; быстро стемнело. Ни одной звезды не было видно в небе. Берегонд с радостью встретил Пиппина, усадил его рядом и принялся расспрашивать о сыне. После еды Пиппин оставался недолго, ему захотелось увидеть Гэндальфа.

— Вы найдете дорогу? — спросил Берегонд, стоя у выхода из маленького зала в северной части цитадели, где они сидели. — Ночь темная, к тому же приказано закрыть все огни в городе. Относительно вас получено распоряжение: завтра утром вас вызывают к повелителю Денетору. Боюсь, что вам не служить в третьем отряде. Но я надеюсь на встречи. До свидания и спите спокойно!

Комната была темна, только на столе горела маленькая лампадка. Гэндальфа не было. Пиппин чувствовал беспокойство. Он взобрался на скамью и попытался смотреть в окно, но это было все равно, что смотреть в бассейн с чернилами. Он слез со скамьи, закрыл ставни и лег в постель. Он некоторое время лежал, прислушиваясь, не возвращается ли Гэндальф, потом уснул беспокойным сном.

Он проснулся ночью и увидел Гэндальфа, расхаживающего взад и вперед по комнате. На столе стояли свечи и лежали свитки пергамента. Пиппин слышал, как колдун вздохнул и пробормотал:

— Когда же вернется Фарамир?..

— Привет! — сказал Пиппин, высовывая голову из-за занавеса. — Я думал вы совсем забыли обо мне. Рад видеть вас снова. День был очень длинным.

— Но ночь будет слишком короткой! — сказал Гэндальф. — Я вернулся сюда, потому что должен немного побыть в одиночестве. Спи, пока можешь. На восходе солнца я отведу тебя к Денетору. Нет, когда придет вызов, а не когда взойдет солнце. Тьма началась. Рассвета не будет.

2. ПОХОД СЕРОГО ОТРЯДА

Гэндальф ускакал, топот Обгоняющего Тень затих в ночи, когда Мерри вернулся к Арагорну. У него было с собой немного вещей, потому что он оставил свой мешок в Порт Галене и теперь у него было лишь несколько предметов, подобранных в разрушенном Изенгарде. Хасуфель была уже оседлана. Леголас и Гимли со своей лошастью стояли рядом.

— Итак, нас осталось еще четверо из нашего товарищества, — сказал Арагорн. — Мы поедем вместе. Но я думаю, мы будем не одни. Король решил выступить немедленно. Со времени появления крылатой тени он хочет двигаться к горам под покровом ночи.

— А потом куда? — спросил Леголас.

— Не могу еще сказать, — ответил Арагорн. — Что касается короля, то он отправится на сбор, назначенный им в Эдорасе через четыре ночи. Там, я думаю, он выслушает новости о войне, и всадники Рохана отправятся в Минас Тирит. Что же касается меня и тех, кто захочет идти со мной...

— Я захочу! — воскликнул Леголас.

— И Гимли тоже! — сказал гном.

— Да, что касается меня, — продолжал Арагорн, — то путь мой темен. Я тоже должен явиться в Минас Тирит, но каким путем, не знаю еще. Приближается давно ожидавшийся час.

— Не оставляйте меня, — сказал Мерри. — Я был не очень полезен, но не хочу быть отброшенным в сторону, как ненужный багаж. Не думаю, чтобы всадники захотели беспокоиться обо мне. Хотя, конечно, король сказал, что я буду сидеть с ним рядом и рассказывать об Уделе, когда он вернется домой.

— Да, — согласился Арагорн, — я думаю, Мерри, ваша дорога с нами. Но не ждите веселья в конце пути. Много времени пройдет, прежде чем Теоден спокойно сядет в Медусельде. Много надежд развеет эта горькая весна.

Скоро все было готово к отправлению: 24 всадника, причем Гимли сидел за Леголасом и Мерри — перед Арагорном. Вскоре они быстро ехали через ночь. Они приблизились к бродам через Изен, когда сзади прискакал всадник.

— Повелитель, — сказал он, обращаясь к королю — за нами всадники. Мне показалось, что я слышу их немного раньше, а теперь мы в этом уверены. Они догоняют нас.

Теоден немедленно приказал остановиться. Всадники развернулись и приготовили копья. Арагорн спешил, опустил Мерри на землю и, обнажив меч, встал у стремени короля. Эомер со своим оруженосцем отъехал в тыл. Мерри сильнее, чем раньше, чувствовал себя ненужным багажом и размышлял, что же ему делать в случае схватки. Предположим маленький отряд короля попал в засаду, а ему удастся скрыться в темноте — что он будет делать один в диких полях Рохана без всякого представления о том, где он среди этих бесконечных миль? Плохо! — подумал он, вытащил меч и потуже затянул пояс.

Ущербная луна, закрытая небольшим плывущим облаком, снова стала видна, вокруг посветлело. Теперь все слышали топот копыт и в тот же момент увидели темные фигуры, быстро приближавшиеся к ним от бродов. Лунный свет блестел на остриях копий. Число преследователей определить было трудно, но казалось, что их по крайней мере не меньше, чем всадников короля.

Когда они находились в пятидесяти шагах, Эомер громко крикнул:

— Стойте! Кто скачет в Рохан?

Преследователи остановились. Наступило молчание. В лунном свете было видно, как один из всадников спешил и неторопливо пошел вперед. Руки его казались белыми, когда он

протянул их ладонями вверх в знак мира. Но люди короля приготовили оружие. В десяти шагах человек остановился. Он был высок, темная стоящая фигура. Послышался его ясный голос.

— Рохан? Вы сказали Рохан? Это радостное слово. Мы торопимся издалека и ищем эту землю.

— Вы нашли ее, — сказал Эомер. — Когда вы перешли через броды, выступили в Рохан. Это королевство короля Теодена. Никто не смеет ездить тут без его разрешения. Кто вы? И почему торопитесь?

— Я дунадан Хальбарад, Следопыт с севера, — ответил человек. — Мы ищем Арагорна, сына Арахорна, и слышали, что он в Рохане.

— Вы нашли его! — воскликнул Арагорн и передав поводья Мерри, он побежал вперед, обняв прибывшего. — Хальбарад! — Сказал он. — Из всех радостей — эта самая неожиданная.

Мерри вздохнул с облегчением. Он решил было, что это последняя уловка Сарумана, чтобы подстеречь короля, когда его охраняют лишь несколько человек, но, по-видимому, не будет необходимо умереть, защищая Теодена. Он вложил меч в ножны.

— Все в порядке, — сказал Арагорн оборачиваясь. — Это мои товарищи из далекой страны, где я живу. Хальбарад расскажет нам, сколько их и почему они прибыли.

— Со мной тридцать человек, — сказал Хальбарад. — Это все, что мы сумели собрать в спешке, с нами братья Элладан и Элрогир. Мы скакали быстро, получив ваш вызов.

— Но я не вызывал вас, — сказал Арагорн, — разве что мысленно. Я часто думал о вас, но не посылал ни слова. Но все это может ждать! Вы нашли нас в спешке и опасности. Поезжайте с нами, если король позволит.

Теоден обрадовался новости.

— Хорошо, — сказал он. — Если ваши товарищи хоть немного сходны с вами, мой Арагорн, тридцать таких рыцарей представляют силу, которую нельзя измерить числом голов.

Всадники снова пустились в путь, и Арагорн некоторое время ехал с дунаданцами. И когда они поговорили о новостях на севере и юге, Элрогир сказал ему:

— Я привез вам слово моего отца: дни коротки. В спешке не забудь о тропах смерти.

— Да, слишком короткими кажутся мне дни, чтобы выполнить желанное, — ответил Арагорн. — И велика будет моя спешка, если я вступлю на эту тропу.

— Это мы скоро увидим, — сказал Элрогир. — Но не будем больше говорить о таких вещах на открытой дороге.

И Арагорн сказал Хальбараду:

— Что это вы несете с собой, родич?

Он увидел, что вместо копья Хальбарад с собой несет высокий шест, похожий на знамя, но крепко обвязанный черным полотном.

— Это дал, который я привез вам от госпожи Раздола, — ответил Хальбарад. — Она делала его в тайне, и долго длилась ее работа. Она тоже послала вам слова: дни теперь коротки. Либо осуществится наша надежда, либо придет конец всякой надежде. Я шлю тебе то, что изготовила для тебя. Доброго пути, эльфийский камень!

И Арагорн сказал:

— Теперь я знаю, что вы несете. Несите для меня это еще некоторое время.

Повернувшись, он посмотрел на север под большими звездами и всю остальную часть пути был молчалив и задумчив.

Ночь подходила к концу, и восток светлел, когда они миновали долину глубокую и подъехали к Хорнбургу. Здесь они решили немного отдохнуть и посоветоваться.

Мерри спал, пока его не разбудили Леголас и Гимли.

— Солнце высоко, — сказал Леголас. — Все уже встали и занялись делом. Идемте, мастер

лентяй, посмотрите на это место, пока есть возможность.

— Три ночи назад здесь была битва, добавил Гимли, — и мы с Леголасом играли тут в игру, в которой я выиграл лишь одного орка. Пойдемте посмотрим, как это было! А какие здесь удивительные пещеры, мой Мерри! Как вы думаете, Леголас, мы сможем в них попасть?

— Нет! Сейчас не время, — сказал эльф. — Не нужно торопиться, когда наслаждаешься. Я дал слово вернуться сюда вместе с вами, если снова наступят дни мира и свободы. Но сейчас скоро полдень, мы поедем и снова поедем, как я думаю и как я слышал.

Мерри встал и звонко зевнул. Несколько часов сна было мало для него: он чувствовал себя усталым и несчастным. Он потерял Пиппина и считал себя багажом, а вокруг все готовились к делам, которых он не понимал.

— Где Арагорн? — спросил он.

— В высоком кабинете Бруга, — сказал Леголас. — Я думаю, он совсем не спал и не отдыхал. Он ушел туда несколько часов назад, сказав, что должен подумать, и только его родич Хальбарад пошел с ним: мне показалось, что Арагорн чем-то обеспокоен.

— Какие необычные эти вновь прибывшие, — сказал Гимли. — Сильные люди и величественные; всадники Рохана кажутся рядом с ними мальчишками; их суровые лица кажутся высеченными из скалы, да и у Арагорна такое же лицо. И они так молчаливы.

— Но когда они нарушают молчание, они вежливы, как и Арагорн, — сказал Леголас. — А вы заметили братьев Элладана и Элрогира. Они прекрасны, как эльфийские принцы. Неудивительно: ведь они сыновья Элронда из Раздола.

— Почему они пришли? Вы не слышали? — спросил Мерри. Он набросил свой серый плащ, и втроем они пошли к разрушенным воротам Бруга.

— Они отвечали на вызов, как мы слышали уже, — сказал Гимли. — Они сказали, что в Раздол пришла весть: Арагорн нуждается в своих родичах. Пусть дунаданцы скачут к нему в Рохан. Но теперь они сомневаются, кто послал этот вызов. Вероятно, Гэндальф.

— Нет, Галадриэль, — сказал Леголас. — И разве она не передала через Гэндальфа о приезде серого отряда с севера?

— Да, вы правы, — сказал Гимли. — Госпожа леса! Она читает много сердец и желаний. А почему бы и нам не подумать о наших родичах, Леголас?

Леголас стоял у ворот, устремив свои глаза на север и на восток, его прекрасное лицо было встревожено.

— Не думаю, чтобы они пришли, — ответил Леголас. — Им не нужно искать войну: война уже движется на их земли.

Некоторое время три товарища шли вместе разговаривая о новостях. Миновав ворота, они прошли мимо могильной насыпи на земляном поле у дороги и оказались у входа в пропасть Хэлма. Отчетливо видны были следы деятельности хуорнов. Люди Дунленда и много жителей Бруга работали в крепости, на полях и на обвалившихся стенах, но все казалось необыкновенно спокойным — усталая долина отдыхала после сильной бури. Скоро они повернули назад и пошли обедать в зал Бруга.

Король тоже был здесь, и как только они вошли, он подозвал Мерри и усадил его рядом с собой.

— Не совсем то, что я хотел, — сказал Теоден, — этот зал похож на мой, но еще не скоро, вероятно, мы с вами сможем посидеть за высоким столом в Медусельде; и когда я вернусь туда, не будет времени для пиров. А сейчас ешьте и пейте, и давайте поговорим, пока есть возможность. А потом вы поедете со мной.

Мерри был удивлен и обрадован.

— Это будет прекрасно! — он никогда не был столь благодарен за добрые слова более

этого. — И, боюсь, я не похож на сильных людей, — запинаясь заговорил он, — но я хотел бы сделать все, что могу.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал король. — Я приказал приготовить для вас хорошего горного пони. Он понесет вас так же быстро, как лошадь. Потому что из Бруга мы двинемся горными тропами, а не равниной, и прибудем в Эдорас через Дунхарроу, где меня ждет леди Эовин. Вы будете моим оруженосцем, если хотите. Есть ли здесь доспехи, Эомер, пригодные для оруженосца?

— Здесь нет больших запасов, повелитель, — ответил Эомер. — Может, мы подберем для него легкий шлем, но кольчуги и меча, подходящих ему по размеру, нет.

— У меня есть меч, — сказал Мерри, вставая и извлекая свой маленький яркий меч. Полный любви к этому старику, он преклонил колено, взял руку короля и поцеловал. — Могу я положить меч Мериадока из Удела у ваших ног, король Теоден? — Воскликнул он. — Примите мою службу?

— С радостью принимаю ее, — сказал король и, положив свои длинные старые руки на каштановые волосы хоббита, он благословил его. — Встаньте, Мериадок, роханский оруженосец гвардии Медусельда! — сказал он. — И возьмите свой меч и пусть он верно служит вам.

— Вы для меня как отец, — сказал Мерри.

— К сожалению, ненадолго, — ответил Теоден.

Они поговорили во время еды, потом заговорил Эомер.

— Близок час, когда мы должны выступить, повелитель, — сказал он. — Могу я приказать трубить в рога? Но где же Арагорн? Место его пусто, и он не ел.

— Пусть все будет готово к выходу, — проговорил Теоден, — и пошлите сказать Арагорну, что час пробил.

Король со своей стражей и с Мерри вышел из ворот Бруга туда, где на зеленой траве собирались всадники. Здесь их было уже много. Выступал большой отряд: король оставлял в Хорнбурге лишь маленький гарнизон, и все, кто мог носить оружие, отправлялись с ним в Эдорас. Около тысячи копий готово было двинуться в Эдорас; более пятисот человек должно было идти с королем — по большей части люди с полей и долин Вестфолда.

Немного в стороне в строгом порядке стояли следопыты, молчаливые, вооруженные копьями, луками и мечами. Они были одеты в темно-серые плащи, капюшоны которых были накинuty на шлемы и головы. Лошади их были сильны, с гордой повадкой и грубой шерстью. Одна из них стояла без всадника. Это была лошадь самого Арагорна, пришедшая с севера; звали ее Рохарин. В одежде и оружии Следопытов не было драгоценностей или золота, не было красивых вещей, у всадников не было никаких значков или символов, только плащ каждого из них был заколот на левом плече серебряной брошью в виде лучистой звезды.

Король сел на свою лошадь — Снежную Гриву, а Мерри — на пони по кличке Стибба. Вскоре из ворот вышел Эомер; с ним шли Арагорн, Хальбарад, несущий завернутый в черное жезл, и два высоких человека, не старых и не молодых. Сыновья Элронда были так похожи друг на друга, что немногие могли их различать: темноволосые, сероглазые, с прекрасными, как у эльфов, лицами, одинаково одетые в яркие кольчуги под серебряно-серыми плащами. За ними шли Леголас и Гимли. Но Мерри смотрел только на Арагорна, пораженный происшедшей в нем переменой. За одну ночь как будто много лет легло на его голову. Лицо у Арагорна было угрюмое, серое и усталое.

— Я обеспокоен, повелитель, — сказал он, останавливаясь возле лошади короля. — Я слышал странные слова и видел новые далекие опасности. Всю ночь провел я в размышлениях и, боюсь, теперь изменил свой план. Скажите мне, Теоден, скоро ли вы достигните Дунхарроу?

— Сейчас час после полудня, — сказал Теоден. — К концу третьего дня мы придем в

крепость. Луна будет на одну ночь, старше полнолуния, и через день должен состояться назначенный мною сбор. Если мы хотим собрать силы Рохана, то быстрее мы не сможем двигаться.

Арагорн промолчал.

— Три дня, — пробормотал он, — и сбор Рохана лишь начнется. Но я вижу, что быстрее невозможно. — Он посмотрел вверх; было похоже, что он принял решение, лицо его стало спокойнее. — Тогда с вашего позволения, повелитель, я должен посоветоваться со своими родичами. Мы поедем собственной дорогой и больше не будем скрываться. Для меня время скрытности миновало. Я поеду скорейшим путем и пройду тропами смерти.

— Тропы смерти! — воскликнул Теоден и задрожал. — Зачем вы говорите о них?

Эомер, повернувшись, взглянул на Арагорна, и Мерри показалось, что лица всадников, которые находились поблизости и слышали, этот разговор побледнели.

— Если эти тропы и вправду существуют, вход в них находится в Дунхарроу, — продолжал Теоден. — Но ни один живой человек не может пройти через них.

— Увы! Арагорн, друг мой! — сказал Эомер печально. — Я надеялся, что мы вместе поедем на войну: но если вы ищите тропы смерти, мы должны расстаться, и маловероятно, чтобы мы еще раз встретились под солнцем.

— Тем не менее я пойду этой дорогой, — сказал Арагорн. — Но говорю вам, Эомер, что в битве мы еще встретимся с вами, хотя бы все войска Мордора разделяли нас.

— Поступайте так, как хотите, Арагорн, — проговорил Теоден. — Должно быть, ваша судьба идти такими дорогами, на которые не смеют ступить другие. Это расставание печалит меня и уменьшает мою силу, но теперь я должен идти горной тропой и уже не могу задержаться дольше. Прощайте!

— Доброго пути, повелитель! — сказал ему Арагорн. — Скачите к великой славе! До свидания, Мерри! Я оставлю вас в хороших руках, лучших, чем мы надеялись, когда шли по следам орков в Фэнгорну. Гимли и Леголас снова пойдут со мной, но мы не забудем вас.

— До свидания! — ответил Мерри. Он больше не нашел, что сказать. Он чувствовал себя очень маленьким и был угнетен туманными словами. Все были уже готовы, лошади беспокойно двигались: Мерри хотел, чтобы они уже тронулись.

Теоден что-то сказал Эомеру, тот поднял руку и громко крикнул, и все всадники двинулись вперед. Они выехали из пропасти, проехали по глубокой долине и затем, резко свернув на восток, вступили на дорогу, на протяжении примерно мили огибающую подножье горы, затем поворачивающую к югу и исчезающую из вида. Арагорн ждал, пока все люди короля не исчезнут в долине. Потом повернулся Хальбарад.

— С ними ушло трое, которых я люблю, и самый маленький из них не самый последний, — сказал он. — Он не знает, к какому концу едет; но даже если бы он знал, он все равно поехал бы.

— Маленький народ, но многого стоит, эти жители Удела, — сказал Хальбарад. — Они не знают о нашей долгой работе по защите их границ, и я все же не испытываю недовольства.

— А теперь наши судьбы переплелись, — сказал Арагорн. — И однако, увы, мы расстаемся. Что ж, я немного поем, а потом мы тоже должны будем двигаться. Идемте, Леголас и Гимли! Мы поговорим за едой.

Вскоре они вернулись в Бруг; некоторое время Арагорн молча сидел в зале за столом, остальные ждали пока он заговорит.

— Давайте, — сказал наконец Леголас. — Говорите и успокойтесь, отряхните тень! Что случилось с тех пор, как мы серым утром вернулись в это укромное место?

— Была борьба, более трудная для меня, чем битва за Хорнбург, — ответил Арагорн. — Я смотрел в камень Ортханка, друзья.

— Вы смотрели в этот проклятый колдовской камень? — со страхом и удивлением воскликнул Гимли. — И вы видели его? Даже Гэндальф опасался такой схватки.

— Вы забыли, с кем говорите, — строго сказал Арагорн, и глаза его блеснули. — Я разве не провозгласил открыто свой титул у дверей Эдораса. Чего вы боитесь? Нет, Гимли, — добавил он более мягким голосом, и суровое выражение покинуло его лицо, он стал похож на человека, проработавшего бессонной ночью долгое время. — Нет, друзья мои, я законный хозяин камня и я имею право и силу им воспользоваться. Во всяком случае, так мне кажется. Право не может быть оспорено. Силы хватило — едва.

Он глубоко вздохнул.

— Это была жестокая борьба, и усталость от нее проходит медленно. Я не сказал ему ни слова и в конце концов подчинил камень своей воле. Этого ему не вынести. И он видел меня. Да, мастер Гимли, он видел меня, но в другом облике, чем вы видите меня сейчас. Если это поможет ему, тогда я совершил ошибку. Но я так не думаю. Я считаю, что для него было ударом узнать, что я живу и хожу по земле: до сих пор он этого не знал. Глаза Ортханка не проникают под доспехи Теодена, но Саурон не забыл Исилдура и меч Элендила. Теперь, казалось бы, в час исполнения его желания, потомок Исилдура появился на свет, и меч восстановлен: я показал ему скованное заново лезвие. Он не так могуч, чтобы не знать страха; и его грызет сомнение.

— Но тем не менее он владеет огромными силами, — сказал Гимли, — и теперь ударит быстрее.

— Торопливый удар тоже бывает неудачным, — сказал Арагорн. — Мы должны наступать на врага, а не ждать, пока он начнет. Понимаете, друзья, овладев камнем, я узнал многое. Огромная опасность надвинулась на Гондор с юга, она отвлечет много сил от обороны Минас Тирита. Если ее быстро не отразить, город падет через десять дней.

— Тогда он погиб, — сказал Гимли. — Какую помощь мы можем послать туда, и как она прибудет туда вовремя?

— Я никого не могу послать на помощь, — сказал Арагорн, — поэтому пойду сам. Но лишь путь под горами приведет меня к береговой линии до того, как все погибнет... Это тропы смерти.

— Тропы смерти! — воскликнул Гимли. — Какое странное название; и я заметил, что люди Рохана его не очень любят. Может ли живой использовать эту дорогу и не погибнуть? И даже если мы пройдем там, могут ли несколько человек противостоять силе всего Мордора?

— Живые никогда не использовали эту дорогу со времени прихода рохиррим, — сказал Арагорн, — она закрыта для них. Но в трудный час потомок Исилдура может воспользоваться ею, если посмеет. Слушайте: вот какие слова своего отца, мудрейшего из знатоков сказаний, передали мне сыновья Элронда: прошу Арагорна помнить слова пророка и тропы смерти.

— А что это за слова пророка? — спросил Леголас.

— Так говорил пророк Малбет в дни Арведуи, последнего короля в Форносте, — пояснил Арагорн.

Над миром лежит длинная тень.
Крылья Тьмы дотянулись до запада.
Башня дрожит; к могилам королей
Приближается судьба. Мертвые проснулись,
Потому что пришел час нарушенных клятв:
У камня Эреча будут они стоять снова
И слышать рог, звенящий в холмах.
Чей это будет рог? Кто позовет их,

Забытых людей, из серых сумерек?

Потомок того, кому они нарушили клятву.

С севера придет он, необходимость приведет его:

Он пройдет тропами смерти.

— Тропы эти, несомненно, темны, — сказал Гимли, — но для меня не темнее этих строк.

— Если вы поймете их лучше, чем я, прошу вас идти со мной, — сказал Арагорн, — так как этим путем я намерен идти. Но я делаю это неохотно: лишь необходимость заставляет меня, поэтому я беру с собой только тех, кто идет по доброй воле, потому что и там ждет нас тяжелая работа, и большой страх, и, может, еще что-нибудь похуже.

— Я пойду с вами по тропе смерти туда, куда они могут привести, — сказал Гимли.

— Я тоже пойду, — сказал Леголас, — но я не боюсь мертвых.

— Надеюсь, забытые люди не забыли, как сражаться, — сказал Гимли, — я иначе не понимаю, почему мы должны дрожать перед ними.

— Это мы узнаем, если доберемся до Эреча, — сказал Арагорн. — Они нарушили клятву бороться с Сауроном и должны сражаться теперь, если хотят выполнить ее. В Эрече стоит черный камень, который, как говорят был принесен из Нуменора Исилдуром; он был установлен на холме, и на нем король гор поклялся в дружбе с ним с самого основания Гондора. Но когда Саурон вернулся и снова стал силен, Исилдур призвал людей гор выполнить их клятву, но они не сделали этого: они преклонились перед Сауроном в темные годы.

Тогда Исилдур сказал их королю: «Ты будешь последним королем. И если запад окажется сильнее Черного Хозяина, я налагаю на тебя и твой народ проклятие: не знать отдыха, пока ваша клятва не будет выполнена. Эта война будет длиться бесчисленные годы, и однажды вы будете призваны снова». И они бежали перед гневом Исилдура и не осмелились выступить в войне на стороне Саурана; и они притаились в тайных местах в горах и не имели связей с другими людьми, но медленно уменьшались в числе. И ужас бессонной ночи лежит на холме Эреча и на всех местах, где жили эти люди. Но я должен идти этим путем, потому что никто из живущих не поможет мне.

Он встал.

— Вперед! — воскликнул он, выхватывая меч и взмахнув им в сумеречном зале Бруга. — К камню Эреча! Я иду к тропам смерти. Идите со мной, кто может!

Леголас и Гимли не ответили, но встали вышли вслед за Арагорном из зала. На лужайке ждали, молчаливые и неподвижные, следопыты в капюшонах. Леголас и Гимли сели на лошадь. Арагорн прыгнул на рохарина. Тогда Хальбарад поднял большой рог, и трубный звук эхом отдался в пропасти Хэлма. Всадники двинулись вперед, бурей пронеслись по долине глубокой, а люди, оставшиеся в пропасти и в Бруге, с удивлением смотрели им вслед.

И пока Теоден пробирался по горным дорогам, серый отряд пронесся по равнинам и в полдень следующего дня прибыл в Эдорас; здесь они сделали короткую остановку, проскакали долиной и к наступлению темноты были в Дунхарроу.

Леди Эовин приветствовала их и была рада их прибытию; она не видела таких сильных людей, как дунаданцы и прекрасные сыновья Элронда; но чаще всего ее глаза были устремлены на Арагорна. Когда они все сели ужинать, она услышала обо всем, что произошло с отъезда Теодена; она узнала о битве в пропасти Хэлма и о гибели врагов, и глаза ее сияли.

Но наконец она сказала:

— Господа, вы устали и должны идти в свои помещения, которые спешно для вас приготовлены. Завтра мы разместим вас лучше.

Арагорн ответил:

— Нет, леди, не беспокойтесь из-за нас. Если мы сможем переночевать и позавтракать утром, этого вполне достаточно. Потому что у меня срочное дело, и в первом свете утра мы выедем.

Она улыбнулась ему и сказала:

— Вы совершили добрый поступок, несколько свернув со своего пути, чтобы принести новости Эовин и поговорить с нею в ее изгнании.

— Ни один человек не счел бы такую поездку напрасной, — сказал Арагорн. — И однако, леди, я не приехал бы сюда, если бы моя дорога не вела через Дунхарроу.

Она ответила с видом человека, которому не нравятся его слова:

— Тогда вы ошиблись: из Дунхарроу ни одна дорога не ведет на восток или юг; вам придется повернуть назад.

— Нет, леди, — сказал он. — Я не ошибся; я бывал в этих землях до того, как родились вы, чтобы украсить их. Из этой долины ведет одна дорога, и по ней я и пойду. Завтра я двинусь по тропам смерти.

Она пораженно смотрела на него, лицо ее побледнело, и она долго сидела молча.

— Но, Арагорн, — сказала она наконец, — неужели ваша задача — искать смерть? Больше ничего не найдете вы на этой дороге. По ней не позволено идти живым.

— На этот раз мне могут позволить пройти, — возразил Арагорн, — по крайней мере, я попытаюсь. Никакая другая дорога мне не подходит.

— Но это безумие, — сказала она. — С вами славные и доблестные люди, они нужны на войне, а вы уведете их в тень. Прошу вас остаться и ехать с моим братом; тогда наши сердца возрадуются, а надежда будет сильней.

— Это не безумие, леди, — ответил он, — я иду предназначенной мне дорогой. А те, кто идут со мной, делают это добровольно: если они хотят остаться и ехать с рохиррим, они могут это сделать. Но я пойду тропами смерти, и даже один, если понадобится.

Больше они ни о чем не говорили и ели в молчании, но глаза Эовин не отрывались от Арагорна, и все видели, как она мучается. Наконец они встали, поблагодарили леди за заботу и отправились отдыхать.

Когда Арагорн подошел к палатке, установленной для него с Леголасом и Гимли и его товарищи вошли туда, сзади его окликнула леди Эовин. Он обернулся и увидел ее в мерцании ночи, потому что она одета была в белое; глаза ее горели огнем.

— Арагорн, — сказала она, — зачем вы идете этой смертоносной дорогой?

— Потому что я должен, — ответил он. — Только так надеюсь я сыграть свою роль в войне с Сауроном. Я не выбирал, если бы я шел, куда хочу я бы сейчас бродил далеко на севере, в прекрасной долине Раздола.

Некоторое время она молчала, как бы обдумывая его слова. Потом взяла его за руку.

— Вы мужественный и решительный человек, — сказала она, — такие люди заслуживают славы. — Она помолчала. — Если вы должны идти, позвольте мне следовать за вами. Я устала скрываться в горах и хочу смотреть в лицо опасности и битве.

— Ваш долг быть с вашими людьми, — возразил он.

— Слишком часто слышала я о долге! — воскликнула она. — Но разве я не из дома Эорла, разве я не умею носить меч? Я долго ждала. Разве я не могу теперь вести такую жизнь, какую хочу?

— Мало кто делает это с честью, — ответил он. — Что касается вас, леди, разве вы не приняли на себя управление людьми до возвращения повелителя? Если бы не вы были избраны, на это место был бы назначен какой-нибудь маршал или капитан, и он не мог бы отказаться и

уехать, устал он или нет.

— Я всегда должна быть выбрана? — с горечью спросила она. — Должна я всегда и оставаться, когда всадники уезжают, чтобы беречь их дома, пока они завоевывают славу, и чтобы, вернувшись, они нашли еду и постель?

— Может наступить такое время, — сказал он, — когда никто не вернется. Тогда не нужна будет слава, потому что некому будет помнить о делах, которые были совершены при последней защите наших домов. Но деяния не станут менее славными от того, что они не прославлены.

И она ответила:

— Все, что вы говорите, звучит так: ты женщина, и твоя участь — оставаться дома. Когда мужчины умирают в битве с честью, ты можешь сгореть в доме, потому что мужчины не нуждаются в тебе больше. Но я из дома Эорла, я не служанка. Я умею ездить верхом, я владею мечом, я не боюсь ни боли, ни смерти.

— Чего же вы боитесь, леди? — спросил он.

— Клетки, — ответила она. — Сидеть за ее прутьями, пока не привыкнешь и не состаришься, когда великие деяния уже не смогут быть сделаны.

— И вы советуете мне отказаться от дороги, потому что она опасна.

— Так может один воин советовать другому, — сказала она. — Но я не прошу вас бежать от опасностей, а ехать на битву, где ваш меч заслужит и славу и победу. Я не хочу видеть, как бесполезно пропадает высокая доблесть.

— Я тоже, — согласился он. — Поэтому я и не говорю вам: леди, оставайтесь! У вас нет дела на юге.

— Нет его и у тех, кто войдет с тобой... Они идут потому что не хотят расставаться с тобой — потому что они любят тебя.

Она повернулась и исчезла в ночи.

Когда стало светать, но солнце еще поднялось из-за хребтов на востоке, Арагорн был готов к отъезду. Все его товарищи уже сидели в седлах, и Арагорн хотел подняться в седло, когда леди Эовин пришла прощаться с ними. Она была одета, как всадник и вооружена мечом. В руке у нее была чаша; поднеся ее к губам, она отпила от нее немного и пожелала им хорошей скорости; затем она передала чашу Арагорну, он отпил из нее и сказал:

— Прощайте, леди Рохана! Я пью за счастье вашего дома и за ваше счастье и счастье вашего народа. Передайте вашему брату — за тенью мы встретимся снова...

Гимли и Леголасу, стоящим поблизости, показалось, что она всхлипнула. Но она сказала:

— Арагорн, ты пойдешь?

— Да, — ответил он.

— Ты не позволишь мне ехать с тобой, как я просила?

— Нет, леди. Я не могу это сделать без разрешения короля и вашего брата, а они не вернутся до завтра. У меня же на счету каждый час, даже каждая минута. Прощайте!

Она упала на колени, говоря:

— Прошу тебя!

— Нет, леди, — сказал он и, взяв ее за руку, поднял. Поцеловав ее руку, он прыгнул в седло и поехал, не оглядываясь; и лишь те, кто хорошо знал его и ехали поблизости, видели, какую боль он испытывает.

Эовин стояла неподвижно, как вырезанная из камня фигура, руки ее были сжаты, она следила за ними, пока они не скрылись в тени Двиморберга, горы призраков, в которой были ворота смерти. Когда они исчезли из вида, она повернулась, спотыкаясь, как слепая, и пошла к себе. Никто из ее людей не видел этого расставания, они были испуганы и прятались, пока чужеземцы не ушли.

И некоторые говорили:

— Это эльфы. Пусть идут в темные места и никогда не возвращаются. Время и так злое.

Свет был серым, когда они ехали, потому что солнце не выбралось из-за черных хребтов горы призраков перед ними. Ужас охватил их, когда они проехали между рядами древних камней и оказались вблизи Димхолта. Здесь в тени черных деревьев, которую даже Леголас не мог долго выдерживать, они нашли ровное место, долину, уходившую в гору, и справа от их дороги стоял одинокий могучий камень, подобный пальцу судьбы.

— У меня застыла кровь, — сказал Гимли, но остальные молчали, и его голос упал на толстый слой пихтовых игл у них под ногами и затих. Лошади не хотели идти мимо грозного камня, пока всадники не спешили и не повели их. Так они подошли к концу долины, и здесь была крутая каменная стена, а в ней, как пасть ночи, зияла темная дверь. Над ней на широкой арке были врезаны знаки и фигуры, но они были слишком неясны, чтобы прочесть их, и страх поднимался от них, как густой туман.

Отряд остановился, и не было сердца, что не дрогнуло бы, разве что сердце эльфа Леголаса, который не боялся призраков людей.

— Это злая дверь, — сказал Хальбарад, — и моя смерть лежит за ней. Тем не менее я осмелюсь пройти в нее, но вот ни одна из лошадей не посмеет.

— Но мы должны войти в нее, поэтому и лошади должны тоже, — сказал Арагорн. — Потому что если мы пройдем эту тьму, много лиг ляжет за нею, и каждый потраченный час приближает триумф Саурана. Следуйте за мной!

Арагорн пошел вперед, и сила его воли была такова, что все дунаданцы и их лошади последовали за ним. Любовь лошадей к следопытам была такова, что они шли за своими всадниками, преодолевая ужас перед дверью. Но Арод, Роханский конь, отказывался идти, он стоял, мокрый, и дрожал в страхе, так что жаль было на него смотреть. Тогда Леголас положил ему на глаза руку и что-то негромко проговорил; наконец Арод позволил повести себя, и Леголас прошел в дверь. И снаружи остался только гном Гимли.

Колени его дрожали, он был зол на себя.

— Неслыханно! — сказал он. — Эльф идет под землю, а гном не осмеливается!

С этими словами он ринулся вперед. Но ему показалось, что ноги его налились, глаза охватила тьма, он ослеп, Гимли сын Глоина, который бесстрашно спускался в самые глубины земли.

Арагорн захватил в Дунхарроу факелы, и теперь он шел впереди, высоко неся один из них. Элладан с другим факелом шел в тылу, и Гимли, спотыкаясь, догонял их. Он ничего не видел, кроме тусклого пламени факелов. Когда отряд останавливался, вокруг слышался бесконечный шепот голосов и гул слов на языке, которого Гимли никогда раньше не слышал.

Никто не нападал на отряд, не мешал ему пройти, и однако страх гнома все рос, и главным образом потому, что он знал, что не смог бы повернуть назад: все пути были заполнены невидимым войском, следовавшим за ними.

Так тянулось время, пока Гимли не увидел зрелище, которое впоследствии не был склонен вспоминать. Дорога была широкой, насколько он мог судить, но теперь отряд неожиданно оказался в большой пещере, и стен ни с одной стороны не было. Ужас Гимли был так велик, что он с трудом мог идти. Слева во мгле что-то сверкнуло. Арагорн остановился и пошел взглянуть, что это такое.

— Неужели он совсем не чувствует страха? — пробормотал гном. — В другой любой пещере Гимли, сын Глоина, первым побежал бы при блеске золота. Но не здесь! Пусть оно лежит!

Тем не менее он подошел ближе и увидел склонившегося Арагорна, в то время как Элладан

держал оба факела. Перед Арагорном лежал скелет могучего человека. Он был одет в кольчугу, и все его вооружение лежало здесь же: воздух в пещере был сух, а кольчуга война позолочена. Пояс у него был из золота и граната, шлем на черепе богато украшен золотом. Воин упал лицом вниз перед стеной пещеры, как теперь можно было видеть; перед ним находилась крепко закрытая каменная дверь; кости пальцев скелета все еще цеплялись за щель. Рядом с ним лежал зазубренный меч, как будто он в отчаянии бил им по скалам.

Арагорн не тронул его, но, молча осмотрев, встал и вздохнул.

— Долгие годы лежит он у двери, которую не сумел открыть, — пробормотал он. — Куда ведет эта дверь? И почему он пошел сюда? Никто не знает этого!

Но это не мое дело! — воскликнул он, оборачиваясь назад и обращаясь к шепчущей тьме. — Храните свои тайны проклятых годов! Нам нужно спешить. Пропустите нас и идите за нами. Я призываю вас к камню Эреча!

Ответа не было, наступило полная тишина, еще более ужасная, чем шепот; потом донесся порыв холодного воздуха, факелы замигали и погасли, и их не смогли зажечь вновь. О том, что последовало дальше, Гимли почти ничего не мог сказать. Все шли вперед, а он тащился сзади, преследуемый растущим ужасом, который, казалось, вот-вот охватит его. И за ним доносился рокот, как топот многих ног. Он спотыкался и полз, как зверь, пока не понял, что больше не выдержит: либо этому наступит конец, либо он побежит назад в безумии навстречу ужасу. Неожиданно он услышал журчание воды, и звук показался ему резким и чистым, как от падения камня в темный сон. Становилось светлее, и, смотрите! Отряд прошел через другую дверь, широкую, с высокой аркой. Перед ними, круто спускаясь вниз, открылась дорога между крутыми утесами, острые края которых видны были на фоне неба высоко вверх. Так глубоко и узко было это ущелье, что небо казалось темным и на нем сверкали маленькие звезды. Но как узнал потом Гимли, оставалось еще два часа до захода солнца того дня, когда они выступили из Дунхарроу.

Отряд снова поехал верхом, и Гимли вернулся к Леголасу. Они ехали цепочкой. Наступил вечер, сгустился голубой сумрак; страх продолжал преследовать их. Леголас обернулся, чтобы сказать что-то Гимли, и гном увидел яркий блеск в глазах эльфа. За ними последним ехал Элладан.

— Мертвые идут за нами, — сказал Леголас. — Я вижу фигуры людей и лошадей, бледные знамена, как клочья тумана, и копья, как прутья кустов в туманную ночь. Мертвые идут за нами.

— Да, мертвые окружают нас. Они вызваны, — сказал Элладан.

Отряд неожиданно, как из щели в стене, вышел из ущелья: перед ними лежала высокогорная равнина, с холодным звуком множества водопадов, посреди нее бежал ручей.

— Где мы в Средиземье? — спросил Гимли, и Элладан ответил:

— Мы у истоков Мортонда, длинной холодной реки, которая впадает в море, омывающее стены Дол Амрота. Люди называют эти холмы черный корень.

Долина Мортонда с юга глубоко вдавалась в горы. Ее крутые склоны поросли травой, но в этот час все было серым, потому что солнце зашло и далеко внизу мигали огоньки в домах людей. Долина была богата и густо населена.

Не оборачиваясь, Арагорн громко, так что все слышали, воскликнул:

— Друзья забудьте усталость! Вперед! Мы должны прибыть к камню Эреча до конца этого дня, а путь еще долог.

И они, не оглядываясь, поехали, пока не добрались до моста через ручей, за которым спускалась вниз дорога.

Огни в домах гасли, двери закрывались при их приближении, люди разбегались с криками ужаса, как преследуемая дичь. И в ночи слышались крики:

— Король мертвых! Король мертвых идет на нас!

Далеко внизу звонили колокола, и все бежали от лица Арагорна. Но серый отряд скакал безостановочно, пока лошади не начали спотыкаться от усталости. И в полночной тьме, черной, как в горной пещере, они прискакали к холму Эреч.

Издавна ужас смерти лежал на этом холме и на окружающих полях. На вершине холма стоял черный камень, круглый, как шар, и высотой в рост человека, хотя половина его была погружена в землю. Он казался неземным, как будто упал с неба, во что и верили некоторые; но те, кто еще помнил сказания запада, говорили, что камень принесен из руин Нуменора и установлен здесь Исилдуром. Никто из жителей долины не осмеливался приблизиться к нему; говорили, что это место встреч теневых людей, что во времена ужаса они толпами собираются вокруг камня и шепчутся.

К этому камню подъехал отряд и остановился в ночи. Элрогир дал Арагорну серебряный рог, и тот подул в него; стоявшим поблизости показалось, что они слышат ответный рог, как это из далекой пещеры. Больше ничего не было слышно, и однако они были уверены, что огромное войско собралось вокруг холма, на котором они стояли; холодный ветер, как дыхание призраков, доносился с гор. Арагорн спешил и, стоя у камня, громко воскликнул:

— Нарушители клятвы, зачем вы пришли?

И далекий голос в ночи ответил:

— Выполнить клятву и получить мир.

Тогда Арагорн сказал:

— Час настал. Я отправляюсь к Шелагиру, что на Андуине, и вы пойдете за мной. И когда вся эта земля будет очищена от слуг Саурона, я сочту, что клятва выполнена, и вы получите мир и удалитесь навсегда. Ибо я Элессар, потомок Исилдура Гондорского.

Он попросил Хальбарада развязать жезл, и смотрите! В связке находилось черное знамя. Если на нем и были какие-то изображения, то в темноте их нельзя было разобрать. Наступила тишина. Отряд разместился у камня, но спали они мало, потому что ужас мертвых заполнил все вокруг.

Когда наступил рассвет, холодный и бледный, Арагорн немедленно встал и повел отряд дальше в путешествие, быстрое и утомительное, лишь воля Арагорна вела их вперед. Никто из смертных не выдержал бы такого путешествия, кроме дунаданцев с севера, а с ними гном Гимли и эльф Леголас.

Они прошли Тарланг и прибыли в Ламедон, а теневое войско шло за ними, распространяя страх, и они пришли в Каламбелу на Кирише, и солнце, красное, как кровь, зашло за Пиплат Гелин на западе. Поселок и броды Кириш они нашли покинутыми, потому что большинство мужчин ушло на войну, а оставшиеся бежали при слухах о приближении короля мертвых. Следующий день наступил, но рассвета не было, и серый отряд двинулся во Тьму бури Мордора и скрылся от взора смертных; но мертвые следовали за ним.

3. СБОР РОХАНА

Все дороги вели теперь на восток, навстречу войне и наступлению тени. И в тот момент, когда Пиппин стоял у больших ворот города и следил за приближением принца Дол Амрота с его отрядом, король Рохана спускался с гор.

День подходил к концу. В последних лучах солнца всадники отбрасывали длинные и острые тени, бежавшие перед ними. Тьма уже вползла под бормочущие лиственницы, покрывавшие крутые горные склоны. Король к концу дня ехал медленно. Вскоре тропа обогнула крутую обнаженную скалу и углубилась в полумрак мягко вздыхающих деревьев. Они двигались вниз длинной извивающейся цепочкой. Когда они спускались на дно глубокого ущелья, то обнаружили, что уже наступил вечер. Солнце зашло. Сумерки легли на водопады.

Весь день перед ними бежал вниз горный ручей, пробивая себе путь среди поросших соснами скал; теперь, вырвавшись из каменных ворот, он устремился в широкую долину. Всадники последовали за ним, и вот перед ними лежит Харроудейл, долина Харроу, и громко звучит вечером ручей. Здесь белая Сноуборн — Рожденная Снегами, — объединилась с другими ручьями, течет, пенясь у камней, вниз к Эдорасу, к зеленым холмам и долинам. Справа у начала большой долины могучий Старкхорн — Непреклонный Рог, — вздымал свою вершину, укутанную облаками; но его неровная вершина, одетая вечными снегами, сияла над миром, с голубыми тенями на востоке, окрашенная красным светом заката.

Мерри с удивлением смотрел на незнакомую страну, о которой он слышал много раз. Это был мир, лишенный неба, в котором глаз сквозь туманный воздух видел лишь склоны, большие каменные стены за другими стенами и хмурые вершины, окутанные туманом. Он сидел слушая шум воды, шепот темных деревьев, треск камня и тишину, покрывающую все звуки. Он любил горы, вернее любил мысль о них, проходящую через все рассказы: но теперь он угнетен огромностью Средиземья. Он хотел бы закрыться от этой безбрежности, огромности в какой-нибудь маленькой комнате у очага.

Он очень устал, потому что хотя они двигались и не быстро, но почти безостановочно. Три дня час за часом прыгал он вверх и вниз по тропам, по длинным спускам, через множество ручьев, иногда рек, где тропа становилась шире, он ехал рядом с королем, не замечая как улыбаются всадники, видя их рядом: хоббита на маленьком сером пони. Он разговаривал с Теоденом, рассказывая ему о своем доме и о жизни народа Удела или в свою очередь слушал рассказы о Марке и о ее могучих воинах в старину. Но большую часть времени, особенно в последний день, он просто ехал за королем, ничего не говоря и стараясь понять неторопливую звучную речь Рохана, которую использовали люди вокруг него. В этом языке было много знакомых ему слов, но произносились они немного по другому, чем в Уделе. Однако он не мог связать эти слова. Временами какой-либо из всадников начинал петь, и Мерри чувствовал, как прыгает его сердце, хотя и не понимал, о чем говорится в песне.

Он чувствовал себя одиноким, особенно сейчас, в конец дня. Он гадал, где в этой чужой земле может находится Пиппин и что стало с Арагорном, Леголасом и Гимли. Потом неожиданно холодом коснулись его мысли о Фродо и Сэме.

— Я забыл о них! — почти вслух сказал он с раскаянием. — Они важнее всех нас. И я пришел сюда, чтобы помогать им. Но сейчас они в сотнях миль отсюда, если только еще живы.

Он вздрогнул.

— Наконец Харроудейл! — сказал Эомер. — И наше путешествие почти окончено.

Они остановились. Тропа выходя из узкого ущелья, круто спускалась. В мерцании внизу, как сквозь высокое окно, видна была большая долина. Виден был одинокий мигающий огонек около

реки.

— Это путешествие, может, и окончено, — сказал Теоден, — но нам предстоит еще долгий путь. Прошлой ночью было полнолуние, и утром я должен скакать в Эдорас на сбор Марки.

— Но если вы примете мой совет, — тихо сказал Эомер, — вы затем вернетесь сюда и дождетесь конца войны.

Теоден улыбнулся.

— Нет, сын мой, ибо так я буду называть вас, не говорите в мои старые уши слова Змеинового Языка! — он выпрямился и оглянулся на длинную линию всадников, исчезающую сзади в сумерках. — Долгие годы, кажется, минули с тех пор, как я не был на западе; но никогда больше я не буду опираться на посох. Если война будет проиграна, зачем мне скрываться в холмах? А если она будет выиграна, то какая печаль, даже если я и паду, истратив свои последние силы? Но оставим это сейчас. Сегодня мы проведем ночь в крепости Дунхарроу. Нам остался один мирный вечер. Идем!

В сгущающихся сумерках они спустились в долину. Здесь Сноуборн текла вблизи западного склона долины, и вскоре тропа их привела к броду, где мелкая вода громко журчала на камнях. Брод охранялся. Когда король приблизился, много людей вышло из тени скал; увидев короля, они воскликнули радостными голосами:

— Король Теоден! Король Теоден! Вернулся король Марки!

Один из них протрубил в рог. Эхо отозвалось в долине. Ответили другие рога, и на той стороне реки вспыхнули огни.

Неожиданно сверху послышался громкий звук труб, к нему присоединились голоса, крики, удары в камень.

Так король Марки победоносно возвращался с запада в Дунхарроу у подножья белых гор. Здесь он нашел собравшимися свои остальные войска, потому что когда стало известно о его прибытии, капитаны выехали ему навстречу к броду с новостями от Гэндальфа. Во главе их был Дунхар, глава жителей Дунхарроу.

— На рассвете три дня назад, повелитель мой, — сказал он, — Обгоняющий Тень прилетел, как ветер, с запада в Эдорас, и Гэндальф принес известие о вашей победе, от которого порадовались наши сердца. Но он принес ваш приказ спешно собирать всадников. А затем появилась крылатая тень.

— Крылатая тень? — переспросил Теоден. — Мы тоже видели ее, но это было глубокой ночью перед тем, как уехал Гэндальф.

— Может быть, повелитель, — сказал Дунхар. — Но та же самая, а может, другая, похожая, летающая тьма в форме чудовищной птицы пролетела утром над Эдорасом, и все люди были охвачены ужасом. Она снизилась над Медусельдом и, когда летела низко, чуть не задела конька крыши, послышался крик, чуть не остановивший наши сердца. Тогда-то Гэндальф и посоветовал нам не собираться в поле, а встретить вас в долине у гор. И он просил нас без крайней необходимости не зажигать огня и не разводить костров. Так мы и сделали. Гэндальф говорил очень властно. Мы поверили, что таково ваше желание. В Харроудейл эти злые существа не появлялись.

— Хорошо, — сказал Теоден. — Я поеду в холл и до отдыха встречусь с маршалами и капитанами. Пусть они придут ко мне как можно скорее.

Дорога теперь вела на восток прямо через долину, которая в этом месте была больше полумили в ширину. Луга заросшие красной травой, серой в наступающей ночи, лежали вокруг, но впереди, в дальней стороне долины, Мерри увидел стену — последний отрог Отарихорна, пробитый в далеком прошлом рекой.

Повсюду виднелись большие толпы людей. Некоторые толпились у самой дороги,

приветствуя короля и всадников радостными криками; за ними уходя во тьму, видны были ровные ряды палаток и навесов, линии лошадей, груды вооружения, копья торчали, как стволы недавно посаженных деревьев. И все собравшиеся оставались в темноте, и хотя с гор дул холодный ветер, не горела ни одна лампа, ни один костер. Плотнo закутанные часовые ходили взад и вперед.

Мерри подумал, сколько же здесь всадников. В темноте он не мог определить их количества, но ему показалось, что собралась большая армия во много тысяч человек. Пока он оглядывался по сторонам, королевский отряд приблизился к утесу в восточном конце долины; здесь трава начала подниматься, и Мерри в удивлении посмотрел вверх. Он находился на дороге, подобной которой никогда не видел. Она была сделана руками людей тех древних времен, от которых не сохранилось и песен. Она шла вверх, извиваясь, как змея, прокладывая себе путь по крутому склону утеса. По ней можно было подняться на лошади и проехать медленно на телеге. Но если дорогу защищали сверху, враг не мог подняться по ней, разве что лишь с воздуха. На каждом повороте дороги были установлены большие камни в форме людей, огромных, с голыми руками и ногами, сидевших скрестив ноги и поддерживающих руками толстые животы. Некоторые фигуры за прошедшие годы утратили все черты лица, за исключением глаз, по-прежнему смотревших на проходящих, всадники их не замечали. Они называли их пукель-людьми и едва бросали на них взгляд. Но Мерри смотрел с удивлением и жалостью.

Спустя некоторое время он оглянулся и увидел, что поднялся уже на несколько сотен футов над долиной, но далеко внизу по-прежнему смутно виднелась длинная цепочка всадников, пересекавших брод и направляющихся в приготовленный для них лагерь. Только король и его охрана поднималась на холм.

Наконец отряд короля приблизился к обрыву, и тропа углубилась между стенами из скал: после короткого прохода открылось плоскогорье. Люди называли его Фиринфельд — зеленый горный луг высоко над Сноуборн. К югу возвышался Старкхорн, в северной стороне — белоснежные вершины Иренсаги, туда смотрели всадники: за ними поднимала свои крутые склоны гора призраков. Разделяя высокогорье надвое, шла двойная линия бесформенных стоящих камней. Те, кто осмеливался двинуться по этой дороге, скоро оказывались у Димхолга под Двиннорбергом, перед запретной дверью.

Такова была темная Дунхарроу, творение давно забытых людей. Имя их было утрачено и ни в одной песне, ни в одной легенде не сохранили они это место — как тайное укрытие или же как могилу своих королей. Здесь работали они в темные годы, задолго до основания Гондора. Теперь они исчезли, и остались лишь старые пукель-люди, сидящие на поворотах дороги.

Мерри смотрел на эти камни: они были обветренны и черные; некоторые наклонились, а другие упали, камни были разбитые и треснувшие: они напоминали ряды древних голодных зубов. Он дивился, размышляя, что это такое, и надеялся, что король не поедет туда, куда они ведут. Потом он увидел по обе стороны дороги группы палаток и навесов, но они не были размещены под деревьями, и скорее тяготели к стене утеса. Больше всего их было справа, где Фиринфельд был шире; слева был меньший лагерь, в середине которого стоял высокий павильон. Отсюда им навстречу скакал всадник. Королевский отряд свернул с дороги.

Когда всадник приблизился, Мерри увидел, что это женщина с длинными вьющимися волосами, блестящими в темноте; женщина была одета как воин и вооружена мечом.

— Привет, повелитель Марки! — воскликнула она. — Мое сердце радуется вашему возвращению.

— Приветствую тебя, Эовин, — ответил Теоден, — все ли в порядке?

— Все хорошо, — сказала она, но Мерри показалось, что голос выдает ее; он бы решил даже, что она плакала, если бы это было возможно при таком строгом лице. — Все хорошо.

Утомительная дорога ждала людей и трудно было увести их из домов. Слышались недовольные голоса, потому что уже давно война не отрывала людей от полей; но злых дел не было. Теперь все в порядке, как вы видите. Ваши помещения готовы: я знала и час вашего прибытия.

— Значит, Арагорн был здесь, — спросил Эомер. — Он еще здесь?

— Нет, он ушел, — ответила Эовин, отворачиваясь и глядя на темные горы на востоке и юге.

— Куда он пошел? — спросил Эомер.

— Не знаю, — ответила она. — Он прибыл вечером и уехал вчера утром, до того, как взошло солнце. Он уехал.

— Ты опечалена, дочь, — сказал Теоден. — Что случилось? Скажи мне, он говорил об этой дороге, — король указал на линию камней, уходящих к Двинобергу. — О тропах смерти?

— Да, повелитель, — сказала Эовин. — И он ушел в тень, откуда нет возврата. Я не могла переубедить его. Он ушел.

— Тогда наши пути расходятся, — сказал Эомер. — Он погиб. Мы должны ехать без него, и наша надежда ослабла.

Медленно проехали они через небольшие заросли вереска, не разговаривая больше, пока не подъехали к королевскому павильону. Здесь Мерри увидел, что все готово и что не забыли и про него. Рядом с королевским помещением была натянута маленькая палатка; здесь он сидел один, пока люди проходили взад и вперед, направляясь к королю и совещаясь с ним. Наступила ночь, вершины гор на западе увенчались звездами, но восток был черен и мрачен. Марширующие камни терялись из виду, но за ними, чернее ночи, возвышалась огромная тень Двиморберга.

— Тропы смерти, — пробормотал он про себя. — Тропы смерти? Что все это значит? И все они покинули меня. Все ушли навстречу судьбе: Гэндальф и Пиппин на войну на востоке; Сэм и Фродо в Мордор; Бродяжник с Леголасом и Гимли на тропы смерти, но я думаю, скоро придет и наша очередь. Интересно, о чем они говорят, и что собирается делать король? Ибо я пойду туда, куда он.

Лишь теперь он вспомнил, что очень проголодался, и отправился посмотреть испытывают ли в лагере кто-нибудь тоже самое. Но в этот момент прозвучала труба, и его пригласили к королевскому столу.

Внутри павильона небольшое пространство было отделено занавесами и устлано шкурами: здесь стоял небольшой стол, за ним сидели Теоден, Эомер, Эовин и Дунхар, вождь Харроудейл. Мерри остановился у королевского стула и ждал; старый король, очнувшись от глубокой задумчивости, повернулся к нему и улыбнулся.

— Мастер Мериадок, — сказал он. — Вы не должны стоять, пока я в своей земле, вы должны сидеть рядом со мной и веселить мое сердце рассказами.

Слева от короля для хоббита было оставлено место, но никто не вспоминал о рассказах. Большую часть времени они ели и пили в молчании, пока наконец, набравшись храбрости, Мерри не задал мучивший его вопрос.

— Дважды, повелитель, слышал я о тропах смерти, — сказал он. — Скажите, что это такое? И где Бродяжник, я имею в виду Арагорна, куда он ушел?

Король вздохнул, но никто ничего не ответил. Наконец заговорил Эомер.

— Мы не знаем, и наши сердца тяжелы, — сказал он. — Что же касается троп смерти, то вы сами шли по их началу. Нет, я не буду говорить слова дурных предзнаменований! Дорога, на которой мы попрощались, ведет к двери, там в Димхолте. Но никто не знает, что лежит за дверью.

— Ни один человек не знает, — сказал Теоден, — но старые легенды, которые теперь редко вспоминают, кое-что рассказывают... Если легенды, дошедшие до нас от первых сыновей Эорла,

говорят правду, то за дверью под Двиморбергом тайный путь под горами ведет к какому-то забытому холму. Но никто не осмеливается использовать его, с тех пор, как Балдор, сын Браго, прошел в дверь и не вернулся. На пиру, который давал Браго, освящая завершение постройки Медусельда, Балдор, выпив полный рог, произнес необдуманные слова похвалы и никогда больше не вернулся к высокому старику, наследником которого он был.

Говорят, мертвецы в белых горах охраняют путь и не позволяют живым проходить по нему: иногда они выходят из двери, как тени и спускаются по каменной дороге. И тогда люди в Харроудейл плотнее закрывают двери и окна и сидят в страхе. Но мертвые выходят лишь изредка во времена больших испытаний и наступающей смерти.

— Но в Харроудейл говорят, — тихо сказала Эовин, — что совсем недавно в безлунную ночь прошло большое войско теней. Откуда оно пришло, никто не знает, но оно поднялось по каменной дороге и исчезло в горе, как будто спешило к месту встречи.

— Тогда зачем Арагорн пошел этим путем? — спросил Мерри. — Вы знаете что-нибудь, объясняющее это?

— Никто в мире живых не знает его цели, если только он не говорит сам о ней, как другу, — сказал Эомер.

— Он показался мне сильно изменившимся с тех пор, как я его впервые видела в королевском доме, — сказала Эовин. — Он стал угрюмым и старым, мне он показался обреченным, которого ожидает смерть.

— Может он был правым, — сказал Теоден задумчиво, — и мое сердце говорит мне, что я никогда не увижу его больше. Но он благородный человек высоких достоинств. Утешься этим, дочь, потому что мне кажется, что ты горюешь из-за нашего гостя. Говорят, что в те времена, когда Эорлинги пришли с севера и прошли вдоль Сноуборн в поисках мест защиты, Браго и сын его Балдор поднялись по лестнице на холм и пришли к двери. На пороге сидел старик, такой древний, что о возрасте его нельзя было догадаться. Он был высок и некогда могуч, но теперь напоминал обветренный камень. И они приняли его сначала за камень, потому что он не двигался и не говорил ни слова, пока они не прошли мимо него к входу. Тогда послышался его голос, шедший как бы из-под земли; к их удивлению, он говорил на западном языке.

— Путь закрыт, — сказал он.

Они остановились и посмотрели на него и увидели, что он жив, но он не смотрел на них.

— Путь закрыт, — повторил его голос. — Он сделан теми, кто мертв, и мертвые хранят его, пока не наступит время. Путь закрыт.

— А когда же наступит время? — спросил Балдор. Но ответа не было, потому что старик умер и упал лицом вниз. И больше ничего о древних жителях этих мест наш народ не узнал. Но может, давно предсказанное время наступило и Арагорн сможет пройти.

— Но как же сможет человек проверить, наступило ли время? Только осмелившись вступить в дверь? — сказал Эомер. — Я не пошел бы этим путем, даже если бы все войско Мордора стояло передо мной, и я был бы один и не имел бы другого убежища. Как жаль, что такая судьба выпала могучему человеку, необходимому для нас! Разве мало зла на земле, чтобы искать его под землей? Война близится.

Он замолчал, и в этот момент снаружи послышался шум, кто-то выкрикивал имя Теодена.

Вскоре капитан королевской гвардии отодвинул полог.

— Вестник Гондора, повелитель, — сказал он. — Желает немедленно предстать перед вами.

— Пусть войдет! — сказал Теоден.

Вошел высокий человек, и Мерри с трудом сдержал крик: ему показалось, что воскрес Боромир. Потом он увидел, что это не так: человек был ему незнаком, хотя был так похож на

Боромира, что можно было подумать, что они родственники. Как и Боромир, был он высок, сероглаз и горд. Поверх кольчуги на нем был темно-зеленый плащ, на шлеме впереди сияла маленькая серебряная звезда. В руке он держал стрелу с черным оперением и стальным наконечником, окрашенным в красный цвет.

Он опустился на одно колено и протянул стрелу Теодену.

— Привет повелителю рохиррим, другу Гондора! — сказал он. — Я Хиргон, вестник Денетора, и принес вам знак войны. Гондор в большой опасности. Часто рохиррим помогали нам, но на этот раз повелитель Денетор просит все ваши силы и всю быстроту — иначе Гондор погибнет.

— Красная стрела! — сказал Теоден, как человек давно ожидавший вызова и в тоже время боявшийся его. — За всю мою жизнь в Марке не видели красной стрелы! Неужели пришло время? И какими считает повелитель Денетор мои силы и мою быстроту?

— Это лучше известно вам, повелитель, — ответил Хиргон. — Но Минас Тирит может быть окружен, и если у вас не хватит сил, чтобы прорвать осаду, мой повелитель Денетор просил меня сказать, что сильные руки рохиррим скорее нужны за его стенами, чем снаружи.

— Но он знает, что мы сражаемся на лошадях и в открытых местах, что мы живем разбросанно и нужно время для сбора наших всадников. Правда ли, Хиргон, что повелитель Минас Тирита знает больше, чем сообщил в своем послании? Потому что мы тоже воюем, как вы могли видеть, и вы не застали нас неготовыми. Гэндальф серый был среди нас, и даже теперь мы собираемся для битвы на востоке.

— Что знает или о чем догадывается повелитель Денетор, я не могу сказать, — ответил Хиргон. — Но наше положение отчаянно. Мой повелитель не шлет никаких приказов, он только просит вспомнить старую дружбу и давно произнесенные клятвы и для вашего же добра сделать все, что сможете. Нам сообщили, что многие короли прибыли с востока на службу Мордору. На севере, на поле Дагорлад, смятение и толки о войне. На юге движутся Харадрим, и все побережье охвачено страхом, так что мало помощи пришло к нам оттуда. Торопитесь! Ибо у стен Минас Тирита решается судьба нашего времени, и если наводнение не будет там остановлено, оно zalьет прекрасные равнины Рохана и даже в этой крепости среди гор не будет спасения.

— Плохие новости, — согласился Теоден. — Но неожиданные. Передайте Денетору, что даже если Рохану самому угрожала бы опасность, мы все равно пришли бы на помощь. Но у нас большие потери в битвах с изменником Саруманом, и мы должны также думать о защите своих границ на севере и востоке, что ясно и из его послания. Такая сила, которой теперь обладает Повелитель Тьмы, может связать нас в битве перед городом и в то же время ударить за реку за воротами королей.

Но мы не будем говорить о благоразумии. Мы придем. Общий сбор назначен на завтра. Приведя все в порядок, мы выступим. Десять тысяч копий мог бы послать я на нашего врага. Но боюсь, что их будет меньше, я не могу оставить свои крепости без охраны. Но шесть тысяч по крайней мере поедет со мной. И передайте Денетору, что на этот раз сам король Марки прибудет на землю Гондора, хотя, может, и не вернется назад. Но дорога длинная, а люди и лошади должны к концу ее сохранить силы для битвы. И с завтрашнего утра пройдет не меньше недели, прежде чем вы услышите крик сынов Эорла, идущих с севера.

— Неделя! — сказал Хиргон, — если так должно быть, пусть будет. Но через семь дней вы можете застать лишь развалины, если к нам не подойдет какая-нибудь неожиданная помощь. Но вы по крайней мере можете помешать оркам и темнокожим пировать в Белой Башне.

— В крайнем случае мы сделаем это, — сказал Теоден. — Но я сам только что прибыл с битвы и долгого пути и должен отдохнуть... Проведите здесь ночь. Утром вы увидите сбор

Рохана и поедете обратно веселее и быстрее. Утро вечера мудренее, а ночь многое меняет.

С этими словами король встал, и встали все остальные.

— Все отправляйтесь отдыхать, — сказал Теоден, — и спите хорошо. А в вас, мастер Мериадок, я не нуждаюсь больше сегодня. Но будьте готовы к вызову, как только взойдет солнце.

— Я буду готов, — сказал Мерри, — даже в случае, если вы скажете мне ехать с вами по тропам смерти.

— Не произносите слов дурного предзнаменования, — сказал король. — Многие дороги могут заслужить это название. Но я не говорил, что попрошу вас ехать со мной. Доброй ночи!

— Я не хочу оставаться, не хочу ждать возвращения, — говорил Мерри. — Не хочу оставаться, не хочу.

Повторяя это себе снова и снова, он наконец уснул в своей палатке.

— Проснитесь, проснитесь, мастер Холбитла! — воскликнул кто-то.

Мерри с трудом вырвался из сна и сел. Было темно.

— В чем дело? — спросил он.

— Король зовет вас.

— Но солнце еще не взошло.

— Нет, и не взойдет сегодня, мастер Холбитла. Оно прячется за тучами. Но время не стоит на месте, хотя солнца и не видно. Торопитесь!

Набросив на себя одежду, Мерри выглянул наружу. Мир был темным. Сам воздух казался коричневым, все вещи были черными или серыми, лишь на далеком западе, куда протягивал свои медные пальцы великий мрак, видны были еще проблески света. Над головой повисла тяжелая крыша, мрачная и бесформенная.

Мерри увидел многих людей, глядевших вверх и бормотавших что-то; лица их были серы и печальны, некоторые испуганы. С тяжелым сердцем направился он к королю. Перед королем стоял Хиргон, всадник Гондора, рядом с ним был другой человек, похожий на него и так же одетый, но меньшего роста и более широкий. Когда Мерри вошел, он говорил с королем.

— Это пришло из Мордора, повелитель, — говорил он. — Началось вчера на закате. На границах вашего королевства заметил я приближение Тьмы, и всю ночь, пока я скакал, она пожирала над моей головой звезды. И теперь огромная туча нависла над всей землей отсюда до гор тени; Тьма углубляется. Война началась.

Некоторое время король сидел молча, наконец он заговорил.

— Итак, мы пришли в конце концов к главной битве нашего времени, в которой многое уйдет безвозвратно. Но по крайней мере больше нет необходимости скрываться. Мы поедem прямым путем по открытой дороге и со всей возможной скоростью. Сбор начинается немедленно, мы не будем ждать задержавшихся. Много ли запасов в Минас Тирите? Мы должны ехать быстро и налегке, захватив с собой лишь немного еды и воды.

— У нас заготовлены большие запасы, — ответил Хиргон. — Поезжайте налегке и как можно быстрее!

— Тогда позовите герольдов, Эомер, — приказал Теоден. — Пусть всадники построятся.

Эомер вышел, вскоре в холде загремели трубы, и снизу им ответили другие. Но их звуки не казались Мерри чистыми и храбрыми, как вчера вечером. Глухо, зловеще и хрипло звучали они в тяжелом неподвижном воздухе.

Король повернулся к Мерри.

— Я отправляюсь на войну, мастер Мериадок, — сказал он. — Скоро мы двинемся. Я освобождаю вас от службы мне, но не от моей дружбы. Вы останетесь здесь, и если захотите, будете служить леди Эовин, которая будет править народом Роухана в мое отсутствие.

— Но, Повелитель, — запинаясь Мерри, — я предложил вам свой меч. Я не хочу расставаться с вами, король Теоден. Все мои друзья будут участвовать в битве, и мне стыдно оставаться.

— Но мы едем на высоких и быстрых лошадях, — сказал Теоден, — и хотя сердце ваше велико, вы не можете ехать на такой лошади.

— Тогда привяжите меня к спине лошади, подвесьте к узде или еще что-нибудь, — заметил Мерри. — Бежать далеко, но я побегу, если не смогу ехать верхом, даже если прибегу на много недель позже.

Теоден улыбнулся.

— Чем это, я бы увез вас на снежной гриве, — сказал он. — Вы сможете поехать со мной в Эдорас и взглянуть на Медусельд. И туда вас понесет Стибба: большой бег не начнется, пока мы не достигнем равнины.

Тогда встала Эовин.

— Идемте, Мериадок! — сказала она. — И я покажу приготовленные для вас доспехи. — Они вышли вместе. — Об этом просил меня Арагорн, — сказала Эовин, когда они проходили меж палатками. — Я пообещала снарядить вас для битвы и сделала, что смогла. Ибо сердце мое говорит, что вам понадобятся эти доспехи.

Она провела Мерри к палатке в расположении королевской гвардии. Здесь оружейник принес ей маленький шлем, круглый щит и другие принадлежности.

— Мы не смогли подобрать для вас кольчугу, — сказала Эовин, — а времени для изготовления новой нет. Но здесь есть крепкий кожаный камзол, пояс и нож. Меч у вас есть.

Мерри поклонился, и леди показала ему щит, похожий на щит Гимли. На нем был изображен белый конь.

— Возьмите все это, — сказала она, — и пусть вас ждет удача! Прощайте, мастер Мериадок! Но, может, мы еще встретимся.

Так в сгущающейся тьме король Марки готовился вести своих всадников на восток. Сердца были тяжелы, и многие дрогнули в тени. Но это были сильные люди, верные своему повелителю, и мало было слышно бормотания или плача, даже в холде, где размещались беженцы из эдораса: женщины, дети и старики. Судьба нависла над ними, но они молча смотрели ей в лицо.

Пролетели два быстрых часа, и вот король сел на свою белую лошадь, сверкающую в полутьме. Он казался гордым и высоким, хотя из-под шлема его выбивались белоснежные волосы; и многие приободрились, видя его несогнутым и не испугавшимся.

На широких полях у шумной реки выстроились отряды в пять с половиной тысяч всадников в полном вооружении и много сотен других людей с запасными лошадьми. Прогремела труба. Король поднял руку, и войско Марки молча двинулось. Впереди скакали двенадцать королевских гвардейцев, прославленных воинов. Затем следовал король с Эомером. Он попрощался с Эовин наверху, в холде, и воспоминание об этом печалило его; но теперь мысли его были заняты предстоящей дорогой. За ним на Стиббе ехал Мерри с Гондорским вестником, а дальше еще двенадцать гвардейцев. Они проехали вниз мимо длинных рядов ожидающих людей со строгими и неподвижными лицами. Когда они подъехали к концу линии, один из стоящих проницательно взглянул на хоббита. Встретившись с ним взглядом, Мерри увидел, что это молодой человек, меньше ростом и легче большинства. Его серые ясные глаза сверкнули; Мерри показалось, что это лицо человека, лишенного надежды и ищущего смерти.

Они ехали по серой дороге рядом со Сноуборн, шумящей на камнях; через деревушки Андерхарроу и Анборн, где множество печальных женских лиц смотрело на них из темных дверей. Так без звуков рога или арфы, без музыки человеческих голосов начался великий поход на восток, о котором много поколений спустя рассказывали песни Рохана.

Из темного Дунхарроу тусклым утром
С тапами и капитанами ехал сын Тенгела;
В Эдорас он ехал, в древние залы
Правителей Марки, затянутые туманом,
Он прощался со своим свободным народом,
Мужественным и благородным,
Прощался со священными местами,
Где пировал, до того, как сгустилась Тьма.
Вперед ехал король, страх оставался сзади,
Судьба ждала впереди. Он испытывал верность,
Он проверял клятвы. Все выполнили их
Вперед ехал Теоден. Пять ночей и дней
Ехали на восток Эорлинги через Фолд и Фенмарк
И Фринвуд, шесть тысяч копий двигалось вперед,
К Мундбургу могучему под Миндолуином,
Городу морских королей в южном королевстве,
Осажденному врагом, окруженному огнем.
Судьба шла за ними. Тьма окружала их.
Лошадей и всадников; копыта далеко
Звучали в тишине. Так говорит песня.

В сгущающейся тьме король прибыл в Эдорас, хотя был полдень. Здесь он ненадолго остановился и усилил свое войско за счет трехсот всадников, опоздавших на сбор. Но поев, он захотел перед выступлением попрощаться со своим оруженосцем. Мерри в последний раз просил не оставлять его.

— Я говорил вам, что это путешествие не для Стиббы, — сказал Теоден. — И что будет делать вы, мастер Мериадок, в битве, что ждет нас в Гондоре? Хоть вы и владеете мечом, а сердце у вас больше, чем можно судить по вашему росту.

— Кто может знать это? — ответил Мерри. — Почему вы не позволяете мне идти с вами, повелитель? Я не хочу, чтобы в песне обо мне было сказано, что я остался сзади.

— Я оставляю вас для вашей же безопасности и по необходимости, — ответил Теоден хоббиту. — Никто из моих всадников не сможет вести вас как ношу. Ваши деяния в битве у ворот вспомнят менестрели. Но до Мундбурга, где повелителем Денетор, сто лиг. Больше мне нечего сказать.

Мерри поклонился, с несчастным видом отошел и стал смотреть на ряды всадников. Все отряды готовились к выступлению: воины затягивали подпруги, осматривали седла и ласкали коней; некоторые с беспокойством посматривали на низкое небо. Незаметно подошел всадник и тихо сказал хоббиту на ухо:

— Путь открывается там, где не ждешь, у нас так говорят. — Мерри поднял голову и увидел молодого человека, замеченного им утром. — Вы хотите отправиться туда, куда направляется повелитель Марки, я вижу это на вашем лице.

— Да, сказал Мерри.

— Вы можете поехать со мной, — сказал всадник. — Я посажу вас перед собой, укрою плащом.

— Спасибо, — сказал Мерри, — спасибо, сэр, хотя я и не знаю вашего имени.

— Не знаете? Зовите меня Дернхелмом.

Так и случилось, что когда король пустился в путь, перед Дернхелмом сидел хоббит Мериадок, и большая серая кобыла Виндолфа почти не почувствовала тяжести: сам Дернхелм весил меньше других всадников, хотя и был очень гибок.

Они ехали в полутьме. В ивовых зарослях на берегу Сноуборн, текущей к Энтвошу, в двенадцати лигах к востоку от Эдораса, они разбили на ночь лагерь. Потом ехали через Фолд и через Фенмарк, где справа от них большие дубовые леса взбирались на темные холмы Халифариона у границ с Гондором; в тумане слева лежали болота, питаемые устьем Энтвоша. И когда они ехали, до них дошел слух о войне на севере. Одиночные люди, бегущие в страхе, сообщили им о врагах, напавших на восточные границы, о войсках орков, марширующих по пустынному нагорью Рохана.

— Вперед! Вперед! — кричал Эомер. — Слишком поздно поворачивать. Болота Энтвоша защитят наш фланг. Нужно торопиться. Вперед!

Так король Теоден вышел из своего королевства, миля за милей извивалась дорога, мимо пролегли холмы маяков: Каленхад, Мин Миммон, Эрелас, Нардол. Но огни их были потушены. Вся земля была серой и неподвижной; Тьма углублялась, а надежда в сердцах слабела.

4. ОСАДА ГОНДОРА

Пиппина разбудил Гэндальф. В их комнате горела лампа, так как лишь тусклый сумрак проникал в окна, воздух был тяжел, как при приближении грозы.

— Который час? — спросил Пиппин, зевая.

— Прошел второй час, — сказал Гэндальф. — Время вставать и привести себя в приличный вид. Повелитель города вызывает тебя, чтобы объяснить тебе твои обязанности.

— А он накормит меня завтраком?

— Нет, накормлю я. Вся пища распределена по приказу.

Пиппин печально посмотрел на маленькую лепешку и (как он подумал) гораздо меньший, чем следует, кусочек масла, которые лежали на столе рядом с чашкой жидкого молока.

— Зачем вы привели меня сюда? — спросил он.

— Ты сам хорошо знаешь, — ответил Гэндальф. — Чтобы предотвратить твои ошибки; и если тебе тут не нравится, вспомни, что ты сам пришел сюда.

Пиппин замолчал.

Вскоре он уже шел с Гэндальфом вниз по длинному коридору к дверям башни. В зале, в печальном настроении сидел Денетор. Пиппин решил, что он напоминает старого терпеливого паука: похоже, со вчерашнего дня он не двинулся с места. Он предложил Гэндальфу сесть, но Пиппин некоторое время оставался незамеченным. Вскоре старик повернулся к нему.

— Ну, мастер Перегрин, надеюсь, вы использовали вчерашний день к своей пользе и удовольствию. Хотя боюсь, что стол в этом городе скромнее, чем вам хотелось бы.

Пиппин испытал неприятное ощущение, как будто большая часть того, что он говорил и делал, каким-то образом стала известна повелителю Гондора. Он не ответил.

— Что вы будете делать у меня на службе?

— Я думал, сэр, что вы объясните мне мои обязанности.

— Объясню, когда определю, к чему вы пригодны, — сказал Денетор. — Но если вы будете рядом со мной, я узнаю это, вероятно, скорее. Оруженосец моего кабинета попросил разрешения уйти со службы, так что временно вы можете занять это место. Вы будете ждать около меня, выполнять поручения, разговаривать со мной, если война и совещания дадут мне такую возможность. Вы умеете петь?

— Да, — ответил Пиппин. — Во всяком случае достаточно для хоббита. Но у нас нет песен, пригодных для больших залов и трудных времен, повелитель. Мы редко поем о чем-нибудь более ужасном, чем ветер или дождь, и большая часть моих песен о таких вещах, которые заставляют нас смеяться. И конечно о еде и питье.

— И почему же такие песни не подходят к моим залам или к этим временам? Мы, так долго жившие вблизи тени, конечно, с радостью будем слушать эхо земель, не затронутых ею. Тогда мы почувствуем, что наша доблесть была не бесплодна, хотя за нее нас и не поблагодарят.

У Пиппина сжалось сердце. Его вовсе не радовала идея петь песни Удела повелителю Минас Тирита, особенно комические песни, которые он знал лучше всего: они были уж слишком... Ну... грубоватыми для такого случая. Однако на сей раз ему не приказали петь. Денетор повернулся к Гэндальфу, расспрашивая его о рохиррим, их политике, о позиции Эомера, племянника короля. Пиппин удивлялся тому, как много знает повелитель о жизни людей, далеких от него, хотя как он решил, прошло уже много лет, как Денетор никуда не выезжал.

Вскоре Денетор кивнул Пиппину и отпустил его на время.

— Идите в арсенал цитадели, — сказал он, — и получите там мундир и вооружение гвардии

башни. Все должно быть готово. Вчера я отдал приказ. Одевшись, возвращайтесь!

Все было, как он сказал, и вскоре Пиппин был уже одет в необычный костюм, черного с серебром цвета. Ему дали маленькую кольчугу, кольца которой были выкованы из стали, однако черную, как агат, и высокий шлем с обеих сторон в маленьких крылышках, украшенный серебряной звездой в центре налобника. Поверх кольчуги надевался короткий черный камзол, расшитый на груди серебром — было вышито изображение дерева. Старую одежду у него отобрали, но разрешили взять серый плащ из Лориена, но с условием не носить его, когда он на дежурстве. Он понял, что теперь очень похож на Эрнила Перианната, принца невысокликов, как называли его в городе. Но чувствовал он себя неуверенно. Настроение у него продолжало портиться.

Весь день было темно и тускло. С бессолнечного рассвета до вечера тяжелая тень все углублялась, и все в городе были угнетены. Далеко вверху большая туча медленно двигалась на запад с черной земли, поглощая свет, рожденная ветром войны; под ней воздух был неподвижен, как будто вся долина Андуина ждала порыва разрушительной бури.

Около одиннадцати часов, освобожденный на время от службы, Пиппин отправился на поиски еды и питья, чтобы рассеять свое тяжелое настроение и сделать ожидание более выносимым. В столовой он вновь встретил Берегонда, который только что прибыл из Пеленнора, где выполнял какое-то поручение. Вместе они направились к стене — Пиппин чувствовал себя как в тюрьме и задыхался в цитадели. Они снова сели у амбразуры, выходящей на восток, где ели и разговаривали накануне.

Был час захода солнца, но на запад тянулась огромная пелена, и только когда она наконец ушла за море, солнце смогло послать короткий прощальный луч перед ночью; именно этот луч коснулся головы павшего короля на перекрестке дорог, когда это увидел Фродо. Но на поля Пеленнора под тенью Миндолуина свет не пробился: поля оставались коричневыми и тоскливыми.

Пиппину казалось, что прошел год с тех пор, как он сидел здесь, в полузабытые времена, когда он еще был хоббитом, легкомысленным путешественником, которого мало изменили пережитые опасности. Теперь он был маленьким солдатом города, готовившегося отражать нападение, одетый в гордый, но мрачный костюм башни стражи.

В другое время и в другом месте Пиппину и понравилось бы, может, его новое положение, но теперь он знал, что принимает участие не в игре: он поклялся служить угрюмому хозяину в смертельной опасности. Он ощущал на своем теле тяжесть кольчуги и шлема. Плащ его лежал рядом на сидении. Он отвел усталый взгляд от темных полей внизу, зевнул и вздохнул.

— Вы устали сегодня? — спросил Берегонд.

— Да, — ответил Пиппин, — очень. Устал от безделья и ожидания. И протер пятки у дверей кабинета своего хозяина за долгие медленные часы, пока он совещался с Гэндальфом, принцем и другими важными персонами. Я не привык, мастер Берегонд, ожидать голодным, когда другие едят. Это тяжелое испытание для хоббита. Несомненно вы подумаете, что я глубже оцениваю честь. Но чего хорошего в этой чести? Чего хорошего в еде и питье под этой ползущей тенью? Что бы она означала? Воздух кажется густым и коричневым! У вас часто бывает такая тьма, когда дует восточный ветер?

— Нет, — сказал Берегонд, — это не просто непогода. Это какое-то злобное колдовство, какой-то черный дым, сваренный в горе огня и посланный им, чтобы омрачать сердца и мысли, что он и делает. Хотел бы я, чтобы вернулся Фарамир! Он бы не испугался. а теперь кто знает, сумеет ли он вернуться из-за реки во тьме?

— Да, — сказал Пиппин. — Гэндальф тоже беспокоится. Я думаю, он разочарован, не застав здесь Фарамира. А куда же он девался. Он оставил совет у повелителя перед обедом и,

мне кажется, ушел в дурном настроении. Возможно, у него какие-то предвестники... Плохих новостей.

Неожиданно они застыли, онемели, превратились как бы в два слушающих камня. Пиппин присел, прижимая руки к ушам, но Берегонд, который в это время выглядывал из укрепления, остался тут, напряженный, глядя широко открытыми глазами. Пиппин узнал услышанный им крик: тот же крик он слышал где-то в Уделе, но теперь сила и ненависть в этом крике возросли, пронзив сердце ядовитым отчаянием.

Наконец Берегонд с усилием заговорил.

— Они пришли! — сказал он. — Наберитесь храбрости и выпляните! Там внизу свирепые существа.

Пиппин неохотно сполз с сидения и заглянул через стену. Тусклый Пеленнор лежал перед ним, теряясь у едва различимой линии великой реки. Но теперь под собой он увидел быстрое кружение; как тени в глухую ночь, пять птицеподобных фигур кружили там, ужасные, как пожиратели падали, но больших размеров, чем орлы, жестокие, как смерть. Вот они снизились, пролетев на расстоянии выстрела из лука от стены, повернули и улетели.

— Черные Всадники! — пробормотал Пиппин. — Черные Всадники в воздухе. Но смотрите, Берегонд! — воскликнул он. — Они кого-то ищут. Видите, как они кружат, как наклоняются вон к той точке? Что-то движется по земле. Маленькие темные фигурки. Да, люди на лошадях: четыре или пять. Ах, я не могу этого выдержать! Гэндальф! Гэндальф, спасите нас!

Послышался еще один крик, и Пиппин отшатнулся от стены, дыша, как загнанное животное. Слабым и невероятно удаленным после этого леденящего крика показался ему звук трубы, кончавшийся долгой высокой нотой.

— Фарамир! Лорд Фарамир! Это его сигнал! — воскликнул Берегонд. — Храброе сердце! Но как он сможет пробиться к воротам, если эти адские ястреба обладают другим оружием, кроме страха! Смотрите! Они отбиваются. Они движутся к воротам. Нет, лошади понесли, люди сброшены. Они бегут пешком. Нет, один усидел, но он возвращается к остальным. Это Фарамир, он владеет людьми и животными. Ах! Одно из этих страшилищ летит на него. Помогите! Помогите! Неужели никто не выйдет? Фарамир!

С этими словами Берегонд прыгнул и побежал во тьму. Стыдясь своего испуга — а ведь Берегонд вначале подумал о своем предводителе, которого он любил, — Пиппин встал и выглянул. В этот момент он увидел бело-серебряную вспышку, несущуюся с севера, как будто маленькая звезда упала на мрачное поле. Она двигалась со скоростью стрелы и все росла, быстро приближаясь к четверым людям, бегущим к воротам; Пиппину показалось, что от нее распространяется бледный свет и расходятся тяжелые тучи; потом он расслышал громкий голос.

— Гэндальф! — закричал он. — Гэндальф! Он всегда появляется в самую тяжелую минуту. Вперед! Вперед, белый всадник! Гэндальф! Гэндальф! — дико кричал он, как болельщик на бегах, подгоняющий спортсмена, не нуждающегося в подбадривании.

Темные летящие тени увидели вновь прибывшего. Одна из них повернула к нему. И Пиппину показалось, что Гэндальф поднял руку, и из нее вверх ударил белый луч. Назгул испустил долгий воющий крик и свернул в сторону; остальные тоже повернули и, поднимаясь быстрой спиралью, полетели на восток и исчезли в низких тучах. Пеленнор показался теперь менее мрачным.

Пиппин видел, как встретились и остановились Гэндальф и всадник, поджидая пеших. Из города торопились люди; вскоре все исчезли за внешней стеной. Пиппин понял что они вошли в ворота. Решив, что они пойдут к наместнику, он заторопился к входу в цитадель. Здесь к нему присоединились многие свидетели нападения, смотревшие с высоких стен.

Вскоре с улицы, ведущей к внешним кругам донесся шум, слышались приветственные

возгласы, выкрикивали имя Фарамира и Митрандира. Вскоре Пиппин увидел факелы; сопровождаемые густой толпой, медленно ехали два всадника: один весь в белом, он больше не сиял и казался бледным в сумерках, как будто весь его огонь был истрачен; а второй, темный, ехал со склоненной головой. Они спешили и, когда коней увели, Обгоняющего Тень и другую лошадь, пошли к часовому у входа: Гэндальф уверенно, отбросив свой серый плащ, в глазах его все еще пылало пламя; другой, одетый в зеленое, медленно, пошатываясь немного, как смертельно уставший или раненный.

Пиппин протиснулся вперед и, увидев бледное лицо Фарамира, затаил дыхание. Это было лицо человека, испытавшего крайний ужас или боль, но овладевшего ими и теперь спокойного. Гордо и серьезно говорил он с часовым, и Пиппин, всмотревшись внимательнее, увидел, как он похож на своего брата Боромира — Пиппину с самого начала понравился Боромир, с его огромной силой и величественными, но добродушными манерами. Но тут сердце Пиппина тронуло чувство, не знакомое ему раньше. Здесь стоял человек высокого благородства, какое временами открывалось в Арагорне, возможно, менее высокого, но все же неизмеримого: один из королей людей, рожденных в позднее время, но тронутых мудростью и печалью древней расы. Он понял, почему Берегонд произносил его имя с любовью. Это был предводитель, за которым идут люди, идут даже в тень черных крыльев.

— Фарамир! — громко кричал он вместе с остальными. — Фарамир! — И Фарамир, уловив его странный голос среди общего гула людей города, повернулся и, увидев его, весьма удивился.

— Откуда вы? — спросил он. — Невысоклик, и в мундире башни! Откуда...

Но тут к нему подошел Гэндальф и сказал.

— Он пришел со мной из земли невысокликов. Но не будем задерживаться здесь. Нам многое предстоит сказать и сделать, а вы устали. Он же пойдет с нами. Он должен идти, если не забыл своих обязанностей. Пиппин, иди за нами!

Наконец они прошли в личные помещения повелителя города. Здесь у жаровни с углями были приготовлены глубокие кресла и принесено вино, Пиппин, почти никем не замеченный, стоял за креслом Денетора и не чувствовал усталости, так напряженно он прислушивался к разговору.

Отъев кусочек белого хлеба и выпив глоток вина, Фарамир сел в низкое кресло слева от отца. С другой стороны немного в отдалении сел Гэндальф. Вначале казалось, что он спит. Фарамир сначала говорил только о поручении, с которым был послан десять дней назад; он принес новости об Итилиен и о продвижении врага и его союзников. Он рассказал о схватке с людьми из Харада и их огромных животных. Капитан докладывал начальнику о своих делах, как это бывало и раньше, о пограничных стычках, которые теперь казались бесполезными.

Потом неожиданно Фарамир посмотрел на Пиппина.

— Я подхожу к странным событиям, — сказал он. — Это не первый невысоклик, пришедший из северных легенд в южные края, которого я вижу.

При этих словах Гэндальф выпрямился и сжал рукоятки кресла, но ничего не сказал и взглядом остановил восклицание Пиппина. Денетор взглянул на их лица и кивнул головой, как бы в знак того, что понял гораздо больше сказанного. Медленно, пока остальные сидели молча и неподвижно, Фарамир продолжил свой рассказ, глядя большей частью на Гэндальфа и изредка посматривая на Пиппина, как бы для того, чтобы оживить воспоминания о другом хоббите.

Когда его рассказ перешел от встречи с Фродо и его слугой к событиям в Хеннет Аннуне, Пиппин увидел, что руки Гэндальфа сжимающие резное кресло, дрожат. Теперь они казались белыми и очень старыми, и, глядя на них, Пиппин с дрожью понял, что Гэндальф, сам Гэндальф обеспокоен, встревожен, почти испуган. Воздух в комнате был душен и неподвижен. Наконец, когда Фарамир рассказывал о своем расставании с путешественниками и их решении идти к

Кирит Унголу, голос его дрогнул, он покачал головой и вздохнул, Гэндальф вздрогнул.

— Кирит Унгол? Долина Моргула? — спросил он. — Время, Фарамир, время? Когда вы расстались с ними? Когда должны они достичь этой проклятой долины?

— Я расстался с ними утром два дня назад, — ответил Фарамир. — Оттуда до долины Моргулдуина пятнадцать лиг, если они двинутся прямо на юг; и они окажутся еще в пяти лигах западнее проклятой башни. Они не могли прийти туда быстрее, чем сегодня — может, и сейчас еще не пришли. Я понимаю, чего вы боитесь. Но тьма не связана с ними. Она началась вчера вечером, и прошлой ночью вся Итилиен была под тенью. И мне ясно, что враг долго готовил нападение на нас, и час нападения был назначен до того, как путники покинули наше убежище.

Гэндальф встал и прошелся по комнате.

— Утром, два дня назад, и оттуда три дня пути! Как далеко место, где вы расстались?

— Двадцать пять лиг по прямой, — ответил Фарамир. — Но я не мог прийти быстрее. Вчера вечером я лежал на Каир Андросе, длинном острове на реке, который мы удерживаем; лошади переправились на другой Берег. Когда наступила тьма, я понял, что нужно торопиться, поэтому я поехал с тремя другими. Свой отряд я отправил на юг, чтобы усилить гарнизон бродов Осгилиата. Надеюсь, я не поступил неверно? — он взглянул на отца.

— Неверно? — воскликнул Денетор, и глаза его сверкнули. — Почему ты спрашиваешь? И люди были в твоём распоряжении. Или ты спрашиваешь мое мнение о всех твоих делах. Нескоро же ты обратился ко мне за советом. Ты говорил искусно, как всегда, но разве я не видел, что ты смотрел на Митрандира, спрашивая его, хорошо ли ты сказал и не сказал ли ты слишком много. Он давно уже захватил твое сердце.

Мой сын, твой отец стар, но еще не выжил из ума. Я вижу и слышу; и мало из того, что ты скрыл, о чем умолчал, неясно мне. Я знаю ответ на многие загадки. Увы, увy, Боромир!

— Если то, что я сделал, вам не нравится, отец, — спокойно сказал Фарамир, — то я хотел бы получить ваш совет до того, как принимать столь тяжелое решение.

— Разве это изменило бы твое решение? — спросил Денетор. — Я думаю, ты все равно поступил бы так же. Я хорошо знаю тебя. Ты желаешь быть таким же величественным, щедрым и добрым, как короли древности. Может так и подобает человеку высокой расы, обладающему силой и миром. Но в наши отчаянные дни великодушие оборачивается и смертью.

— Да будет так! — сказал Фарамир.

— Да будет так! — воскликнул Денетор. — Но не только твоей смертью, Фарамир, но и смертью твоего отца и всего твоего народа, который ты теперь, после гибели Боромира обязан защищать.

— Вы хотели бы, чтобы мы поменялись местами? — спросил Фарамир.

— Да, я хочу этого, — сказал Денетор. — Ибо Боромир был верен мне и не смотрел в глаза колдунам. Он помнил бы потребности своего отца и не расточал бы то, что послала ему судьба. Он принес бы мне ее могучий дар.

На мгновение сдержанность изменила Фарамиру.

— Я прошу вспомнить, отец, почему я, а не он оказался в Итилиене. Наши поручения были даны нам повелителем города.

— Не добавляй горечи в мою чашу, — сказал Денетор. — разве не пил я ее много ночей? Если бы можно было все изменить! Тогда бы эта вещь была моей!

— Успокойтесь! — сказал Гэндальф. — Боромир ни в коем случае не принес бы ее вам. Он умер, и умер хорошо, пусть спит в мире. Он протягивал руки к этой вещи, но если бы он получил ее, он бы погиб. Он взял бы ее для себя, и вы бы не узнали сына, когда он вернулся бы.

Лицо Денетора стало жестким и холодным.

— Боромир оказался менее послушным вам, не так ли? — Негромко спросил он. — Но я,

тот, кто был его отцом, говорю: он принес бы ее мне. Вы, может быть, и мудры, Митрандир, однако со всеми вашими тонкостями у вас еще не вся мудрость. Мудрость может найтись и не в сетях колдунов, и не в торопливости глупцов. В этом деле у меня больше знаний и мудрости, чем вы считаете.

— В чем же ваша мудрость? — спросил Гэндальф.

— Ее достаточно, чтобы проникнуть в дело, которое два глупца пытаются скрыть. Использовать эту вещь опасно. Но в наше время отдать ее в руки безмозглых невысокликов и отправить в землю самого врага, как сделали это вы и этот мой сын, безумие.

— А что сделал бы повелитель Денетор?

— Ничего. Но уж во всяком случае не послал бы ее в глупой надежде, рискуя всеобщим разрушением, туда, где враг может найти то, что потерял. Нет, его следовало бы спрятать, спрятать глубоко и надежно. Не использовать, говорю я, разве только в одном крайнем случае, но держать в недостижимости для врага. Только если его победа будет несомненна и то, что последует за ней, не будет уже тревожить нас, мертвых.

— Вы, по своей привычке, думаете только о Гондоре, повелитель, — сказал Гэндальф. — Но есть другие люди и другие жизни, и время продолжается. Что касается меня, то я жалею даже его рабов.

— Где же будут другие люди искать помощь, если Гондор падет? — спросил Денетор. — Если бы эта вещь хранилась в глубоких подземельях моей цитадели, мы не дрожали бы тут от страха перед этой Тьмой. Если вы думаете, что я не выдержал бы испытания, вы плохо знаете меня.

— Тем не менее я не верю вам, — сказал Гэндальф. — Если бы я верил, я передал бы эту вещь вам на хранение и избавил бы и себя и других от большой боли. А теперь слыша ваши слова, я верю вам еще меньше, не больше, чем Боромиру. Нет, сдержите же свой гнев! Я даже себе самому не доверяю в этом, я отказался от этой вещи, даже когда ее добровольно передавали мне. Вы сильны и можете управлять собой, Денетор; но если бы вы получили эту вещь, она овладела бы вами. Даже если бы ее похоронили под Миндолуином, она продолжала бы жечь ваш мозг, когда наступала Тьма, а ведь за ней последуют худшие вещи.

На мгновение глаза Денетора сверкнули, когда он глядел на Гэндальфа, и Пиппин снова ощутил схватку их воли; теперь их взгляды показались ему лезвиями скрестившимися и брызнувшими искрами. Пиппин дрожал, опасаясь взрыва. Но Денетор внезапно овладел собой, лицо его вновь стало холодным. Он пожал плечами.

— Если бы... — Сказал он. — Сейчас такие слова напрасны. Они ушли в тень, и только время покажет, какая судьба ждет ее и нас. И ждать этого недолго. А в оставшиеся дни пусть те, кто борется с врагом, держатся вместе и сохраняют надежды, а если и надежды не останется, то можно хоть умереть свободным. — Он повернулся к Фарамиру. — Что ты думаешь о гарнизоне Осгилиата?

— Он слаб, — сказал Фарамир. — Я послал свой отряд на его укрепление, как уже говорил.

— Я думаю, этого мало, — сказал Денетор. — А именно туда падет первый удар. Там нужен сильный капитан.

— И там, и во всех других местах, — сказал Фарамир и вздохнул. — Увы, нет моего брата, которого я так любил! — он встал. — Вы разрешите, отец? — он покачнулся и ухватился за кресло отца.

— Я вижу, ты устал, — сказал Денетор. — Ты скакал быстро и издалека. Мне говорили, что тебя преследовали злые существа с воздуха?

— Не будем говорить об этом, — сказал Фарамир.

— Не будем, — согласился Денетор. — Иди отдыхать. Силы тебе еще понадобятся.

С разрешения повелителя города все отправились отдыхать, пока была возможность. Когда Гэндальф и Пиппин, несший маленький факел, шли к себе, была беззвездная тьма. Они молчали, пока не оказались за закрытыми дверями. Тогда наконец Пиппин взял Гэндальфа за руку.

— Скажите мне, — попросил он, — есть ли надежда? Я имею в виду — для Фродо.

Гэндальф положил руку на голову Пиппина.

— Надежда никогда не была особенно сильной, — сказал он. — Глупая надежда, как я говорил. А когда я услышал о Кирит Унголе, — он замолчал и подошел к окну, как будто стремился проникнуть в Тьму на востоке.

— Кирит Унгол! — пробормотал он. — Почему именно этот путь? — он повернулся. — Мое сердце едва не изменило мне, Пиппин когда я услышал это название. И однако сейчас мне кажется, что в рассказе Фарамира есть какая-то надежда. Очевидно, что враг наконец начал войну и сделал первый ход, пока Фродо еще на свободе. Теперь в течение многих дней внимание его будет устремлено сюда, то есть отвлечено от его собственной земли. И однако, Пиппин, я издавна чувствую его торопливость и страх. Он начал раньше, чем собирался. Что-то подтолкнуло его.

Гэндальф стоял в задумчивости.

— Может быть, — пробормотал он. — Может быть, даже твоя глупость помогла, сын мой. Посмотрим: пять дней назад он обнаружил, что мы низвергли Сарумана и взяли его камень. Ну и что? Мы не могли воспользоваться им, не могли смотреть в него так, чтобы он не знал. Ах! Я догадываюсь. Арагорн. Его время близится. И он могуч, Пиппин, и отважен, решителен и способен в случае необходимости на большой риск и на большие дела. Может быть, и так. Он смог использовать камень и показаться врагу, бросить ему вызов. Ну, ответ мы не узнаем, пока не придут всадники Рохана, если они придут не слишком поздно. Нас ждут тяжелые дни. Спи, пока можно.

— Но... — Начал Пиппин.

— Что «но»? Только одно «но» на сегодняшний вечер.

— Горлум, — сказал Пиппин. — Как они могли идти с ним, даже идти за ним? И я видел, что Фарамиру то место, куда Горлум повел их, нравилось не больше, чем вам. Что здесь плохого?

— Пока не могу ответить, — сказал Гэндальф. — Сердце мое предвещало, что Фродо и Горлум еще встретятся перед концом. Для добра или для зла. Но о Кирит Унголе я не буду говорить сегодня. Предательства, предательства я боюсь, измены этого жалкого существа. Но пусть будет так. Вспомним, что предатель может изменить себе и совершить доброе дело вопреки своим намерениям. Иногда бывает и так. Спокойной ночи!

Следующий день начался с утра, подобного коричневой пыли, и сердца людей, приободрившиеся немного в связи с возвращением Фарамира, снова опустились. В этот день крылатые тени не были видны, но время от времени высоко над городом раздавался слабый крик, и многие слышавшие его останавливались, пораженные ужасом; менее стойкие дрожали и плакали.

А Фарамир снова ускакал.

— Ему не дали даже отдохнуть, — ворчали некоторые. — Повелитель слишком жестоко обращается со своим сыном, а ведь он сейчас должен выполнять обязанности двоих — свои и того, кто не вернется.

И все поглядывали на север, спрашивая:

— Где же всадники Рохана?

На самом деле Фарамир уехал не по своей воле. Повелитель города был главой его совета и не склонен был в тот день прислушиваться к словам остальных. Рано утром был созван совет.

Все капитаны решили что из-за угрозы на юге их силы слишком малы, чтобы самим нанесли удар, пока не придут всадники Рохана. Пока же следует укрепить стены и ждать.

— Однако, — сказал Денетор, — мы не можем легко отказаться от внешней защиты, от Риммаса, сделанного с таким трудом. И враг должен дорого заплатить за проход через реку. Чтобы напасть на город, он должен переправиться через реку. На севере у Каир Андроса этому мешают болота, на юге, у Лебеннина, река слишком широка и требуется много лодок. Он ударит по Осгилиату, как и раньше, когда Боромир помешал ему переправиться.

— Это будет лишь отсрочкой, — сказал Фарамир. — Сегодня мы можем заставить врага понести вдесятеро большие потери, чем у нас, и все же пожалеть об этом. Потому что враг может легче потерять войско, чем мы — отряд. А отступление тех, кто выйдет в поле, будет страшным, если враг переправит свои силы.

— А Каир Андрос? — сказал принц. — Его тоже нужно удерживать, если мы защитим Осгилиат. Не будем забывать об опасности слева. Рохиррим могут прийти, а могут и не прийти. А Фарамир сообщил нам об огромных силах движущихся к черным воротам... Оттуда может выйти не одно войско и ударить по нескольким проходам.

— Мы многим рискуем в этой войне, — сказал Денетор. — Каир Андрос имеет свой гарнизон, и больше мы никого не можем послать туда. Но я не отдам реку и Пеленнор без борьбы — не отдам, если найдется здесь капитан, достаточно храбрый, чтобы выполнить волю своего повелителя.

Все молчали. Наконец Фарамир сказал:

— Я не противлюсь вашей воле, отец. Поскольку вы лишились Боромира, я пойду и, как смогу, заменю его — если вы прикажете.

— Прикажу, — сказал Денетор.

— Тогда прощайте, — сказал Фарамир. — Но если я вернусь, думайте обо мне лучше!

— Это зависит от того, как ты вернешься, — сказал Денетор.

Гэндальф последним разговаривал с Фарамиром перед его отъездом.

— Не рискуйте жизнью в гневе или обиде. Вы еще понадобится здесь, — сказал он. — И отец любит вас, Фарамир, и вскоре вспомнит об этом. Добрый путь!

Так Фарамир снова отправился в путь, взяв с собой добровольцев и тех, кого ему можно было выделить. Со стен многие смотрели через полумглу на разрушенный город, но там ничего не было видно. Другие по-прежнему смотрели на север и считали лиги, отделявшие их от Теодена Роханского.

— Придет ли он? Вспомнит ли наш старый союз? — говорили они.

— Да, он придет, — сказал Гэндальф, — даже если придет слишком поздно. Но подумайте! В лучшем случае он получил красную стрелу лишь два дня назад, а от нас до эдораса долгие мили.

Ночью было получено известие. От брода прискакал человек, доложивший, что большое войско вышло из Минас Моргула и направляется к Осгилиату; к нему присоединяются отряды с юга, жестокие и высокие харадрим.

— Мы узнали, — сказал гонец, — что войско вновь ведет черный капитан, и страх перед ним раньше его достиг реки.

С этими предвещающими беду словами кончился третий день пребывания Пиппина в Минас Тирите. Мало кто мог спать: ни у кого не оставалось надежды, что Фарамир сумеет удержать брод.

На следующий день, хотя Тьма достигла наибольшей силы и не углублялась, она тяжестью лежала на сердцах людей, и многие были в ужасе. Снова поступили дурные новости. Брод через Андун был захвачен врагом. Фарамир отступил к стене Пеленнора, вновь собрав своих людей у

ворот стены; но враги в десять раз превосходили числом.

— Если он сумеет пробиться через Пеленнор, враги будут преследовать его по пятам, — сказал вестник. — Они дорого заплатили за переход, но меньше, чем мы надеялись. Их план был тщательно разработан. Теперь ясно, что они в тайне построили большой флот лодок и барж в восточном Оспиляте... Они кишели повсюду, как муравьи. Но мы же отступили лишь из-за черного капитана. И мало кто может выстоять при одном известии о его приближении. Собственные солдаты дрожат перед ним и способны убить себя по его приказу.

— Тогда я там более необходим, чем здесь, — сказал Гэндальф и снова выехал из города, и его сверкание скоро исчезло из вида. И всю ночь Пиппин в одиночестве простоял на стене, глядя на восток.

Едва прозвучали колокола начала дня — звон из звучал насмешкой в беспросветной тьме, — как Пиппин увидел впереди, там, где находились стены Пеленнора, туманные огни. Часовой закричал, и все люди города схватились за оружие. Время от времени видны были красные вспышки и тяжелый воздух доносил глухие раскаты.

— Они взяли стену! — кричали люди. — Они пробили в ней брешь! Они идут.

— Где Фарамир? — в отчаянии закричал Берегонд. — Не говорите, что он погиб!

Первые новости привез Гэндальф. С горстью всадников, сопровождавших в качестве охраны линию телег, он прискакал в середине утра. Телеги были нагружены ранеными. Гэндальф немедленно отправился к Денетору. Повелитель города находился в высоком кабинете белой башни, с ним был Пиппин. Денетор пытался разглядеть что-то на севере, юге и востоке через тусклые окна. Больше всего смотрел он на север, прислушиваясь, как будто какое-то древнее искусство давало ему возможность услышать топот копыт на далеких равнинах.

— Фарамир пришел? — спросил он.

— Нет, — ответил Гэндальф, — но он был жив, когда я уезжал. Он решил остаться с арьергардом, чтобы отступление через Пеленнор не превратилось в бегство. Возможно он со своими людьми еще продержится какое-то время, но я сомневаюсь в этом. Он сражается со слишком сильным врагом. Потому что пришел тот, кого я и опасался.

— Не... Не Повелитель Тьмы? — воскликнул Пиппин, в ужасе забыв о своем положении.

Денетор горько рассмеялся.

— Нет, еще нет, мастер Перегрин! Он придет лишь торжествовать надо мной, когда все будет кончено. Он использует других, как свое оружие. Так поступают все великие властители, если они мудры, мастер невысоклик. Иначе почему бы я сидел в своей башне, смотрел, размышлял и ждал, лишившись даже своих сыновей? Я могу еще владеть мечом.

Он встал, отбросил длинный черный плащ, и смотрите! Под плащом оказалась кольчуга и пояс с длинным мечом в черно-серебряных ножнах.

— Так я ходил когда-то и так впервые за много лет спал, — сказал он, — хотя тело мое от возраста стало менее крепким и сильным.

— Однако теперь самый свирепый из капитанов повелителя Барад-Дура захватил внешнюю стену, — сказал Гэндальф. — Король древнего Ангмара, волшебник, Дух Кольца, глава назгулов, Копье Ужаса в руке Саурана, Тень Отчаяния.

— Значит, Митрандир, вы нашли достойного врага, — сказал Денетор. — Я сам давно знал, кто главный капитан войск Башни Тьмы. Вы явились, чтобы сказать это? Или отступили, потому что столкнулись с более грозной силой?

Пиппин дрожал, опасаясь гневной вспышки Гэндальфа, но опасения его оказались напрасными.

— Может быть и так, — спокойно ответил Гэндальф. — Но испытание нашей силы еще не настало. Но если справедливы сказанные в древности слова, не от руки мужчины он падет, и

судьба, ожидающая его, скрыта от мудрых. Но все же Капитан Отчаяния не движется впереди. Скорее он действует, руководствуясь вашими словами, из тыла и гонит перед собой своих рабов.

Нет, я пришел, охраняя раненых, которых еще можно вылечить, — продолжал Гэндальф. — Брешь в стене Риммас широка, и войско Моргула скоро прорвется из многих пунктов. И вот для чего, главным образом, я пришел. Скоро начнется битва на полях. Нужно приготовить вылазку, собрать всадников. В этом единственная наша надежда, только в этом враг еще уступает нам: мало у него лошадей.

— И у нас их мало. Сейчас очень кстати был бы приход всадников Рохана, — сказал Денетор.

— Но скорее мы увидим прибытие других, — сказал Гэндальф. — К нам явились беженцы с Каир Андроса. Остров пал. Вторая армия, вышедшая из черных ворот, пересекает реку севернее.

— Некоторые принимают вас, Митрандир, как вестника дурных новостей, — сказал Денетор, но для меня это больше не новость: это я узнал еще вчера вечером. Что касается вылазки, то я уже думал о ней. Спустимся!

Время шло. Наконец зрители на стенах увидели отступление остатков защитников брода. Маленькие группы усталых и израненных людей вначале прибывали в беспорядке; некоторые бежали, как будто за ними гнались. На востоке мерцали отдаленные огни; теперь казалось, что они ползут по равнине. Горели дома и амбары. Потом показались маленькие реки огня и потекли по равнине, направляясь к широкой дороге, соединившей ворота города с Осгилиатом.

— Враг, — бормотали люди. — Стена прорвана. Они прошли через бреши. Они несут с собой факелы. Где же наши?

Приближался вечер, было так темно, что даже самые зоркие люди в цитадели мало что могли разглядеть на полях, кроме увеличивающегося числа пожаров и линий огней, которые стали длиннее и двигались быстрее. Наконец примерно в миле от города появилась группа людей в относительном порядке — они шли, а не бежали и держались вместе.

Наблюдатели затаили дыхание.

— Там должен быть Фарамир, — говорили они. — Он владеет людьми и животными. Он там!

Главные силы отступающих находились уже в полумиле. В самом тылу скакала группа всадников. Время от времени они поворачивались, глядя на наступающие линии огней. Неожиданно раздался хор яростных криков. Появились всадники врага. Линия огня превратилась в стремительное течение, ряды орков несли горящие факелы, дикие люди юга под красными знаменами, хрипло крича, догоняли отступающих. И с пронзительным криком с тусклого неба упали крылатые тени — назгулы, пикирующие для убийства.

Отступление превратилось в бегство. Люди бежали, бросая оружие, крича от ужаса, падая на землю.

И тогда в цитадели прозвучала труба — Денетор дал приказ начинать вылазку. Все всадники, оставшиеся в городе, ждали этого сигнала у ворот в тени внешней стены. Они галопом понеслись вперед и с силой ударили по наступавшим. Впереди скакали рыцари Дол Амрота во главе со своим принцем и голубым знаменем.

— Амрот за Гондор! — кричали он. — Амрот за Гондор! Амрот и Фарамир!

Как буря ударили они с обеих флангов отступления на врага, но один всадник опередил их всех, быстрый как ветер в траве, Обгоняющий Тень нес его; он скакал, отбросив серый плащ, свет струился по его поднятой руке.

Назгулы с криком свернули в сторону: их капитан еще не ответил на вызов белого огня своего противника. Войско Моргула, увлекшись погоней за добычей, застигнутое врасплох, дрогнуло, рассыпавшись, как искры под порывом бури. Отступавшие сами с криками повернули

и бросились на врага. Охотники превратились в преследуемых. Отступление перешло в атаку. Поле покрылось телами орков и людей, поднимался дым от чадающих факелов. Кавалерия пустилась в погоню.

Но Денетор не позволил уходить далеко. Хотя враг дрогнул и начал отступать, но с востока подходили новые большие силы. Снова прозвучала труба, призывая к отступлению. Конница Гондора остановилась. Под ее защитой отступавшие перестроились. Они пошли к городу, достигли ворот и гордо и с достоинством вступили в них. Люди города с гордостью смотрели на них, выкрикивая слова похвалы, но в глубине сердца они были сильно встревожены. Отряды сильно поредели. Фарамир потерял треть своих людей. И где же он сам?

Он появился последним. Люди его прошли. Вернулись конные рыцари, в тылу их ехал принц. Он держал в руках своего родственника Фарамира, сына Денетора, подобранного на поле боя.

— Фарамир! Фарамир! — кричали люди, вытирая слезы. Но он не отвечал, и его понесли по извивающейся дороге в цитадель к отцу. В тот момент, когда назгулы отвернули от белого всадника, прилетела смертоносная стрела, и Фарамир, сражавшийся с предводителем харадрим, упал на землю. Только удар Дол Амрота спас его от красного меча южанина, готового разрубить лежавшего.

Принц Имрахил принес Фарамира в белую башню и сказал:

— Ваш сын вернулся, повелитель, после великих деяний, — и рассказал о том, что видел.

Денетор встал и молча посмотрел в лицо сына. Он приказал устроить постель в своем кабинете и положить на нее Фарамира. А сам отправился в тайную комнату на вершине башни; и многие видели в ее узких окнах бледный свет. А когда Денетор спустился, он сел рядом с телом сына и молчал... Но лицо повелителя было серым и более неподвижным, чем лицо его сына.

Та был осажден город, окружен кольцом врагов. Стена Риммас была пробита и весь Пеленнор захвачен врагами. Последнее известие принесенное извне, было принесено людьми, успевшими прибежать с северной дороги до закрытия ворот. Это были остатки отряда, охранявшего путь из Анориен и Рохана к броду. Ими командовал Инголд, тот самый, что пять дней назад пропустил Гэндальфа и Пиппина, когда еще сияло солнце и утро было полно надежд.

— Новостей о рохиррим нет, — сказал он повелителю. — Теперь уж Рохан не придет. И если и придет, то не спасет нас. Войско очень сильное: батальоны орков со знаком глаза и бесчисленные толпы людей, каких мы не встречали раньше. Невысокие, но широкие, утрюмые, бородатые, как гномы, вооруженные большими топорами. Мы думаем, они пришли из какой-то варварской земли на востоке. Они захватили северную дорогу и массами устремились в Анориен. Рохиррим не могут прийти.

Ворота закрылись. Всю ночь часовые на стенах слышали гул врагов, кишевших снаружи; они жгли поля и деревья, рубили подряд всех людей, захваченных снаружи, живых или мертвых. Число врагов, перешедших реку трудно было определить во тьме, но когда над равниной поднялось утро, точнее его тусклая тень, стало ясно, что даже в ночных страхах трудно было преувеличить их число. Равнина потемнела от марширующих отрядов, и насколько хватало глаз, повсюду, как грибы-поганки, появлялись лагеря черных и ярко-красных платок.

Копошась, как муравьи, орки торопливо копали глубокую траншею, кольцом охватившую город на дальности выстрела из лука; когда траншея была окончена, ее заполнили огнем, хотя никто не видел, как он разжигался и поддерживался. Весь день продолжалась эта работа, а люди Минас Тирита смотрели, не в силах помешать ей. Когда траншея была готова, они увидели большие телеги; в сопровождении отрядов орков они везли различные метательные снаряды. Ни один стрелок в городе не мог достать до них и прекратить их работу.

Вначале люди смеялись и не очень опасались этих механизмов. Главная стена города была очень высокой и толстой, она была построена, когда еще помнили силу и искусство Нуменора: ее внешняя поверхность была подобна башне Ортханка, она была гладкая, темная и твердая, недоступная ни стали, ни огню, неразрушимая, разве что сама земля содрогнется в конвульсиях.

— Нет, — говорили жители Минас Тирита. — Даже если бы Неназываемый пришел сюда, он не смог бы войти, пока мы живы.

Но другие отвечали:

— Пока мы живы? Но долго ли мы проживем. У него есть оружие, которое привело к падению многие крепости начала мира. Голод. Дороги отрезаны. Рохан не придет.

Но машины не тратили на непробиваемые стены. Не простой капитан или предводитель орков руководил нападением на величайшего врага Мордора. Власть и злоба руководили им. Как только со множеством криков, со скрипом веревок и колес были установлены большие катапульты, они начали бросать снаряды удивительно высоко, так что они пролетали над укреплениями и с грохотом падали внутри первого круга города; и многие из них, благодаря тайному искусству, взрывались огнем, падая на землю.

Вскоре возникла опасность большого пожара, и все, кто был способен, тушили огонь, вспыхивающий во многих местах. Потом на город обрушились другие снаряды, менее разрушительные, но более ужасные. На улицы города посылались маленькие круглые снаряды, которые не взрывались. Некоторые люди побежали посмотреть, что это такое, и они громко закричали и заплакали. Потому что враг бросал в город головы тех, кто погиб в Оспиате, в Риммесе или на полях. Страшно было смотреть на них: некоторые были разбиты и бесформенны, некоторые грубо разрублены, но черты лица многих можно было разобрать, и казалось, что они умирали в мучениях; и на всех было выжжено клеймо в виде безвекого глаза. Но часто случалось, что люди узнавали лица своих знакомых, хотя они были изуродованы и обесчещены, которые недавно с оружием в руках гордо ходили по улицам, обрабатывали поля или приезжали на праздники с зеленых долин в горах.

Напрасно люди бессильно угрожали кулаками врагам, толпившимся перед воротами. Те не обращали внимания на проклятия, да и не понимали языка жителей города, а их хриплые крики напоминали вопли хищников или пожирателей падали. Но вскоре мало осталось в Минас Тирите таких, кто мог бы бросить вызов врагам. У Повелителя Тьмы было и другое оружие, более быстрое, чем голод: ужас и отчаяние.

Снова появились назгулы, и по мере того как Повелитель Тьмы разворачивал свои силы, их голоса, выражавшие лишь его волю и злобу, наполнялись злом и ужасом. Они кружили над городом, как грифы, ожидающие свой доли человеческого мяса. Их голоса потрясали воздух. С каждым новым криком они становились все непереносимее. Наконец даже самые могущественные падали на землю, когда скрытая угроза пролетала над ними, или останавливались, выронив оружие из онемевших рук, а разум их затягивала чернота, и они больше не думали о войне, а только об укрытии, о бегстве, о смерти.

На протяжении всего этого черного дня Фарамир лежал в постели в комнате белой башни, горя в лихорадке: кто-то сказал, что он умирает и скоро это повторяли все люди на стенах и улицах. Рядом с ним сидел его отец, молчал, смотрел на него и совершенно не интересовался защитой города.

Никогда, даже в плену у урук-хей, не испытывал Пиппин таких мрачных часов. Его обязанностью было ждать повелителя, и он ждал, забытый, по-видимому, стоя у двери в неосвещенной комнате и стараясь справиться с собственным страхом. Он смотрел, и ему казалось, что Денетор стареет на глазах, как будто что-то согнуло его гордую волю, а его строгий мозг разрушался. Может, это было результатом горя и раскаяния. Он видел слезы на

этих никогда не плакавших глазах, и это было еще невыносимее, чем гнев.

— Не плачьте, повелитель! — запинаясь, сказал он. — Может, он еще поправится. Вы спрашивали Гэндальфа?

— Не успокаивайте меня колдунами! — ответил Денетор. — Надежды глупцов развеялись. Враг нашел его, и теперь его власть увеличилась; он видит все наши мысли; все, что мы делаем, обречено на поражение.

Я послал моего сына, не поблагодарив и не благословив его, послал в ненужную опасность, и вот он лежит с ядом в венах... Нет, чем бы не кончилась война, моя роль в ней сыграна, а дому наместников пришел конец. Низкие люди будут править последними остатками королевства, прячась в холмах, пока их всех не переловят.

К дверям подходили люди, звали повелителя города.

— Нет, я не выйду, — отвечал он. — Я должен оставаться возле сына. Может, он еще заговорит перед концом. Конец близок. Слушайтесь кого хотите, даже серого дурака. Я остаюсь здесь.

Так Гэндальф принял на себя командование последней обороной столицы Гондора. И где бы он не появлялся, люди веселели и крылатые тени уходили из их памяти. Безустанно сновал он от цитадели к воротам с севера на юг вдоль стен; вместе с ним был принц Дол Амрота в своей сверкающей кольчуге. Он и его рыцари по-прежнему вели себя как повелители, в которых живет раса Нуменора. Люди, видевшие их, шепотом говорили:

— Старые предания говорили правду: в жилах этого народа течет кровь эльфов, потому что обитатели Нимроделя жили когда-то в этой земле.

И они начинали петь строки легенд о Нимроделе или другие песни долин Андуина давно ушедших годов.

И однако, когда они уходили, тень снова смыкалась над людьми, сердца их холодели, и слава Гондора превращалась в пепел. Так медленно переходили тусклые дни страха в тьму ночей отчаяния. Теперь в первом круге города уже не тушили пожары, и у гарнизона на внешней стене во многих местах были отрезаны пути отступления. Но мало кто оставался на своих местах, большинство бежало за вторые ворота.

Вдали от битвы через реку быстро перекинули мосты, и весь день по ним переходили войска и возили оружие. Наконец в середине ночи началось нападение. Авангард нападающих прошел через траншею огня по многим оставленным там окольным тропинкам. Они двигались вперед, попадая в пределы досягаемости лучников, но не обращая внимания на потери. Впрочем, мало осталось таких, кто мог бы причинить им потери, хотя свет огней превращал нападающих в отличную цель для лучников, искусством которых некогда гордился Гондор. Догадавшись, что сопротивление города слабеет, скрытый капитан посылал вперед свои силы. Медленно катились вперед во мраке большие осадные башни, сделанные в Оспиляте.

В кабинете белой башни появились вестники, и Пиппин пропустил их потому что они пришли со срочным сообщением. Денетор медленно отвел взгляд от лица Фарамира и молча взглянул на них.

— Первый круг города горит, повелитель, — сказали он. — Что вы прикажете? Ведь вы по-прежнему повелитель и наместник. Не все идут за Митрандиром. Люди бегут со стен и оставляют их беззащитными.

— Почему? Почему эти глупцы бегут? — спросил Денетор. — Лучше сгореть раньше, чем позже, потому что мы все равно должны сгореть. Возвращайтесь к пожарам! А я? Я пойду на свой погребальный костер. На погребальный костер! Не будет могилы Денетора и Фарамира. Не будет могилы! Не будет долгого медленного сна набальзамированных. Мы сгорим, как языческие короли, до того как корабли приплыли сюда с запада. Запад обречен. Идите и горите!

Вестники без поклонов и ответа убежали.

Денетор встал и выпустил горячую руку Фарамира.

— Он горит, уже горит, — печально сказал он. — Дом его духа сломлен.

Подойдя к Пиппину, он сверху вниз взглянул на него.

— Прощайте! — сказал он. — Прощайте, Перегрин, сын паладина! Ваша служба была короткой и теперь подошла к концу. Я освобождаю вас от того немногого, что осталось. Идите и умрите так, как считаете лучше всего. И с кем хотите, даже с другом, чья глупость привела вас к этой смерти. Пошлите за моими слугами и идите! Прощайте!

— Я не стану прощаться, повелитель, — сказал Пиппин, опускаясь на колени. Затем неожиданно, по-хоббичьи, он вскочил и посмотрел в глаза старику. Я воспользуюсь вашим разрешением, сэр, — сказал он. — Потому что очень хочу видеть Гэндальф. Но он не глупец; и я не хочу думать о смерти, пока продолжается жизнь. И я не хочу освободиться от службы у вас, пока вы живы. Если же они придут в цитадель, я надеюсь быть здесь, стоять с вами рядом и доказать, что вы не даром дали мне оружие.

— Делайте, как хотите, мастер невысоклик, — сказал Денетор. — Но моя жизнь разбита. Пошлите за моими слугами.

Он снова вернулся к Фарамиру.

Пиппин оставил его и позвал слуг. Они пришли: шесть человек, сильных и красивых — но от этого вызова они дрожали. Денетор спокойным голосом приказал им потеплее укрыть Фарамира и вынести его постель. Они подняли постель и вынесли ее из кабинета. Они шли медленно, стараясь как можно меньше беспокоить раненого, и Денетор, опираясь на посох, шел за ними. Последним шел Пиппин.

Как похоронная процессия, вышли они из белой башни во тьму, где низко нависшие тучи озарились далекими красными вспышками. Они пересекли двор и по приказу Денетора остановились у увядшего дерева.

Было тихо, лишь внизу в из города доносился гул войны, и они слышали, как печально капает с мертвых ветвей вода в темный бассейн. Потом они прошли через ворота цитадели, где на них с удивлением и отчаянием смотрели часовые. Повернув на запад, они подошли наконец к двери в тыловой части шестого круга. Эту дверь называли Фен Холлен, и она всегда была закрыта, за исключением дней похорон, и лишь повелитель города мог проходить этим путем, а также те, кто ухаживал за домами мертвых. За дверью оказалась извилистая дорога, которая спускалась к узкой площадке под тенью пропасти Миндолуин. Здесь находились мавзолеи мертвых королей и их наместников.

В маленькой будке у дороги сидел привратник: со страхом в глазах он вышел вперед, неся в руке лампу. По приказу повелителя он открыл дверь, она тихо скользнула в сторону; они вошли, взяв у него лампу. Внутри шел темный спуск между древними стенами и многочисленными колоннами, которые вырывал из тьмы луч лампы. Гул их шагов отдавался этим, когда они медленно спускались вниз, вниз, пока не пришли на Рат Динон — молчаливую улицу, по сторонам которой видны были бледные купола, пустые залы и изображения давно умерших людей; они вошли в дом наместников и опустили свою ношу.

Пиппин, беспокойно оглядываясь, увидел широкое сводчатое помещение, темное, так что свет лампы с трудом доходил до стен. Смутно виднелись ряды столов, выточенных из мрамора; на каждом столе лежал человек со сложенными руками и головой на каменной подушке. Один из столов, самый ближний был пуст. На него по знаку Денетора положили Фарамира и его самого, укрыв их одним одеялом, и слуги стояли с опущенными головами, как присутствующие на похоронах у постели умершего. Тогда Денетор заговорил тихим голосом:

— Здесь он будет ждать, — сказал он. — Но не присылайте бальзамировщиков. Принесите

сухих дров и уложите вокруг нас и под нами; полейте дрова маслом. И когда я прикажу, бросьте факел. Сделайте это и больше не разговаривайте со мной. Прощайте!

— С вашего разрешения, повелитель! — сказал Пиппин, повернулся и в ужасе убежал из этого дома смерти. — Бедный Фарамир! Я должен найти Гэндальфа, — думал он. — Бедный Фарамир! Он нуждается в лекарствах, а не в слезах. Где же мне найти Гэндальфа? В самой гуще событий, я думаю; и у него может не оказаться времени для умирающего или сумасшедшего.

У дверей он сказал одному из слуг, оставшемуся на страже.

— Ваш хозяин не в себе, — сказал он. — Вы действуйте медленнее. И не приносите сюда огня, пока жив Фарамир! Ничего не делайте до прихода Гэндальфа!

— Кто хозяин Минас Тирита? — ответил тот хоббиту. — Повелитель Денетор или серый путник?

— Серый путник или вообще никто, как кажется, — сказал Пиппин и заторопился по извивающемуся пути, как быстро могли нести его ноги, мимо изумленного привратника за дверь, вверх, пока не пришел к воротам цитадели. Часовой окликнул его, и Пиппин узнал голос Берегонда.

— Куда вы бежите, мастер Перегрин? — спросил он.

— Искать Митрандира, — ответил Пиппин.

— Приказание повелителя срочное, и я не могу вас задерживать, — сказал Берегонд, — но ответьте мне быстро: куда пошел повелитель? Я только что заступил на дежурство, но слышал, что он прошел в закрытую дверь и что перед ним несли Фарамира.

— Да, — сказал Пиппин. — На Молчаливую улицу.

Берегонд наклонил свою голову, чтобы скрыть свои слезы.

— Говорили, что он умирает, — сказал он, — а теперь он умер.

— Нет, — возразил Пиппин, — еще нет. Даже сейчас его смерть можно предотвратить, я думаю. Но повелитель города, любимый Берегонд, пал раньше, чем взят его город. Он безумен и опасен. — Он быстро пересказал слова и странные поступки Денетора. — Я должен немедленно найти Гэндальфа.

— Тогда вам нужно спуститься к битве.

— Я знаю. Повелитель отпустил меня. Но Берегонд, если сможете, сделайте что-либо, чтобы остановить ужасное.

— Повелитель не разрешает одетым в черное и серебряное оставлять свой пост в любом случае, кроме его собственного приказа.

— Что ж, придется выбирать между приказом и жизнью Фарамира, — сказал Пиппин. — Что же касается приказов, то теперь их отдает сумасшедший, а не повелитель. Я должен бежать. Вернусь, если смогу.

Он побежал вниз к внешнему кругу. Мимо него пробежали люди, спасающиеся от пожаров. Некоторые видя его мундир, поворачивались и кричали, но он не обращал на них внимания. Наконец он добежал до вторых ворот, за которыми стеной поднимался огонь. Было необыкновенно тихо. Не слышались ни крики битвы, ни звон оружия. Потом раздался ужасающий крик и глухой удар эха. Преодолевая приступ ужаса, который чуть не опустил его на колени, Пиппин завернул за угол и увидел площадь перед городскими воротами. Он застыл. Он нашел Гэндальфа, но отшатнулся, прячась в тени.

В середине ночи началось решающее наступление. Загремели барабаны. С севера и с юга отряд за отрядом враги устремились к стенам. Как дома, двигались мумаки — огромные животные из Харада, таща за собой через линии огня большие башни и машины. Капитан врага не очень заботился о том, что делают наступающие и сколько их убито: главная задача заключалась в том, чтобы испытать силу обороны и держать людей Гондора занятыми во многих

местах. Главный удар обрушился на ворота. Ворота были очень прочны, сделаны из стали и железа, охранялись башнями и укреплениями из неприступного камня, однако это был ключ, самое слабое место всей высокой и несокрушимой стены.

Барабаны загремели громче. Огни наступали. Большие машины ползли по полю; а в середине полз огромный таран, в сотню футов длиной, подвешенный на могучих цепях. Давно ковали его в темных кузницах Мордора, а его отвратительный лоб из черной стали был отлит в виде воющего волка. Этот таран назывался Гронд, в память о молоте подземного мира древности. Большие животные тащили его, окруженные орками, а сзади шли горные тролли, чтобы управлять его работой.

Но у ворот сопротивление было по-прежнему сильным, здесь стояли рыцари Дол Амрота и храбрейшие из гарнизона. Стрелы и снаряды падали дождем; осадные башни вспыхивали, как факелы. Земля по обе стороны ворот была усыпана обломками и телами убитых; но как безумные, стремились вперед все новые и новые враги.

Гронд полз вперед. Его не мог затронуть огонь. И хоть время от времени огромное животное, тащившее его, в безумии бросалось по сторонам, топча бесчисленное количество орков, их тела отбрасывали с дороги, и другие занимали их место.

Гронд полз вперед. Барабаны дико гремели. Над горами убитых появилась страшная фигура — всадник, высокий с капюшоном и одетый в черное. Медленно, топча павших, ехал он вперед, не обращая внимания на стрелы. Он остановился и выхватил длинный бледный меч. И когда он сделал это, сильнейший ужас охватил всех — и защитников, и осаждавших. Руки людей опустились, ни один лук не выстрелил. На мгновение все затихло.

Барабаны гремели. Гронд, направляемый огромными руками, качнулся и устремился вперед. Он достиг ворот. Ударил. Глухой удар прогремел по городу, как гром из туч. Но железные двери и стальные столбы выдержали удар.

Тогда черный капитан поднялся в стремях и закричал ужасным голосом, выкрикивая на каком-то забытом языке слова власти и ужаса, потрясшие сердца и камень.

Трижды он крикнул. Трижды ударил тяжелый таран. И с последним ударом ворота Гондора разбились. Как от взрыва, они подались, блеснул огонь, и обломки упали на землю.

Глава назгулов двинулся вперед. Большая черная фигура маячила на фоне огня, распространяя ужас и отчаяние. Вперед под арку ехал глава назгулов, куда никогда не входил враг, и все бежали перед ним.

Все, кроме одного. Молча и неподвижно на площади за воротами ждал Гэндальф на Обгоняющем Тень. Лишь Обгоняющий Тень из всех лошадей мог выдержать этот ужас, не двигаясь, непоколебимый, как гравированное изображение из Рат Динен.

— Здесь ты не пройдешь, — сказал Гэндальф, и огромная тень остановилась. — Возвращайся в бездну, приготовленную для тебя! Уходи! Провались в ничто, которое ждет тебя и твоего хозяина! Иди!

Черный всадник откинул капюшон, и смотрите! На нем была королевская корона; но она сидела на невидимой голове. Красные огни просвечивали между короной и широкими черными плечами. Из невидимого рта донесся смертоносный хохот.

— Старый дурак! — сказал черный всадник. — Старый дурак! Это мой час. Разве ты не узнаешь смерть? Умри и будь проклят!

С этими словами он высоко поднял меч, и пламя пробежало по лезвию. Гэндальф не двигался. И в этот момент на каком-то городском дворе прокричал петух. Резко и чисто прозвучал его голос. Не зная ничего о колдовстве, ни о войне, он приветствовал утро, которое пришло далеко и высоко над тенью смерти.

И как бы в ответ, издали донеслись звуки. Рога, рога, рога. Темные склоны Миндолуина

отразили их протяжным эхом. Звучали большие рога севера. Наконец пришел Рохан.

5. РЕЙД РОХИРРИМ

Было темно, и Мерри, лежавший на земле, завернувшись в одеяло, ничего не мог разглядеть; однако, хотя ночь была тихой и безветренной, он слышал, как вокруг него тихонько шумят невидимые деревья. Он поднял голову. И снова услышал слабый звук — как будто где-то далеко в лесистых холмах и на горных склонах били барабаны. Звук замолкал, потом раздавался из другого места, то ближе, то дальше. Мерри не мог угадать слышат ли его часовые.

Он не видел их, но знал, что вокруг разместились отряды рохиррим. Он чувствовал во тьме запах лошадей, слышал их фыркание и негромкий стук копыт, переступавших по покрытой мхами земле. Войско остановилось на ночлег в сосновом лесу, раскинувшемся вокруг маяка Эйленаха — высокого холма, выступающего из длинной полосы леса Друидан, идущего вдоль большой дороги в восточном Анориене.

Хотя Мерри очень устал, он не мог спать. Они ехали уже четыре дня, и все сгущающаяся тьма сказывалась на его духе. Он начал размышлять, зачем он так стремился ехать, когда у него была уважительная причина и даже прямое приказание оставаться. Он видел также, что будет, если старый король узнает о его непослушании и разгневается. А может, и нет. Казалось, существует какое-то понимание между Дернхелмом и Элфхелмом, маршалом командовавшим эордом, в котором они ехали. И он, и все его люди не обращали на Мерри внимания и делали вид, что не слышат, когда он говорит. Он просто был мешком, который вез Дернхелм. Дернхелм не был хорошим попутчиком, он почти не разговаривал. Мерри чувствовал себя маленьким, нежеланным и одиноким. Сейчас они находились менее чем в дневном переходе от внешней стены Минас Тирита, окружавшей пригородные поля. Вперед были посланы разведчики. Некоторые не вернулись. Другие торопливо прискакали и сообщили, что дорога впереди охраняется... Вражеское войско стоит на нем лагерем в трех милях к западу от амон дина, некоторые его отряды движутся по дороге и сейчас находятся не более чем в трех лигах... Холмы и леса вдоль дороги кишат орками. Король и Эомер устроили ночью совещание.

Мерри очень хотел, чтобы кто-то поговорил с ним, и думал о Пиппине. Но эта мысль только усилила его беспокойство. Бедный Пиппин, заключенный в огромном каменном городе, одинокий и испуганный. И Мерри хотел бы быть высоким всадником, как Эомер, чтобы протрубить в рог и помчаться на выручку. Он сел, прислушиваясь к барабанам, которые теперь загудели уже гораздо ближе. Вскоре он расслышал также голоса и увидел, как за деревьями пронесли тусклые полуприкрытые лампы.

Высокий человек споткнулся о него, выругав древесные корни. Он узнал голос маршала Элфхелма.

— Я не древесный корень, сэр, — сказал он, — и не мешок, а избитый хоббит. В виде извинения не скажете ли вы мне, что происходит?

— Все что угодно может происходить в этой дьявольской тьме, — ответил Элфхелм. — Мы получили распоряжение быть в готовности, в любую минуту может прийти приказ о выступлении.

— Значит, враг приближается? — беспокойно спросил Мерри. — А эти барабаны? Я думал, что это мое воображение, так как никто не обращает на них внимания.

— Нет, нет, — сказал Элфхелм, — враг на дороге, а не холмах. Вы слышите восов, диких лесных людей. Говорят, они все еще живут в лесу Друидан. Остатки древних племен, они живут, скрываясь; их мало, они дики и осторожны, как звери. Они не воюют с Гондором или с Маркой, но теперь они встревожены темнотой и приходом орков. Они боятся возвращения темных годов, которое кажется теперь вероятным. И надо радоваться, что они не охотятся на нас: говорят, они

используют отравленные стрелы, а в знании леса с ними никто не может сравниться. Они предложили свои услуги Теодену. Сейчас одного из их вождей ведут к королю. Вон там, где лампадки. Так я слышал, но больше ничего не знаю... А теперь я должен заняться своими делами. Упакуйтесь, мастер мешок!

И он исчез во тьме.

Мерри не понравился этот разговор о дикарях и об отравленных стрелах, но, помимо этого, какой-то ужас охватил его. Ожидание становилось невыносимым. Он хотел знать, что происходит. Он встал и устало двинулся за последней лампой, исчезнувшей среди деревьев.

Вскоре он вышел на поляну, где под большим деревом для короля была установлена маленькая платка. Большая лампа, закрытая сверху, свисала с ветки и отбрасывала вниз бледный круг света. Здесь были Теоден и Эомер, а перед ними на земле сидел странный низкорослый человек, угловатый, как старый камень, волосы редкой бороды торчали на его шишковатом подбородке, как сухой мох. У него были короткие ноги и толстые жирные руки, одеждой ему служили лишь травяная циновка вокруг пояса. Мерри показалось, что он его уже где-то видел, и вдруг он встрепенулся и вспомнил пукель-людей из Дунхарроу. Одно из этих древних изображений теперь ожило — перед ним сидел человек, происходящий по прямой линии от тех давно ушедших людей, которые служили моделями забытому скульптору.

Когда Мерри подобрался ближе, стояла тишина, а потом дикарь начал говорить, по-видимому, отвечая на какой-то вопрос. Голос у него был глубокий и гортанный, но, к удивлению Мерри, он говорил на общем языке, хотя и запинаясь и иногда употребляя незнакомые слова.

— Нет, отец всадников, — сказал он, — мы не сражаемся. Только охотимся. Мы убиваем горгунов в лесах, ненавидим орков. Вы тоже ненавидите горгунов. Мы вам поможем, если сумеем. У диких людей длинные уши и хорошие глаза; они знают все дороги. Дикие люди жили здесь до каменных домов, до того, как по воде пришли высокие люди.

— Но нам нужна помощь в битве, — сказал Эомер. — Как вы и ваш народ сможете помочь нам?

— Приносить новости, — ответил дикарь. — Мы смотрим с холмов. Взираемся на большие горы и оттуда смотрим вниз. Каменный город закрыт, вокруг него горят огни, теперь они горят и внутри. Вы хотите идти туда? Тогда вам нужно торопиться. Но горгуны и люди издалека, — он махнул короткой шишковатой рукой на восток, — оседали верховую дорогу. Очень много, больше, чем лошадиных людей.

— Откуда вы это знаете? — спросил Эомер.

Плоское лицо и темные глаза дикаря ничего не выражали, но голос потускнел от недовольствия.

— Дикие люди не дети, — ответил он. — Я великий вождь Гхон-Бури-Гхан. Я считаю множество вещей: звезды на небе, листья на дереве, людей в темноте. У вас десять раз двадцать на двадцать воинов и еще пять раз. А у них больше. Большая битва, а кто выиграет? И еще много их ходит вокруг каменного города.

— Увы! Он прав, — сказал Теоден. — И наши разведчики сообщили, что они видели траншеи и завалы поперек дороги. Мы не можем рассчитывать на неожиданный удар.

— И все же мы должны торопиться, — сказал Эомер. Мундбург в огне!

— Пусть Гхон-Бури-Гхан кончит, — сказал дикарь. — Он знает больше, чем одну дорогу. Он поведет вас по дороге, где нет ям, где ходят не горгуны, а только дикие люди и звери. Много дорог было проложено, когда народ каменных домов был сильнее. Он резал холмы, как охотник режет мясо зверя. Дикие люди думают, что древние люди употребляли камни в пищу. Они проезжали через Друидан и Риммону на больших телегах. Больше они не ездят. Дорога забыта, но не дикими людьми. Через холмы и за холмами пролегает она, поросшая травой и деревьями,

идет к Риммону и дальше к Дину, а потом снова возвращается к дороге лошадиных людей. Дикие люди покажут вам эту дорогу. Тогда вы убьете горгунов и своим ярким железом прогоните Тьму, и дикие люди снова смогут спокойно спать в диких лесах.

Эомер и Теоден поговорили на собственном языке. Наконец Теоден повернулся к дикарю.

— Мы принимаем ваше предложение, — сказал он. — Что с того, что мы оставляем позади себя вражеское войско? Если каменный город падет, мы все равно не вернемся. Но если он будет спасен, тогда само орочье войско будет отрезано. Если вы сдержите свое слово, Гхон-Бури-Гхан, мы дадим вам богатую награду, и вы навсегда приобретете дружбу Марки.

— Мертвецы не друзья живым и не дают им дары, — ответил дикарь, — но если вы переживете Тьму, предоставьте диким людям свободно жить в лесах и больше не охотьтесь на них, как на диких зверей. Гхон-Бури-Гхан не заведет вас в ловушку. Он сам пойдет с отцом лошадиных людей, и если он поведет вас неправильно, вы убьете его.

— Да будет так! — сказал Теоден.

— Сколько времени потребуется, чтобы пройти мимо врагов и снова выйти на дорогу? — спросил Эомер. — Нам придется идти пешком, если вы поведете нас, и я не сомневаюсь, что дорога узкая.

— Дикие люди быстро ходят пешком, — сказал Гхан. — Путь шириной в четыре лошади в долине каменных телег, вон там, — он махнул рукой на юг, но узок в начале и в конце. Дикие люди могут пройти отсюда до дина между восходом солнца и полднем.

— Тогда для передовых должно получиться около семи часов, — сказал Эомер. — Но всего мы должны рассчитывать на десять часов. Непредвиденные обстоятельства могут задержать нас, и даже если мы их преодолеем, пройдет немало времени после выхода их холмов, прежде чем войско построится. Который час?

— Кто знает? — сказал Теоден. — Теперь все ночь.

— Все темно, но не все ночь, — сказал на это Гхан. — Когда восходит солнце, мы его чувствуем, даже если оно скрыто. Оно уже поднялось над восточными горами. В небесных полях начало дня.

— Тогда мы должны выступить как можно быстрее, — сказал Эомер. — Даже в этом случае мы не сможем прийти на помощь Гондору сегодня.

Мерри не стал больше ждать, но ускользнул в сторону, чтобы подготовиться к началу марша. Это был последний переход перед битвой. Ему казалось маловероятным, что многие переживут ее. Но он подумал о Пиппине и горящем Минас Тирите и отбросил в сторону свой страх.

Все в этот день шло хорошо, и они не слышали и не видели врагов. Дикие люди выставили охрану из опытных охотников, так что ни один орк или другой шпион не мог узнать о движении в холмах. Свет становился все более тусклым по мере того, как они продвигались к осажденному городу и всадники двигались длинными цепями, как тени людей и лошадей. Каждый отряд вел дикий охотник; сам старый Гхан шел рядом с королем. Начало перехода затянулось, так как всадникам, ведущим за собой лошадей, потребовалось немало времени, чтобы найти проход в густых зарослях за их лагерем и пробраться в скрытую долину каменных телег. Уже много позже полудня передовые вышли к широкой полосе серых зарослей, тянувшихся по восточной стороне Амон Дина и скрывавшей большой проход с линии холмов. Этот проход с запада на восток шел от Нардола к Дину. Через проход спускалась древняя проезжая дорога, сворачивая к главному пути из Минас Тирита в Анориен; уже много поколений на ней росли деревья, и она исчезла, разбитая и погребенная под листвой бесчисленных лет. Эти заросли давали всадникам укрытие перед выездом на открытую местность; за ними лежала дорога и прибрежные равнины, в то время как на восток и юг склоны были скалистые и обнаженные — здесь холмы собирались

вместе и, поднимаясь, бастион за бастионом, подходили к главной массе Миндолуина.

Передовой отряд остановился, и отряды, постепенно выходившие из долины каменных телег, расходились по сторонам, устраивая лагерь под серыми деревьями. Король созвал капитанов на совещание. Эомер разослал разведчиков в разные стороны, но старый Гхан покачал головой.

— Плохо посылать лошадиных людей. Дикие люди увидят все, что можно в этом дурном воздухе. Они скоро придут и все мне расскажут.

Собрались капитаны; потом из-за деревьев осторожно вышли другие пукель-люди, так похожие на старого Гхана, что Мерри с большим трудом мог их различить. Они разговаривали с Гханом на странном гортанном языке.

Вскоре Гхан повернулся к королю.

— Дикие люди рассказали многое, — сказал он. — Во-первых, будьте осторожны! Много людей в лагере у дина в часе ходьбы вон там, — он махнул рукой на запад к черному маяку. — Но между ними и новыми стенами каменного народа никого не видно. Многие заняты там. Стены больше не стоят: горгуны разбили их земляными громами и дубинами из черного железа. Они очень заняты и ни на что не обращают внимания. Они считают, что их друзья следят за всеми дорогами! — Тут старый Гхан испустил забавный булькающий звук; было похоже, что он смеется.

— Хорошие новости! — воскликнул Эомер. — Даже в этой мгле засветилась надежда. Часто изобретения врага действуют ему во вред. Эта проклятая тьма послужит нам укрытием. А теперь, желая уничтожить Гондор и разобрать его камень за камнем, его орки устранили самую страшную нашу опасность. Внешнюю стену можно было долго удерживать против нас. Теперь же мы проскользнем.

— Еще раз благодарю вас, Гхон-Бури-Гхан лесной, — сказал Теоден. — Пусть ждет вас удача за помощь нам.

— Убейте горгунов! Убейте орков! Ничего не может быть приятнее диким людям, — ответил Гхан. — Прогоните дурной воздух и Тьму ярким железом.

— Для этого мы и приехали так далеко, — сказал король, — и попытаемся сделать это. Но что нам удастся сделать покажет только утро.

Гхон-Бури-Гхан присел на корточки и коснулся земли ороговевшим лбом в знак прощания. Затем встал, как бы собираясь уходить. Но неожиданно он остановился, глядя вверх, как испуганное лесное животное и принюхался. В его глазах блеснул огонь.

— Ветер изменяется! — воскликнул он, и с этими словами в мгновение ока он и его товарищи растворились во тьме. Больше ни один из всадников Рохана их не видел. Далеко на востоке вскоре снова слышались слабые звуки барабанов. Но ни у одного из людей в войске Теодена не возникло опасение, что дикари предали их.

— Больше нам не нужны проводники, — сказал Элфхелм, — в войске есть всадники, которые бывали в Мундбурге в дни мира. Я, например. Когда мы достигнем дороги, она свернет на юг, а перед нами еще будут семь лиг до внешней стены пригородных полей. По обе стороны дороги много лугов, поросших травой. Считалось, что здесь вестники Гондора развивают наибольшую скорость. Мы можем ехать быстрее и без шума.

— Так как следует опасаться нападения и так как нам понадобятся все наши силы, — сказал Эомер, — я считаю, что сейчас мы должны отдохнуть и выступить ночью. Надо будет так рассчитать, чтобы прийти к городу утром.

Король согласился с этим, и капитаны ушли. Но вскоре Элфхелм вернулся.

— Разведчики ничего не обнаружили, повелитель, — сказал он, — за исключением двух человек: два мертвеца и две мертвые лошади.

— Ну и что? — спросил Эомер.

— А вот что: это вестники Гондора. Вероятно, один из них Хиргон. В руке он все еще сжимает красную стрелу, но головы у него нет. И еще вот что: по следам похоже, что они перед смертью скакали на запад. Я понимаю это так: они обнаружили врага у внешней стены или столкнулись с ним, возвращаясь, и это было две ночи назад, если они использовали свежих лошадей с застав, как у них принято. Они не могли добраться до города и повернули назад.

— Увы! — сказал Теоден. — Значит Денетор не получал известий о нашем выступлении и не знает, что мы придем.

— Нужда не терпит отлагательств, но лучше поздно, чем никогда. — Сказал Эомер. — Может быть, на этот раз старая поговорка окажется справедливей, чем когда-либо раньше.

Была ночь. По обеим сторонам дороги молча двигалось войско Рохана. Теперь дорога, проходя мимо отрогов Миндолуина, повернула на юг. Далеко и прямо впереди виднелось красное зарево на черном небе, и склоны огромной горы казались черными на его фоне. Всадники приближались к Риммасу у Пеленнора, но день еще не пришел.

Король ехал в середине передового отряда, в окружении свое гвардии. Дальше ехал Эорд Элфхелма. И вот Мерри заметил, что Дернхелм оставил свое место и в темноте украдкой двинулся вперед, пока не оказался в тылу королевской охраны. Всадники остановились. Мерри услышал впереди негромкие голоса. Прискакали разведчики, которые уезжали вперед, к самой стене. Они докладывали королю.

— Там большие пожары, повелитель, — сказал один. — Город окружен огнем и поле полно врагов. Но все заняты нападением. И насколько мы можем судить, на внешней стене осталось мало врагов, и они заняты разрушением и не бдительны.

— Вы помните слова дикаря, повелитель, — спросил другой. — Я жил на открытом нагорье в дни мира, меня зовут Видфара, и мне воздух сообщил нечто новое. Ветер переменился. Он дует теперь с юга, в нем теперь соленый морской привкус, хотя и слабый. Утро принесет новые известия. Когда мы минуем стену, начнется рассвет.

— Если вы говорите правду, Видфара, желаю вам пережить этот день и жить в благословении! — сказал Теоден. Он повернулся к своей гвардии и заговорил ясным голосом, так что всадники первого эорда тоже слышали его. — Настал час, всадники Марки, сыновья Эорла! Враги и огонь перед вами, а ваши дома далеко позади. Но хотя вы сражаетесь на чужих полях, слава, которую вы здесь завоюете, всегда будет вашей. Мы давали клятвы, теперь их нужно выполнять — клятвы повелителю, родине и друзьям!

Люди ударили копьями по щитам.

— Эомер, сын мой! — сказал Теоден. — Вы поведете первый Эорд, и с вами в центре пойдет королевское знамя. Элфхелм, ведите свой отряд направо, когда мы минуем стену. А Гримболд пойдет налево. Остальные отряды следуют за тремя. Ударим по собравшемуся врагу. Мы не можем строить других планов, не зная, что творится на полях. Вперед и не бойтесь Тьмы!

Передовой отряд устремился вперед. Было по-прежнему темно, несмотря на предсказание Видфары. Мерри сидел за Дернхелмом и держался левой рукой, а правой старался достать меч из ножен. Теперь он горько понимал правду королевских слов: что вы будете делать, Мериадок, в такой битве? «Только то, — подумал он, — что я буду мешать всаднику и надеяться, что меня не выбросят под копыта».

Оставалось не больше лиги до внешней стены. Скоро они достигли ее слишком уж скоро, по мнению Мерри. Послышались крики и звон оружия, но все это продолжалось недолго. Орков на стене было мало, их захватили врасплох и перебили или разогнали. Перед развалинами северных ворот Риммаса король снова остановился. Первый эорд проехал мимо его. Дернхелм держался рядом с королем, хотя отряд Элфхелма повернул направо. Люди Гримболда тоже свернули и

прошли через широкую брешь в стене дальше к востоку.

Мерри смотрел из-за спины Дернахелма. Далеко, может быть в десяти милях или больше поднималось большое зарево, а между ним и всадниками широким полумесяцем тянулись огни. Ближайшая точка этого полумесяца находилась менее чем в лиге от них. Мерри мало что различал на темной равнине и не видел никаких проблесков утра, не чувствовал изменения ветра.

Войско Рохана молча устремилось на поля Гондора, как мощный прилив через бреши плотины, которую люди считали целой. Но мозг и воля черного капитана были полностью поглощены гибнущим городом, и никаких известий не получал он о том, что в планы его вкралась ошибка, просчет.

Через некоторое время король повернул со своими людьми немного к востоку, чтобы пройти между осаждающими и огнями на полях. Их по-прежнему не замечали, и Теоден по-прежнему не давал сигнала. Наконец он снова остановился. Город приблизился. Запах дыма и смерти заполнил воздух. Лошади волновались. Но король сидел на снежной гриве неподвижно, глядя на агонию Минас Тирита, как будто пораженный внезапной болью или ужасом. Казалось, он сморщился, ссохся от возраста. Мерри сам ощущал огромный вес ужаса и сомнения. Сердце его упало. Они опоздали! Слишком поздно, хуже, чем никогда. Наверное, Теоден дрогнет, склонит старую голову, повернется и ускользнет в проход между холмами.

И тут Мерри ощутил внезапную перемену. Ветер дул ему в лицо! Стало чуть светлее. Далеко на юге стали видны медленно движущиеся облака, за ними лежало утро.

В тот же момент блеснула вспышка, как будто молния ударила из-под земли в городе. На какое-то мгновение поднялся столб белого света на черном фоне, вершина его была подобна сверкающей мгле; затем тьма сомкнулась вновь, и над полями прокатилось тяжелое бум.

При этом звуке согнутая фигура короля неожиданно распрямилась. Он вновь стал высоким и гордым; поднявшись в стременах, он крикнул громким голосом:

Вставайте, вставайте, всадники Теодена!
Проснулись свирепые дела: огонь и убийство!
Будут трещать копья, будут ломаться щиты,
День меча, красный день до захода солнца!
Вперед! Вперед! Вперед к Гондору!

С этими словами он взял у Гутлафа, своего оруженосца, большой рог и затрубил в него. И тут же загревели все рога в войске, и звук рогов Рохана был подобен буре на равнинах и грому в горах.

Вперед! Вперед! Вперед к Гондору!

Король крикнул что-то Снежной Гриве, и лошадь понеслась вперед. За ним развевалось на ветру королевское знамя — белый конь на зеленом поле, но он опережал его. За королем грузно скакали рыцари королевского дома. Здесь ехал Эомер, белый лошадиный хвост на его шлеме развевался: передние ряды Эорда летели вперед, как бурун прибое, но догнать Теодена было невозможно. Ярость битвы новым огнем зажглась в его жилах, он был похож на древнего бога, на Ороме великого в битве валар, когда мир был еще молод. Его золотой щит сверкал, как солнце, трава разлеталась по сторонам из-под белоснежных ног его лошади. Щит сверкал, потому что пришло утро, утро и ветер с моря; Тьма отступила, и войско Мордора, охваченное ужасом, закричало; враги побежали, они умирали, и копыта гнева топтали их. И тут все войско Рохана запело, и, убивая, воины пели, потому что их охватила радость битвы, и прекрасные и

ужасные звуки их пения долетели даже до города.

6. БИТВА НА ПОЛЯХ ПЕЛЕННОРА

Но не простой вождь орков руководил осадой Гондора. Тьма рассеялась слишком быстро, раньше даты, назначенной его хозяином: счастье на мгновение изменило ему и мир повернулся против него; победа ускользала в тот самый момент, когда он протянул к ней руки. Но у него были длинные руки. Он все еще располагал огромными силами. Король, Дух Кольца, глава назгулов — он владел многими видами оружия. Он покинул ворота и исчез.

Теоден, король Марки, достиг дороги, соединяющей реку с городом, и повернул к городу, до которого теперь было не больше мили. Он немного уменьшил скорость в поисках новых врагов, и рыцари, а с ним и Дернхелм, догнали его. Впереди, ближе к стенам, люди Элфхелма появились у осадных машин; они рубили, убивали, сбрасывали врагов в огненные ямы. Вся северная часть Пеленнора была захвачена, здесь пылали палатки, орки толпами бежали к реке, как дичь перед охотниками. Рохиррим передвигались свободно во всех направлениях. Но они еще не сняли осаду и не освободили ворота. Много врагов оставалось перед ними, а на другой половине полей их войска еще не вступили в бой. Южнее, за дорогой, находились главные силы харадрим, и здесь всадники южан собирались вокруг знамени своего вождя. Вождь увидел, что знамя короля Рохана находится далеко впереди и окружено лишь небольшим отрядом. Он громко крикнул, развернул свое знамя — черный полумесяц на алом фоне — и поскакал к белому коню во главе большого отряда. Блеск кривых сабель южан напоминал блеск звезд.

Теоден увидел это и не дожидаясь нападения, поскакал ему навстречу. Громкий звон сопровождал их встречу. Но ярость северянина была горячее, а рыцари короля были искусней во владении длинными копьями. Их было меньше, но они разбили южан, как молния жжет лес. Прямо через толпу скакал Теоден, сын Тенгела, меч его сверкал и обрушился на врага. Потом меч короля разрубил древко знамени и знаменосца — и черный полумесяц закатился. Тогда все уцелевшие всадники южан повернули и побежали.

Но смотрите! Неожиданно в расцвете славы золотой королевский щит померк. Новое утро исчезло с неба. Тьма опустилась на поле. Лошади заржали. Люди падали с седел и десятками лежали на земле.

— Ко мне! Ко мне! — кричал Теоден. — Вставайте, Эорлинги! Не бойтесь Тьмы.

Но Снежная Грива в ужасе поднялась на дыбы, забила ногами в воздухе и затем с громким ржанием упала на бок: ее пронзила черная стрела. Король оказался под лошадью.

Огромная тень опускалась, как падающее облако. И смотрите! Это было крылатое существо — птица, но больше всех других птиц, — и оно было голое, без перьев и пуха; его обширные крылья напоминали паутину между роговыми пальцами; от него исходило зловоние. Может, это было существо из древнего мира, чьи родители, скрываясь где-то в забытых горах, дожили до этих дней и вывели в отвратительном гнезде своего птенца, склонного ко злу. А Повелитель Тьмы взял его и кормил падалью, пока он не стал больше всех летающих существ; и дал его своему слуге в качестве крылатого коня. Вниз, вниз спускалась гигантская птица и затем, сложив крылья с пальцами, испустила хриплый крик и села у тела снежной гривы, выпуская когти и вытягивая голую шею.

На птице сидела фигура в черном, огромная и зловещая. На голове у нее была корона, но между краем короны и одеждой не было ничего видно, кроме тусклого блеска глаз, — это был глава назгулов. Он снова вернулся, вызвав своего крылатого коня, когда Тьма подалась; и вот он снова явился, неся с собой уничтожение, превращая в отчаяние надежду и победу в смерть. И он размахивал большой черной булавой.

Однако Теоден еще не был обречен. Рыцари его лежали вокруг мертвые, другие, не сумев

справиться с безумством своих лошадей, были унесены ими прочь. Но один из рыцарей оставался здесь — юный Дернхелм, чья преданность была сильнее страха; он плакал, потому что любил своего повелителя, как отца. Мерри, невредимый, прошел рядом с ним через всю атаку, но когда пришла тень, Виндфола в ужасе сбросила Мерри и теперь дико скакала по равнине. Мерри полз на четвереньках, как оглушенное животное, и такой ужас охватил его, что он ослеп и оглох.

— Человек короля! Человек короля! — кричало его сердце. — Ты должен остаться с ним. Ты сказал, что он будет тебе, как отец.

Но воля его не отвечала, а тело дрожало. Он не осмеливался открыть глаза и взглянуть.

Потом сквозь тьму, охватившую мозг, ему послышался голос Дернхелма, но голос это теперь казался странным и напоминал другой, женский, некогда слышанный голос.

— Убирайся, гнусная тварь, повелитель падальщиков! Дай мир мертвым!

Холодный голос ответил.

— Не становись между назгулом и его добычей! Или он не убьет тебя просто так. Он унесет тебя в Дома Плача, за пределы всякой тьмы, где плоть твоя будет сожрана, а дрожащий разум предстанет обнаженным перед безвекими глазами.

Послышался звон меча, извлекаемого из ножен.

— Делай, что хочешь. Но я помешаю, если смогу.

— Помешаешь мне? Ты дурак. Ни один живой муж не может помешать мне.

И тогда Мерри услышал звук, совершенно необычный для того часа. Дернхелм смеялся, и его ясный голос был подобен звону стали.

— Но я не муж! Ты видишь женщину. Я Эовин, дочь Эомунда. Ты стоишь между мной и моим королем и родственником. Убирайся, если ты не бессмертен! Я убью тебя, если ты притронешься к нему.

Крылатое существо зарычало на нее, но Дух Кольца не ответил, как бы охваченный внезапным сомнением. Крайнее изумление победило страх Мерри. Он открыл глаза, и тьма покинула его. В нескольких шагах от него находилась огромная птица, и все вокруг нее было во тьме: на ней сидел глава назгулов, как тень отчаяния. Немного левее, лицом к ним, стояла она, та, кого он называл Дернхелмом. Шлем упал с ее головы, и светлые волосы бледным золотом сверкали на ее плечах. Серые, как море, глаза смотрели твердо и жестоко; на щеках блестели слезы. В руке она держала меч и прикрывалась щитом от ужасных глаз врага.

Это была Эовин. В мозгу Мерри вспыхнуло воспоминание о лице, которое он видел, когда уезжал из Дунхарроу, — лицо того, кто лишился надежды и ждет смерти. Жалость заполнила его сердце, и неожиданно проснулась медленно разгорававшаяся храбрость. Он сжал кулаки. Она не должна умереть, такая прекрасная, такая отчаянная! Не должна умереть одна, без помощи!

Лицо врага было обращено не к нему, но Мерри по-прежнему не осмеливался двигаться, боясь, что на него упадет взгляд свирепых глаз. Мерри медленно пополз, но черный капитан обратил на него не больше внимания, чем на червя в грязи.

Неожиданно крылатое существо взмахнуло крыльями, и поднялся зловонный ветер. Оно поднялось в воздух и с криком упало на Эовин, угрожая клювом и когтями.

Она не отступила, девушка из Рохана, дочь королей, хрупкая, но прочная, как сталь, прекрасная, но и ужасная. Она нанесла сильный быстрый удар, искусный и смертоносный. Она ударила по вытянутой шее, и отрубленная голова упала, как камень. Огромное существо упало, раскинув крылья; Эовин отпрыгнула, и на нее упал луч света, волосы ее заблестели в лучах восхода.

Высокий и злобный, поднялся черный капитан, возвышаясь над нею. С криком ненависти, оглушившим всех, поднял он свою булаву и ударил. Щит Эовин был разбит, рука сломана, она

упала на колени. Он наклонился над ней, как туча, глаза его сверкнули; он поднял булаву, чтобы добить ее.

Но неожиданно он тоже пошатнулся с криком боли, булава пролетела мимо Эовин и вонзилась в землю. Это Мерри ударил его мечом сзади, пробил черный плащ и под кольчугой перерезал мышцы могучей ноги.

— Эовин, Эовин! — кричал Мерри. Шатаясь, борясь с беспамятством, напрягая последние силы, она подняла меч и ударила под корону, когда широкие черные плечи наклонились к ней. Полетели искры, меч разбился на много осколков. Корона со звоном откатилась в сторону. Эовин упала на своего врага. Но что это? Плащ и кольчуга пусты! Они, съежившись, бесформенно лежали на земле, разорванные и разбитые; и в задрожавшем воздухе послышался крик, перешедший в резкий вой, унесенный ветром, бестелесный крик; этот крик улетел, и больше никто никогда не слышал его в этом мире.

Хоббит Мериадок стоял среди груды тел, мигая, как сова при дневном свете; слезы ослепили его: сквозь туман смотрел он на прекрасную голову Эовин. Она лежала неподвижно. Он взглянул на лицо короля, павшего в разгар свой славы. Снежная грива в агонии прокатилась над ним, она и послужила причиной гибели своего хозяина.

Мерри наклонился и поднял его руку, чтобы поцеловать ее. Но вот! Теоден открыл глаза, они были ясными, он заговорил с усилием, но спокойно.

— Прощайте, мастер Холбитла! — сказал он Мерри. — Тело мое разбито. Я иду к своим предкам. И даже в их могучем обществе мне нечего будет стыдиться. Я низверг черный полумесяц. Угрюмое утро, радостный день и золотой закат!

Мерри не мог говорить, он снова заплакал.

— Простите меня, повелитель, — сказал он наконец, — я нарушил ваш приказ, но не могу больше ничем послужить вам, только при расставании плакать.

Старый король улыбнулся.

— Не печальтесь. Я прощаю вас. Нельзя отвергать щедрое сердце. Будьте благословенны. И когда будете мирно сидеть со своей трубкой, вспомните обо мне! Ибо не сидеть мне с вами в Медусельде, как я обещал, не слушать ваших рассказов, — он закрыл глаза, и мери склонился к нему. Король вскоре снова заговорил. — Где Эомер? Глаза мои застилает тьма, а я хотел бы увидеть его перед уходом. Он будет теперь королем. И я хочу сказать слово Эовин. Она не хотела покидать меня, и теперь я не увижу ее. Она была мне дороже дочери.

— Повелитель, — начал разбитым голосом Мерри, — она... — Но в этот момент раздался гул, вокруг загрели рога и трубы. Мерри оглянулся: он забыл о войне и обо всем мире; ему казалось, что много часов прошло после падения короля, хотя на самом деле прошло совсем немного времени. Тут он увидел, что находится в опасности: войска вскоре должны встретится снова, и начнется битва.

Силы врага прибывали по дороге от реки, а из-за стены выходили легионы Моргула; а с юга подходили пехотинцы Харада, перед ними скакали всадники, а сзади виднелись огромные спины мумаков с боевыми башнями на них. С севера белый крест Эомера вел рохиррим, которых он снова собрал и построил; а из города выходили осажденные, отгоняя врага от ворот, и впереди виднелся серебряный лебедь Дол Амрота.

На мгновение в мозгу Мерри вспыхнула мысль: «Где Гэндальф? Нет ли его здесь? Он мог бы спасти короля и Эовин!» — Но вот торопливо подскакал Эомер, а с ним рыцари из королевской гвардии, которые справились со своими лошадьми. Они с удивлением смотрели на тело свирепого чудовища, их лошади не хотели идти дальше. Но Эомер соскочил с седла, печаль и отчаяние отразились на его лице, когда он подошел к королю и остановился в молчании.

Один из рыцарей взял из рук мертвого знаменосца короля Гутлафа знамя и поднял его.

Теоден медленно открыл глаза. Увидев знамя, он сделал знак, чтобы его передали Эомеру.

— Приветствую тебя, король Марки! — проговорил он. — Скачи к победе! Передай мое прощание Эовин! — с этими словами он умер, так и не узнав, что Эовин лежит рядом с ним. Стоящие рядом с выкриками: «Король Теоден! Король Теоден!» Заплакали.

Но Эомер сказал им:

— Не печальтесь чрезмерно! Могуч был погибший, погиб он, как подобает. Когда насыплют его могилу, женщины будут на ней плакать. А нас сейчас зовет битва!

Но сам он плакал, говоря это.

— Пусть его рыцари останутся здесь, — сказал он, — и с почестями унесут тело с поля битвы! Да, и всех королевских людей, что лежат здесь!

Тут он взглянул на убитых, вспоминая их имена. Он увидел Эовин, свою сестру, и узнал ее. На мгновение он остановился, как человек, пронзенный стрелой в сердце в середине слова; затем лицо его смертельно побледнело, холодная ярость отразилась на нем, на какое-то мгновение он потерял дар речи.

— Эовин, Эовин! — воскликнул он наконец. — Эовин, как ты оказалась здесь? Какое же безумие, какая дьявольская затея увлекла тебя? Смерть, смерть, смерть! Смерть забирает нас всех!

Ни с кем не советуясь, не ожидая приближения людей из города, он поскакал вперед, навстречу врагу, трубя в рог и громко крича. Над полем звенел его голос:

— Смерть! Вперед! Вперед к уничтожению, вперед к концу мира!

И все войско пришло в движение. Но рохиррим больше не пели. Громкими и ужасными голосами они кричали «смерть!» И, набирая скорость, как огромный прибой, прокатились мимо своего повелителя и с ревом поскакали на юг.

А хоббит Мериадок все еще стоял, мигая сквозь слезы, и никто не разговаривал с ним, никто даже не замечал его. Он вытер слезы, наклонился, чтобы подобрать зеленый щит, который дала ему Эовин, и повесил его на спину. Потом поискал меч, который теперь мог держать только левой рукой. И смотрите! Меч его лежал рядом, но лезвие дымилось, как сухая ветвь сунутая к огонь; и пока он смотрел на меч, его оружие сморщилось, съежилось, уменьшилось и исчезло.

Так пришел конец мечу из курганов, сработанному на западе. Но обрадовался бы, узнав его судьбу, тот, кто выковал его когда-то давно в северном королевстве, когда дунаданцы были молоды, а главным их врагом было страшное королевство Ангмар и его волшебник-король. Никакое другое лезвие, даже направляемое самой могучей рукой, не могло бы нанести такую рану и расщечь бессмертную плоть, разрушить древнее заклинание, делавшее неуязвимым главу назгулов.

Короля подняли и, бросив на копыта плащи рыцарей, на этих импровизированных носилках понесли в город. Эовин тоже осторожно подняли и понесли за королем. Но рыцарей королевской гвардии унести не смогли: их семеро пало здесь, и среди них начальник гвардии Деорвин. Их положили в стороне от тел врагов и свирепого животного и воткнули над ними копыта. Впоследствии, когда все кончилось, люди вернулись, разложили костер и сожгли тело крылатого чудовища; но для снежной гривы выкопали могилу и установили на ней камень с надписью на языках Гондора и Марки:

Верный слуга, но проклятие хозяина,

Легкокрылый конь, быстрая снежная грива.

Длинная зеленая трава выросла на могиле снежной гривы, но всегда голой оставалась земля, где сгорело чудовище.

Мерри медленно и печально шел за носилками, не обращая больше внимания на битву. Он

устал и был полон боли, все его члены дрожали, как от пронзительного холода. С моря пришел сильный дождь; казалось, весь мир оплакивает Теодена и Эовин; дождь погасил огни в городе серыми слезами. Как сквозь туман, Мерри увидел авангард защитников Гондора. Имрахил, принц Дол Амрота, подъехал к ним и натянул поводья.

— Какую ношу вы несете, люди Рохана?

— Короля Теодена, — ответили ему. — Он мертв. Но войска в битву повел король Эомер, вон там его белый крест.

Принц сошел с коня и преклонил колени в знак уважения к павшему королю... Он заплакал. Встав, он взглянул на Эовин и поразился.

— Неужели это женщина? — спросил он. — И неужели даже женщины Рохана в случае необходимости выходят на войну?

— Нет! Только одна, — ответили ему. — Это леди Эовин, сестра Эомера. До этого часа мы не знали о том, что она с нами, и горько оплакиваем ее.

Принц, видя ее красоту, хотя лицо ее было бледным и холодным, взял ее за руку; наклонившись, он внимательно посмотрел на нее.

— Люди Рохана! — воскликнул он. — Есть ли среди вас лекарь? Она ранена, может быть, смертельно, но еще жива.

Он прижал к ее губам ярко сверкающий стальной нарукавник, и смотрите! Едва различимый туман появился на стали.

— Нужно торопиться, — сказал принц и послал одного из своих людей в город за помощью. Потом поклонился павшим, попрощался с ними и, сев на коня, поехал на битву.

Сражающиеся смешались на полях Пеленнора — высоко поднялся звон оружия, сливаясь с криками людей и ржаньем лошадей. Трубили рога, гремели трубы, ревели мумаки, которых гнали в битву. Под южными стенами города пехотинцы Гондора выступили навстречу легионам Моргула, которые собирались для нападения. Но всадники поскакали на восток на помощь Эомеру. Это были Хурин Высокий, губернатор Кен и повелитель Лоссарнаха, Кирлуин с зеленых холмов и принц Имрахил со своими рыцарями.

Но не слишком быстро пришла к рохиррим помощь: счастье изменило Эомеру, и ярость предала его. Его гневный удар опрокинул переднюю линию врагов, и большой отряд всадников прошел сквозь ряды южан, отгоняя их кавалерию и убивая пехотинцев. Но к мумакам лошади не осмеливались подходить, они дрожали и сворачивали в сторону; огромные чудовища были непобедимы, они возвышались, как защитные башни и харадрим собирались вокруг них. И вот наконец харадрим, втрое превышавшие численностью рохиррим, стали брать верх; по полям из Оспилята двигались новые отряды врага. Они собирались там для грабежа города и ждали только сигнала своего капитана. Он был уничтожен, но Готмог, лейтенант Моргула, послал их в битву; и они пошли: люди с востока с топорами, варяги из Кханда, южане в алом, черные люди из дальнего Харада — полутролли с белыми глазами и красными языками. Некоторые из них окружили рохиррим, другие направились навстречу людям Гондора, чтобы помешать им соединиться с Роханом.

И вот, в тот момент, когда удача отвернулась от Гондора, послышался громкий крик со стен города. Была середина утра, дул сильный ветер, он унес на север дождевые тучи, ярко светило солнце. И в чистом воздухе часовые увидели зрелище, внушившее им ужас, и последние надежды покинули их.

Андуин после изгиба у Хардонда просматривался на несколько миль от города, и люди с острым зрением издалека видели приближающиеся корабли. И, глядя туда, они закричали в отчаянии: на фоне блеска воды они увидели черный флот, подгоняемый ветром. Дромунды, имевшие и паруса и весла, корабли большого водоизмещения со множеством весел и с черными

парусами, раздуваемыми ветром.

— Пираты Умбара! — кричали люди. — Пираты Умбара! Смотрите! Идут пираты Умбара! Значит, Белфалас пал, захвачены Этир и Лебеннин! Пираты против нас! Это последний из ударов судьбы!

И некоторые без приказа, потому что никто не руководил ими в городе, побежали и колоколами ударили тревогу; другие затрубили в трубы сигнал отступления.

— Назад за стены! — кричали они. — Назад за стены! Возвращайтесь в город, прежде чем все погибнете!

Но ветер, подгонявший паруса, уносил эти крики прочь.

Но рохиррим не нужно было передавать тревожную новость. Они сами хорошо видели черные корабли. Ибо Эомер находился всего в миле от Харленда, и большой отряд врага стоял между ним и гаванью; со всех сторон его обходили враги, отсекая от принца. Он взглянул на реку, и надежда умерла в его сердце, и ветер, который он раньше благословлял, теперь вызывал у него проклятия. Войско Моргула ободрилось и, полное новой ярости, бросилось в атаку.

Настроение Эомера изменилось, голова его снова стала ясной. Он приказал трубить в рога, чтобы собрать всех людей у своего знамени: он хотел создать стену из щитов, стоять и бороться, пока не погибнут все и совершить деяния, достойные песен о битве на полях Пеленнора, хотя может быть, на западе не останется ни одного человека, чтобы вспомнить последнего короля Марки. Он подъехал к зеленому холму и установил на нем свое знамя; белый конь, раздуваемый ветром, казалось, бежал.

Отбросив сомнения, как отбросил тьму начавшийся день,

Я иду в лучах солнца, с песней, меч мой обнажен.

Я иду до конца надежды, до гибели сердца;

Иду к гневу, к разрушению, к красной ночи!

Такие стихи произнес он, но при этом он смеялся. Снова в нем проснулась радость битвы: он был король. И, взглянув на черные корабли, он поднял меч, бросая им вызов.

И тут его охватило удивление и великая радость: он подбросил меч, сверкнувший в лучах солнца, и запел, поймав его. Все посмотрели туда, куда и он: на переднем корабле развернулось большое знамя. На нем пылало белое дерево — это был знак Гондора; а над деревом семь звезд и корона — знаки Элэндила, которые люди не видели уже много лет. Звезды пламенели в лучах солнца, ибо были вышиты жемчугом арвен, дочерью Элронда; корона ярко сверкала, ибо была сделана из митрила и золота.

Так пришел Арагорн, сын Арахорна, Элессар, потомок Исилдура, пришел через тропы смерти, пришел с моря в королевство Гондор; и радость рохиррим выразилась в взрыве хохота, в блеске мечей, а радость города — в музыке труб и звоне колоколов. А войско Мордора оторопело: ему показалось колдовством, что его собственные корабли полны противниками. Черный ужас охватил людей Мордора: они поняли, что судьба повернулась против них, судьба близка.

На восток скакали рыцари Дол Амрота, гоня перед собой врагов: троллей, варягов и орков, ненавидящих солнечный свет. На юг скакал Эомер, и враги бежали перед ним: они оказались между молотом и наковальней. Потому что теперь люди спрыгивали с кораблей на причалы харленда и неслись, как буря. Здесь были Леголас и Гимли с топором, и Хальбарад со знаменем, и Элладан, и Элрогир со звездами на лбу, и суровые дунаданцы, следопыты севера, ведущие за собой большое войско Лебеннина и Ламедона — южных областей Гондора. А перед всеми шел

Арагорн с пламенем запада — Андрилом, горящим огнем, восстановленным Нарсилом, смертоносным, как и в древности — на лбу его горела звезда Элендила.

И наконец Эомер и Арагорн встретились в центре битвы; опираясь на мечи, они взглянули друг на друга и обрадовались.

— Вот мы и встретились вновь, хотя все войска Мордора разделяли нас, — сказал Арагорн. — Разве я не говорил этого в Хорнбурге?

— Так вы говорили, — сказал Эомер. — Но надежды часто обманывают, а я и не знал, что вы и есть человек, предсказанный пророком. Но дважды благословенна неожиданность, и никогда не была встреча друзей более радостной. — Они пожали руки. — И помощь более своевременная, — добавил Эомер. — Но вы пришли не очень скоро, мой друг. Много потеряно, и большая печаль выпала нам.

— Тогда давайте мстить за нее, а не разговаривать, — сказал Арагорн, и они вместе поскакали в бой.

Им предстояла еще жестокая схватка и долгая работа: южане были храбрыми людьми, а отчаянное положение еще усилило их ярость; а люди востока были сильны и опытны в военном деле и не просили пощады. То тут, то там, у сожженной фермы или амбара, на холме или вокруг кургана, под стеной или в поле, они собирались и сражались, пока не подошел к концу день.

Наконец солнце зашло за Миндолуин, заполнив все небо огромным заревом, так что холмы как бы залило кровью; огонь отражался в реке, и трава Пеленнора краснела перед приходом ночи. В этот час закончилась великая битва на полях Пеленнора; и ни одного живого врага не осталось внутри Риммаса. Все были убиты или утонули в красной пене реки. Мало кто вернулся в Моргул или в Мордор, а в землю Харадрим пришли только отдаленные слухи — рассказы о гневе и ужасе Гондора.

Арагорн, Эомер и Имрахил ехали к воротам города; они так устали, что не чувствовали ни радости, ни печали. Они остались невредимы, ибо такова была их судьба, таковы искусство и мощь их рук, мало кто осмеливался противиться им или смотреть в их глаза в момент гнева. Но многие были ранены, искалечены или лежали мертвыми на полях. Топоры изрубили Фарлонга, сражавшегося в одиночку пешим; Дуилин из Мортонда и его брат были растоптаны насмерть, когда напали на мумаков, подведя своих лучников на расстояние выстрела, чтобы попасть животным в глаза. Не вернется и прекрасный Кирлуин в Пиннет Голин, не вернется в Гримoleyд Гримболд, не покажется больше на севере суровый следопыт Хальбарад. Погибло много: славных и безвестных, капитанов и простых солдат. Это была великая битва, и невозможно полностью рассказать о ней. Так пел о ней будущий сказитель Рохана в песне о могилах Мундбурга.

Мы слышали рога, звенящие в горах,
Мечи сияли в южном королевстве.
Кони скакали в Стонингленд, как
Утренний ветер. Война разгоралась.
Там пал Теоден, могучий Тенглинг,
К своим залам золотым и зеленым пастбищам,
К северным полям он никогда не вернулся,
Высокий повелитель войска. Хардинг и Гутлав,
Дунхир и Деорвин, могучий Гримболд,
Хирфара и Херубранд, Хорн и Фастрид
Сражались и пали в далекой стране.
В могилах Мундбурга под насыпью они лежат

Со своими союзниками, воинами Гондора.
Ни Хирлуин прекрасный к своим холмам у моря,
Ни Форлонг старый в цветущие долины
В Арнахе, его собственной стране не вернулись
С торжеством; не вернулись высокие лучники
Деруфин и Дуилин к своим темным водам
Озера Мордонда в тени гор.
Смерть утром и конце дня забирала воинов.
Долго спят они под травой в Гондоре у великой реки.
Сейчас она серая, как слезы, а тогда была красной,
Ревущая вода: окрашенная кровью пена горела на солнце;
Маяки на холмах горели по вечерам;
На Риммас Эчор выпала красная роса.

7. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР ДЕНЕТОРА

Когда темная тень отступила от ворот, Гэндальф продолжал сидеть неподвижно. Но Пиппин вскочил на ноги, как будто с него спал огромный вес; он стоял, слушая звуки рогов, и ему казалось, что сердце его разорвется от радости. Никогда потом не мог он слышать отдаленные звуки рога без слез на глазах. И вдруг он вспомнил о своем деле и побежал вперед. В этот момент Гэндальф шевельнулся и что-то сказал Обгоняющему Тень и собрался проехать в ворота.

— Гэндальф, Гэндальф! — закричал Пиппин, и Обгоняющий Тень остановился.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Гэндальф. — В городе существует закон, по которому те, кто носит черное с серебром, должны оставаться в цитадели, если только сам повелитель не разрешит им уйти.

— Он разрешил, — сказал Пиппин. — Он отослал меня прочь. Но я испуган. Может случиться что-то ужасное. Я думаю, повелитель сошел с ума. Боюсь, что он убьет себя и Фарамира. Вы можете что-нибудь сделать?

Гэндальф посмотрел через разрушенные ворота на поля, откуда доносились звуки битвы. Он сжал кулаки.

— Я должен идти, — сказал он. — Черный всадник там, он может погубить все. У меня нет времени.

— Но Фарамир! — воскликнул Пиппин. — Он не мертв, а они сожгут его живьем, если их не остановить.

— Сожгут живьем? — переспросил Гэндальф. — Что это значит? Быстрее!

— Денетор пошел к могилам, — сказал Пиппин, — и взял с собой Фарамира. Он сказал, что все сгорит, а он не хочет ждать, и что они должны сделать погребальный костер и сжечь его и Фарамира. Он послал людей за дровами и маслом. Я сказал Берегонду, но боюсь, он не осмелится оставить пост: он на страже. И что он может сделать? — так закончил рассказ Пиппин; он протянул руки и дрожащими пальцами коснулся колена Гэндальфа. — Вы же можете спасти Фарамира?

— Может, и смогу, — сказал Гэндальф, — но если я это сделаю, боюсь, тогда умрут другие. Но так как никто не может помочь ему, должен идти я. Какое злое и печальное известие. Даже в сердце крепости враг сумел ударить нас: в этом я вижу его работу.

Приняв решение, он действовал быстро: подхватив Пиппина, он посадил его перед собой и повернул Обгоняющего Тень. Они поднимались по извилистым улицам Минас Тирита, и гул схватки усиливался за ним. Люди очнулись от отчаяния и страха, потрясали оружием и кричали друг другу: «Рохан пришел!» Собирались отряды, слышались команды; многие устремились вниз, к воротам.

Они встретили принца Имрахила, и он обратился к ним:

— Куда теперь, Митрандир? Рохиррим сражаются на полях Гондора! Мы должны собрать все силы.

— Вам потребуются все люди, — сказал ему Гэндальф. — Торопитесь. Я приду, когда смогу. Но у меня есть к делу к повелителю Денетору, которое не может ждать. Примите командование в отсутствие повелителя!

Они двинулись дальше; приближаясь к цитадели, они почувствовали дующий им в лицо ветер и увидели далеко на юге свет утра. Но это принесло им мало надежды: они опасались, что придут слишком поздно.

— Тьма проходит, — сказал Гэндальф, — но она еще тяжело лежит над Гондором.

У входа в цитадель они не увидели часового.

— Значит, Берегонд ушел, — с надеждой сказал Пиппин. Они повернули и заторопились по дороге к закрытой двери. Она была широко распахнута, привратник лежал перед ней. Он был мертв, ключ от дверей исчез.

— Работа врага! — сказал Гэндальф. — Он любит такие дела: войну между друзьями. — Он спешился и попросил Обгоняющего Тень вернуться в конюшню. — Мы с тобой, мой друг, давно бы поскакали в битву, — сказал он, — но другие дела отвлекают меня. Но если я позову, приходи быстро.

Они прошли в дверь и спустились по извивающейся дороге. Свет потускнел, и высокие колонны и резные фигуры по сторонам дороги уходили назад, как серые призраки.

Неожиданно тишина была нарушена, и они услышали внизу крики и звон мечей — такие звуки не слышались в этом священном месте с создания города. Наконец они пришли на Рат Динон и заторопились в доме наместников, возвышавшемся во мраке под своим величественным куполом.

— Стойте! — крикнул Гэндальф, взбегая на каменные ступени у входа в дом. — Прекратите безумие!

Здесь стояли слуги Денетора с мечами и факелами в руках; на верхней ступени лестницы стоял один Берегонд, одетый в черный с серебром мундир гвардии: он защищал от них дверь. Двое из них уже наткнулись на его меч, окрасив ступени своей кровью; остальные проклинали его, называя нарушителем законов и предателем своего хозяина.

Когда Гэндальф и Пиппин бежали вперед, они услышали изнутри дома мертвых голос Денетора:

— Торопитесь, торопитесь! Исполняйте же мое приказание! Убейте изменника! Или я должен сделать это сам?

Дверь, которую защищал Берегонд, распахнулась, в ней стоял повелитель Гондора, высокий и свирепый; в глазах его горело пламя, он держал в руках обнаженный меч.

Но Гэндальф взбежал на ступени, и люди расступились перед ним, закрывая глаза: его приход был подобен удару белой молнии в темном месте, и он шел с великим гневом. Он поднял руку, и меч вылетел из руки Денетора и упал за ним в тень дома; Денетор отступил.

— В чем дело, повелитель? — спросил колдун. — Дома мертвых не место для живых. И почему люди сражаются здесь, в священном месте, когда достаточно битвы у ворот? Или враг проник уже и на Рат Динон?

— Повелитель Гондора не обязан отчитываться перед тобой, — ответил Денетор. — И неужели я не могу распоряжаться своими же слугами?

— Можете, — сказал Гэндальф. — Но другие могут противиться вашей воле, когда она обращается к безумию и злу. Где ваш сын Фарамир?

— Лежит внутри, — ответил Денетор, — он горит, весь горит. Они подожгли его тело. Но скоро все сгорит. Запад погиб. Все погибнет в огромном огне, все будет кончено. Увы! Пепел и дым развеет ветер!

Гэндальф, убедившись в его безумии и опасаясь, что он уже совершил что-то непоправимое, двинулся вперед, за ним пошли Берегонд и Пиппин, а Денетор отступал, пока не остановился у стола внутри дома. На столе лежал Фарамир, по-прежнему погруженный в лихорадку. Под столом и вокруг него были нагромождены дрова, политые маслом, даже одежда Фарамира и одеяла пропитались маслом, но огонь к топливу еще не подносили. И тут Гэндальф обнаружил скрывавшуюся в нем силу. Он вспрыгнул на вязанки дров, легко поднял больного, прыгнул вниз и понес его к двери. Фарамир застонал и в бреду позвал отца.

Денетор, как будто проснувшись, вздрогнул, огонь в его глазах погас, он заплакал и сказал:

— Не отнимай у меня сына! Он зовет меня.

— Он зовет, — сказал Гэндальф, — но вы не можете еще прийти к нему. Вначале его нужно вылечить у самого порога смерти. Это может и не удастся. А ваше дело — участие в обороне города, где, может быть, вас ждет смерть. Это вы знаете в глубине своего сердца.

— Он не проснется, — сказал Денетор. — И битва проиграна. Зачем нам жить? Почему бы не умереть вместе, рядом?

— Вам не дана власть, наместник Гондора, распоряжаться часом своей смерти, — ответил Гэндальф. — Только языческие короли под владычеством темной силы поступают так, убивая себя в гордости и отчаянии и убивая своих родственников, чтобы облегчить себе смерть.

И, пройдя через дверь, он вынес Фарамира из дома смерти и положил его на носилки, на которых его принесли и которые стояли у порога. Денетор последовал за ним и стоял дрожа, глядя на лицо сына. На мгновение, пока все молчали и неподвижно смотрели на Денетора, тот заколебался.

— Идем! — сказал Гэндальф. — Вы нужны еще там. Предстоит много сделать.

Неожиданно Денетор рассмеялся. Он стоял высокий и гордый; быстро отступив к столу, он поднял подушку, на которой лежала его голова. Подойдя к двери, откинул завесу, и вот! В руках его был палантин. И когда он поднял его, всем показалось, что внутри шара зажглось пламя, так что худое лицо повелителя озарилось красным огнем, оно было как бы высечено из твердого камня, изборожденное черными тенями, благородное, гордое и ужасное и глаза его сверкали.

— Гордость и отчаяние! — воскликнул он. — Ты думаешь, что глаза Белой башни слепы? Нет, я вижу больше, чем ты подозреваешь, серый дурак! Твоя надежда объясняется невежеством. Иди и лечи! Иди и сражайся! Но тщетно.

Ты можешь отвоевать немного места, на день торжествовать победу. Но ту силу, которая теперь поднялась, победить невозможно. К городу протянулся лишь один палец. Весь восток пришел в движение. И даже сейчас ветер твоей надежды обманул тебя, он несет к Андуну флот с черными парусами. Запад проиграл. Для тех, кто не хочет быть рабами, настало время уходить.

— Такие мысли сделают победу врага несомненной, — заметил Гэндальф.

— Тогда надейся! — смеялся Денетор. — Я разве не знаю тебя, Митрандир?

Ты надеешься править за меня, стоять за каждым тронном на севере, на юге и на западе. Я прочел твои мысли, понял твою политику. Разве я не понял, почему ты приказал невысоклику молчать? Что ты привел его, чтобы он шпионил за мной? И все же в нашем разговоре я узнал имена и цели всех твоих спутников. Да!левой рукой ты используешь меня как щит против Мордора, а правой приводишь сюда следопытов с севера, чтобы вытеснить меня.

Но говорю тебе, Гэндальф Митрандир, что я не буду твоим оружием! Я наместник дома Анариона. И не хочу стать управляющим, стоящим у трона выскочки. Ну и что с того, что он происходит от Исилдура? Я не желаю кланяться последнему представителю дома нищих, давно лишившихся власти и достоинства.

— Что же вы бы сделали, — спросил Гэндальф, — если бы могли? Чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы все шло так, как во все дни моей жизни, — ответил Денетор, — во дни жизни моих предков: я хочу быть повелителем города и оставить это место своему сыну, который был бы хозяином самому себе, а не учеником колдуна. Но если судьба отказывает мне в этом, я не хочу ничего; ни низкой жизни, ни половинной любви и не униженной чести.

— Мне не кажется, что наместник, выполнивший свой долг, лишается чести или любви, — сказал Гэндальф. — И уж во всяком случае вы не должны убивать своего сына, пока его смерть под сомнением.

При этих словах в глазах Денетора снова вспыхнуло пламя; взяв камень под мышку, он выхватил нож и двинулся к носилкам. Но Берегонд встал между ним и Фарамиром.

— Вот! — воскликнул Денетор. — Ты уже украл половину любви моего сына. Теперь ты крадешь сердца моих рыцарей. Но ты не помешаешь мне исполнить свою волю. Я сам распоряжусь своим концом.

— Сюда! — позвал он слуг. — Идите, если вы не изменники!

Двое слуг побежали по ступенькам к нему. Он выхватил из рук одного из них факел и устремился в дом. Прежде чем Гэндальф мог помешать ему, он швырнул факел в дрова, которые немедленно с треском и ревом загорелись.

Денетор прыгнул на стол и, окутанный дымом и пламенем, поднял посох наместничества, лежавший у его ног, и переломил его о колено. Швырнув обломки в огонь, он лег на стол, сжимая в руках палантир. И впоследствии, когда люди смотрели в камень, если только у них не хватало силы использовать его по своей воле, они лишь видели в нем две старческие руки, охваченные пламенем.

Гэндальф в горе и ужасе отвернулся и закрыл дверь. Некоторое время он стоял в задумчивости, а изнутри доносился рев пламени. Затем Денетор испустил громкий крик, и больше никто из смертных его не видел.

— Так уходит Денетор, сын Энтелиона, — сказал Гэндальф. Он повернулся к Берегонду и слугам наместника, пораженным ужасом. — И так уходят известные вам дни Гондора; для добра или для зла, но они кончились... Злые дела совершались здесь; но теперь отбросьте всякую вражду, потому что она вызвана врагом и служит его целям. Вы пойманы в сеть противоречивых поступков, которую сплели не вы. Но подумайте, вы, слуги повелителя, слепые в своем повиновении, что если бы не Берегонд, Фарамир, капитан белой башни, уже сгорел бы.

Унесите из этого несчастного места своих погибших товарищей. А мы унесем Фарамира, наместника Гондора, туда, где он сможет спокойно спать или умереть, если такова его судьба.

Гэндальф и Берегонд подняли носилки и понесли их к домам излечения, а Пиппин пошел за ними с опущенной головой. Но слуги повелителя стояли, ошеломленные, и смотрели на дом мертвых; и не успел Гэндальф дойти до конца Рат Динон, как послышался громкий шум. Оглянувшись, он увидел, как треснул купол дома, и из него вырвались клубы дыма, затем с громом и грохотом он обрушился, и пламя высоко поднялось над облаками. Тогда в ужасе слуги побежали вслед за Гэндальфом.

Наконец они снова подошли к двери наместников, и Берегонд с сожалением взглянул на привратника.

— Я всегда буду оплакивать этот свой поступок, — сказал он, — но я безумно торопился, а он не слушал и обнажил свой меч.

Взяв ключ, отобранный им у мертвого, он закрыл дверь.

— Ключ я отдам повелителю Фарамиру, — сказал он.

— В отсутствии повелителя командует принц Дол Амрота, — сказал Гэндальф, — но поскольку его здесь нет, я беру руководство. Сохрани этот ключ до тех пор, пока в городе не установится порядок.

Они оказались в высоких кругах города и при свете утра направились к домам излечения: это были прекрасные дома, предназначенные для больных; теперь они были подготовлены для лечения раненых в битве. Они находились недалеко от входа в цитадель в шестом круге, около южной стены, возле них был сад и лужайка — единственные в городе. Здесь жили несколько женщин, которым позволено было остаться в Минас Тирите, поскольку они были искусны в лечении или обслуживании лекарей.

Подойдя с носилками к главному входу в дома, Гэндальф и его спутники слышали громкий крик, поднявшийся с поля перед воротами и унесенный ветром. Так ужасен был этот крик, что на мгновение все замерли, но когда крик смолк, в их сердцах внезапно вспыхнула надежда,

какой они не знали с начала Тьмы; им показалось, что свет стал ярче и солнце прорвалось сквозь облака.

Но лицо Гэндальфа было печально и серьезно; попросив Берегонда с Пиппином отнести Фарамира в дома излечения, он пошел к ближайшей стене; здесь он стоял, как вырезанная из камня фигура, и смотрел вниз. И увидел данным ему зрением все происходящее; и когда Эомер, вернувшись с битвы, подъехал к павшим, Гэндальф вздохнул, завернулся в плащ и ушел со стены. И когда Берегонд и Пиппин вышли из домов излечения, они увидели у входа стоявшего в задумчивости Гэндальфа.

Они посмотрели на него. Некоторое время он молчал, потом заговорил.

— Друзья мои и все люди этого города и всех западных земель! Совершенно печальное и славное деяние. Должны ли мы плакать или радоваться... Произошло то, на что мы не надеялись: уничтожен капитан наших противников, и вы слышали это его последнего и отчаянного крика. Но он ушел не без борьбы и принес нам горькие утраты. Я мог бы предотвратить это, если бы не безумие Денетора. Как далеко протянулись руки врага! Увы! Но теперь я вижу, как смогла его воля проникнуть в самое сердце города.

Хотя наместники считали, что эта тайна известна лишь им, я давно догадывался, что в белой башне хранится один из семи видящих камней. В дни своей мудрости Денетор не использовал его, не желая бросать вызов Саурону и зная ограниченность своей силы. Но мудрость его слабела: и боюсь, что когда возросла опасность для его королевства, он посмотрел в камень и был обманут: слишком часто обманывали его со времени ухода Боромира. Он был слишком велик, чтобы подчиниться воле темной силы, но тем не менее видел лишь то, что эта сила позволяла ему видеть. Знания, которые он таким образом получал, несомненно, были часто ему полезны; но вид великой мощи Мордора, которую ему показывали, сеял отчаяние в его сердце, пока он не сошел с ума.

— Теперь я понимаю то, что казалось мне странным, — сказал Пиппин, вздрагивая от воспоминания. — Повелитель уходил из комнаты, где лежал Фарамир; и когда он вернулся, я заметил в нем перемену: он казался старым и разбитым.

— В тот самый час, когда Фарамира принесли в башню, многие из нас видели странный свет в верхнем кабинете, — сказал Берегонд. — Но мы видели этот свет и раньше, и в городе давно говорили, что иногда повелитель мысленно борется с врагом.

— Увы! Значит, я догадался верно, — сказал Гэндальф. — Так воля Саурона проникла в Минас Тирит; и это меня задержало здесь. И я вынужден буду еще некоторое время оставаться здесь, потому что, кроме Фарамира, здесь скоро будут и другие больные.

А сейчас я должен спуститься, чтобы встретить тех, кто придет. Я видел на поле зрелище, опечалившее мое сердце, а может прийти еще большая печаль. Иди со мной, Пиппин! А вы, Берегонд, вернитесь в цитадель и расскажите командиру гвардии о происшедшем. Его обязанностью будет, как я думаю, отстранить вас от службы в гвардии; и скажите ему, что я советую послать вас в дома излечения, чтобы вы охраняли своего капитана и служили ему, чтобы вы были рядом, когда он очнется — если он очнется. Ибо вы спасли его от огня. Идите же! Я скоро вернусь.

С этими словами Гэндальф повернулся и направился вместе с Пиппиным в нижний город. И когда они спускались, ветер принес серый дождь, пожары погасли и на их месте поднялись столбы дыма.

8. ДОМА ИЗЛЕЧЕНИЯ

Глаза Мерри застилало туманом от слез и усталости, когда они подходили к разрушенным воротам Минас Тирита. Он обращал мало внимания на обломки и разрушения вокруг. Огонь, дым и зловоние заполняли воздух — множество машин было подожжено и брошено в огненные ямы вместе со множеством убитых; тут и там лежали тела огромных чудовищ южан, полусгоревшие, убитые камнями из катапулт или застреленные в глаза доблестными лучниками. Дождь на время прекратился, показалось солнце, но весь нижний город по-прежнему был окутан удушливым дымом.

Люди уже расчищали путь через обломки и другие следы битвы; от ворот принесли носилки. Эовин осторожно уложили на мягкие подушки; тело короля накрыли драгоценным золотым покрывалом, перед ними несли факелы, и их пламя, бледное в солнечных лучах, раздувалось ветром.

Так прибыли в столицу Гондора Теоден и Эовин, и все, кто видел их, обнажили головы и поклонились; они прошли через пепел и копоть сожженного круга и начали подниматься по каменным улицам. Мерри же этот подъем показался вечным, каким-то бессмысленным путешествием в ненавистном сне, все длящемся и длящемся, движущемуся к какому-то концу.

Факелы перед ним медленно потускнели, он шел во тьме и думал: «Это туннель, ведущий к могиле, здесь мы останемся навсегда».

Но неожиданно в его грезы ворвался голос:

— Мерри! Слава богу, я нашел тебя!

Мерри поднял голову, и туман в его глазах немного рассеялся. Пиппин! Они лицом к лицу столкнулись на узкой улочке; она была пуста. Мерри протер глаза.

— Где король? — спросил он. — И Эовин?

Потом повернулся, сел на какой-то порог и снова начал плакать.

— Они прошли в цитадель, — сказал Пиппин. — Ты, вероятно, уснул на ходу и свернул не в ту сторону. Когда обнаружилось, что тебя с ними нет, Гэндальф послал меня на поиски. Бедный старина Мерри! Как я рад снова видеть тебя! Но ты устал, и я не стану беспокоить тебя разговорами. Скажи, ты ранен?

— Нет, — ответил Мерри. — Я думаю, что нет. Но у меня не действует правая рука, Пиппин, с тех пор, как я ударил его. И мой меч сгорел, как кусок дерева.

Пиппин встревожился.

— Лучше пойдем побыстрее, — сказал он. — Я хотел бы отнести тебя. Ты не можешь больше идти. Тебе вообще нельзя было позволять идти, но прости их. Так много ужасного произошло в городе, Мерри, что легко было просмотреть одного бедного хоббита, возвращающегося с битвы.

— Не всегда плохо, когда тебя не замечают, — сказал Мерри. — Меня не заметил... Нет, нет, я не хочу говорить об этом. Помоги мне, Пиппин! Все темнеет перед глазами, а рука у меня такая холодная.

— Обопрись на меня, Мерри! — сказал Пиппин. — Идем! Шаг за шагом. Это близко.

— Вы меня сожжете? — спросил Мерри.

— Конечно нет, — ответил Пиппин, стараясь, чтобы голос у него звучал весело, хотя сердце его разрывалось от страха и жалости. — Нет, мы идем в дома излечения.

Они свернули с узкой улочки, шедшей между высокими домами и стеной четвертого круга, и вышли на главную улицу, поднимающуюся к цитадели. Шаг за шагом шли они, пока Мерри не зашатался и не начал бормотать, как в бреду.

«Я не доведу его, — подумал Пиппин. — Неужели никто не поможет мне? Я не могу оставить его здесь...»

И как раз в этот момент сзади к нему подбежал мальчик, и Пиппин узнал в нем Бергила, сына Берегонда.

— Привет, Бергил! — сказал он. — Куда ты идешь? Рад снова видеть тебя и видеть живым.

— У меня поручение к лекарям, — ответил Бергил. — Не могу задерживаться.

— И не нужно! — сказал Пиппин. — Но скажи им, что у меня тут больной хоббит, пришедший с битвы. Не думаю, чтобы он смог сам дойти туда. Если Митрандир там, он будет рад этому сообщению.

Бергил убежал.

«Лучше я подожду здесь», — подумал Пиппин. Он осторожно опустил Мерри на мостовую и сел рядом с ним, положив голову Мерри себе на колени. Потом взял в свои руки руки друга. Правая рука была холодна, как лед.

Вскоре появился сам Гэндальф. Он склонился к Мерри и тронул его лоб, потом осторожно поднял его.

— Он заслужил честь быть почетным гостем в этом городе, — сказал колдун. — Он оправдал мое доверие, ибо если бы Элронд не послушался меня, ни ты, ни Мерри не выступили бы с нами; и тогда печальные дела этого дня были бы гораздо печальнее. — Он вздохнул. — Вот и еще один больной на моем попечении, а сражение достигло равновесия.

Фарамира, Эовин и Мериадока уложили на постели в домах излечения; здесь за ними хорошо ухаживали. Хотя знания древних в эти дни во многом были забыты, в Гондоре сохранилось умение лечить раны и болезни. Не умели только лечить старость... И действительно, продолжительность жизни Гондорцев теперь не намного превышала продолжительность жизни других людей, и мало кто из них доживал до ста лет, за исключением семей с чистой кровью. Искусство лечения болезней еще больше ухудшилось в последние годы: появилась болезнь, которую называли черной тенью, потому что ее распространяли назгулы. Пораженные этой болезнью впадали в глубокий сон, тело их становилось холодным, и они умирали. И лекари решили, что невысоклик и леди Рохана тяжело больны этой болезнью. Утром они начинали говорить, бормоча в бреду какие-то слова, и лекари внимательно слушали их, надеясь узнать что-нибудь такое, что может облегчить их положение. Но скоро они вновь впадали в тьму, и по мере того, как солнце склонялось к западу, лица их все более покрывала тень. А Фарамир горел в лихорадке, которую ничем нельзя было успокоить.

Гэндальф переходил от одного больного к другому, и ему говорили все, что они сказали в бреду. Так тянулся день, а битва за стенами города продолжалась, и все новые странные известия приходили к Гэндальфу. А он по-прежнему ждал и наблюдал за больными. Наконец красный закат заполнил небо, и свет через окна упал на серые лица больных. Стоявшим рядом показалось в этом свете, что на лица вернулось здоровье, но это был лишь обман зрения.

Старуха по имени Иорет, самая старшая из женщин, обслуживающих дома, глядя на прекрасное лицо Фарамира, заплакала, так как все любили его. И она сказала:

— Увы! Он умрет. Если бы здесь были короли Гондора, как в старые времена. Ибо сказано в старину: руки короля — руки целителя. Так можно узнать законного короля.

И Гэндальф, стоявший рядом, сказал:

— Люди должны долго вспоминать ваши слова, Иорет! В них наша надежда. Может быть, король действительно вернулся в Гондор; или вы не слышали странных новостей, достигших города?

— Я была слишком занята этими, чтобы обращать внимание на крики.

Гэндальф торопливо вышел, и в это время небесный пожар погас, холмы померкли, и

серый, как пепел, вечер пополз по полям.

На закате солнца Арагорн, Эомер и Имрахил со своими капитанами и рыцарями подошли к воротам, и здесь Арагорн сказал:

— Смотрите на солнце, сидящее в большом огне! Это знак конца и падения многих дел и существ, знак перемены в течении мира. Но этот город и королевство долгие годы управлялось наместниками, и боюсь, что если я войду непрошенным, возникнут сомнения и раздоры, а их не должно быть пока не кончена война. Я не войду и не буду ничего заявлять, пока не станет ясно, кто побеждает: мы или Мордор. Мою палатку установят в поле, и здесь я буду ждать приглашения повелителя города.

Но Эомер сказал.

— Вы уже подняли знамя королей и показали знаки дома Элендила. Вы хотите скрыть их?

— Нет, — ответил Арагорн, — но я считаю, что время еще не пришло. Я не хочу бороться ни с кем, кроме нашего врага и его слуг.

И принц Имрахил сказал:

— Ваши слова мудры, если их может оценивать родственник повелителя Денетора. Он горд и обладает сильной волей, но он стар... К тому же после смерти сына он очень изменился. Но я не позволил бы вам оставаться у дверей, как просителю.

— Не как просителю, — сказал Арагорн, — а допустим, как капитану следопытов, которые не привыкли к городам и к каменным домам.

И он приказал свернуть свое знамя; сняв звезду северного королевства, он отдал ее на сохранение сыновьям Элронда.

Тогда принц Имрахил и Эомер Роханский оставили его, прошли через город, через толпы людей и поднялись в цитадель; они пришли в зал башни, разыскивая наместника. Но кресло его было пусто, а перед помостом лежал король Марки Теоден; около него горело двенадцать факелов и стояло двенадцать часовых — рыцарей Гондора и Рохана. Его постель была завешана зелеными и белыми тканями, но сам король по грудь был укрыт драгоценной парчой, поверх которой лежал его обнаженный меч, а у ног — щит. Свет факелов отражался в его белоснежных волосах, как солнце в брызгах фонтана, но лицо у него было прекрасное и юное; только мирное выражение лица не было свойственно юности; казалось он спит.

Когда они молча постояли возле короля, Имрахил сказал:

— Где наместник? И где Митрандир?

А Эомер добавил:

— Где леди Эовин, моя сестра? Она должна лежать рядом с королем. Куда ее положили?

Но Имрахил на это возразил:

— Но леди Эовин была жива, когда ее несли сюда. Разве вы не знаете?

Надежда так неожиданно вспыхнула в сердце Эомера, а с ней страх и забота, что он больше ничего не сказал, но повернулся и быстро вышел из зала. Принц последовал за ним. Когда они вышли, уже опустился вечер, и много звезд зажглось в небе. Подошел Гэндальф и с ним человек, закутанный в серое. Они встретились у входа в дома излечения. Поздоровавшись с Гэндальфом они сказали:

— Мы ищем наместника. Люди говорят, что он здесь. Неужели он ранен или заболел? И где леди Эовин?

И Гэндальф ответил:

— Она лежит там; она не мертва, но близка к смерти. А Фарамир ранен злой стрелой, как вы, наверное, слышали, и он теперь новый наместник: Денетор ушел, и дом его превратился в пепел.

И они преисполнились горя и удивления от его рассказа.

— Итак, победа лишает радости, какое горькое совпадение, что Гондор и Рохан в один день лишились своих повелителей. Но рохиррим правит Эомер. А кто будет пока править городом? Не нужно ли послать за Арагорном?

И закутанный в плащ человек сказал:

— Он пришел.

И они увидели, когда он сделал шаг к лампе, что это Арагорн, одетый в серый плащ из Лориена поверх кольчуги и не имеющий на себе никаких отличительных знаков, кроме зеленого камня Галадриэль.

— Я пришел по просьбе Гэндальфа, — сказал он. — Но пока я всего лишь капитан дунаданцев из Арнора; принц Дол Амрота будет править городом, пока не придет в себя Фарамир. И мой совет: пусть Гэндальф правит всеми нами во все последующие дни и во всех делах, связанных с Врагом.

И они согласились с ним.

Тогда Гэндальф сказал:

— Не будем стоять у дверей: время дорого. Войдем! Лишь в приходе Арагорна остается надежда для тех, кто лежит в домах излечения. Так сказала Иорет, мудрая женщина Гондора: «Руки короля — руки целителя, и так можно узнать короля».

Арагорн вошел первым, остальные последовали за ним. У входа стояли два стражника в мундирах цитадели: одни высокий, а другой ростом с мальчика. Маленький, увидев Арагорна, громко воскликнул от удивления и радости.

— Бродяжник! Как хорошо! Я догадывался, что это вы на черных кораблях. Но все кричали «пираты» и не слушали меня. Как вы это проделали?

Арагорн рассмеялся и взял хоббита за руку.

— Приятная встреча! — сказал он. — Но не время сейчас для рассказов.

Но Имрахил сказал, обращаясь к Эомеру:

— Разве так зовут нашего короля? Может, он примет другое имя?

Арагорн, услышав его, обернулся и ответил:

— Вероятно, так как на высоком языке древности я Элессар, Эльфийский Камень и Энвиньяр, Обновитель, — и он снял с груди зеленый камень. — Но если будет основан мой дом, имя ему будет Бродяжник. На высоком древнем языке это будет звучать не так прозаично — Телекентар. Так будут называться и все мои потомки.

С этими словами они вошли в дома, и пока они шли по комнатам, где лежали больные, Гэндальф рассказывал о деяниях Эовин и Мериадока.

— Я долго стоял над ними, — сказал он, — и они многое говорили в бреду, прежде чем впасть в смертельную тьму. К тому же мне дано видеть многое.

Арагорн вначале подошел к Фарамиру, потом к леди Эовин и наконец к Мерри. Посмотрев на лица больных, он вздохнул:

— Мне придется применить всю мою силу и все искусство. Лучше бы тут оказался Элронд: он старейший в нашей расе и обладает наибольшим могуществом.

А Эомер, видя, что Арагорн печален и устал, сказал:

— Может, вы вначале отдохнете хотя бы немного?

Но Арагорн ответил:

— Нет, для этих троих, и особенно для Фарамира, время не ждет. Нужно спешить.

Потом он подозвал Иорет и спросил:

— Есть ли в этом доме запас лечебных трав?

— Да, повелитель, — ответила она, — но я думаю, что их недостаточно, они не помогут. Не знаю, где найти другие травы: все сгорело в эти несчастливые дни, и все дороги закрыты. Уже

много дней никто не приезжал с травами из Лоссарнаха. Но попробуем получше использовать то, что у нас есть, если вы знаете, что нужно делать.

— Посмотрим, — ответил Арагорн. — Но прежде всего: если ли у вас ателас?

— Не знаю, повелитель, — сказала она, — во всяком случае не под таким названием... пойду спрошу знатока трав: он знает все старые названия.

— Ее называют также королевский узор, — сказал Арагорн, — и, может быть, вы знаете ее под таким названием, потому что в поздние дни так ее называли крестьяне.

— Ах, это! — сказала Иорет. — Ну если бы ваша милость так сразу и сказали, я бы ответила вам. Я уверена, что здесь это травы нет. И я никогда не слыхала, чтобы она обладала каким-нибудь достоинством. Часто говорила я своим сестрам, когда мы встречали эту траву в лесу: «Королевский узор. Что странное название. Интересно, почему ее так называют? Если бы я была королем, в моем саду росли бы растения прекрасней». Когда ее разотрешь, она приятно пахнет, верно? Приятно не то слово; может, правильное сказать — полезно.

— Очень полезно, — сказал Арагорн. — Теперь, моя милая, если вы любите повелителя Фарамира, бегите так же быстро, как быстр ваш язык, и принесите мне «королевский узор», если в городе найдется хотя бы листок.

— А если нет, — сказал Гэндальф, — я поскачу в лес Лоссарнаха с Иорет, Обгоняющий Тень покажет, что такое скорость.

Когда Иорет ушла, Арагорн попросил других женщин приготовить горячей воды. Потом он взял руку Фарамира в свою, а другую руку положил больному на лоб. Фарамир не двигался и, казалось, не дышал.

— Он почти погиб, — сказал Арагорн, поворачиваясь к Гэндальфу. — Но не от раны. Смотрите: она излечена. Если бы его ударила стрела назгула, как вы думали, он бы уже умер. Он ранен стрелой южанина. Кто ее выдернул? Сохранилась ли она?

— Я вынул стрелу и остановил кровотечение, — сказал Имрахил. — Но я не сохранил стрелу: у меня и так было много дел. Она была точно такой, какие используют южане. Но я думал, она вылетела из тени: иначе непонятно его состояние. Ведь рана сама по себе не глубока. Как вы это объясните?

— Усталость, горе из-за отца, рана и... Больше всего черное дыхание, — сказал Арагорн. — Он человек сильной воли, потому и был близок к тени еще перед битвой. И Тьма медленно захватывала его. Если бы я оказался здесь раньше!

Тем временем появился знаток трав.

— Ваша милость спрашивает о растении, которое на низком языке называется «королевский узор», а на высоком — «ателас» — сказал он. — Ателасом называют его те, кто знает кое-что о великореансах...

— Я знаю, — перебил его Арагорн, — и мне все равно, назовете ли вы его «королевским узором» или «абса аралион».

— Прошу прощения, ваша милость. Я вижу, вы не только военачальник, но и настоящий знаток трав. Но увы, сэр, мы не держим эту траву в домах излечения: здесь ведь излечиваются только серьезные больные и серьезные раны. А лечебные свойства этой травы нам неизвестны. Ее можно использовать только чтобы был приятный запах в воздухе или чтобы разогнать легкую усталость. Впрочем, может быть, вы обратили внимание на странное стихотворение, которое женщины, такие как наша добрая Иорет и ее подруги, повторяет, не понимая его значения:

Когда дует черное дыхание,
Когда растет тень смерти,
Когда гаснет любой свет,

Приходи, ателас! Приходи, ателас!
Оживи умирающих, лежа в королевских руках!

Но, боюсь, что это всего лишь бессмыслица, удерживающаяся в памяти старух. Предоставляю вам судить о значении этой загадки, если вы сумеете. Но старики до сих пор используют настойку этой травы от головной боли.

— Тогда, во имя короля, идите и отыщите этих стариков, меньше знающих, но более мудрых, отыщите у них эту траву! — Воскликнул Гэндальф.

Арагорн склонился к Фарамиру и положил ладонь ему на лоб. Окружающие видели, что идет борьба. Лицо Арагорна посерело от усталости и напряжения; время от времени он произносил имя Фарамира, каждый раз все тише и слабее, как будто сам Арагорн удалялся от них и бродил где-то далеко в темной долине, призывая того, кто потерян.

Наконец прибежал Бергил и принес шесть листиков.

— Это «королевский узор», сэр, — но не свежий. Его сорвали не меньше двух недель назад. Надеюсь он пригодится, — и, взглянув на лицо Фарамира, он разрыдался.

Но Арагорн улыбнулся.

— Пригодится, — сказал он. — Худшее позади. Успокойся!

Положив на ладонь два листка, он подул на них, а потом размял, и странная живительная свежесть заполнила комнату, воздух как будто зазвенел в ушах, искрясь радостью. Затем Арагорн бросил листья в котел с кипятком, и все почувствовали радость в сердцах, ибо доносившийся до них запах напоминал воспоминание о росистом утре, и о ярком солнце в мире, не знающем тени. Арагорн распрямился, освеженный, и в глазах его была улыбка, он поднес котел к лицу Фарамира.

— Ну кто бы мог поверить! — сказал Йорет другим женщинам. — Эта трава лучше, чем я думала. Она напомнила мне о розах в Имлот Мелуй, когда я была еще девочкой.

Неожиданно Фарамир зашевелился, открыл глаза и взглянул на склонившегося к нему Арагорна. В глазах его загорелся свет сознания и любви, и он тихонько сказал:

— Повелитель, вы звали меня. Я пришел. Что вы прикажете мне?

— Не уходить больше в тень, проснуться, — сказал Арагорн. — Вы устали. Немного отдохните, поешьте и подготовьтесь к моему возвращению.

— Хорошо, повелитель, — сказал Фарамир. — Кто же будет лежать без дела, когда король вернулся?

— Тогда расстанемся на время, — сказал Арагорн. — Я должен идти к другим нуждающимся во мне.

И он вышел из комнаты вместе с Гэндальфом и Имрахилом; но Берегонд и его сын остались, не в силах сдержать своей радости. Пиппин, шедший за Гэндальфом, услышал восклицание Йорет:

— Король! Вы слышали? Что я говорила?.. Руки короля — руки целителя, вот что сказала я.

И вскоре по всему городу распространилась из дома излечения известие, что вернулся король и что после войны он принесет исцеление.

Арагорн пришел к Эовин и сказал:

— Вот где самая серьезная рана и самый тяжелый удар. Сломанная рука получила нужное лечение и скоро срастется, если у Эовин будут силы для жизни. Поранена у нее левая рука, но главная опасность идет от руки, державшей меч. Она кажется неживой, хотя она и не сломана.

Увы! Она сражалась с врагом, превосходящим силы ее ума и тела. Тот, кто поднимет оружие на такого врага, должен быть крепче стали, и все равно шок может убить его. Злая судьба

привела ее на его тропу. Она прекрасная девушка, самая прекрасная из всех королев. И все же не знаю, как говорить с нею. Когда я впервые посмотрел на нее и понял, как она несчастна, мне показалось, что я вижу прекрасный и гордый белый цветок, похожий на лилию, нежный и в то же время прочный, как будто он выкован из стали. А может, это мороз превратил его сок в лед, и вот он стоит все еще прекрасный, но обреченный на гибель. Ее болезнь началась гораздо раньше этого дня, верно, Эомер?

— Я удивляюсь, что вы спрашиваете меня об этом, — ответил Эомер. — Ведь Эовин, моя сестра, не была тронута морозом, пока не увидела вас. Она была заботлива и неутомима и разделяла со мной все тревоги во дни Змеинового Языка и болезни короля; и она ухаживала за королем с растущим в ней страхом. Но не это привело ее к такому состоянию.

— Друг мой, — сказал Гэндальф, — у вас были лошади, войны, просторное поле, а у нее, рожденной в теле девушки, дух и храбрость были не менее мужественными, чем у вас. Но она была осуждена находиться рядом со стариком, которого она любила как отца, и видеть, как он впадает в бесчестное слабоумие, и ее роль казалось ей более низкой, чем посох, на который он опирался.

Вы думаете, у Змеинового Языка был яд только для ушей Теодена? «Старый дурак! Что такое дом Эорла, как не крытый соломой сарай, где пирует банда пьяных в дым разбойников, а их отродье возится на полу с собаками!» Разве вы не слышали этих слов раньше? Их произнес Саруман, учитель Змеинового Языка. Хотя я не сомневаюсь, что дома Змеинный Язык облакал их значение в более хитрые слова. Повелитель, если бы любовь сестры к вам, если бы сознание своего долга не закрыли бы ее губ, вы многое могли бы услышать. И кто знает, что говорила она одна, во тьме, в горечи своих ночных бдений, когда жизнь казалась ей конченной, а стены спальни смыкались вокруг нее, как стены клетки пойманного дикого животного.

Эомер молча посмотрел на сестру, как бы заново переживая прошлое. Но Арагорн сказал:

— Я видел то же, что и вы, Эомер. Мало найдется в мире горестей, равных этой: видеть любовь прекрасной и отважной леди и не ответить на нее. Печаль и жалость сопровождали меня после нашей последней встречи в Дунхарроу; и не за себя боялся я, а за то, что может случиться с нею. И все же, я говорю вам, Эомер, она любит вас больше, чем меня; вас она любит и знает; а во мне она любит лишь сове воображение и надежду на славу и великие деяния, надежду на земли, далекие от полей Рохана.

У меня, может быть, хватит силы исцелить ее тело, вывести ее из темной долины. Но для чего она очнется: для надежды, забвения или отчаяния — я не знаю. И если для отчаяния, то лучше ей умереть, если только не придет другой исцелитель, более искусный, чем я. Увы! А ее деяния отводят ей место в ряду славнейших королев.

Арагорн наклонился и посмотрел ей в лицо, белое, как лилия, холодное как лед, и твердое, как ровный камень. Поцеловав ее в лоб, он тихо позвал:

— Эовин, дочь Эомунда, проснись! Твой враг ушел!

Она не шевельнулась, но все увидели, что она дышит глубже: грудь ее под белым покрывалом поднималась и опускалась. Арагорн растер снова два листка ателаса и бросил их в кипящую воду; этой водой он смочил ей лоб и правую руку, холодную и бесчувственную.

— Проснись, Эовин, леди Рохана! — снова сказал Арагорн и, взяв ее правую руку почувствовал, как к ней возвращается жизнь. — Проснись! Тень ушла и вся Тьма рассеялась!

Вложив ее руки в руки Эомера, он отошел и, проговорив «позовите ее», молча вышел из комнаты.

— Эовин, Эовин! — воскликнул Эомер, плача. Она открыла глаза и сказала:

— Эомер! Какая радость! Они говорили, что ты убит. Нет, это были лишь темные голоса в моем сне. Долго ли я спала?

— Недолго, сестра, — ответил Эомер. — Но не думай больше об этом.

— Я страшно устала, — сказала она. — Мне нужно отдохнуть. Но скажи, что с повелителем Марки. Увы! Не говори, что это был сон: я знаю, что это не так. Он мертв, как и предсказывал.

— Он мертв, — подтвердил Эомер, — и он просил перед смертью передать прощальный привет Эовин, более дорогой для него, чем дочь. Он лежит теперь в цитадели Гондора.

— Как печально! — вздохнула она. — Но это все же лучше тех темных дней, когда я думала, что дом Эорла впадает в бесчестье и станет хуже шалаша пастуха. А что с королевским оруженосцем, с невысокликом? Эомер, ты должен сделать его рыцарем Марки за храбрость.

— Он лежит поблизости в этом доме, и я пойду к нему, — сказал Гэндальф. — Эомер же останется здесь. Но не говорите о войне и о печали, пока не поправитесь. Великая радость видеть такую отважную леди возрожденной для здоровья и надежды!

— Для здоровья! — сказал Эовин. Может быть, и так. По крайней мере, пока есть пустое седло какого-нибудь погибшего всадника и есть дела, которые нужно свершить. Но для надежды? Не знаю...

Гэндальф и Пиппин пришли в комнату Мерри и застали там стоящего у постели хоббита Арагорна.

— Бедняга Мерри! — воскликнул Пиппин, подбегая к постели: ему показалось, что его друг выглядит хуже, лицо у него серое, и на нем лежит тяжесть годов печали. Неожиданно Пиппина охватил страх, что Мерри умрет.

— Не бойтесь! — сказал Арагорн. — Я пришел вовремя. Он устал и опечален, он получил такую же рану, как и леди Эовин при попытке поразить смертоносного врага. Но все это поправимо — так силен в нем дух жизни. Он никогда не забудет своего горя, но оно не затмит его сердце, а лишь научит его мудрости.

Арагорн положил руку на голову Мерри и, мягко проведя ладонью по курчавым волосам коснулся глаз и позвал его по имени. И когда аромат ателаса заполнил комнату, Мерри неожиданно очнулся и сказал:

— Я хочу есть. Который час?

— Время ужина прошло, — ответил Пиппин. — Но я постараюсь принести тебе чего-нибудь, если мне позволят.

— Позволят, — сказал Гэндальф. — Все, чего пожелает этот всадник Рохана, будет дано ему в Минас Тирите, где он будет пользоваться почетом и великим уважением.

— Хорошо! — сказал Мерри. — Тогда я предпочел бы вначале ужин, а потом трубку. — И лицо его омрачилось. — Нет, не трубку. Не думаю, чтобы я снова стал курить.

— Почему? — удивился Пиппин.

— Он умер, — медленно ответил Мерри. — Я все вспомнил. Он сказал, что ему жаль, что у него не будет больше возможности поговорить со мной о травах. Это почти дословно, что он сказал. Никогда больше не смогу я курить, не вспоминая о нем и об этом дне, Пиппин, когда он приехал в Изенгард и был так добр к нам.

— Тогда курите и думайте о нем! — сказал Арагорн. — У него было щедрое сердце, он был великий король и всегда исполнял свои клятвы. Он встал из тени для этого последнего прекрасного утра. Хотя ваша служба ему была коротка, воспоминание об этом будет почетным и радостным до конца ваших дней.

Мерри улыбнулся.

— Что ж, — сказал он, — если так считает Бродяжник, я буду курить и думать. У меня в мешке было зелье из запасов Сарумана, но что стало с ним в битве, не знаю.

— Мастер Мериадок, — сказал Арагорн, — уж если вы считаете, что я с огнем и мечом прошел через горы и королевство Гондор, чтобы приносить травы беззаботному солдату,

растерявшему свои вещи, то вы глубоко ошибаетесь. Если ваш мешок не найдется, то пошлите за знатоком трав. И он скажет вам, что не знает, какие достоинства есть у травы, которую вы хотите, но что она зовется семенем западных людей на низком языке, и гелон — на благородном, и что у нее есть и другие названия, и, добавив несколько полузабытых строк, которых никто не понимает, он с сожалением сообщит вам, что этой травы нет в домах излечения, и оставит вас размышлять о различиях и языках. Точно так же поступлю и я. Ибо я не спал в такой постели со времени отъезда из Дунхарроу, и не ел с самого рассвета.

Мерри схватил его руку и поцеловал ее.

— Мне страшно жаль, — сказал он, — что вы уже уходите. С той самой ночи в Пригорье мы были для вас лишь помехой. Но мой народ привык в таких случаях говорить меньше, чем чувствует. Мы боимся громких слов.

— Я хорошо знаю это, иначе не имел бы с вами дела, — сказал Арагорн. — Пусть всегда царит благополучие в Уделе! — Поцеловав Мерри, он вышел, и Гэндальф вышел за ним.

Пиппин остался.

— Есть ли кто подобный ему? — спросил он. — Конечно, кроме Гэндальфа. Мой дорогой осел, твой мешок лежит у постели. Когда я нашел тебя, он был у тебя на спине. Арагорн, конечно, все время видел его. К тому же у меня есть немного зелья. Это лонгботтомский лист. Набей трубку, пока я посмотрю насчет еды. И давай немного отвлечемся. Мы, Туки и Брендизайки, не можем все время оставаться на таких высотах.

— Да, — сказал Мерри. — Я не могу. Пока не могу. Но теперь, по крайней мере, Пиппин, мы можем их видеть, эти высоты, и их почитать. Лучше вначале полюбить то, что ты способен любить, я думаю: нужно где-то иметь прочные корни, а почва Удела глубока. Но все же есть вещи глубже и выше; и никакой садовник не может спокойно ухаживать за своим садом, зная о них. Я рад, что теперь я о них знаю немного. Но не понимаю, почему я говорю это? Где лист? И достань мою трубку из мешка, если она цела.

Арагорн и Гэндальф отправились к главе домов излечения и сказали, что Фарамир и Эовин останутся здесь, и их нужно будет еще лечить много дней.

— Леди Эовин, — сказал Арагорн, — пожелает скоро встать и уехать, но ей нельзя позволить этого, по крайней мере не раньше, чем через десять дней.

— А что касается Фарамира, — добавил Гэндальф, — то он скоро узнает о смерти своего отца. Но всю правду о безумии Денетора ему нельзя рассказывать, пока он окончательно не выздоровеет и не займется своими обязанностями. Проследите, чтобы Берегонд и Периан, остающиеся здесь, не говорили с ним об этом.

— А что с другим Перианом, Мериадоком?

— Вероятно, он сможет ненадолго встать уже завтра утром, — сказал Арагорн. — Пусть встает, если хочет. Он может немного погулять под присмотром своих друзей.

— Замечательный народ, — сказал глава домов, качая головой. — Очень крепкий по характеру.

У дверей домов излечения собрались многие, чтобы посмотреть на Арагорна; и они ходили за ним следом. Когда Арагорн поел, его стали упрашивать, чтобы он вылечил раненых, лежавших под черной тенью. Арагорн послал за сыновьями Элронда, и вместе они проработали почти всю ночь. И по городу прошла весть: король действительно вернулся. И называли его эльфийским камнем из-за зеленого камня, и так имя, которое давно было предсказано, дано было ему его собственным народом.

И когда он не смог больше работать, он набросил на себя плащ и выскользнул из города, добрался на рассвете до своей палатки и немного поспал. А утром из башни выплыло знамя Дол Амрота — белый корабль, подобный лебедю, на голубой воде, и люди глядя вверх, гадали, не

был ли приход короля всего лишь сном.

9. ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ

Пришло утро после битвы, и оно было прекрасно, легкие облака двигались на запад. Леголас и Гимли встали рано и попросили разрешения отправиться в город: им хотелось увидеться с Мерри и Пиппином.

— Хорошо знать, что они живы, — сказал Гимли, — мы очень переживали за них по пути через Рохан.

Эльф и гном вместе вошли в Минас Тирит, и народ видевший их, бросал удивленные взгляды на таких друзей: Леголас был прекрасен лицом и пел ясным голосом песню на языке эльфов, а Гимли шел с ним рядом, поглаживая бороду и глядя по сторонам.

— Хорошая работа по камню, — сказал он, посмотрев на стены, — Впрочем, можно было сделать и получше, да и улицы не мешало бы усовершенствовать. Когда Арагорн возьмет власть, я предложу ему услуги горных мастеров, и мы сделаем город таким, что им можно будет гордиться.

— Они больше нуждаются в садах, — сказал Леголас. — Дома мертвы, и слишком мало тут растительности. Когда Арагорн возьмет власть, народ леса принесет ему поющих птиц и неумирающие деревья.

Наконец они встретили принца Имрахила, и Леголас, посмотрев на него, низко поклонился: он увидел, что в жилах принца наполовину течет эльфийская кровь.

— Привет, повелитель! — сказал он. — Уже давно народ Нимроделя покинул леса Лориен, и однако до сих пор видно, что не все уплыли из гавани Амрота на запад.

— Так говорят в преданиях моей земли, — ответил принц, — но никого из прекрасного народа не видели у нас на протяжении многих лет. И я дивлюсь, видя его представителя среди печали и войны. Что вы ищите?

— Я один из девяти товарищей, вышедших вместе с Митрандиром из Имладриса, — сказал Леголас, — и с этим гномом, моим другом, мы прибыли с лордом Арагорном. А теперь мы хотим повидать своих друзей, Мериadoка и Перегрину, которые, как нам сказали, теперь в городе.

— Вы найдете их в домах излечения, и я отведу вас туда, — сказал Имрахил.

— Достаточно, если вы дадите нам проводника, повелитель, — сказал Леголас. — Арагорн посылает вам сообщение. Он не хочет снова входить в город. Но есть необходимость, чтобы все капитаны посовещались, и он просит, чтобы вы и Эомер роханский как можно скорее явились в его палатку. Митрандир тоже там.

— Мы придем, — сказал Имрахил, и они с вежливыми словами расстались.

— Какой прекрасный и могучий повелитель людей! — сказал Леголас. — Если даже в дни упадка у Гондора есть такие люди, как велика была его слава в дни рассвета!

— И, конечно, работа по камню сделана в старину, при основании города, — сказал Гимли. — Со всеми людскими начинаниями бывает так: либо заморозок весной, либо молния зимой, и они отказываются от своих замыслов.

— Но их посевы редко пропадают зря, — сказал Леголас. — Семя лежит в пыли и грязи и ждет своего часа. Дела людей переживут нас, Гимли.

— И все же в конце концов, они ни к чему не придут, мне кажется, — сказал гном.

— На это эльфы не знают ответа, — сказал Леголас.

Подошел слуга принца и отвел их к домам излечения; они нашли своих друзей в саду, и встреча их была веселой. Некоторое время они прогуливались и разговаривали, наслаждаясь коротким миром и отдыхом высоко на верхних кругах города. Потом, когда Мерри устал, они

сели у стены, где за их спинами была лужайка домов излечения. Перед ними виднелся Андуин, блестящий на солнце, текущий туда, где даже зоркий глаз Леголаса не мог разглядеть широкие равнины и зеленые поля Лебеннина и южного Итилиена.

Леголас молчал, пока остальные разговаривали и смотрел на реку: он увидел белых морских птиц, летающих над рекой.

— Смотрите! — воскликнул он. — Чайки! Они залетели далеко от моря. Как беспокоят они мое сердце! Никогда в своей жизни я не встречал их, пока мы не прибыли в Пелагир и здесь, когда мы ехали к битве за корабли, я услышал их крики. Я остановился и стоял неподвижно, забыв о войне в Средиземье: их плачущие крики говорили мне о море. Море! Увы! Я еще не видел его. Но глубоко в сердцах моего народа лежит страсть к морю, и опасно затрагивать эту струну. Увы! Больше никогда не знать мне мира ни под деревом, ни под кустом.

— Не говорите так! — сказал Мерри. — Вы не должны уходить к приюту, Леголас. Всегда найдется народ, большой и малый, и даже мудрые гномы, как Гимли, которые нуждаются в вас. Я, по крайней мере, надеюсь на вас. Но я чувствую, что худшее в этой войне еще ожидает нас. Как я хотел бы, чтобы все это уже кончилось, кончилось бы навсегда!

— Не будь таким мрачным! — воскликнул Пиппин. — Солнце сияет, и мы снова вместе, на день или два по крайней мере. Я хочу кое-что у вас расспросить. Давайте, Гимли! Вы и Леголас за это утро не менее дюжины раз упоминали свое страшное путешествие с Бродяжником. Но вы ничего не рассказывали мне о нем.

— Может, здесь и сияет солнце, — сказал Гимли, — но даже при нем не хотел бы я оживлять некоторые воспоминания об этой дороге. Если бы я знал, что нас ждет, ни какая дружба не привела бы меня на тропы смерти!

— Тропы смерти? — переспросил Пиппин. — Я слышал, как Арагорн говорил о них и удивился, что он имеет в виду. Не расскажете ли вы нам поподробнее?

— Очень неохотно, — сказал Гимли. — Потому что на этой дороге я испытал стыд, я, Гимли, сын Глоина, который считал себя храбрее всех людей и тверже под землей любого эльфа. Но это не так, и провела меня по этой дороге только воля Арагорна.

— И любовь к нему, — добавил Леголас. — Ибо все, кто пошел с ним, сделали это из любви к нему, даже холодная рохирримская девушка. Ранним утром того дня, когда вы, прибыли сюда, Пиппин, мы покинули Дунхарроу, и такой страх напал на весь народ, что никто не осмелился посмотреть на нас, кроме леди Эовин, что лежит теперь раненная в доме. Это было печальное расставание, и я печалился, глядя на него.

— Увы! У меня хватило сердца только для себя самого, — сказал Гимли. — Нет! Я не буду говорить об этом путешествии.

Он замолчал; но Мерри и Пиппин так хотели услышать рассказ, что Леголас наконец сказал:

— Я расскажу вам достаточно, чтобы вы успокоились: я не испытывал ужаса и не боялся теней, которых считал бессильными и хрупкими.

Он быстро рассказал о дороге призраков под горами и о темной встрече у Эреча, и о большом переходе в девяносто три лиги оттуда до Пелагира на Андуине.

— Четыре дня и четыре ночи мы ехали от черного камня, — сказал он. — И вот! Во Тьме Мордора росла моя надежда: во Тьме теневое войско, казалось, становилось все сильнее и ужаснее. Я видел всадников и пехотинцев, но все они двигались с одинаковой и большой скоростью. Они молчали, но в глазах у них горел огонь. В верховьях Ламедона они догнали наш отряд, окружили нас и проехали бы вперед, если бы Арагорн не запретил им.

По его приказу они отступили. «Даже тени людей покорны ему, — подумал я. — Они будут служить ему».

Мы ехали вперед, и наступил день без рассвета, а мы продолжали путь и пересекли Кирил и Рингло; на третий день мы пришли к Илахиру у устья Гилраина. И здесь обороняли Брод люди Ламедона, воюя со свирепыми жителями Умбара и Харада, приплывшими вверх по реке. Но защитники и нападающие забыли о битве и бежали, когда пришли мы: они кричали, что на них идет король мертвых. Только Ангбор, повелитель Ламедона, нашел в себе мужество остаться, и Арагорн попросил его собрать свой народ и идти за ними, если они осмелятся, когда пройдет серое войско.

— У Пелагира вы будете нужны потомку Исилдура, — сказал ему Арагорн.

Так мы перешли Гилраин, разогнав союзников Мордора. Потом мы немного отдохнули. Но Арагорн скоро встал, сказав:

— Минас Тирит осажден. Боюсь, что он падет до того, как мы придем ему на помощь.

И до конца ночи мы снова пустились в путь и до самых равнин Лебеннина ехали с такой скоростью, какую только могли вынести лошади.

Леголас помолчал, вздохнул и, обратив взор к югу, тихо запел:

Серебро течет в ручьях от Келоса к Эрую
В зеленых полях Лебеннина!
Высокая растет здесь трава.
Морской ветер
Раскачивает белые лилии,
И золотые колокольчики Маллоса и Альфирина звенят
На зеленых полях Лебеннина
На морском ветру!

— Зеленые поля, о которых поет мой народ, но тогда они были темны — обширные серые пустыни во тьме вокруг нас. И по этим полям, топча цветы и траву, гнали мы врагов днем и ночью, пока не дошли до великой реки.

Тогда я почувствовал в глубине сердца, что мы близко от моря: широка была вода во тьме, и бесчисленные морские птицы кричали на берегах. Увы! Разве не говорила мне госпожа, чтобы я опасался их криков? А теперь я не могу их забыть.

— Что касается меня, то я их не замечал, — вмешался Гимли, — ибо близка была битва. Здесь, у Пелагира, стоял главный флот Умбара — пятьдесят больших кораблей и неисчислимое количество мелких судов. И многие из тех, кого мы преследовали, раньше нас достигли гавани и принесли с собой свой страх; многие из больших кораблей снялись с якоря, ища спасения выше по реке или на дальнем берегу; но харадрим, прижатые к берегу, отчаянно и яростно сопротивлялись. Увидев нас, они рассмеялись: нас было мало, а у них еще сохранялась главная армия.

Тогда Арагорн остановился и громко крикнул:

— Теперь вперед! Призываю вас черным камнем!

И серое войско, как прибой, полетело вперед, заливая все перед собой. Я слышал слабые крики, отдаленные звуки рогов, ропот бесчисленных голосов — как эхо какой-то давно забытой битвы из темных годов. Сверкали бледные мечи; но я так и не знал, могут ли они еще разить: мертвым не нужно было другое оружие, кроме страха. Никто не смел противостоять им.

Они взобрались на все корабли, прошли по воде и на те, что отчалили: моряки от ужаса впали в безумие и прыгали за борт, кроме рабов прикованных к веслам. Мы безжалостно скакали среди врагов, топча их, как листья, пока не прискакали на берег. И тут на каждый из

оставшихся больших кораблей Арагорн послал одного дунаданца; они успокоили пленников на борту, сказали им, что они свободны и не должны бояться.

Еще до того, как кончился темный день, никто уже не сопротивлялся нам: враги бежали или утонули, надеясь добраться до своих южных земель пешком. Я думаю: как странно и удивительно, что эти слуги Мордора побеждены страхом перед Тьмой и смертью. Собственное оружие обратилось против них.

— Действительно странно, — сказал Леголас. — Я посмотрел на Арагорна и подумал, каким ужасным и великим повелителем мог бы он стать, если бы взял Кольцо себе. Не зря Мордор боится его. Но он благородней духом, чем может представить себе Саурон: разве он не из детей Люттиен? Никогда не ослабеет эта линия, хотя и пройдут бесчисленные годы.

— Такие предсказания не в ведении гномов, — сказал Гимли. — Но Арагорн был действительно могуч в тот день. Весь черный флот оказался в его руках; он выбрал для себя самый большой корабль и взошел на него. Потом приказал трубить в трубы, захваченные у врага, и все теневое войско отступило к берегу. Здесь стояло оно молча, едва видимое, лишь в глазах мертвецов отражалось красное пламя горевших кораблей. И Арагорн громко сказал:

— Слушайте слово потомка Исилдура! Ваша клятва выполнена. Возвращайтесь и больше не тревожьте долины! Уходите и успокойтесь!

И тогда король мертвецов, стоящий перед войском, сломал свое копье и отбросил обломки в стороны. Потом низко поклонился и повернулся; и все теневое войско исчезло, как туман, разогнанный неожиданным порывом ветра; и мне показалось, что я проснулся.

В эту ночь мы отдыхали, а все остальные работали. Было освобождено много пленников и рабов — бывших жителей Гондора, захваченных при набегах; собралось и большое количество людей Лебеннина и Этиар; прибыл со своими всадниками Ангбор из Ламедона. Теперь, когда исчез страх перед мертвецами, они пришли помогать нам и взглянуть на потомка Исилдура: слух о нем распространялся повсюду, как огонь в ночи.

Конец нашей истории близок. В течении вечера и ночи было подготовлено много кораблей, и утром флот выступил. Теперь это кажется далеким прошлым, но ведь это было вчера утром, на шестой день после нашего отъезда из Дунхарроу. А Арагорна все подгонял страх опоздать.

— От Пелагира до причалов Харленда сорок две лиги, — сказал он. — Но мы должны прибыть к Харленду завтра или не прибыть совсем.

Веслами гребли теперь свободные люди и работали они ожесточенно, и все же мы медленно плыли по великой реке, так как шли против течения, и хотя на юге течение не быстрое, нам не помогал ветер. На сердце у меня было тяжело, но Леголас внезапно рассмеялся.

— Выше бороду, сын Дьюрина! — сказал он. — Сказано ведь: «часто возникает надежда, когда все кажется потерянным». — Но он не сказал, какую надежду разглядел вдали. И когда пришла ночь, наши сердца разгорелись: далеко на севере мы увидели под облаками красный отблеск, и Арагорн сказал:

— Горит Минас Тирит!

В полночь наши надежды усилились. Опытные моряки из Этира, глядя на юг, говорили об изменении погоды вслед за ветром с моря. На рассвете мы подняли паруса, и скорость наша возросла. И так, как вы уже знаете это, мы прибыли в третьем часу утра развернув большое боевое знамя. Это был великий день и великий час, чтобы нас не ожидало впоследствии.

— Что бы нас ни ждало, великие деяния прошлого не увянут, — сказал Леголас. — Великим делом был проход по тропам смерти, но еще более великие дела ожидают нас. И может, никто в Гондоре не останется, чтобы воспеть их.

— Вполне возможно, — сказал Гимли. — Ибо лица Арагорна и Гэндальфа серьезны. Очень интересно, что обсуждают они в палатке там внизу. Со своей стороны, я, как и Мерри, хотел бы,

чтобы с нашей победой война окончилась. Но что бы ни случилось, я надеюсь принять в этом участие и поддержать честь народа одинокой горы.

— А я — честь народа большого леса, — сказал Леголас.

Товарищи замолчали и сидели, занятые каждый своими мыслями, а капитаны в это время обсуждали положение.

Расставшись с Леголасом и Гимли, принц Имрахил немедленно послал за Эомером; они вместе вышли из города и пришли к палатке Арагорна установленной в поле недалеко от места гибели короля Теодена. Здесь они совещались вместе с Гэндальфом, Арагорном и сыновьями Элронда.

— Милорды, — сказал Гэндальф, — слушайте слова наместника Гондора, сказанные им перед смертью: «вы можете праздновать победу на полях Пеленнора, но силу, которая сейчас восстанет, победить невозможно». Я не хочу, чтобы вы отчаялись, как он, но взвесьте в правду этих слов.

Видящие камни не лгут, и даже повелитель Барад-Дура не может заставить их сделать это. Он может выбрать, что показать слабому разуму, может показать значение виденного. Но несомненно, что когда Денетор видел огромные силы, собирающиеся в Мордоре, он видел действительность.

Наших сил едва хватило, чтобы отбить первый удар. Следующий будет сильнее. Как и говорил Денетор, в этой войне нет надежды. Победу нельзя одержать оружием, будем ли мы сидеть здесь, отбивая осаду за осадой, или перейдем реку. Какой выбор сделать; благоразумие подскажет вам укрепить город и другие места и ждать здесь нападения: так вы немного оттянете свой конец.

— Значит, мы должны отступить в Минас Тирит, Дол Амрот или Дунхарроу и сидеть там, как дети в песочном замке, когда прилив высок? — спросил Имрахил.

— Это было бы не новым решением, — сказал Гэндальф. — Разве вы не так поступили в дни Денетора? Но нет! Я сказал, что это было бы благоразумно. Но я не призывал вас к благоразумию. Я сказал, что победу нельзя добыть оружием. Я по-прежнему надеюсь на победу, но не вооруженную. Ибо в центре событий находится Кольцо власти — основа Барад-Дура и надежда Саурана.

Обдумав это дело, милорды, вы поймете наше положение и положение Саурана. Если он получит Кольцо, ваша доблесть напрасна и победа его будет быстрой и полной, настолько полной, что никто не сможет предсказать конец его владычества, пока существует этот мир. Если Кольцо будет уничтожено, он падет и падение его будет таким глубоким, что никто не сможет предсказать его возвышения в самом глубоком будущем. Ибо он утратил главную часть своего могущества, свойственную ему с самого начала, и все, что было сотворено или начато при помощи этого могущества, рухнет, и он навсегда останется искалеченным простым духом злобы, грызущим себя во Тьме, но никогда не сможет снова вырасти и обрести форму. Так будет уничтожено великое зло в этом мире.

Могут возникнуть другие злые силы: ведь Саурон сам по себе — лишь слуга или посол. Но не наше дело — заниматься всеми переменами мира; мы лишь должны заботиться о безопасности тех лет, в которых живем, и подрубать корни у того зла, которое знаем, чтобы те, кто будет жить после нас, получили бы для возделывания чистую почву. Что они с ней сделают, мы не можем знать.

Теперь Саурон знает это все, он знает, что утраченная им драгоценность снова найдена, но он еще не знает, где она; мы, по крайней мере, на это надеемся. И поэтому он сейчас в великом сомнении. Ибо если мы нашли Кольцо, значит, среди нас есть такой, кто имеет силу владеть им. Это он тоже знает. Разве я не правильно догадался, Арагорн, что вы показывались ему в камне

Ортеханка?

— Я сделал это перед выездом из Хорнбурга, — ответил Арагорн. — Я решил, что время настало и что камень появился у меня именно для этого. Это было через десять дней после ухода Хранителя Кольца от Раурса, и я подумал, что следует отвлечь глаз Саурона от его собственной земли. Слишком редко ему бросали вызов, с тех пор, как он возвратился в свою башню. Хотя, если бы я предвидел, каким быстрым будет его ответный удар, может быть, я не осмелился бы показаться ему. Я едва успел явиться вам на помощь.

— Но как это? — спросил Эомер. — Все напрасно, говорите вы, если он владеет Кольцом. Почему же он не думает, что напрасно нападать на нас, если мы владеем им?

— Он не уверен, — ответил Гэндальф. — К тому же мы не можем овладеть всей силой Кольца за день. Оно может быть использовано только одним хозяином, а не многими; и он постарается ударить раньше, чем самый сильный из нас завладеет Кольцом и низвергнет остальных. В это время Кольцо может помочь ему, если удар будет внезапен.

Он следит. Он видит и слышит многое. Его назгулы по-прежнему всюду. Они пронеслись над этим полем до восхода солнца, хотя мало кто из усталых и спящих заметил их. Он изучает знаки: меч, лишивший его сокровища, сплавлен вновь; ветер судьбы поворачивает в нашу сторону; его первый удар потерпел неожиданное поражение; его великий Капитан погиб.

Его сомнение все растет, и глаз его теперь устремлен к нам, не замечая больше ничего. Мы должны использовать это. Именно в этом заключена наша надежда. И вот мое мнение. У нас нет Кольца. По мудрости или глупости мы отдали его, чтобы уничтожить раньше, чем оно уничтожит нас. Без него мы не можем победить Саурона силой. Но мы должны отвлечь глаз от истинной опасности для него. Мы не можем достичь победы оружием, но благодаря оружию мы можем дать Хранителю Кольца единственную, хотя и очень хрупкую возможность.

Как начал Арагорн, так и должны мы продолжать. Мы должны заставить Саурона сделать последний удар. Мы должны вызвать на себя его скрытую силу, чтобы вся его земля опустела. Мы должны немедленно выступить ему навстречу. Мы должны послужить приманкой, даже если его челюсти сомкнутся на нас. Он возьмет приманку в надежде и алчности, потому что подумает: это безрассудство отражает высокомерие нового повелителя Кольца. И он скажет: «Вот! Он слишком быстро и слишком далеко вытянул нос. Пусть идет! Он окажется в ловушке, из которой не сможет выбраться. Тогда я уничтожу его, и то, чем он владеет в своем высокомерии, будет снова моим навсегда».

Мы должны с открытыми глазами идти в ловушку, с храбростью, но без надежды для самих себя. Все, милорды, вполне вероятно, что мы погибнем в черной битве. И даже если Барад-Дур будет уничтожен, мы не доживем до нового века, но таков, я думаю наш долг. И это все же лучше, чем погибнуть зря — как произойдет, если мы будем сидеть здесь, — и знать, что новый век никогда не наступит.

Некоторое время все сидели молча. Наконец заговорил Арагорн:

— Как я начал, так я буду продолжать. Мы на самом краю обрыва. Дрогнуть — значит и упасть. Пусть никто не отвергает сейчас мнения Гэндальфа, чья долгая борьба с Сауроном пришла к решающему пункту. Если бы не он, все давно уже было бы потеряно. Но я никому не приказываю. Пусть каждый выбирает добровольно.

Тогда сказал Элрогир:

— Мы для этого пришли с севера, и отец наш, Элронд, думает так же. Мы не повернем назад.

— Что касается меня, — сказал Эомер, — то у меня мало знаний этих глубоких материй, но мне они и не нужны. Я знаю — и с меня этого довольно, — что Арагорн помог мне и моему народу, поэтому я помогу ему. Я пойду.

— Что касается меня, — сказал Имрахил, — я считаю Арагорна своим повелителем. Его желание — приказ для меня. Я тоже пойду... Но поскольку я пока исполняю обязанности повелителя Гондора, я должен подумать вначале о его людях. Некоторое благоразумие все же необходимо. Мы должны подготовиться к любой возможности. Мы можем победить, и пока на это есть надежда, Гондор должен оставаться под защитой. Я не хотел бы с победой вернуться в опустошенную страну и разрушенный город. А от рохиррим мы знаем, что на севере осталась большая вражеская армия.

— Это верно, — согласился Гэндальф. — И я не советую уводить из города весь гарнизон. Больше того, войска, которые бросят вызов Мордору, должны быть невелики. И они должны двигаться быстро. Поэтому я спрашиваю у капитанов: какой отряд мы сможем собрать, чтобы выступить не позже, чем через два дня? И воины этого отряда должны идти добровольно, зная ожидающую их опасность.

— Все устали, у многих раны, легкие и тяжелые, — сказал Эомер, — и у нас большие потери в лошадях, а это сложнее всего восполнить. Если мы должны выступить быстро, то я не могу повести больше двух тысяч, и оставив столько же на защиту города.

— Мы должны считать не только тех, кто сражался на этом поле, — сказал Арагорн. — Новые силы подходят из южных областей, так как берег теперь в безопасности. Два дня назад я послал четыре тысячи из Пелагира через Лоссарнак, и во главе их едет бесстрашный Ангбор. Если мы выступим через два дня, они будут здесь к этому времени. Еще многим я приказал подниматься вверх по реке в любых судах, какие они найдут; и с этим ветром они скоро будут тут, уже несколько кораблей прибыло в Харленд. Я считаю, что мы сможем повести с собой до семи тысяч всадников и пехотинцев и в то же время оставить в городе достаточный гарнизон для защиты от нападения.

— Ворота разрушены, — сказал Имрахил, — и мы не владеем достаточным мастерством для их восстановления.

— В Эреборе, в королевстве Дейна, есть такие мастера, — сказал Арагорн, — и если наши надежды не погибнут, я со временем пошлю Гимли, сына Глоина, за самыми лучшими мастерами горы. Но люди надежнее ворот, и никакие ворота не защитят от врага, если люди их покинут.

Так закончился совет капитанов: они решили выступить на второе утро с этого дня с семью тысячами, если смогут их собрать. Большая часть войска пойдет пешком из-за труднопроходимой местности. Арагорн возьмет две тысячи из тех, кого он привел с юга; Имрахил — три с половиной тысячи; а Эомер — пятьсот рохиррим, лишившихся коней, но пригодных к боевым действиям и пятьсот лучших всадников; будет и еще один отряд в пятьсот всадников, среди которых поедут сыновья Элронда, дунаданцев и рыцари Дол Амрота. Всего шесть тысяч пехотинцев и тысяча всадников. Главные силы рохиррим, под командованием Элфхелма перекроют западную дорогу против врага, оставшегося в Анориене. Были немедленно посланы для сбора сведений быстрые всадники на север, на восток от Осгилиата и на дорогу к Минас Моргулу.

И когда были подсчитаны силы и сделаны все приготовления, Имрахил неожиданно и громко рассмеялся.

— Это величайшая шутка в Гондоре, — воскликнул он. — С семью тысячами — во времена могущества Гондора они послужили бы лишь авангардом армии — мы собираемся напасть на горы и неприступные ворота черной земли! Так ребенок может угрожать закованному в латы рыцарю своим луком из ивовой ветки! Если Повелитель Тьмы действительно знает так много, как вы утверждаете, Митрандир, не улыбнется ли он, вместо того, чтобы испугаться, и не раздавит ли нас мизинцем, как комара, пытающегося укусить его?

— Нет, он попытается увлечь комара в ловушку и отобрать у него жало, — сказал Гэндальф. — И среди нас есть такие, которые для него опасней тысячей рыцарей в латах. Нет, он не улыбнется.

— И мы тоже, — сказал Арагорн. — Если это и шутка, то слишком горькая для смеха. Нет, это последний ход в опасной игре, и для одной стороны или для другой он будет означать конец. — Он выхватил Андрил, и лучи солнца отразились в лезвии меча. — Я не вложу его в ножны, пока не кончится последняя битва, — сказал он.

10. ЧЕРНЫЕ ВОРОТА ОТКРЫТЫ

Через два дня армия запада собралась на полях Пеленнора. Войско орков и жителей востока подошло из Анориена, но под ударами рохиррим дрогнуло и бежало после недолгой схватки у Каир Андроса; и после того, как была отражена угроза, и после прибытия подкреплений с юга город получил сильный гарнизон. Разведчики донесли, что к востоку до самого перекрестка дорог павшего короля не видно врага. Все было готово для последнего удара.

Леголас и Гимли должны были ехать вместе с Арагорном и Гэндальфом в авангарде; там же были дунаданцы и сыновья Элронда. Но Мерри, к своему стыду, не мог ехать с ними.

— Вы не пригодны для такого пути, — сказал Арагорн. — Но не стыдитесь. Даже если вы больше ничего не свершите в этой войне, вы уже заслужили великую честь. С нами пойдет Перегрин, он будет представлять народ Удела; и не завидуйте тому, что он подвергается опасности: что бы он не сделал, он лишь может сравняться с вами в деяниях. Но по правде говоря, все теперь находятся в одинаковой опасности. Если мы найдем конец перед воротами Мордора, тогда и вас ждет то же самое. Прощайте!

И вот Мерри стоял и уныло смотрел на сбор армии. С ним был Бергил, тоже расстроенный: его отец уходил в отряде Гондора. Он не мог присоединиться к гвардии, пока не рассмотрено его дело. В том же отряде, как солдат Гондора, шел и Пиппин. Мерри видел его; маленькая фигурка среди высоких воинов Минас Тирита.

Наконец прогремели трубы, и армия пришла в движение. Отряд за отрядом поворачивали они и уходили на восток. И вскоре исчезли из виду на большой дороге. Мерри продолжал стоять. Мелькнул последний отблеск солнечного луча на копье или шлеме, а он стоял со склоненной головой и тяжелым сердцем, чувствуя себя одиноким и лишенным друзей. Все, что было дорого, ушло в тьму, повисшую на восточном горизонте; и у него было мало надежды, что он когда-нибудь снова увидит своих друзей.

И как бы отвечая его настроению, вернулась боль в руке, он почувствовал себя слабым и старым, и солнце, казалось, не грело его. Прикосновение руки Бергила заставило его очнуться.

— Идемте, мастер Мериадок! — сказал мальчик. — Я вижу, вы еще больны. Я помогу вам добраться до лекарей. Но не бойтесь! Люди Минас Тирита непобедимы. А теперь с ними повелитель эльфийский камень и Берегонд из гвардии.

В полдень армия прибыла в Оспиат. Тут работало множество рабочих и мастеров. Некоторые укрепляли паромы и лодочные мосты, наведенные врагом и частично разрушенные; другие готовили запасы оружия и продовольствия; на восточном берегу реки срочно возводились оборонительные укрепления.

Авангард миновал развалины старого Гондора, пересек широкую реку и двинулся по дороге, сделанной в дни расцвета и соединявшей прекрасную башню Солнца с высокой башней Луны, которая теперь стала башней Минас Моргула в проклятой долине. В пяти милях за Оспиатом войско остановилось и на этом закончился первый день похода.

И к вечеру достигли у перекрестка дороги большого кольца деревьев. Все было тихо. Они не видели никаких следов врага, не слышали голосов, ни одна стрела не вылетела из зарослей у дороги, но, двигаясь вперед, они ощущали на себе чье-то злое внимание.

Дерево и камень, стебель и лист — все прислушивалось. Тьма рассеялась, и далеко на западе солнечный закат озарял долину Андуина, и белые вершины гор сверкали в голубом воздухе; но тень и мгла сгустилась над Эфел Дуатом.

Арагорн послал на все четыре дороги, расходящиеся от перекрестка, трубачей, и они затрубили, а герольды громко закричали:

— Повелители Гондора вернулись, и вся эта земля возвращается к ним!

Отвратительная орочья голова, посаженная на статую была сброшена, и на ее место поставили голову старого короля, все еще увенчанную белыми и золотыми цветами. А люди тщательно смыли со статуи надписи и рисунки, сделанные орками.

На совете кто-то сказал, что следует вначале напасть на Минас Моргул, и, если удастся захватить его, то нужно будет его полностью разрушить.

— И может быть, — сказал Имрахил, — дорога, ведущая оттуда к переходу, окажется легче для нападения на Повелителя Тьмы, чем северные ворота.

Но Гэндальф высказался против этого из-за зла, живущего в этой долине и способного превратить всех людей в безумцев от ужаса, а также из-за новостей, принесенных Фарамиром. Если Хранитель Кольца отправился этим путем, следует всеми силами отвлекать от него глаз Мордора. Итак, на следующий день, когда прибыло главное войско, они выставили на перекрестке сильный отряд для обороны, если Мордор решит ударить со стороны долины Моргула или пошлет людей с юга. В этот отряд назначили главным образом лучников, которые хорошо знали Итилиен и могли спрятаться в зарослях на склонах у дороги. Гэндальф и Арагорн с небольшим отрядом доехали до начала долины Моргула и рассмотрели злой город.

Он был темен и безжизненен: орки и меньшие создания Мордора были уничтожены в битве, а назгулы отсутствовали. Но воздух долины был тяжел от страха и вражды. Тогда они разрушили злой мост, пустили красное пламя на отвратительное поле и уехали.

На следующий день — это был третий день с выступления из Минас Тирита — войско двинулось по дороге на север. От перекрестка до Мораннона было около ста миль, и никто не знал, что ждет их в конце этого пути. Они двигались открыто, но осторожно, выставив впереди и по сторонам, особенно с восточного фланга, отряды разведчиков. С востока от дороги находились густые заросли и глубокие овраги и ущелья, за которыми начинались длинные угрюмые склоны Эфел Дуата. Погода оставалась прекрасной, держался западный ветер, но ничто не могло унести мглу и печальные туманы, нависшие над горами Тьмы, и за ними изредка поднимались столбы дыма.

Вновь и вновь Гэндальф посылал трубачей и герольдов, кричавших: «Идут повелители Гондора! Пусть все оставят эту землю или сдадутся им!» Но Имрахил сказал:

— Не говорите «повелители Гондора», говорите «король Элессар»! Ибо это правда, хотя он еще и не сел на трон. И эти слова заставят врага призадуматься.

И отныне трижды в день герольды провозглашали приход короля Элессара. Но никто не отвечал на этот вызов.

Тем не менее, хотя они двигались в видимом мире, на сердце воинов было беспокойно, и с каждой милей к северу предчувствия становились все сильнее. К концу второго дня после выхода от перекрестка они впервые встретили сопротивление: большое количество людей востока и орков попытались заманить в засаду авангард армии; это было в том самом месте, где Фарамир подстерег войско Харада, и дорога проходила по глубокой выемке. Но капитаны запада были предупреждены своими разведчиками, искусными людьми из Хеннет Аннуна, предводительствуемыми Маблунгом; и засада врага сама оказалась в ловушке. Всадники поскакали на запад и ударили врагу во фланг и сзади, и войско врага было разбито и бежало на восток.

Но эта победа не очень подбодрила капитанов.

— Это был всего лишь ложный выпад, — заметил Арагорн, — и его главная цель, как я думаю, убедить нас в слабости врага, чтобы потом еще сильнее ударить по нам.

С этого вечера появились назгулы и следили за каждым маневром армии. Они летели высоко, и их никто не видел, кроме Леголаса, и все же их присутствие ощущалось, как

сгущающаяся тень, затмевающая солнце. И хотя Духи Кольца не спускались к войску запада и не издавали криков, ужас перед ними охватывал сердца воинов.

Так продолжалось безнадежное продвижение. На четвертый день после перекрестка, на шестой с выхода из Минас Тирита они наконец дошли к концу населенной земли; перед ними лежала пустыня, за которой находился Кирит Горгор; они могли разглядеть болота и пустыню, тянувшиеся к северу и западу до Эмин Муила. Так велик был ужас этого места, что некоторые воины дрогнули и не могли дальше двигаться на север.

Арагорн смотрел на них, и в глазах его был не гнев, а жалость: это были юноши из Рохана, из далекого Вестфолда или семейные люди из Лоссарнаха, и для них Мордор с детства был символом зла, но нереальным... Легендой, для которой не было места в их простой жизни; и теперь они двигались так, будто ужасный сон стал реальностью, и не понимали, почему судьба привела их в такое злое место.

— Идите! — сказал Арагорн. — Но сохраните честь, если сможете, и не бегите! И я могу дать вам задание, чтобы хоть немного смягчить ваш позор. Двигайтесь на юго-запад, пока не придете к Каир Андросу, и если его все еще удерживает враг, как я считаю, отбейте его у врага, если сможете, и удерживайте, как последнюю защиту Гондора и Рохана!

Некоторые, устыдившись его милосердия, преодолели свой страх и продолжали путь; другие, услышав, что и они должны что-то сделать, приободрились и ушли в боевом порядке. И поскольку люди остались и у перекрестка, к черным воротам Мордора двинулось уже только около шести тысяч.

Теперь они двигались медленно, каждый час ожидая ответа на свой вызов, и держались вместе, посылая лишь небольшие отряды на разведку в стороны от главного войска. На пятый день после ухода с перекрестка они разбили лагерь и окружили его кострами. Они провели бессонную, тревожную ночь и были убеждены, что за ними наблюдает множество глаз. Слышался вой волков. Ветер стих, и воздух казался неподвижным. Они мало что видели: хотя небо было безоблачно и новолуние прошло четыре ночи тому назад, из земли поднимался дым и пар, и белый полумесяц луны был затянут туманом Мордора.

Становилось холодно. Утром снова поднялся ветер, но на этот раз он дул с востока и вскоре стал довольно сильным. Все ночные наблюдатели исчезли, земля казалась пустой. К северу, среди отвратительных ям лежали первые груды и холмы шлака, разбитых камней и сожженной земли — рвота Мордора; на юге теперь уже гораздо ближе возвышался Кирит Горгор; были видны черные ворота и две башни-зуба по обе стороны их. В последнем переходе капитаны свернули со старой дороги, изгибающейся на восток, избегая опасности, таящейся в холмах, и теперь приближались к Мораннону с северо-запада, как это сделал и Фродо.

Две огромных железных створки черных ворот под хмурающейся аркой были прочно закрыты. На укреплениях ничего не было видно. Все молчало, но выжидало. Итак, они подошли к концу своей безумной затеи и стояли заброшенные и маленькие, в сером свете раннего дня перед башнями и стенами, которые их армия не смогла бы преодолеть, даже если бы они привезли с собой осадные машины, а у врага не было других сил, кроме охраны этих ворот. Но они знали, что все холмы и скалы вокруг Мораннона были полны скрытыми врагами, а затененные углубления за воротами были просверлены и полны дьявольскими изобретениями, и, стоя перед воротами, они видели, как парят над башнями зубов назгулы, как грифы; и они знали, что за ними следят. Но враг по-прежнему не подавал признаков жизни.

У них не оставалось выбора, кроме продолжения игры до конца. Поэтому Арагорн поставил войско в удобную позицию, разместив его между двумя холмами опаленного камня, нагроможденными руками орков за годы работы. Перед ними к Мордору уходило похожее на ров большое болото с парящей грязью и дурно пахнущими лужами. Когда все было приведено в

порядок, капитаны поехали вперед к черным воротам в сопровождении большого отряда всадников, со знаменем, с герольдами и трубачами. Здесь были Гэндальф и Арагорн с сыновьями Элронда, и Эомер Роханский, и Имрахил; Леголаса, Гимли и Перегрина тоже попросили ехать, чтобы все враги Мордора могли быть свидетелями происходящего.

Они подъехали на расстояние крика к Мораннону, развернули знамя и затрубили в трубы; герольды встали и закричали:

— Выходите! Пусть выходит Повелитель черной земли! Над ним будет свершен суд. Ибо он вероломно напал на Гондор и разорил его земли. Король Гондора требует, чтобы он ответил за свои злодеяния. Выходите!

Наступило долгое молчание, со стен и от ворот в ответ не слышалось ни звука. Но у Саурона был свой план, и он хотел вначале поиграть с мышью, а уж потом убить ее. И вот, когда капитаны уже хотели возвращаться, тишина неожиданно прервалась. Послышался рокот больших барабанов, как бы гром в горах, а затем рев рогов, который потряс, казалось, камни и оглушил людей. Средняя дверь черных ворот со звоном отворилась, и появилось посольство Башни Тьмы.

Впереди на черной лошади возвышалась высокая зловещая фигура; лошадь была огромна и отвратительна, Морда ее напоминала пугающую маску в виде черепа, а не живую голову, а в глазницах и в ноздрях пылало пламя. Всадник был одет в черное, и у него был высокий черный шлем. Но это был не Дух Кольца, а живой человек. Это был лейтенант башни Барад-Дура, и имя его осталось неизвестным, и он сам забыл его и говорил о себе: «я — рот Саурона». Говорили, что это предатель, происходивший из расы черных нуменорцев; они поселились в Средиземье в годы господства Саурона и преклонялись перед ним, очарованные его злыми знаниями. И он поступил на службу Башни Тьмы, когда она восстала вновь, и благодаря своей ловкости заслужил расположение своего повелителя; и он овладел волшебством и хорошо узнал характер Саурона; и он был более жесток, чем любой орк.

Именно он выехал из ворот и с ним был небольшой отряд солдат в черной одежде и единственное знамя, черное, но с горящим изображением красного злого глаза. Он остановился в нескольких шагах от капитанов запада, осмотрел их сверху до низу и рассмеялся.

— Обладает ли у вас кто-нибудь достаточной властью, чтобы говорить со мной? — спросил он. — Или хотя бы имеет достаточно разума, чтобы говорить со мной? Но ты, во всяком случае, — усмехнулся он, с презрительной улыбкой оборачиваясь к Арагорну. — Чтобы стать королем, нужно что-то большее, чем кусок эльфийского стекла или подобный сброд. Любой разбойник с холмов был бы лучшим королем!

Арагорн ничего не ответил, но их взгляды встретились, и мгновение они стояли так; и хотя Арагорн не двинулся и не брался за оружие, его противник дрогнул и отшатнулся, как от удара.

— Я герольд и посол, на меня нельзя нападать! — воскликнул он.

— Там, где исполняют этот закон, — вмешался Гэндальф, — существует также обычай, чтобы послы были менее высокомерными. Но никто не угрожает вам. Вам нечего опасаться, пока ваше поручение не выполнено. Но если ваш хозяин не обрел новой мудрости, тогда вы со всеми его слугами находитесь в большой опасности.

— Так! — сказал посол. — Значит, это твое дело, седобородый старик? Разве не слышали мы о тебе и о твоих блужданиях, о заговорах и помехах на безопасном расстоянии? Но на этот раз ты сунул свой нос уж слишком далеко, мастер Гэндальф; и ты увидишь, что происходит с теми, кто вмешивается своим глупым рассудком в дела Саурона великого. И у меня есть кое-что, что я должен показать тебе — тебе в особенности, раз ты осмелился прийти.

Он сделал знак одному из солдат, и тот выступил вперед с узлом черной материи.

Посол развернул материю, и, к удивлению и отчаянию всех капитанов, он показал им

вначале короткий меч, которым был вооружен Сэм, затем серый эльфийский плащ с эльфийской брошью и наконец кольчугу из митрила, которую носил под одеждой Фродо. Тьма застала их глаза, и в следующий момент молчания им показалось, что их сердца умерли, а последняя надежда исчезла. Пиппин, стоявший за принцем Имрахилом, шагнул вперед с криком горя.

— Молчание! — строго сказал Гэндальф и оттащил его назад, но посол громко рассмеялся.

— Значит, с вами еще один из этих чертенят! — воскликнул он. — Какая вам польза от них, я не знаю: но посылать их в Мордор как шпионов, превышает всякое наше представление о глупости. Но все же я его благодарю: теперь ясно, что это отродье уже видело эти вещи, и вы теперь напрасно стали бы отрицать это.

— Я и не хочу отрицать, — сказал Гэндальф. — Я знаю их и знаю их историю, чего вы, грязный рот Саурана, несмотря на свои насмешки, не можете о себе сказать. Но зачем вы принесли их сюда?

— Кольчуга гнома, плащ эльфа, меч давно погибшего Запада и шпионы из маленькой крысиной земли Удела — ну, не нужно! Мы хорошо их знаем. Может, тот, кто носил эти вещи, вам дорог, может, вам не хотелось бы его потерять. Если так, то принимайте быстрее решение своим жалким разумом. Ибо Саурон не любит шпионов, и его судьба зависит теперь от вашего выбора.

Никто не ответил ему: но он увидел, как посерели их лица от ужаса, и снова громко засмеялся: ему казалось, что дело идет хорошо.

— Хорошо, хорошо! — сказал он. — Он дорог вам, я вижу. И его дело такое, что вам не хотелось бы, чтобы он потерпел поражение. Да, это так. А теперь ему придется выдерживать медленную пытку, такую медленную, какую только позволяет искусство великой башни. И ничто его не освободит, разве что когда он будет окончательно сломан, он придет к вам, и вы увидите, что сделали. Так и будет — если только вы не примете условия моего повелителя.

— Назовите условия, — спокойно сказал Гэндальф, но стоявшие рядом видели гнев на его лице, и он казался старым и сморщенным, согнутым и потерпевшим поражение. И они решили, что он примет условия.

— Вот они, — ответил посол и улыбнулся, оглядывая их одного за другим. — Сброд Гондора и его обманутые союзники должны немедленно отступить за Андуйн, вначале дав клятву никогда больше не нападать с оружием на Саурана Великого открыто или тайно. Все земли к востоку от Андуйна отныне и навсегда будут принадлежать исключительно Саурону. Земли к западу от Андуйна до туманных гор и прохода Роухана будут платить дань Саурону, люди здесь не имеют права носить оружие, но могут сами решать свои внутренние дела. Но они должны будут восстановить Изенгард, который они бессмысленно разрушили; Изенгард будет принадлежать Саурону, и в нем поселится его лейтенант — не Саруман, но более достойный доверия.

Глядя в глаза послу, они прочли его мысль. Он будет этим лейтенантом, и все, что останется на западе, попадет под его пяту: он будет их тираном, а они — его рабами.

Но Гэндальф сказал:

— Это слишком большие требования за освобождение одного слуги. Ваш хозяин хочет получить взамен то, что ему иначе пришлось бы завоевывать. Или поля Гондора ослабили его надежду на победу в войне, и он начал торговаться? И если мы действительно ценим этого пленника так высоко, что помешает Саурону, главному предателю, и на этот раз сыграть свою роль? Где этот пленник? Пусть его приведут и отдадут нам, и тогда мы обсудим требования.

Казалось, что Гэндальф, внимательно следя за своим врагом, нанес ему сильный удар, и посол на мгновение потерял дыхание; но затем он снова засмеялся.

— Не перекидывайся словами в своем высокомерии с ртом Саурана! — воскликнул он. —

Ты говоришь глупости! Саурон ничего не дает. Если вы просите его о снисходительности, то сначала должны выполнить его требования. Вы слышали его условия. Принимайте их или отвергайте.

— Вот что мы примем! — неожиданно сказал Гэндальф. Он откинул свой плащ, и белый свет сверкнул, как меч в темном месте... Прежде, чем посол смог отвечать, Гэндальф отобрал у него вещи: кольчугу, плащ и меч. — Мы примем это в память о нашем друге! А что касается условий, мы отвергаем их полностью. Уходите, ибо ваше посольство окончено и смерть близка к вам. Мы пришли сюда не для того, чтобы обмениваться словами с проклятым предателем Сауроном, а тем более с одним из его рабов. Убирайся!

Посол Мордора больше не смеялся. Лицо его исказилось от удивления и гнева и стало похоже на морду хищника, который устремился к добыче и получил палкой по пасти. Гнев наполнял его, бессмысленные звуки ярости вылетали из него. Но он посмотрел на суровые лица капитанов, на их смертоносные глаза, и страх победил в нем гнев. Он громко крикнул, развернул свою лошадь, и весь отряд дико поскакал назад к Кирит Горгору. Солдаты дунули в свои рога, подавая условный сигнал; и еще до того, как они доскакали до ворот, Саурон защелкнул свою ловушку.

Забили барабаны, взметнулись огни, большие двери черных ворот широко распахнулись. Оттуда быстро, как вода из поднятого шлюза, выходило большое войско.

Капитаны поскакали назад, и войско Мордора испустило насмешливый крик. Пыль поднялась в воздух, поблизости двинулась армия жителей востока, ждавшая сигнала в тени Эред Литуя за дальней башней. От холмов с обеих сторон от Мораннона двигались бесчисленные орки. Люди запада оказались в ловушке, и вскоре их лагерь окружило кольцо врагов в десять раз и больше, чем в десять раз, превышавшее их число. Саурон принял предложенную приманку в стальные челюсти.

Мало времени было у Арагорна для организации сопротивления. На одном холме стоял он с Гэндальфом, и здесь прекрасно и отчаянно было поднято знамя с деревом и звездами. На другом холме стояли знамена Рохана и Дол Амрота — белый конь и серебряный лебедь. На каждом холме воины построились кругом, глядя во все стороны и ошестинившись копьями и мечами. Но в направлении Мордора, откуда должен был прийти главный удар, стояли слева сыновья Элронда с дунаданцами, а справа — принц Имрахил и люди Дол Амрота, высокие и прекрасные, а также гвардейцы башни стражи.

Дул ветер, пели трубы, свистели стрелы, но солнце опустившееся к югу, затянулось испарениями Мордора и сверкало сквозь дымку, отдаленное, тускло-красное, как будто наступил конец дня и, может быть, конец всего светлого мира. И из сгустившейся дымки вылетели назгулы, своими холодными голосами издавая крики смерти; и всякая надежда погасла.

Пиппин был потрясен ужасом, когда услышал, что Гэндальф отвергает условия и обрекает Фродо на пытки в башне, но он овладел собой и теперь стоял рядом с Берегондом в переднем ряду людей Имрахила. Ему казалось заманчивым быстрее умереть и покончить горькую историю своей жизни, раз уж все погибло.

— Я хотел бы, чтобы Мерри был здесь, — услышал он свои слова, и быстрые мысли пронеслись в его мозгу, когда он глядел на приближающихся врагов. — Ну, ну, во всяком случае теперь я лучше понимаю бедного Денетора. Уж если приходится умирать, мы должны были умереть вместе. Но его нет здесь, и я надеюсь, что у него будет легкий конец. А теперь я должен сделать все, что смогу.

Он выхватил меч и взглянул на него, на переплетающиеся красные и золотые узоры; цветистые буквы Нуменора сверкнули на лезвии пламенем. «Он сделан для такого часа, —

подумал Пиппин. — Если бы я смог ударить им этого грязного посла, может, тогда я сравнялся бы с Мерри. Ну, уж кого-то из этих животных я ударю перед концом. И хотел бы я снова увидеть ясное солнце и зеленую траву!»

И тут нападавшие ударили в них. Орки, задержавшиеся из-за болота, остановились и пустили в обороняющихся тучи стрел. Сквозь толпы орков вперед вышли, ревя, как звери, горные тролли Горгорота. Они были выше и шире людей и одеты только в сети из роговых чешуек; а может, это была их отвратительная шкура; они были вооружены огромными черными круглыми щитами и тяжелыми молотами. С ревом побрели они вброд через болото. Как буря, ударили они в линию людей Гондора, и удары лезвий о шлемы и копий о щиты зазвучали, как удары в кузнице, где куют горячее железо. Страшный удар обрушился на Берегонда, он упал рядом с Пиппином; огромный вождь троллей, нанесший этот удар, наклонился над жертвой, вытянув когти: эти подлые существа перегрызали горло своей добыче.

Тогда Пиппин ударил вверх, и расписное лезвие запада прошло сквозь шкуру и глубоко вонзилось во внутренности тролля, струей брызнула его черная кровь. Он наклонился вперед и упал, как рухнувшая скала, на Пиппина. Чернота, зловоние и острая боль пронзили Пиппина, и мозг его погрузился в глубокую тьму.

«Вот и конец, как я догадывался», — подумал он, теряя сознание; и ему стало легко и весело, кончились все страхи и сомнения. И, прежде чем погрузиться в забытие, он услышал крики; они доносились до него, как из забытого далекого мира:

— Орлы летят! Орлы летят!

На мгновение Пиппин подумал: «Бильбо!.. но нет. Это было в его истории, давно, давно. А это моя история, и теперь она кончается. Прощайте!» — Это была его последняя мысль, и больше он ничего не видел.

1. БАШНЯ КИРИТ УНГОЛ

Сэм, испытывая сильную боль, поднялся с земли. Мгновение он пытался вспомнить, где он, потом сознание отчаянного положения вернулось к нему. Он находился в глубокой тьме перед подземным входом в крепость орков; ее бронзовые двери были закрыты. Ударившись о них, он, должно быть, потерял сознание; но как долго он лежал здесь, он не мог сказать. Тогда он был, как в огне, яростный и отчаянный; теперь он дрожал от холода. Он подполз к двери и припал к ней ухом.

Далеко внутри он слышал слабые голоса орков, но вскоре они прекратились или ушли за пределы слышимости, и все стихло. Голова у него болела, перед глазами плыли во тьме пятна света, но он заставил себя успокоиться. Во всяком случае ясно, что он не сможет проникнуть в крепость орков через эту дверь; он может ждать здесь много дней, прежде чем ее снова откроют, а ждать нельзя: время стало необыкновенно драгоценным. Он больше не сомневался в своем долге: он должен освободить хозяина или погибнуть в этой попытке.

Так намного легче, — угрюмо сказал он себе, вкладывая жало в ножны и отворачиваясь от бронзовой двери. Медленно двинулся он назад по темному туннелю, не осмеливаясь использовать эльфийский свет: идя, он старался привести в порядок события после того, как он и Фродо покинули перекресток дорог. Он подумал, сколько же сейчас времени. Где-то между концом одного дня и началом следующего. Но сколько всего дней прошло, он не мог сказать. Он был в земле тьмы, где дни остального мира казались забытыми, и все, кто входил сюда, тоже оказывались забытыми.

— Интересно, думают ли они вообще-то о нас, — сказал он, — и что случилось со всеми ними там?

Он неопределенно махнул рукой в воздухе — в сущности, он стоял сейчас лицом к югу, а не к западу, так как снова оказался в туннеле Шелоб. А на западе мир приближался к полудню четырнадцатого марта по календарю Удела, и в этот момент Арагорн вел черный флот от Пеленнора, а в Минас Тирите занимались пожары, и Пиппин наблюдал за растущим безумием в глазах Денетора. Но среди всех забот и страхом мысли их друзей постоянно обращались к Фродо и самому Сэму. Они не были забыты. Но они были далеко, и помочь Сэмвайсу, сыну Хэмфеста, не мог никто; он был совершенно один.

Наконец он снова оказался у каменной перегородки и, не найдя замка или затвора, как и раньше, взобрался на нее и мягко спрыгнул. Украдкой пробрался он по туннелю, где на холодном сквозняке раскачивались обрывки паутины Шелоб. Воздух показался Сэму холодным после подземелья, он оживил его. Сэм осторожно выглянул.

Все было зловеще спокойно. Свет был таким, как сумерки в конце темного дня. Испарения, поднимавшиеся из Мордора и двигавшиеся на запад, плыли низко над головой — огромное месиво облаков и дыма, освещенное снизу тусклыми красными отблесками.

Сэм взглянул на башню орков и неожиданно в ее узких окнах, как в маленьких красных глазах, сверкнул свет. Сэм решил, что это какой-то сигнал. Страх перед орками, забытый на время в гневе и отчаянии, вернулся. Насколько он мог судить, у него был только один путь: он должен отыскать главный вход в башню и попытаться войти. Но колени у него подгибались, он обнаружил, что дрожит. Отведя глаза от башни и рогов ущелья, он заставил свои непослушные ноги повиноваться и медленно, напряженно прислушиваясь, вглядываясь в тени по сторонам дороги, он пошел дальше мимо того места, где упал Фродо и где еще чувствовался запах Шелоб, и продолжал подниматься, пока не оказался у выхода из ущелья, где он надевал Кольцо и где мимо него прошел отряд Шаграта.

Здесь он остановился и сел. Он почувствовал, что не может идти дальше. Если он пройдет верхнюю точку перехода и сделает шаг вниз, в Мордор, этот шаг будет безвозвратным. Он никогда не вернется. Без ясной цели он достал Кольцо и надел его. Немедленно он ощутил его тяжесть и почувствовал, на этот раз гораздо яснее и сильнее, злобу глаза Мордора, ищущего, старающегося пронзить тень, опущенную для его собственной защиты, но теперь мешавшую разрешить его сомнения и беспокойство.

Как и раньше, Сэм почувствовал, что его слух обострился, но все предметы кажутся ему неясными. Скалистые стены тропы казались бледными, как будто виднелись сквозь туман; на расстоянии он вновь слышал ворчание Шелоб в ее логове; и резко и ясно, совсем близко, как казалось, он слышал крики и звон металла. Он вскочил на ноги и прижался к стене у дороги. Он был рад Кольцу, так как приближался еще один отряд орков. Или, вернее, так показалось ему вначале. Потом он неожиданно понял, что это не так; его обострившийся слух обманул его: крики орков доносились из башни, чей рог теперь находился как раз над ним, с левой стороны ущелья.

Сэм задрожал и попытался заставить себя двигаться. Очевидно, что-то происходит. Возможно, несмотря на все приказы, жестокость орков взяла верх, и они пытаются Фродо или свирепо рубят его на куски. Он прислушался, и надежда снова вспыхнула в нем. Сомнений не было: в башне сражались, орки дрались друг с другом, очевидно, Шаграт и Горбаг что-то не поделили. И хотя надежда была слабой, ее оказалось достаточно, чтобы оживить его. Еще может появиться возможность. Любовь к Фродо победила все остальное, и забыв об опасности Сэм закричал:

— Я иду, мастер Фродо!

Он побежал вперед по извивающейся тропе. Дорога сразу же повернула налево и круто ринулась вниз. Сэм вступил в Мордор.

Он снял Кольцо, руководствуясь смутным предчувствием опасности, хотя сам он думал, что просто хочет видеть более ясно.

— Лучше видеть самое плохое, — пробормотал он. — Ничего хорошего не даст блуждание в тумане!

Жестокой, грубой и горькой казалась земля, на которой остановился его взгляд. И под его ногами высочайший хребет Эфел Дуата круто, большими уступами опускался в темный желоб, на дальнем конце которого поднимался второй хребет, гораздо более низкий, с неровными краями, похожими на клыки, на фоне красного света за ним: это был угрюмый Моргай — внутреннее кольцо, ограждающее эту землю. Далеко за ним, но прямо впереди, за широким озером тьмы, испещренным крохотными огоньками виднелось большое зарево; из него поднимались огромные колонны клубящегося дыма, тускло-красные у основания, черные вверху, где они сливались в волнующийся балдахин, покрывавший всю эту проклятую землю.

Сэм смотрел на Ородруин — гору огня. И время от времени печи далеко внизу ее пепельного конуса разогревались и с громким ревом и шумом выбрасывали потоки раскаленной лавы из щелей на склонах горы. Некоторые по большим каналам текли к Барад-Дуру, другие прокладывали себе извилистый путь по каменистой равнине, пока они не остывали и не лежали, как изогнутые драконьи туши, извергнутые пытаемой землей. Именно в такой час активности смотрел Сэм на гору судьбы и на ее огни, закрытые высоким Эфел Дуатом от глаз тех, кто взбирался по тропе с запада. Теперь эти огни, отражаясь в застывшей поверхности скал, казалось, окрашивали их в цвет крови.

В этом ужасном свете Сэм стоял маленький — потому что посмотрев налево, он увидел башню Кирит Унгола во всей ее силе. Рог башни, который он видел с другой стороны, был вершиной этой башни. Ее восточная сторона поднималась тремя большими ярусами из щели в

горной стене далеко внизу; задней стороной башня была обращена к большому утесу и соединялась с ним выступающими бастионами, один над другим, уменьшающимися кверху, с крутыми стенами, сложенными из камня и выходящими на северо-восток и юго-запад. У нижнего яруса, двумя сотнями футов ниже того места, где стоял Сэм, стена с укреплениями окружала узкий двор. Ворота двора в юго-восточной стене выходили на широкую дорогу, проходившую по краю пропасти, затем поворачивавшую на юг и уходящую, извиваясь вниз, во тьму, на соединение с дорогой, идущей из долины Моргула. Затем дорога через неровное ущелье уходила в Морг ай, в долину Горгорот и дальше в Барад-Дур. Узкая верхняя тропа, на которой стоял Сэм, быстро, по лестницам и крутым спускам опускалась к главной дороге под хмурыми стенами у входа в башню.

И вдруг Сэм понял, что эта крепость была построена не для защиты Мордора, но для обороны от Мордора. На самом деле это было создание древнего Гондора, восточный форпост обороны Итилиена, построенный, когда вслед за последним союзом люди запада внимательно следили за злой землей Саурана, где продолжали жить его создания. Но как было и с Карнботом и Карнстом, башнями зубов, так и здесь бдительность ослабла и предательство отдало эту башню главе Духов Кольца, и теперь долгие годы ее удерживали злые существа. После своего возвращения в Мордор Саурон нашел ее полезной: у него было мало слуг, но много рабов, которых нужно было держать в страхе, и главной его целью, как и в старину, было предотвратить бегство из Мордора. Хотя если бы противник оказался настолько безрассуден, что попытался бы тайно проникнуть в эту землю, башня послужила бы непреодолимой преградой для тех, кто обманул бдительность Моргула и Шелоб.

Только теперь Сэм понял всю безнадежность попытки спуститься вниз на виду у множества окон и бдительных ворот. И даже если бы он проделал это, все равно он не ушел бы далеко по хорошо охраняемой дороге; даже черные тени, залегшие глубоко, там, куда не достигало красное зарево, не могли бы спрятать его от видящих в темноте орков. Но хотя спуск представлялся отчаянным и безнадежным, его задача была гораздо труднее: не бежать и скрываться, но войти в ворота в одиночестве.

Мысли его обратились к Кольцу, но в них не было успокоения, только ужас и опасность. Как только он оказался на виду у горы огня, сверкавшей далеко впереди, он понял, что ноша его изменилась. Оказавшись вблизи от огромных печей, где в глубокой древности оно было выковано, Кольцо приобрело огромную силу, стало более свирепым и непокорным, послушным лишь могучей воле. Хотя Сэм не надел Кольцо, оно висело на цепи у него на шее, он, стоя здесь, чувствовал, как оно увеличивается, расширяется, закутывая в обширную тень самого себя, — зловещая угроза вставала над стенами Мордора. Он знал, что теперь перед ним лишь два пути: воздержаться от использования Кольца, хотя оно будет мучительно искушать его, или объявить его своим, бросив вызов силе, что сидит в темной крепости за долиной теней. Кольцо искушало его, подтачивая его волю и разум. Дикие видения возникали в его мозгу; он видел Сэмвайса могучего, героя эпохи, идущего с пламенеющим мечом по темной земле, на его зов сбегались армии, и с ними он шел на Барад-Дур. Затем все тучи расходились, сияло солнце, и по его приказу долина Горгорот превращалась в цветущий сад. Ему нужно было только надеть Кольцо и объявить его своим, и все это сбылось бы.

В этот час испытания любовь к хозяину больше всего помогла ему устоять; но и глубоко в нем жил непобежденный хоббитий здравый смысл: он знал в глубине души, что он недостаточно велик для такой ноши, даже если его видения и не были простым обманом. Маленький сад и свободный садовник — вот все, в чем он нуждался; ему не нужен был сад, раздутый в целое королевство. Он мог использовать свои собственные руки, а не приказывать другим делать это.

— Все это лишь ловушка, — сказал он себе. — Он увидит и усмирит меня прежде, чем я

успею крикнуть. Он тут же увидит меня, если я надену Кольцо здесь, в Мордоре. Что ж, я могу только сказать: положение кажется безнадежным, как мороз весной. Именно когда невидимость оказывается полезной для дела, я не могу надеть Кольцо! А если я пойду вперед, оно превратится в обузу и будет отягощать каждый мой шаг. Что же делать?

Он не испытывал сомнений. Он знал, что должен спуститься к воротам и больше не медлить. Пожав плечами, как бы сбрасывая тень и разгоняя видения, он начал медленно спускаться. С каждым шагом он, казалось, становился меньше. Не успел он пройти далеко, как вновь сморщился до маленького испуганного хоббита. Теперь он проходил под самыми стенами башни, и крики и звуки борьбы теперь доносились до его ушей без помощи Кольца. На этот раз шум, по-видимому, доносился со двора за внешней стеной.

Сэм был на полпути вниз, к тропе, когда из темных ворот в красный отблеск выбежали два орка. Они не повернули к нему, а побежали к главной дороге: но, пробежав немного, споткнулись, упали на землю и замерли. Сэм не видел стрел, но догадался, что орков застрелили из укреплений на стенах или из тени у ворот. Он продолжал идти, оставляя стену слева от себя. Один взгляд наверх показал ему, что перелезть через стену невозможно. Она поднималась на тридцать футов без единой щели или выступа к нависающим утесам, как к перевернутой лестнице. Ворота оставались единственным путем.

Он крался вперед, размышляя, сколько орков могло жить в башне с Шагратом, и сколько привел Горбаг, и из-за чего они ссорились, если только именно это произошло. В отряде Шаграта было около сорока орков, а у Горбага вдвое больше; но, конечно, патруль Шаграта был лишь частью его гарнизона. Почти несомненно, они ссорились из-за Фродо и добычи. На секунду Сэм остановился, потому что неожиданно он все понял, как будто видел происходившее своими глазами. Митриловая кольчуга! Конечно, Фродо носил ее, и они обнаружили это. А из того, что слышал Сэм, он понял, что Горбаг будет домогаться ее. Приказ башни тьмы требовал не вредить Фродо, но если этот приказ будет нарушен, они могут в любой момент убить Фродо.

— Вперед, жалкий трус! — сказал сам себе Сэм. — Теперь за дело!

Он выхватил жало и побежал к открытым воротам. Но когда он уже должен был миновать их широкую арку, он почувствовал шок — как будто налетел на паутину, как у Шелоб, только невидимую. Он не видел препятствия, но что-то более сильное, чем его воля, преграждало ему путь. Он осмотрелся и в тени ворот увидел двух стражей.

Это были огромные фигуры, сидящие на тронах. У каждой было три соединенных туловища и три головы, смотрящие наружу, поперек и внутрь. Головы были как у грифов, а на больших коленях лежали руки с когтями. Казалось, они высечены в скале и в то же время в них чувствовалась жизнь и какая-то зловещая бдительность. Они знали врага. Видимый или невидимый, он не мог пройти незамеченный ими. Они помешают ему войти и помешают бежать.

Напрягая волю, Сэм снова двинулся вперед и резко остановился, шатаясь, как от удара по груди и голове. Потом, отвечая на пришедшую ему в голову мысль, он медленно извлек фиал Галадриэль и поднял его. От его белого света бежали тени у ворот... Чудовищные стражи сидели холодные и неподвижные, открытые во всей своей уродливости. На мгновение Сэм уловил блеск в их черных каменных глазах, злобное выражение этих глаз заставило его вздрогнуть. Но он чувствовал, как их злая воля поддается и переходит в страх.

Он прошел мимо них; но в тот момент, когда он сунул фиал за пазуху, он был уверен, как будто сзади щелкнул стальной засов, что их бдительность возобновилась. И из их злобных голов донесся высокий и резкий крик, эхом отразившийся от стен. Высоко вверху, как ответный сигнал, раздался резкий удар колокола.

— Одно дело сделано! — сказал Сэм. — Я позвонил во входной колокольчик! Что ж,

выходите кто-нибудь! — крикнул он. — Скажите капитану Шаграту, что его вызывает большой эльфийский воин с эльфийским мечом.

Ответа не было. Сэм двинулся вперед. Жало голубым пламенем сверкало в его руке. Двор находился в глубокой тени, но он видел, что его мощеная поверхность усеяна телами. Прямо у его ног лежали два орочьих лучника, в спинах их торчали ножи. Дальше лежало еще много фигур; одиночных, застигнутых выстрелом или ударом меча; пар, сжимавших друг друга в объятиях, и умерших в тот момент, когда они били, душили друг друга, кусали. Камни мостовой были скользкими от темной крови.

Сэм заметил две разные формы одежды: одну, помеченную красным глазом, и другую — с луной, обезображенной призрачным изображением смерти; но он не остановился, чтобы рассмотреть подробности. На другой стороне двора дверь у подножия башни была полуоткрыта, и оттуда пробивался красный свет; большой мертвый орк лежал на пороге. Сэм перепрыгнул через его тело и вошел; в недоумении он заглянул внутрь.

Широкий гулкий коридор вел от двери вглубь горы. Он был тускло освещен факелами, прикрепленными к стенам, но его отдаленный конец терялся в полутьме. Множество дверей и отверстий видно было по обе стороны. Коридор был пуст, только на полу лежало несколько тел. Из разговора начальников отрядов Сэм знал, что Фродо, мертвый или живой, должен вероятнее всего находиться в комнате на самом верху башни. Но он мог искать целый день и не найти пути наверх.

— Проход, наверное, где-то здесь, — пробормотал Сэм. — Вся башня отклоняется к горе. И вообще лучше идти за этими факелами.

Он двинулся по коридору, но осторожно. Каждый шаг давался ему с трудом. Ужас снова нарастал в нем. Ничего не было слышно, кроме звуков его собственных ног, которые, казалось, перерастали в гулкий шум, похожий на хлопанье больших рук по камню. Мертвые тела, пустота, черные стены, кажущиеся при свете факелов окрашенными кровью, страх перед внезапной смертью, скрывающейся за какой-то дверью или в тени; и за всем этим зловещая бдительность стражей у ворот — это было выше его сил. Он приветствовал бы схватку — только чтобы не много врагов сразу, — скорее, чем эту ужасную, давящую неопределенность. Он заставил себя думать о Фродо, лежащем где-то в этом ужасном месте связанным или уже мертвым, и пошел дальше.

Он прошел мимо факелов и после дошел до большой двери под аркой в конце коридора, которая, как он правильно догадался, была внутренней стороной подземного входа, когда сверху послышался ужасный крик. Сэм замер. Потом он услышал топот. Кто-то торопливо бежал сверху по лестнице.

Воля Сэма оказалась слишком слаба, а реакция слишком медленна, что бы схватиться за оружие. Помимо своего желания он вытащил цепь и сжал Кольцо, но не надел его, а просто прижал к груди. И в этот момент показался орк. Выбежав из темноты, он побежал навстречу Сэму. Оставалось всего шесть шагов, когда он поднял голову и увидел его; и Сэм слышал его прерывистое дыхание и видел блеск в его налитых кровью глазах. Орк остановился ошеломленный. Он увидел не маленького испуганного хоббита, старающегося достать меч; нет, он увидел огромную молчащую фигуру, одетую в серую тень, нависающую в дрожащем свете факела; в одной руке фигура держала меч, самый блеск которого уже причинял резкую боль; другая рука была прижата к груди, скрывая какую-то безымянную, но невероятную мощь.

На мгновение орк прижался к земле, затем с пронзительным криком ужаса повернулся и побежал назад. Ни одна собака не ободрялась так, когда враг показывал ей хвост, как ободрился Сэм при этом неожиданном бегстве. С криком он бросился в погоню.

— Да, эльфийский воин свободен! — кричал он. — Я иду! Ты покажешь мне путь наверх,

или я сниму с тебя шкуру!

Но орк находился у себя дома, он был проворен и хорошо откормлен. А Сэм здесь был чужаком, он устал и проголодался. Лестница оказалась крутой и высокой, она извивалась бесконечно. Сэм начал задыхаться. Орк вскоре исчез из вида, и теперь лишь слабо слышался топот его ног. Время от времени он издавал крик, и эхо бежало вдоль стен. Скоро все затихло.

Сэм продолжал подниматься. Он чувствовал, что находится на правильном пути, и настроение у него поднялось. Он спрятал Кольцо и затянул пояс.

— Ну, ну! — сказал он. — Если они все будут так относиться к тебе и жалю, тогда дело оборачивается лучше, чем я надеялся. И вообще, кажется, Шаграт, Горбаг и компания сделали за меня почти всю работу. И думаю, что кроме этой маленькой испуганной крысы, никого не осталось тут в живых.

И тут он остановился, как будто ударившись головой о каменную стену. Значение сказанного им обрушилось на него, как сильный удар. Никого не осталось в живых! Кто испустил этот пронзительный предсмертный крик?

— Фродо! Хозяин! — закричал он, борясь со слезами. — Если они вас убили, что мне делать? Что ж, я поднимусь на вершину и посмотрю сам.

Он шел вверх и вверх. Было темно, лишь на поворотах и у отверстий, ведущих на другие уровни башни, изредка встречались факелы. Сэм пытался считать ступеньки, но после двух сотен сбился со счета. Теперь он двигался осторожно: ему показалось, что он слышит откуда-то сверху голоса. Похоже, что не одна крыса осталась в живых.

Когда он почувствовал, что уже не может дышать, не может сгибать колени, лестница кончилась. Он стоял тихо. Голоса звучали громче и ближе. Сэм осмотрелся. Он взобрался на плоскую крышу третьего и самого высокого яруса башни — открытое пространство около двадцати ярдов в ширину с низким парапетом. Лестница кончалась в середине этого пространства и была покрыта невысоким куполообразным помещением с низкими дверями, выходившими на восток и на запад. На востоке Сэм видел внизу обширные темные равнины Мордора, далеко впереди виднелась огненная гора. Из ее глубоких источников вырвалась свежая вспышка, и реки огня сверкали так яростно, что даже на расстоянии многих миль осветили вершину башни красным светом. Вид на запад был закрыт основанием башенки, стоявшей в глубине площадки и поднимавшей свой рог высоко над окружающими холмами. В ее узких окнах-прорезях сверкал свет. Вход в нее находился не более чем в десяти ярдах от того места, где стоял Сэм. Оттуда доносились голоса.

Вначале Сэм не слушал; он подошел к восточной двери и выглянул. Здесь схватка была самой яростной. Весь двор был усеян мертвыми орками, их отсеченными головами и конечностями. Все место пропахло смертью. Презрительный возглас, сопровождаемый ударом и криком, заставил его снова нырнуть в укрытие. Послышался гневный голос орка, который он уже слышал ранее, хриплый, грубый, холодный. Говорил Шаграт, капитан башни.

— Говоришь больше не пойдешь? Будь ты проклят, Снага, маленький червь! Если ты думаешь, что я настолько ранен, что надо мной безопасно насмехаться, то ты ошибаешься. Подойди сюда, и я выдавлю твои глаза, как только что сделал радугу. А когда придут новые парни, я с тобой разделаюсь. Я пошлю тебя к Шелоб.

— Они не придут, ты умрешь раньше, — угрюмо ответил Снага. — Я дважды говорил тебе, что свиньи Горбага первыми добрались до ворот, и ни одни из наших не вышел. Лагдуф и Музгаш прорвались, но их застрелили. Я видел это из окна, говорю тебе. А они были последними.

— Тогда должен идти ты. Я должен оставаться здесь. Но я ранен. Черные ямы взяли этого грязного мятежника Горбага! — Послышались проклятия и отвратительные имена. — Я хорошо

принял его, но он ударил меня ножом, сволочь, раньше чем я задушил его. Ты должен идти, или я съем тебя. Новости должны быть доставлены в Лутбург, иначе мы оба очутимся в черных ямах. Да и ты тоже. Ты не спасешься, прячась здесь.

— Я не пойду вниз, — заявил Снага, — капитан ты или нет. Нет! Убери руки с ножа, или я пушу стрелу тебе в кишки. Когда они услышат о том, что здесь произошло, тебе недолго ходить в капитанах. Я сражался за башню с этими вонючками из Моргула, но вы, два капитана, устроили здесь хорошенькую возню из-за добычи.

— С тебя довольно, — издевался Шаграт. — У меня был приказ. Горбаг начал ссору, стараясь захватить кольчугу.

— Ну, ты, могучий и высокий, покончил с ним. А у него было больше ума, чем у тебя. Он не раз говорил тебе, что самый опасный шпион еще на свободе, а ты не хотел слушать. И сейчас не хочешь. Говорю тебе, Горбаг был прав. Здесь где-то большой воин, один из этих эльфов с кровавыми руками, а может и грязный тарк. Он идет сюда, говорю тебе. И пока он не уйдет, я не спущусь вниз. Даже если бы ты был назгулом, я не пошел бы.

— Неужели? — насмехался Шаграт. — Ты сделаешь это и не сделаешь то? А когда он придет, ты удерешь и бросишь меня? нет, не выйдет! Я вначале проделаю дыру в твоём животе.

Из двери башенки выбежал маленький орк. За ним гнался Шаграт, большой орк с длинными руками, которые чуть не задевали землю. Но одна его рука висела неподвижно и была окровавлена; во второй был большой черный сверток. Сэм, прячась у лестницы, увидел его злобное лицо, все исполосованное как будто когтями и вымазанное кровью, из его раскрытой пасти с выступающими клыками капала слюна.

Сэм видел, как Шаграт гнался за Снагой по двору; маленький орк увернувшись, с криком юркнул обратно в башенку и исчез. Шаграт остановился. Сэм через восточную дверь видел, как он стоял у парапета, тяжело дыша, его левый кулак слабо сжимался и разжимался. Положив сверток на пол, он правой рукой извлек длинный красный нож и плюнул на него. Подойдя к парапету, он наклонился над ним, посмотрел на двор далеко внизу и дважды крикнул. Ответа не было.

Неожиданно, когда Шаграт наклонился над перилами, обратившись спиной к площадке, Сэм с удивлением заметил, что одна из распростертых фигур двинулась. Поползла. Вытянула руку и схватила сверток. Шатаясь поднялась. В длинной руке орк держал копье с широким наконечником и коротким обломанным древком. Копье уже было занесено для удара. Но в этот момент послышался возглас боли или ненависти и дыхание со свистом вырвалось сквозь зубы орка. Быстро, как змея, Шаграт скользнул в сторону, повернулся и ударил ножом в горло врага.

— Получил, Горбаг! — воскликнул он. — Еще не совсем умер, а? Ну, теперь я кончил дело. — Он прыгнул на тело врага и в ярости начал топтать и пинать его, время от времени наклоняясь и ударяя его ножом. Наконец удовлетворенный, он откинул голову и испустил торжествующий крик. Потом облизал нож, взял его в зубы и, подхватив сверток, направился к дверям лестницы.

У Сэма не было времени подумать. Он мог бы выскользнуть из двери, но его наверно увидели бы; и он не смог бы долго играть в прятки с отвратительным орком. И он сделал, вероятно, лучшее, что мог. С криком прыгнул он навстречу Шаграту. Он не держался за Кольцо, но оно было с ним, пугающая угроза для рабов Мордора, а в руке у него было жало, и блеск его ударил орку в глаза, как свет жестоких звезд в ужасных странах эльфов, — кошмарный сон, приводящий в ужас всех орков. К тому же Шаграт не мог одновременно сражаться и держать свое сокровище. Он остановился ворча и оскалив клыки. Затем отклонился ворча и оскалив клыки. Затем отклонился и, когда Сэм прыгнул к нему, используя тяжелый сверток как щит и оружие, ударил им в лицо противника. Сэм пошатнулся, и прежде чем он пришел в себя, Шаграт

пробежал мимо и бросился вниз по лестнице.

Сэм с проклятиями побежал за ним, но недалеко. Он вспомнил о Фродо и о другом орке, убежавшим в башенку. Вот и еще один ужасный выбор, а у него нет времени подумать. Если Шаграт убежит, он позовет на помощь и скоро вернется. Но если Сэм будет преследовать его, другой орк может совершить убийство. К тому же Сэм может потерять Шаграта или быть убитым им. Он быстро повернулся и побежал назад по ступенькам.

— Опять неправильно, мне кажется, — вздохнул он. — Но мое дело идти наверх, чтобы не случилось впоследствии.

Далеко внизу Шаграт пробежал по лестнице, пересек двор и выбежал из ворот, неся свой драгоценный груз. Если бы Сэм видел его и знал какое горе принесет его бегство, он, может быть, усомнился бы. Но теперь мозг его был занят другим. Он осторожно подошел к двери башенки и прошел внутрь. Дверь вела во тьму. Но вскоре его глаза привыкли, и он разглядел справа тусклый свет. Он проникал через отверстие ведущее на лестницу, темную и узкую. Похоже было, что это винтовая лестница, идущая вдоль внешней стены башенки. Где-то наверху горел факел.

Сэм начал осторожно подниматься. Он подошел к оплывшему факелу, укрепленному у двери слева; дверь выходила к узкому окну на запад — это был один из тех красных глаз, которые они с Фродо видели снизу у выхода из туннеля. Сэм быстро прошел дверь и поднялся на второй этаж, опасаясь каждую секунду ощутить на своем горле душащие пальцы. Выше оказалась еще одна дверь и окно, выходящее на восток; над дверью горел еще один факел, и от нее в середину башенки уходил коридор. Дверь была открыта, коридор темен, если не считать тусклого света факела и красного отблеска снаружи. Сэм прокрался в коридор. С обеих сторон были низкие двери, прочно запертые. Не слышно было ни звука.

— Тупик, — пробормотал Сэм, — и после всех этих подъемов! Это не может быть верхом башни. Но что ж мне теперь делать?

Он сбежал на первый этаж и проверил все двери. Они не открывались. Он снова поднялся наверх. Пот покрывал его лицо. Он чувствовал, что каждая минута драгоценна, но они одна за другой уходили, а он ничего не мог сделать. Он не заботился ни о Шаграте, ни о Снаге, ни о других орках, которые могли появиться. Он хотел только найти хозяина, увидеть его лицо, коснуться его руки.

Наконец, усталый, чувствуя себя окончательно разбитым, он сел на ступеньку лестницы у коридора и опустил голову на руки. Было тихо, ужасно тихо. Факел, почти догоревший, задымил и погас. Сэм чувствовал как над ним смыкается тьма. И потом тихо, к своему собственному изумлению, в самом конце тщетного путешествия, побуждаемый мыслью, которую не мог бы объяснить, Сэм начал петь.

Голос его дрожал в холодной темной башне — голос одинокого усталого хоббита, и ни один орк не принял бы его теперь за ясную песню повелителя эльфов. Сэм бормотал старые детские мелодии Удела, обрывки песенок старого Бильбо, возникающие в его памяти, как картинки родного дома. И тут в нем неожиданно родились новые силы. Голос его зазвенел, и полились собственные слова, соответствующие незамысловатому мотиву.

На милом западе, под солнечным лучом
цветы весной цветут на всех полях
деревья могут распускать листву,
а птицы петь на буковых ветвях.
А ночь, как куполом, скрывает землю,
и ветви бука шелестят листвой во тьме

и звезды эльфов разбивают светом тьму
и, как подруги, улыбаются луне.
Хотя вокруг меня сомкнулись пальцы тьмы,
хотя лежу я здесь в конце моей тропы
за всеми башнями огромной высоты,
за длинными цепями гор крутых,
над черной тенью утром солнце вновь взойдет.
А ночью звезды засияют вновь,
и я не верю, что навеки свет уйдет,
и я не говорю прощальных слов!

— За всеми башнями огромной высоты, — начал он снова и замолчал. Ему показалось, что он слышит слабый голос в ответ. Но теперь он ничего не слышал. Вернее, слышал, но не голос. Приближались шаги. Вверху в коридоре тихо открылась дверь, скрипнули петли. Сэм скорчился, прислушиваясь. Дверь закрылась с глухим ударом. Послышался насмешливый орочий голос.

— Хо ла! Ты здесь, горная крыса? Перестань визжать, или я приду и займусь тобой. Слышишь?

Ответа не было.

— Хорошо, — усмехнулся Снага. — Но я все равно приду и посмотрю на тебя.

Петли снова заскрипели, и Сэм, выглядывая из-за угла коридора, увидел слабый свет и неясную фигуру орка. Тот, казалось, нес лестницу. И Сэм неожиданно догадался: наверх можно было подняться через вход в потолке коридора. Снага поставил лестницу и поднялся по ней. Сэм услышал, как щелкнул затвор. Потом снова услышал отвратительный голос орка.

— Лежи спокойно, иначе пожалеешь! Тебе немного осталось спокойной жизни, я думаю, но если ты не хочешь, чтобы веселье началось прямо сейчас, заткни свою пасть, ясно? Вот тебе напоминание! — и послышался звук, похожий на щелканье хлыста.

Внезапная ярость охватила Сэма. Он подбежал к лестнице и взобрался по ней, как кошка. Голова его появилась в середине пола большой круглой комнаты. В потолке ее горела красная лампа; окно, выходившее на запад, было высоким и темным. Что-то лежало на полу у стены под окном, тут же склонилась темная фигура орка. Он вторично поднял хлыст, но удара не последовало.

С криком, зажав в руке жало, Сэм прыгнул в комнату. Орк повернулся, но до того, как он успел сделать движение, Сэм отрубил его руку, державшую хлыст. Завывая от боли и страха, орк отчаянно кинулся на него. Сэм размахнулся, чтобы нанести следующий удар, но потерял равновесие и упал, схватившись за орка и перелетев через него. Не успев подняться, он услышал крик и глухой удар. Орк упал в открытое отверстие люка. Сэм больше не думал о нем. Он подбежал к фигуре, лежавшей на полу. Это был Фродо.

Он был обнажен и лежал как в обмороке на груди грязных тряпок; руки его были подняты, закрывая голову; на его боку виднелся рубец от удара хлыстом.

— Фродо, мастер Фродо, дорогой мой! — кричал Сэм, слезы почти ослепили его. — Это Сэм, я пришел!

Он приподнял хозяина и прижал его к груди. Фродо открыл глаза.

— Я еще сплю? — пробормотал он. — Но другие сны были ужасны.

— Вы совсем не спите, хозяин, — сказал Сэм. — Это реальность. Это я. Я пришел.

— С трудом верю в это, — сказал Фродо, обнимая его. — Здесь был орк с хлыстом, а потом он превратился в Сэма! Значит, я не спал, когда услышал это пение внизу и постарался

ответить? Это был ты?

— Да, мастер Фродо. Я потерял всякую надежду. Не мог найти вас.

— Ну, а теперь нашел, Сэм, дорогой Сэм, — сказал Фродо и, лежа на руках у Сэма, закрыл глаза, как котенок в постели, когда ночные кошмары разогнаны любимым голосом или рукой.

Сэм чувствовал, что мог бы сидеть так бесконечно, но этого нельзя было делать. Недостаточно было найти хозяина, нужно еще попытаться спасти его. Он поцеловал Фродо в лоб.

— Идемте, мастер Фродо! — сказал он, стараясь говорить так же бодро, как будто он отдернул полог в Торбе-На-Круче в летнее утро.

Фродо вздохнул и сел.

— Где мы? Как я сюда попал, Сэм? — спросил он.

— Нет времени для разговоров, пока мы не уйдем отсюда куда-нибудь в другое место, мастер Фродо! — сказал Сэм. — Мы на самом верху башни, которую мы с вами видели снизу, из туннеля, прежде чем орки захватили вас. Как давно это было, я не знаю. Больше чем один день назад, я думаю.

— Только? — спросил Фродо. — Мне показалось, что прошли недели. Ты должен будешь рассказать мне все, когда будет возможность. Что-то ударило меня, верно? И я провалился во тьму и в кошмарные сны, а, проснувшись, обнаружил, что действительность еще кошмарнее. Вокруг меня были орки. Я думаю, что они влили мне в горло какой-то свой ужасно обжигающий напиток. Голова у меня стала ясной, но очень болела, и я чувствовал усталость. Они сняли с меня все, а потом пришли два больших орка и начали допрашивать меня, пока я не начал сходить с ума. А они стояли надо мной, орали и размахивали мечами. Никогда не забуду их когтей и глаз.

— Не забудете, если будете говорить о них, мастер Фродо, — сказал Сэм. — И если мы не хотим снова увидеть их, то чем скорее мы отсюда уйдем, тем лучше. Вы можете идти?

— Да, могу, — ответил Фродо, медленно вставая. — Я не ранен, Сэм. Только очень устал, и вот здесь болит. — Он приложил руку к шее над левым плечом. Затем встал, и Сэму показалось, что он одет в огонь: его обнаженная кожа была алой в свете факела. Он дважды прошел комнату.

— Теперь лучше! — сказал он, и настроение у него немного улучшилось. — Я не смел двигаться, когда остался один.

Из-за меня и моих вещей. Я лежал здесь в ужасе. А потом все затихло, и это было еще хуже.

— Да, они по-видимому, ссорились, — ответил Сэм. — Тут было не менее ста орков. Слишком много для Сэма Скромби, можно сказать. Но они сами совершили все убийства... Это хорошо, но не стоит радоваться, пока мы не выбрались отсюда. Что же теперь делать? Вы не сможете ходить по черной земле нагишом, мастер Фродо.

— Они все забрали, Сэм, — сказал Фродо. — Все, что у меня было. Понимаешь? Все. — Он снова опустился на пол со склоненной головой, и собственные его слова ввергли его в отчаяние. — Поиск не удался, Сэм. И даже если мы выберемся отсюда, нам уж не спастись. Только эльфы могут спастись. Прочь, прочь из Средиземья, по морю. Даже оно недостаточно широко, чтобы спастись от тени.

— Нет, не все, мастер Фродо. И поиск не кончился, еще нет. Я взял его, мастер Фродо, прошу вашего прощения. И сберег. Оно теперь у меня на шее, и это ужасная ноша. — Он протянул руку за Кольцом и почувствовал сильное нежелание отдавать его хозяину. — Но я думаю, вы должны его взять обратно.

— Ты взял его? — выдохнул Фродо. — Оно у тебя? Сэм, ты чудо! — потом быстро и неожиданно тон его изменился. — Отдай его мне! — воскликнул он, вставая и протягивая дрожащую руку. — Отдай немедленно! Ты не можешь владеть им!

— Хорошо, мастер Фродо, — ответил Сэм, слегка удивленно. — Вот оно! — он медленно извлек Кольцо и потянул цепь через голову. — Но мы теперь в земле Мордор, сэр; когда выйдете отсюда, увидите огненную гору и все такое. Кольцо теперь очень опасно, и его очень тяжело нести. Если это дело слишком трудно для вас, я могу разделить его с вами.

— Нет, нет!!! — закричал Фродо, выхватывая цепь с Кольцом из рук Сэма. — Нет, ты вор!

Он тяжело дышал и глядел на Сэма глазами, полными страха и вражды. Потом неожиданно, сжимая Кольцо в руке, он ошеломленный встал. Туман, казалось, рассеялся перед его глазами, и он провел рукой по болящему лбу. Ужасные видения стали казаться ему реальностью, и он стоял пораженный страхом и болью. Сэм перед его глазами превратился в орка, домогающегося сокровища, тянущего к нему лапы, в отвратительное маленькое существо с жадными глазами и слюнявой пастью. Но вот видение исчезло. Над ним склонился Сэм с искаженным болью лицом, как будто его ударили в сердце; слезы текли у него из глаз.

— О, Сэм! — воскликнул Фродо. — Что это я сказал? Что я сделал? Прости меня. После всего, что ты сделал! Это все ужасная власть Кольца. Я хотел бы, чтобы оно никогда не было найдено. Но не обращай на меня внимания, Сэм. Я должен эту ношу нести до конца. Это нельзя изменить. Ты не можешь встать между мной и судьбой.

— Все в порядке, мастер Фродо, — ответил Сэм, проводя рукавом по глазам. — Я понимаю. Но ведь я могу помочь. Я должен вас вытащить отсюда. Немедленно, понимаете? Но вначале нужно найти вам одежду и еду. Одежду найти легче. Раз уж мы в Мордоре; и к тому же у нас нет выбора. Боюсь, мастер Фродо, что вам придется надеть орочью одежду, да и мне тоже. Если мы идем вместе, нам нужно быть одетыми одинаково. Накиньте это!

Сэм снял свой плащ и набросил его на плечи Фродо. Потом снял свой мешок и положил его на пол. Извлек жало из ножен. Но лезвие оставалось тусклым.

— Я совсем забыл об этом, мастер Фродо, — сказал он. — Нет, еще не все забрали! Вы отдали мне жало, если помните, и сосуд госпожи. Они сейчас у меня. Но оставьте у меня их еще ненадолго, мастер Фродо. Я должен пойти и посмотреть, что можно отыскать. Оставайтесь здесь. Походите немного, чтобы размять ноги. Я скоро. Я не пойду далеко.

— Осторожнее, Сэм, — заметил Фродо. — И быстрее! Здесь могут быть еще орки.

Сэм скользнул вниз по лестнице. Через минуту снова появилась его голова. Он бросил на пол длинный нож.

— Может, пригодится, — сказал он. — Он мертв, тот, что хлестнул вас. Сломал шею в спешке. Поднимите лестницу, мастер Фродо, если сможете; и не опускайте ее пока не услышите пароль. Я крикну Элберет. Так говорят эльфы. Ни один орк не сможет сказать это.

Некоторое время Фродо сидел дрожа. Весьма странные видения меняли друг друга в его мозгу. Потом он встал, завернулся в серый эльфийский плащ и, чтобы занять чем-то голову, начал ходить взад и вперед, заглядывая во все уголки своей тюрьмы.

Вскоре — от страха ему показалось, что прошел целый час, — донесся снизу негромкий голос Сэма: Элберет, Элберет. Фродо опустил лестницу. Сэм поднялся, отдуваясь, таща на голове большой сверток. Он выпустил его и тот упал с шумом на пол.

— Быстрее, мастер Фродо! — сказал Сэм. — Я искал что-нибудь поменьше для нас. Но мы должны торопиться. Я не встретил никого живого и ничего не видел, но я в тревоге. Думаю, за этим местом следят. Не могу объяснить это, но мне кажется, что один из этих страшных летающих всадников над нами, в черноте, и мы не можем его видеть.

Он развязал сверток. Фродо с отвращением смотрел на его содержимое, но делать было нечего: либо надевать эти вещи, либо ходить голым. Здесь были длинные шерстяные брюки из какой-то грязной шкуры, рубашка из той же выпачканной кем-то кожи. Он надел все это. Поверх рубашки пошла кольчуга из стальных колец, слишком длинная для Фродо и тяжелая. Поверх

кольчуги он надел пояс, с которого свисали короткие ножны с широким мечом. Сэм принес несколько орочьих шлемов. Один из них подошел Фродо — черная шапка с железным ободом, покрытым кожей, на которой над похжей на клюв защитной полоской для носа был изображен красный глаз.

— Вещи из Моргула, из отряда Горбага, лучше подходят для нас и лучше сделаны, — сказал Сэм, — но я думаю, что лучше не ходить с их знаками по Мордору, особенно после этого дела здесь. Ну, вот вы и готовы, мастер Фродо. Прекрасный маленький орк, если я осмелюсь так сказать, особенно если прикрыть лицо маской, сделать руки подлиннее, а ноги скривить. Вот это еще лучше, — и он набросил на плечи Фродо большой черный плащ. — Ну, и все. Когда пойдем, сможете подобрать щит.

— А ты Сэм? — спросил Фродо. — Разве тебе не нужно одеться?

— Ну я подумал, мастер Фродо, — ответил Сэм. — Что лучше не оставлять мои вещи, а уничтожить их мы не сможем. И я не могу одеть орчью кольчугу поверх своей одежды. Я просто прикрою все.

Он наклонился и осторожно свернул свой эльфийский плащ. Получился удивительно маленький сверток. Сэм положил его в мешок, лежащий на полу. Встав, он надел его на спину, надел на голову орчий шлем и завернулся в другой черный плащ.

— Вот! — сказал он. — Теперь мы похожи. Нужно торопиться!

— Я не смогу все время бежать, Сэм, — с усталой улыбкой сказал Фродо. — Надеюсь, ты расспросил насчет гостиниц по дороге? Или ты забыл о питье и еде?

— Совсем забыл? — воскликнул Сэм. Он присвистнул в отчаянии. — Пусть меня разразит гром, мастер Фродо, но после вашего исчезновения, я совсем забыл о голоде и жажде! Не помню, когда в последний раз у меня во рту побывала капля или кусочек. Я все забыл, стараясь отыскать вас. Но дайте мне подумать! Когда я смотрел в мешок в последний раз, там было достаточно путевого хлеба и того, что дал нам капитан Фарамир, чтобы двигать мои ноги по крайней мере с неделю. Но во фляжке едва ли несколько капель. Для двоих этого едва ли хватит. Но разве орки не едят и не пьют? Или им достаточно гнилого воздуха и яда?

— Нет, они едят и пьют, Сэм. Тень, вырастившая их, может лишь создавать пародии, а не реальные новые вещи. Если орки хотят жить, они должны пить подобно другим животным. Если нет ничего другого, они пьют гнилую воду и едят протухшее мясо, но не яд. Он кормили меня. Где-то здесь должны быть еда и вода.

— Но нам некогда искать их, — сказал Сэм.

— Дело обстоит лучше, чем ты думаешь, — заметил Фродо. — Мне немножко повезло, пока ты отсутствовал. Они действительно взяли не все. Среди тряпок на полу я нашел свой мешок. Конечно, они разграбили его. Но, я думаю, им не понравился лембас, как и Горлуму. Он разбросан, разломан, но я собрал все, что смог. Кое-что набралось. Но они забрали еду, что дал мне Фарамир, и разбили мою фляжку.

— Что ж, говорить больше не о чем, — заметил Сэм. — Для начала у нас достаточно. Но с водой дело плохо. Идемте, мастер Фродо! Нужно выбираться, иначе нам ни к чему и целое озеро воды.

— Сначала поешь, Сэм, — возразил Фродо. — До этого я не пошевельнусь. Съешь эльфийского хлеба и выпей последнюю каплю из твоей бутылки. Положение безнадежно, незачем беспокоиться о завтра. Оно, вероятно, не наступит.

Наконец они двинулись. Спустились по лестнице, и потом Сэм взял ее и положил в коридоре у тела орка. Спуск был темны, но на верхней площадке башни все еще виден был тускло-красный отблеск горы.

Они пошли вниз по большой лестнице. Комната на верху башенки, оставшейся позади, где

они встретились, теперь казалась им почти домом, теперь они вновь в открытом пространстве, и от стен исходил ужас. Все могло быть мертвым в башне Кирит Унгола, но она была погружена в страх и зло.

Наконец они добрались до выхода во внешний двор и остановились. Даже в том месте, где они стояли, по ним ударило злобное внимание стражей — двух черных молчащих фигур по обе стороны ворот, за которыми тускло виднелся Мордор. Каждый шаг по двору, усеянному телами орков, давался с огромным трудом. Не дойдя до ворот, они вынуждены были остановиться. Продвижение даже на дюйм приносило страшную боль.

У Фродо не было для этого сил.

— Я не могу, Сэм, — пробормотал он. — Я слишком слаб. Не знаю, что со мной.

— Я знаю, мастер Фродо. Держитесь! Это ворота. В них какая-то чертовщина. Но я вошел сюда и выйду. Идемте!

Сэм снова достал эльфийский сосуд Галадриэль. Как бы в знак преклонения перед его храбростью, для того, чтобы оказать честь верной хоббичьей руке, совершившей такие деяния, фиал внезапно вспыхнул, и весь двор был освещен, как молнией; фиал продолжал гореть, свечение его не ослабло.

— Гилтониэль, а Элберет! — воскликнул Сэм. Сам не зная почему, он вспомнил эльфов в Уделе и их песню, что прогнал черных всадников.

— Айя эленнон анкама! — подхватил за ним Фродо.

Воля стражей лопнула, как натянутая струна, и Сэм и Фродо, пошатываясь, двинулись вперед. Потом побежали. Через ворота и мимо больших сидящих фигур с их сверкающими глазами. Послышался треск. Ключевой камень арки рухнул почти на них, стена сверху треснула и упала. Лишь на волосок опередили они падение. Прозвонил колокол, а стражи испустили высокий и ужасный вой. Далеко вверху во тьме послышался ответ. С черного неба падала, как камень, крылатая фигура, с криком разрывая тучи.

2. ЗЕМЛЯ ТЕНИ

У Сэма хватило присутствия духа сунуть фиал за пазуху.

— Бегите, мастер Фродо! — крикнул он. — Нет, не сюда! Здесь есть крутой спуск. За мной!

Они побежали вниз по дороге от ворот. В пятидесяти шагах крутой поворот дорог скрыл их из вида стражей. На мгновение они спрятались. Прикрываясь скалой, они перевели дыхание и схватились за сердце. Назгул, усевшись на стену у разрушенных ворот, послал свой смертоносный крик. Все утесы эхом откликнулись на него.

В ужасе спотыкаясь, они продолжали бежать. Скоро дорога снова резко свернула на восток и на ужасное мгновение открыла их взорам башни. Оглянувшись, они увидели большую черную фигуру на укреплении, затем они нырнули в укрепление между каменными стенами, которое круто опускалось на соединение с дорогой от Моргула. Они подошли к месту встречи дорог. По-прежнему не было видно орков, не слышно было ответа на крик назгула, но они знали, что тишина не продлится долго. В любой момент может начаться погоня.

— Так не получится, Сэм, — сказал Фродо. — Если бы мы были настоящими орками, мы должны были бы бежать в башню, а не от нее. Первый же встречный враг разоблачит нас. Нужно как-то уйти с дороги.

— Но мы не можем это сделать, — сказал Сэм. — Не можем без крыльев.

Восточные склоны Эфел Дуата опускались в ложбину двумя хребтами: внешним и внутренним. На коротком расстоянии после перекрестка, после еще одного крутого спуска, легкий каменный мост пролегал над пропастью; по нему проходила дорога на неровные склоны и плоскогорья Моргая. С отчаянными усилиями Сэм и Фродо бежали по мосту; но не успели они добежать до его конца, как услышали, что погоня началась. За ними высоко над горными склонами возвышалась башня Кирит Унгола, ее каменные стены тускло светились. Неожиданно снова прозвучал резкий удар колокола и перешел в дребезжащий перезвон. Послышался звук рога. Теперь с другого конца моста слышались ответные крики. В глубокой лощине, отрезанные от зарева Ородруина, Фродо и Сэм не видели ничего впереди. Но слышали топот подкованных железом ног, а на дороге слышался быстрый перестук копыт.

— Быстрее, Сэм! Перелезай! — воскликнул Фродо. Они взобрались на низкий парапет моста. К счастью, здесь их уже не ждало падение в глубокую пропасть: склоны Моргая здесь поднялись почти до уровня дороги, но внизу было темно, и они не могли увидеть, куда упадут.

— Ну, я иду, мастер Фродо, — сказал Сэм, добавив. — До свидания!

И он прыгнул. Фродо за ним. Падая, они слышали, как всадники промчались по мосту, за ними бежали орки. Сэм рассмеялся бы, если бы посмел. Опасаясь разбиться о неведомые скалы, хоббиты после десяти — двенадцати футов полета приземлились на то, что уж никак не ожидали, — на путаницу колючих кустов. Здесь Сэм лежал тихо, посасывая расцарапанную руку.

Когда топот и звуки шагов затихли вдали, он осмелился на шепот:

— Будь я проклят, мастер Фродо, но я не знал, что в Мордоре что-то может расти! Я чувствую, что это колючки в фут длиной; и они проткнули на мне все. Жаль, что я не надел кольчугу.

— Орочья кольчуга не спасает от этих колючек, — заметил Фродо. — Даже кожаная куртка не помогла.

Они с трудом выбрались из кустов. Колючки и ветки были прочны, как проволока, и цепки как когти. Прежде чем путники выбрались, плащи их были разорваны.

— Теперь вниз, Сэм, — прошептал Фродо. — Быстрее вниз в долину, потом повернем на

север, как только сможем.

В мире снова начинался день, и далеко за мраком Мордора солнце поднималось над восточным краем Средиземья, но здесь все было темно, как ночью. Гора тлела, огни ее потускнели. Погасло свечение утесов. Восточный ветер, который дул с тех пор, как они покинули Итилиен, теперь затих. Медленно и болезненно они спустились вниз, спотыкаясь, падая, пробираясь среди скал, пока уже просто не могли идти дальше.

Они остановились и сели рядом, прижавшись спинами к камню. Оба вспотели.

— Если бы сам Шаграт предложил мне стакан воды, я пожал бы ему руку, — сказал Сэм.

— Не говорит так! — сказал Фродо. — Ведь от этого еще хуже.

Он вытянулся изможденный и усталый и больше ничего не говорил. Наконец он снова с усилием сел. К своему удивлению, он обнаружил, что Сэм уснул.

— Проснись, Сэм! — сказал он. — Идем! Еще одно усилие!

Сэм вскочил на ноги.

— Неужели я уснул? Я уж не помню, когда спал по-настоящему, у меня просто слипаются глаза.

Теперь Фродо пошел вперед, направляясь на север среди камней и булыжников, толстым слоем покрывавших дно ущелья. Вскоре он снова остановился.

— Нехорошо, Сэм, — сказал он. — Я не вынесу этого. Кольчугу, я имею в виду. Но в моем нынешнем состоянии. Даже моя митриловая кольчуга казалась мне тяжелой, когда я уставал. А эта гораздо тяжелее. И какая от нее польза? Мы ничего не добьемся оружием.

— Но мы должны что-то иметь, — возразил Сэм. — Здесь есть ножи и стрелы. Да и Горлум не мертв. Мне не нравится мысль, что между вами и внезапным ударом из темноты будет только кожаная куртка.

— Послушай, Сэм, дорогой, — сказал Фродо. — Я очень устал и у меня не осталось надежды. Но я должен попытаться дойти до горы, пока могу двигаться. С меня достаточно веса Кольца. Эта дополнительная тяжесть убивает меня. Ее нужно сбросить. Но не думай, что я не благодарен тебе. Мне страшно подумать о той грязной работе, что ты проделал среди тел, чтобы найти для меня эту кольчугу.

— Не говорите об этом, мастер Фродо! Я понесу вас на спине, если понадобится. Бросайте!

Фродо снял плащ, потом орочью кольчугу и отбросил ее в сторону. Он немного дрожал.

— Что мне на самом деле нужно, так это немного тепла, — сказал он. — Становится холодно, или я простудился.

— Возьмите мой плащ, мастер Фродо, — сказал Сэм. Он развязал мешок и достал эльфийский плащ. — Завернитесь в орочьи тряпки, а поверх наденьте это. Не похоже на орочью морду, но зато вам будет теплее; и осмелюсь сказать, что этот плащ сохранит вас от врага лучше любого вооружения. Он сделан самой госпожой.

Фродо надел плащ и закрепил брошь.

— Так лучше! — сказал он. — Намного легче. Теперь я могу идти. Но слепая тьма, кажется, проникает мне в сердце. Когда я лежал в тюрьме, Сэм, я пытался вспомнить Брендизайк, и Торбу-На-Круче, и воду, бегущую у мельницы в Хоббитоне. Но не смог вспомнить.

— На этот раз вы, мастер Фродо, говорите о воде! — Сказал Сэм. — Если бы только госпожа могла видеть и слышать нас, я ей сказал бы: «Ваша милость, все, что мы хотим, это света и воды — чистой воды и ясного дневного света, больше, чем драгоценностей, прошу вашего прощения». Но далеко от нас Лориен...

Сэм вздохнул и махнул рукой в сторону высот Эфел Дуата, теперь совсем не видных на фоне черного неба.

Они пошли дальше. Вскоре Фродо остановился.

— Над нами черный всадник, — сказал он. — Я чувствую это. Нам лучше сейчас скрыться.

Скорчившись за большим утесом, они сидели лицами на запад и некоторое время молчали. Потом Фродо с облегчением передохнул.

— Пролетел, — сказал он.

Они встали и с удивлением посмотрели друг на друга. Слева от них, на юге, на фоне неба, принявшего серый цвет, появились вершины высокого хребта. За ними становилось светлее. Свет медленно разливался по небу. В высоких областях неба разгорелась битва. Волнующиеся облака Мордора отгонялись в сторону, края их разрывались от ударов ветра, дующего из мира живых. И в Мордор проникал тусклый свет, как бледное утро сквозь грязные окна тюрьмы.

— Смотрите, мастер Фродо! — сказал Сэм. — Ветер изменился. Что-то случилось. Не все идет так, как решил он, как он хочет. Даже в его собственном мире тьма дрогнула. Хотел бы я знать, что происходит.

Это было утро пятнадцатого марта, и над долиной Андуина солнце поднималось из восточной тени, дул юго-западный ветер. На полях Пеленнора умирал Теоден.

Сэм и Фродо увидели, как осветился весь край Эфел Дуата; в небе появилась черная точка, с большой скоростью двигавшаяся с запада, она все росла и пролетела высоко над ними. Пролетая, она испустила долгий, пронзительный крик — голос назгула; но этот крик уже не привел их в ужас, это был голос горя и отчаяния, несший злые новости башне тьмы. Глава Духов Кольца встретил свою судьбу.

— Что я вам сказал? Что-то случилось! — воскликнул Сэм. — «Война идет хорошо», — сказал Шаграт, но Горбаг не был так уверен. Видимо, он оказался прав. Не возросла ли у вас надежда, мастер Фродо?

— Нет, не очень, Сэм, — вздохнул Фродо. — Это все там, за горами. А мы идем на восток, а не на запад. И я очень устал. Кольцо так тяжело, Сэм. Я вижу его все время перед глазами, как большое огненное колесо.

Сэм опять приуныл. Он беспокойно посмотрел на хозяина и взял его за руку.

— Идемте, мастер Фродо! — сказал он. — Я получил кое-что из того, что хотел, — немного света. Хотя это и поможет нам не очень много, но зато идти опасней. Постарайтесь пройти немного, а потом мы сможем отдохнуть. Съешьте кусочек эльфийского хлеба, он подкрепит вас.

Разделив вафлю лембаса и жуя ее в пересохших ртах, Фродо и Сэм с трудом побрели дальше. Свет, хотя он был не больше, чем серый сумрак, был достаточен, чтобы они увидели, что находятся в глубоком ущелье меж горами.

На севере оно слегка поднималось, и по его дну шло русло высохшего ручья. Рядом с этим каменным потоком они увидели тропу, извивающуюся у подножья западных утесов. Если бы они о ней знали, то могли бы достичь ее намного раньше, так как она отходила от главной дороги на Моргул и западного конца моста и по длинной лестнице, вырубленной в скале, спускалась на самое дно ущелья. Тропа использовалась патрулями или вестниками, доставлявшими приказы в меньшие посты и крепости на севере, между Кирит Унголом и узким Изенмаусом — железными челюстями Карах Ангрена.

Для хоббитов было опасно использовать такую тропу, но им нужна была быстрота, и Фродо чувствовал, что он не выдержит карабканья через бездорожные плоскогорья Моргая. К тому же он решил, что на севере преследователи будут меньше всего искать их. Они прежде всего и тщательнее всего будут обыскивать дорогу на восток, к последней, самой отчаянной части их пути. Итак, они пересекли каменное русло и пошли по орочьей тропе. Утесы слева нависали над ними, и сверху их было невозможно увидеть; но тропа сильно извивалась, и на каждом повороте они хватались за рукояти мечей и двигались вперед осторожно.

Свет не становился сильнее, потому что Ородруин изрыгал большие облака дыма, отклоненные ветром, поднимавшиеся все выше и выше, пока не достигли спокойной атмосферы над ветром и растекались огромной крышей, центральный столб которой поднимался из тени, недоступной взору. Больше часа шли они по тропе, затем услышали звук заставивший их остановиться. Невероятный, но безошибочный. Капала вода. Слева в расщелине, такой острой и узкой, как будто утес был расколот огромным топором, капала вода — последние остатки дождя, прилетевшего с далекого моря, дождя, которому выпала злая судьба упасть на бесплодные черные земли и бесполезно протекать через щель и грязь. По скале струился тоненький ручеек, пересекал тропу и, повернув на юг, терялся среди камней.

Сэм прыгнул к нему.

— Если я когда-нибудь увижу госпожу снова, я расскажу ей! — воскликнул он. — Свет, а теперь вода! — тут он остановился. — Позвольте мне напиться первым, мастер Фродо.

— Хорошо, но здесь достаточно места для двоих.

— Я не это имел в виду, — сказал Сэм. — Я подумал, если вода отравлена и яд действует быстро, лучше отравиться мне, чем вам, хозяин, если вы понимаете меня.

— Понимаю. Но лучше испытать удачу вместе, Сэм. Но будь осторожен, если вода очень холодна.

Вода была холодна, но не как лед, у нее был неприятный маслянистый вкус, она слегка горчила, как они сказали бы дома. Но здесь она была для них выше всех похвал, за пределами страха и благоразумия. Они напились вволю, и затем Сэм наполнил свою фляжку. После этого Фродо почувствовал себя лучше, и они прошли еще несколько миль, пока расширившаяся дорога и грубая стена, появившаяся у ее края, не предупредили их о том, что они приближаются к другой орочьей крепости.

— Здесь мы свернем, Сэм, — сказал Фродо. — И мы должны повернуть на восток. — Он вздохнул и посмотрел на утрюмые хребты вдоль ущелья. — У меня осталось сил лишь на то, чтобы найти какую-нибудь нору. Я должен немного отдохнуть.

Русло ручья теперь находилось на некотором расстоянии от тропы. Они спустились и начали пересекать его русло. К их удивлению они встретили темные лужи, питаемые тонкими струйками воды, текущими из какого-то источника выше в ущелье. На своем краю у западных гор Мордор был умирающей землей, но еще не умер. Тут уцелела растительность — жесткая, изогнутая, хватающаяся за жизнь. На плоскогорьях Моргая по другую сторону ущелья росли низкие приземистые деревья, жесткая серая трава пробивалась меж камней, ее острые края резали, как ножи. Мрачные сморщенные прошлогодние листья свисали с ветвей, раскачиваясь и шурша в печальном воздухе; почки на ветвях только еще раскрывались. Мухи серовато-коричневые, серые или черные, помеченные, как и орки, красными пятнами, напоминающими глаз, жалили и кусали, а над кустами танцевали и кружили облака голодных комаров.

— Одежда у орков плохая, — заявил Сэм, отмахиваясь руками. — Теперь я хотел бы испытать орочьи убежища.

Наконец Фродо не мог идти дальше. Они забрались в глубокое узкое ущелье, но им предстояло идти еще долго, прежде чем они достигнут последнего хребта.

— Я должен отдохнуть, Сэм, и уснуть, если смогу, — сказал Фродо. Он осмотрелся, но вокруг не видно было даже ни одного животного, крадущегося в этой унылой стране. Наконец, усталые, они забрались под заросли колючих кустарников, свисавших, как навес, со скалы.

Здесь они немного поели. Стремясь растянуть драгоценный лембас подольше, они свели половину провизии Фарамира, оставшейся в мешке Сэма: немного сухих фруктов и по маленькому кусочку консервированного мяса, и немного попили. Они напились из ручья в долине, но теперь снова испытывали сильную жажду. Какой-то горький привкус в воздухе

Мордора сушил рот. Когда Сэм подумал о воде, даже его неунывающий дух дрогнул. За Моргаем им предстояло пересечь смертоносную равнину Горгорот.

— Пospите первым, мастер Фродо, — сказал он. — Снова стемнело. Вероятно день близится к концу.

Фродо вздохнул и уснул раньше, чем Сэм закончил фразу. Сэм боролся с собственной усталостью. Взяв Фродо за руку, он сидел молча, пока не спустилась глубокая ночь. Потом, чтобы не уснуть, он выполз из их убежища и огляделся. Земля вокруг была полна треска, скрипа, таинственных звуков, но не было слышно ни голосов, ни шагов. Далеко над Эфел Дуатом на западе ночное небо было тусклым и бледным. Там Сэм увидел пробивающуюся сквозь облака над скалистой вершиной холма мерцающую белую звезду. Ее красота поразила его сердце, и надежда вернулась к нему. Как копье, холодная и ясная, поразила его мысль о том, что тень — это незначительное и мимолетное явление: существовали свет и высокая красота за пределами его досягаемости: его песня в башне была выражением скорее отчаяния, чем надежды: тогда он думал только о себе. Теперь же его собственная судьба и даже судьба его хозяина перестали беспокоить его. Он снова заполз в убежище, лег рядом с Фродо и отбросив все страхи, погрузился в глубокий сон.

Они проснулись одновременно. Сэм чувствовал себя освеженным, готовым еще к одному трудному дню; но Фродо вздохнул. Его сон был беспокойным, полным огненных видений, и пробуждение не принесло ему успокоения. И все же сон немного исцелил его; он почувствовал себя сильнее и был готов нести свою ношу дальше. Они не знали, который час, не знали сколько они спали; немного поев и попив, они пошли по ущелью, которое вскоре перешло в крутые каменные осыпи и скользкие камни. Здесь даже последние остатки растительности отступили: вершины Моргая были голыми, как грифельная доска.

После долгих блужданий и поисков они отыскиали подъем, на который могли взобраться, и, преодолев последние сто футов цепких кустарников, поднялись. Они оказались в расщелине между двумя темными утесами, и, пройдя через нее, вышли на самый край последней ограды Мордора. Под ними, на дне спуска в несколько сотен футов, лежала внутренняя равнина, расстилаясь вдоль и уходя в бесформенную мглу, за пределы их видимости. Ветер теперь дул с запада, и большие облака поднялись высоко вверх и поплыли на восток; но страшные поля Горгорота по-прежнему освещались лишь сумрачным светом. По земле тянулись тени, и в углублениях из трещин поднимались туманы.

Все еще далеко, примерно в сорока милях от них, они увидели гору судьбы: основание ее терялось в пепельных руинах, ее огромный конус поднимался на большую высоту, где ее курящаяся голова окутывалась туманом облаков. Огни ее теперь погасли, и она стояла в тлеющем сне, угрожающая и опасная, как спящий зверь. За ней висела обширная тень, зловещая, как грозовая туча, — завеса Барад-Дура, который был расположен за ней, на дальних отрогах пепельных гор, протянувшихся с севера. Власть тьмы была глубоко погружена в мысли, а глаз смотрел наружу, обдумывая сомнительные и опасные новости: яркий меч, строгое королевское лицо, которое он видел, и теперь на какое-то время не обращал внимания на другие события. И всю его грандиозную крепость, ворота на воротах и башня на башне, окутала сгущающаяся тьма.

Фродо и Сэм со смешанным удивлением и отвращением смотрели на эту ненавистную землю. Между ними и дымящейся горой, а также к северу и к югу от нее все было разрушено и мертво, пустыня была обожженной и засоренной. Они удивлялись, как повелитель этого королевства кормит и поддерживает существование своих рабов и армий. Но армии у него были. Насколько хватало глаз, у подножья Моргая и далеко на юг видны были лагеря, некоторые из палаток, другие и виде небольших городков. Один из самых больших лагерей располагался прямо под ними. Всего лишь в миле от них находилось как бы огромное гнездо насекомых, с

прямыми рядами хижин и длинными тускло-коричневыми зданиями. А территория вокруг лагеря была покрыта движущимися точками: широкая дорога тянулась с юго-востока на соединение с дорогой Моргула, и по ней двигались длинные ряды солдат.

— Мне это совсем не нравится, — сказал Сэм. — Я сказал бы, что это совсем безнадежно — хотя, конечно, там, где так много народа, должны быть и источники воды, не упоминая уж о пище. К тому же это люди, а не орки, если глаза не обманывают меня.

Ни он, ни Фродо ничего не знали о грандиозных работах рабов на южных полях этого обширного королевства, за дымами горы, у темных печальных вод озера Нурпен; не знали о широких дорогах, ведущих на юг и на восток к завоеванным землям, из которых солдаты башни тьмы приводили длинные поезда больших телег, полных продовольствия, добычи и новых рабов. Здесь, в северных районах, находились шахты и кузницы, здесь готовилась давно запланированная война; здесь власть тьмы, передвигая свои армии, как фигуры на доске, собирала их вместе. Ее первые ходы, первая проба сил, были отбиты на западе, юге и севере. На время она отвела свои армии и, призвав новые силы, концентрировала их у Кирит Горгора для мстящего удара. И если целью ее было защитить гору от всех, кто попытается к ней приблизиться, вряд ли она могла сделать больше.

— Что ж! — сказал Сэм. — Там, где они едят и пьют, мы тоже сможем. Но я вижу, что тут не пути назад. И даже если мы спустимся, мы не сможем преодолеть все это открытое пространство, полное врагов.

— Но мы должны попытаться, — сказал Фродо. — Пока все идет лучше, чем я ожидал. Я и не надеялся пройти внутрь. И вот сейчас я не вижу никакой надежды. Но все же я постараюсь сделать все, что смогу. Сейчас нужно стараться как можно дольше избегать пленения. Поэтому я думаю, что мы должны продолжать идти на север, туда, где открытое пространство уже.

— Но что в этом хорошего? — спросил Сэм. — Там, где пространство уже, люди и орки расположены ближе друг к другу. Вот увидите, мастер Фродо.

— Надеюсь, что увижу, — согласился Фродо, и они двинулись на север.

Вскоре они обнаружили, что невозможно продолжать путь по вершине Моргая или где-либо в его верхних районах: там не было дорог, и путь им постоянно преграждали глубокие ущелья. В конце концов они были вынуждены вернуться к ущелью, по которому поднялись, и спуститься в поисках дороги между хребтами. Идти было труднее, так как они не осмеливались вступать на тропу на западной стороне долины. Через милю они увидели в углублении у подножья утеса крепость орков: стену и груды каменных хижин у темного входа в пещеру. Там было видно движение, но хоббиты пробирались осторожно, держась в густых колючих кустах, росших по обе стороны высохшего русла.

Они прошли еще две или три мили, и орочья крепость скрылась сзади из виду; но едва они вздохнули с облегчением, как услышали хриплые громкие голоса орков. Они быстро приближались. Вскоре показались два орка. Один был одет в изодранную коричневую одежду и вооружен луком; он был из малого племени, темнокожий с огромными широкими ноздрями, специально предназначенными для вынюхивания следов. Другой был большой боевой орк, похожий на солдат из отряда Шаграта, с изображением глаза. У него тоже был лук и короткое копье с широким наконечником. Как обычно, они тоже ссорились и поскольку принадлежали к разным племенам, то использовали общий язык.

Едва лишь в двадцати шагах от хоббитов маленький орк остановился.

— Нар! — фыркнул он. — Я иду домой! — и он указал на орочью крепость. — Незачем напрягать нос среди этих камней. Следа нет, говорю я. Я потерял его уже давно. Он шел вверх, а не пошел по долине.

— Немного же пользы от тебя, маленький носач, — сказал большой орк. — Я считал, что от

глаз больше пользы, чем от носа.

— И что же ты увидел ими? — издевался второй орк. — Горы! Ты даже не знаешь, что ищешь.

— А кто виноват? Не я. Приказ пришел с верха. Вначале говорили о большом эльфе в ярком вооружении, потом о маленьком человечке, похожем на гнома, потом о банде мятежных урук-хай; а может, все вместе.

— Ар! — сказал следопыт. — Они потеряли голову, вот что. И кое-кто из боссов потеряет и шкуру, если правда то, что слышал я: башня разграблена и все такое, и сделала это сотня таких парней, как ты, а пленник убежал. Если вы всегда так сражаетесь, неудивительно, что приходят плохие новости о войне!

— Кто говорит о плохих новостях? — закричал орк-солдат.

— Ар! А кто говорит, что их нет?

— Это проклятые мятежные разговоры, и я ударю тебя, если ты не заткнешься, ясно?

— Хорошо, хорошо! — сказал следопыт. — Я больше ничего не скажу. Но какое отношение к этому имеет черный трус? Этот индюк с большими руками?

— Не знаю. Может быть, никакого. Будь он проклят! Не успел он скрыться от нас, как пришел приказ отыскать его и доставить живым.

— Ну, надеюсь, его схватят и пропустят через все, — проворчал следопыт. — Он оставил след, когда тащил эту украденную им кольчугу.

— Что ж, это спасло ему жизнь, — сказал солдат. — Если бы я не знал, что его нужно взять живым, я застрелил бы его — он был от меня в пятидесяти шагах. просто промахнулся, — сказал следопыт. — Сначала ты выстрелил мимо, потом бежал слишком медленно, а потом послал за бедным следопытом. С меня хватит!

Маленький орк побежал назад.

— Вернись! — закричал солдат. — Вернись, или я доложу о тебе!

— Кому? Не твоему драгоценному Шаграту. Он больше не капитан.

— Я сообщу твое имя и номер назгулу, — сказал солдат, понижая голос до свиста. — Один из них теперь присматривает за башней.

Второй остановился, и голос его задрожал от страха и ненависти.

— Ты проклятый доносчик! — завопил он. — Сам не можешь справиться со своей грязной работой. Иди к своим подлым крикунам, пускай они заморозят твое мясо! Если враг не уничтожит их самих вначале. Я слышал, что они сделали это с номером один, и надеюсь, это правда!

Большой орк с копьем в руке побежал за ним. Но следопыт, укрывшись за камнем, пустил ему в глаз стрелу, и тот с грохотом упал. Маленький орк побежал по долине и исчез.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Наконец Сэм зашевелился.

— Что ж, — сказал он, — если такая прекрасная дружба распространится на весь Мордор, нам не о чем беспокоиться.

— Тише, Сэм, — прошептал Фродо. — Тут могут быть и другие. Нас ищут. Но таков дух Мордора, Сэм; он распространен во всех уголках. Орки всегда ведут себя так, когда они предоставлены сами себе. И так говорят все сказания. Но не очень рассчитывай на это. Они ненавидят нас. Если бы эти двое увидели нас, они прекратили бы ссору до тех пор, пока не убили бы нас.

Последовало долгое молчание. Сэм снова прервал его, на этот раз шепотом.

— Вы слышали, что он сказал об этом трусе, мастер Фродо. Я ведь говорил вам, что Горлум жив?

— Да, я помню. Интересно, откуда ты это знаешь? — сказал Фродо. — Думаю, что лучше

нам не уходить отсюда, пока совсем не стемнеет. Поэтому ты можешь рассказать мне все, что знаешь и что случилось. Но говори потише.

— Помню, — сказал Сэм, — но когда я думаю об этом Горлуме, я становлюсь таким горячим, что могу закричать.

Так сидели хоббиты под укрытием колючих кустов, пока мрачный свет Мордора не перешел в глубокую беззвездную ночь; и Сэм на ухо Фродо шептал о предательском нападении Горлума, об ужасе Шелоб, о своих собственных приключениях среди орков. Когда он кончил Фродо ничего не сказал, но взял руку Сэма и пожал ее. Наконец он зашевелился.

— Что ж, я думаю, мы можем идти, — сказал он. — Интересно, когда нас окончательно поймают и все наши блуждания и укрывательства окажутся напрасными. — Он встал. — Темно, но мы не можем использовать сосуд госпожи. Сохрани его для меня, Сэм. Мне негде держать его, только в руках, а в этой слепой ночи мне понадобятся обе руки. И жало останется у тебя. У меня орочий меч, но не думаю, чтобы я мог отразить сейчас удар противника.

Трудно и опасно было идти ночью по бездорожью, но час за часом, спотыкаясь и падая, хоббиты медленно двигались на север вдоль восточного края каменной долины. Когда на западе над вершинами хребта появился серый свет, много позже начала дня в остальном мире, они снова отыскивали убежище и немного поспали по очереди. Во время своего дежурства Сэм был занят мыслями о еде. Наконец, когда Фродо встал и заговорил о выходе в путь, Сэм задал беспокоящий его вопрос.

— Прошу прощения, мастер Фродо, — сказал он, — но есть ли у вас представление о том сколько нам еще идти?

— Нет, никакого четкого представления, Сэм, — ответил Фродо. — В раздole перед выходом мне показали карту Мордора, сделанную до того, как туда вернулся враг, но я смутно помню ее. Я вспоминаю, что на севере есть место, где западный и северный хребты почти соединяются своими далеко выступающими отрогами. Это примерно в двадцати лигах от моста у башни. Там наилучший пункт для перехода. Но, конечно, если мы придем туда, мы будем дальше от горы, примерно в шестидесяти милях. И я считаю, что мы прошли от места примерно двенадцать лиг. Даже если все пойдет хорошо, вряд ли я доберусь до горы за неделю. Я боюсь, Сэм, что ноша станет очень тяжелой, и чем ближе мы будем подходить, тем медленнее я смогу идти.

Сэм вздохнул.

— Этого я и опасался, — сказал он. — Не говоря уж о воде, мы должны меньше есть, мастер Фродо, или идти быстрее, во всяком случае пока мы еще в этой долине. Еще один укус — и вся пища кончится, кроме lembаса.

— Постараюсь идти быстрее, Сэм, — сказал Фродо, глубоко вздыхая. — Идем! Пора выступить!

Было не очень темно. Они шли с трудом. В усталых спотыканиях проходили часы. Было лишь несколько коротких остановок. При первых же признаках серого рассвета они укрылись в глубокой яме под нависающими камнями.

Медленно светало. Сильный западный ветер раздувал дымы Мордора. Вскоре хоббиты могли рассмотреть окружающую местность на несколько миль. Желоб между горами и Моргаем становился все мельче, дно его поднималось, и теперь внешний хребет представлял собой лишь уступ в крутых склонах Эфел Дуата; на запад он спускался к Горгороту. Впереди сухое русло ручья кончалось в нагромождении скал; там от главного хребта отходил высокий обнаженный отрог, шедший поперек долины, как стена. Навстречу ему выбрасывал длинный выступающий отрог серый и туманный северный хребет Эред Литуй; между этими отрогами находился узкий проход — Карах Ангрен, Изенмаус, за которым находилась глубокая долина Удуна. В этой

долине за Моранноном были проложены туннели и глубокие подземные арсеналы, подготовленные слугами Мордора для защиты черных ворот и своей земли; и здесь теперь их повелитель торопливо собирал большие силы, чтобы встретить капитанов запада. На выступающих отрогах были сооружены укрепления и башни, горели сторожевые огни; поперек всего прохода была возведена земляная стена и выкопана глубокая траншея, через которую можно было перебраться лишь по единственному мосту.

В нескольких милях к северу, в том месте, где западный отрог отходил от главного хребта, стоял старый замок Дуртанг — теперь одна из многочисленных орочьих крепостей в долине Удуна. От него отходила извивающаяся дорога, едва видимая в сером свете; в одной или двух милях от того места, где лежали хоббиты, она поворачивала на восток и уходила на равнину и к Изенмаусу.

Хоббитам с их места казалось, что все их путешествие бесполезно. Равнина справа от них была туманной и дымной, они не видели там ни лагерей, ни передвижения войск; но весь этот район находился под бдительным вниманием укреплений Карах Ангрена.

— Мы зашли в тупик, Сэм, — сказал Фродо. — Если мы пойдем вперед, то придем только к орочьей крепости, единственная дорога исходит из нее. Разве что мы вернемся назад. Мы не можем взбираться ни на восток, ни на запад.

— Тогда придется идти по дорогам, мастер Фродо, — сказал Сэм. — Попытаем счастья на ней, если в Мордоре вообще есть счастье. Только нужно идти быстрее.

— Хорошо, Сэм! — сказал Фродо. — Веди меня! Пока у тебя остается хоть какая-то надежда, веди! У меня надежды не осталось. И я не могу идти быстрее, Сэм. Я побреду за тобой.

— Прежде, чем выступить, мы должны поспать и поесть, мастер Фродо.

Он дал Фродо глоток воды и лишний кусок лембаса и устроил из своего плаща подушку для головы хозяина. Фродо слишком устал, чтобы спорить, и Сэм не сказал ему, что отдал последнюю каплю воды и свою долю пищи. Когда Фродо уснул, Сэм склонился над ним, прислушиваясь к его дыханию и вглядываясь в его лицо. Оно было худым и изможденным, но во сне казалось спокойным и удовлетворенным.

— Что ж, хозяин, — пробормотал Сэм. — Мне придется оставить вас ненадолго и поискать удачи. Мы должны найти воду, иначе нам нельзя идти.

Сэм выполз и, перебегая от камня к камню со своей исключительной осторожностью хоббита, спустился к руслу ручья и некоторое время поднимался по нему к северу, пока не подошел к каменным ступеням, с которых, несомненно, когда-то падал ручей и образовывал водопад. Теперь все казалось сухим и молчаливым; не желая поддаваться отчаянию, Сэм наклонился и прислушался. К своей радости, он уловил звук капанья. И взобравшись выше, он отыскал тоненький ручеек темной воды, выбегавшей из-под камня и наполнявшей небольшой каменный бассейн; выбегая оттуда, ручеек тут же терялся среди камней.

Сэм попробовал воду, она показалась ему хорошей. Он напился, наполнил фляжку и повернулся, чтобы идти назад. И тут он заметил черную фигуру, двигавшуюся в тени среди скал недалеко от убежища Фродо. Удерживая крик, Сэм отпрыгнул от ручья и побежал, прыгая с камня на камень. Это был осторожное существо, и рассмотреть его было трудно, но Сэм не сомневался, он знал, кто это, и жаждал добраться до горла этого существа. Но оно услышало приближение Сэма и быстро скользнуло прочь. Сэму показалось, что он видит его на краю восточной пропасти, прежде чем оно нырнуло и исчезло.

— Что ж, удача еще не покинула меня, — пробормотал Сэм, — но он был совсем близко. Мало нам тысяч орков, еще и этот вонючий негодяй шныряет вокруг. Жаль, что я не задушил его!

Он сел рядом с Фродо и не стал будить его, но сам не решился лечь спать. Наконец,

почувствовав, как смыкаются его глаза, он осторожно разбудил Фродо.

— Боюсь, этот Горлум опять поблизости, мастер Фродо, — сказал он. — А если не он, то его двойник. Я ходил на поиски воды и увидел его, возвращаясь. Мне кажется, что нам не безопасно спать одновременно; прошу прощения, но я не могу больше удерживать свои веки.

— Как же это, Сэм! — воскликнул Фродо. — Ложись и спи! Но я предпочитаю Горлума оркам. Во всяком случае он не выдаст нас им, пока сам не будет пойман.

— Но он сам может грабить и убивать, — проворчал Сэм. — Держите глаза открытыми, мастер Фродо! Вот бутылка с водой. Пейте, мы наполним ее снова перед уходом.

С этими словами Сэм погрузился в сон.

Когда он проснулся, уже темнело. Фродо сидел рядом, прислонившись к стене, и тоже спал. Бутылка была пуста. Горлума не было видно.

Вернулась тьма Мордора, и сторожевые огни на высотах горели ярким красным пламенем, когда хоббиты выступили в самую опасную часть своего пути. Вначале они подошли к ручейку, потом после утомительного подъема взобрались на дорогу в точке, где она сворачивала к Изенмаусу в двадцати милях отсюда. Дорога была не широкой и не имела ни стены, ни парапета вдоль края, и пропасть рядом с нею становилась все глубже и глубже. Прислушавшись, хоббитяне заметили никакого движения и ровным шагом пошли на восток по дороге.

Пройдя около двенадцати миль, они остановились. Немного сзади от них дорога слегка изгибалась на север, и участок, который они прошли был скрыт от них. Это оказалось опасным. Они отдыхали несколько минут, потом пошли дальше. Но не прошли и нескольких шагов, как в ночной тишине услышали звуки, которых все время тайно опасались: звуки марширующих ног. Звуки доносились сзади; оглянувшись, хоббиты увидели, как из-за поворота на расстоянии мили от них появились мигающие факелы и стали быстро приближаться — слишком быстро, чтобы Фродо мог убежать от них вперед.

— Я боялся этого, Сэм, — сказал Фродо. — Мы понадеялись на удачу, и она обманула нас. Мы в ловушке. — Он отчаянно посмотрел на стену, которую древние строители высекли в скале на много саженей выше головы. Подбежав к другой стороне дороги, он наклонился над краем и заглянул в пропасть. — Теперь мы окончательно пойманы! — он опустил на землю у скальной стены и повесил голову.

— Кажется, так, — сказал Сэм. — Что ж, подождем и посмотрим. — С этими словами он сел рядом с Фродо в тени утеса.

Они ждали недолго. Орки шли быстрым шагом. Передние несли факелы. Их красные огни быстро вырастали во тьме. Сэм тоже склонил голову, надеясь спрятать лицо от факелов; щиты он поставил впереди, чтобы укрыть ноги.

Может, они торопятся и не обратят внимания на двух уставших солдат, — подумал Сэм.

Казалось, так и получилось. Передовые из орков проходили мимо, тяжело дыша, наклонив головы. Это был отряд маленьких орков, которых гнали на войну повелителя тьмы; все, чего они хотели, это побыстрее закончить переход и избежать хлыста. Рядом с ними, перебегая вперед и назад, шли два больших урук-хай, щелкая кнутами и покрикивая. Ряд за рядом проходили мимо, и свет факелов начал уже удаляться. Сэм сдерживал дыхание. Прошло уже больше половины отряда. И тут один из погонщиков увидел две фигуры у дороги. Он хлестнул их бичом и закричал:

— Эй, вы! Встать!

Они не ответили, и он приказал отряду остановиться.

— Эй, вы, слизни! — закричал он. — Сейчас не время прятаться. — Он сделал к ним шаг и увидел изображение на щитах. — Дезертиры, — насмеялся он. — Или думаете об этом? Все ваше племя должно быть внутри Удуна — до вчерашнего вечера. Вы знаете это. Вставайте и

идите с нами или я сообщу ваши номера.

Они с трудом поднялись на ноги и, наклонившись и хромя, как стершие ноги солдаты, пошли в тыл отряда.

— Нет, не туда! — закричал погонщик. — На три ряда вперед. И оставайтесь здесь, иначе кое-что узнаете, когда я подойду.

Он с треском хлопнул в воздухе длинным хлыстом над их головами. Еще один щелчок, и отряд снова двинулся рысью.

Дорога была тяжела для уставшего Сэма, но для Фродо она была пыткой и кошмаром. Он сжал зубы и старался ни о чем не думать. Вонь от потных орков душила его, мучила жажда. Они все шли и шли, и, напрягая всю волю, заставляя себя дышать и передвигать ноги; но к какому злему концу они движутся, он не думал. Никакой надежды скрыться не было. Время от времени погонщик оглядывался и издевался над ними.

— Вот так! — смеялся он, щелкая бичом. — Где кнут, там и желание, мои слизняки. И держитесь! Сейчас освежитесь, а когда придем в лагерь, отведаете моего кнута столько, сколько выдержит ваша шкура. Вы не знали, что мы воюем?

Они прошли несколько миль, и дорога пологим длинным уклоном начала спускаться к долине, когда силы оставили Фродо и воля его дрогнула. Он шатался. В отчаянии Сэм пытался поддержать его, хотя чувствовал, что и сам с трудом делает каждый шаг. Он знал, что в любой момент мог наступить конец: хозяин упадет, все откроется, и их усилия окажутся напрасными. «Во всяком случае, я покончу с этим дьяволом-погонщиком», — думал он.

И вот, когда он уже положил руку на рукоять меча, пришло неожиданное облегчение. Они уже находились на равнине и приближались ко входу в Удун. Немного впереди, перед воротами у конца моста, дорога встречалась с другими, идущими с юга и от башни тьмы. По всем дорогам двигались войска: капитаны запада приближались, и повелитель тьмы собирал свои силы на севере. И случилось так, что несколько отрядов подошли к перекрестку одновременно. Начались споры и проклятья. Каждый отряд хотел первым пройти в ворота и закончить переход. Погонщики кричали и щелкали бичами, началась драка и уже были обнажены мечи. Отряд тяжелооруженных урук-хай из Барад-Дура ударил по линии Дуртанга и привел ее в смятение.

Почти теряя сознание от боли и усталости, Сэм все же понял, что им предоставляется возможность спастись, и упал на землю, потащив за собой и Фродо. Орки спотыкались о них, ругаясь и крича. Медленно на четвереньках хоббиты выбрались из толчеи и, незамеченные, сползли с дороги. У дороги была высокая каменная обочина, чтобы предводители отрядов не потеряли ее ночью или в тумане; дорога на несколько футов поднималась над окружающей местностью.

Некоторое время хоббиты лежали неподвижно. Было слишком темно, чтобы искать укрытие. Но Сэм знал, что нужно как можно быстрее уходить от дороги и от света факелов.

— Идемте, мастер Фродо! — прошептал он. — Еще немного, и вы сможете полежать.

Из последних сил Фродо приподнялся на руки и прополз около двадцати ярдов. Потом свалился в неожиданно открывшуюся перед ним яму и лежал неподвижно, как убитый.

3. ГОРА СУДЬБЫ

Сэм положил свой продранный орочьий плащ под голову хозяину и укрыл его серым плащом из Лориена; и когда он сделал это, мысли его унесли в прекрасную землю к эльфам, и он надеялся, что одежда, изготовленная их руками, сможет спрятать их в этой страшной стране. Он слышал, как затихли крики, по мере того как отряды проходили в Изенмаус. Казалось, в смятении и смешении многих отрядов их не заметили, во всяком случае — пока.

Сэм глотнул воды и заставил попить Фродо. Когда его хозяин пришел немного в себя, Сэм отдал ему целую вафлю их драгоценного хлеба и сам поел немного. Потом, слишком уставшие, чтобы бояться, они растянулись на земле. Они немного поспали беспокойным сном: пот быстро остыл на холодном ветру, острые камни кусали их, и они дрожали — с севера, через черные ворота над Кирит Горгором шептал над землей холодный ветер.

Утром снова показался серый свет, потому что высоко в небе продолжал дуть западный ветер, но внизу, за черными воротами воздух казался неподвижным, холодным и удушливым. Сэм выглянул из ямы. Местность вокруг была унылой и тускло-коричневой. По дороге сейчас ничего не двигалось. Но Сэм опасался бдительных глаз со стен Изенмауса, находящегося в четверти мили к северу. На юго-востоке, далеко в темной тени, возвышалась гора. От нее поднимались дымы, и хотя те столбы дыма, что поднимались высоко, уносились ветром, густое облако дыма опускалось по склонам горы и расплывалось по сторонам. В нескольких милях к северо-востоку, как печальные серые привидения, начинались подножья пепельных гор, за ними поднимались северные вершины, едва виднеясь на фоне темного неба.

Сэм старался определить расстояние и выбрать путь.

— Примерно пятьдесят миль, — мрачно пробормотал он, глядя на угрюмую гору, — нам потребуется неделя. Мастер Фродо не выдержит.

Он покачал головой, и тут новая мрачная мысль возникла у него в мозгу. Никогда раньше его храброе сердце не переставало по-настоящему надеяться на возвращение. Но наконец до него дошла горькая правда: в лучшем случае провизии хватит на то, чтобы добраться до цели, и когда задача будет решена, они подойдут к концу, одинокие бездомные, лишенные пищи в самой середине ужасной пустыни. Возврата не будет.

— Итак, я должен идти до конца с мастером Фродо и умереть с ним вместе, — подумал Сэм вслух. — Что ж, если это так, я должен сделать это. Но я очень хотел бы увидеть снова Байуотер, и Розу Коттон и с ее братьями, и старика, и Мариголд, и вообще все. Не думаю, чтобы Гэндальф послал мастера Фродо с таким поручением, если бы не было надежды на возвращение. Все пошло плохо с тех пор, как мы спустились в Морию. Хорошо, если бы он был с нами. Он придумал бы что-нибудь.

Но в этот момент, когда надежда умерла, или Сэму показалось, что она умерла, в нем проснулись новые силы. Ясное хоббичье лицо Сэма стало серьезным, почти угрюмым, и воля его напряглась, он почувствовал, как по всему его телу прошла дрожь, как будто он превращался в существо из камня и стали, которое не могут остановить ни отчаяние, ни усталость, ни бесконечные голые мили пути.

С новым чувством ответственности осмотрел он местность поблизости, обдумывая следующий шаг. Когда стало немного светлее, он с удивлением разглядел, что то, что издали казалось ровной поверхностью, на самом деле было неровным и изломанным полем. Вся поверхность равнины Горгорота была усеяна большими ямами, как будто она еще была сделана из мягкой грязи, по ней ударил дождь камней из пращи. Самые большие ямы были окружены неровными кольцеобразными возвышениями, через которые во всех направлениях проходили

неровные трещины. Это была земля, где можно было перебраться от убежища к убежищу незаметно для самых бдительных наблюдателей — возможно, по крайней мере для того, кто силен и не торопится. Но для голодного и усталого равнина выглядела неприятно и угрожающе.

Размышляя об этом, Сэм вернулся к хозяину, будить его не нужно было. Фродо лежал на спине с открытыми глазами, глядя в облачное небо.

— Ну, мастер Фродо, — сказал Сэм. — Я осмотрелся и немного подумал. Никаких дорог вокруг, и нам лучше убраться отсюда. Вы выдержите переход?

— Выдержу, — сказал Фродо. — Должен выдержать.

Они снова пошли, переползая от ямы к яме и используя любые укрытия и постепенно все более спускаясь к подножью северного хребта. Дорога некоторое время сопровождала их. Ни человек, ни орк не двигались по ее плоским серым прогонам: повелитель тьмы закончил сосредоточение своих сил и в самом сердце своей земли он думает о колдовстве ночи, опасаясь, что ветры мира повернулись против него, раздувая завесу и беспокоя новостями о храбрых шпионах, прошедших через его заграждения.

Хоббиты прошли несколько мучительных миль и остановились. Фродо казался совершенно истощенным. Сэм видел, что он не пройдет далеко таким образом, ползя, наклоняясь, то двигаясь очень медленно, с трудом выбирая путь, то перебегая с места на место.

— Пока светло, пойдем по дороге, мастер Фродо, — сказал он. — Снова доверимся удаче! Она чуть не подвела нас, но не совсем. Быстрый переход в несколько миль, и потом отдых.

Это было гораздо более рискованно, чем Сэм думал; но Фродо был слишком поглощен своей ношей и борьбой с безумными видениями, чтобы спорить; положение казалось ему таким безнадежным, что он ни о чем не заботился. Они выбрались на дорогу и пошли по ней в направлении горы и башни. Но удача не изменила им, и до конца дня они никого не встретили; а когда спустилась ночь, они исчезли во тьме Мордора. Все вокруг затихло, как перед сильной бурей: капитаны запада прошли перекресток дорог и выжгли смертоносные поля Имлад Моргула.

Так продолжалось отчаянное путешествие, так Кольцо двигалось на юг, а знамена королей — на запад и север. Для хоббитов каждый день, каждая миля были хуже предыдущих, силы их уменьшались, а земля становилась все более злой. Днем они не встретили врагов. Иногда по ночам, когда они укрывались вблизи дороги, они слышали крики, топот ног или цоканье скачущих лошадей. Но гораздо хуже этих опасностей было постоянное присутствие угрозы, усиливающейся по мере их приближения — зловещей угрозы власти, которая ждала, погруженная в глубокие мысли и бессонную злобу за темным занавесом на своем троне. Они подходили ближе, и мир становился чернее, как будто спускалась последняя ночь вселенной.

Наконец наступила ужасная ночь, и в тот момент, когда капитаны запада подошли к концу живой земли, для двух путников наступил час черного отчаяния. Четыре дня прошло с тех пор, как они бежали от орков, но время это казалось им темным сном. Весь последний день Фродо молчал и шел склонившись, часто спотыкался, как будто глаза его ничего не видели. Сэм догадывался, что Фродо приходится гораздо хуже, чем ему — вес Кольца рос и становился обузой для тела и пыткой для ума. Сэм с беспокойством заметил, что левая рука хозяина часто поднимается, как бы отражая удар или заслоняя его от ужасного глаза, который видит их насквозь. А иногда его правая рука подбиралась к груди и затем медленно, когда воля Фродо побеждала, разжималась и опускалась.

Теперь, когда вернулась ночная тьма, Фродо сидел, свесив голову на колени, руки его устало лежали на земле и беспокойно подергивались. Сэм следил за ним, пока ночь не укрыла их и не спрятала друг от друга. Он не знал, что сказать, и вернулся к собственным черным мыслям. Он сам хотя и очень устал, все же сохранил немного сил. Без лембаса они давно лежали

бы без сил, умирая от голода. Лембас не удовлетворял желания есть, и мозг Сэма был полон воспоминаний о еде, ему хотелось простого хлеба с мясом. И однако в путевом хлебе эльфов были свойства, отсутствующие у другой еды. Он укреплял волю, давал силы выдержать любые испытания, управлять телом, мышцами, конечностями далеко за пределами возможностей любого смертного. Однако теперь следовало принять новое решение. Они не могли больше идти по дороге: она уходила на восток в тень, а гора возвышалась справа от них, и они должны были повернуть к ней. Но перед ней лежало обширное пространство дымящейся, голой, посыпанной пеплом земли.

— Вода, вода! — бормотал Сэм. Он ограничил себя, в пересохшем рту язык казался ему толстым и шершавым; но при всех его стараниях у них оставалось очень мало воды, всего полбутылки, а нужно было идти еще несколько дней. Вода уже давно кончилась бы, если бы они не осмелились идти по орочьей дороге. Вдоль дороги с большими интервалами были установлены цистерны для отрядов, торопливо пересекавших безводные районы. В одной из них Сэм нашел немного воды, стоячей, грязной, но пригодной для питья в их отчаянном положении. Но это было день назад. А надежды на новую находку не было.

Наконец усталый от забот, Сэм уснул, отложив решение на утро: больше он ничего не мог сделать. Сон и пробуждения мучительно чередовались. Он видел огоньки, похожие на жадные глаза, и ползущие темные фигуры, слышал голоса диких зверей и ужасные крики пытаемых; просыпаясь, он видел вокруг только черную пустоту. Однажды, когда он дико озирался, ему показалось, хоть он и проснулся окончательно, что он все еще видит бледные огоньки, похожие на глаза; но скоро они исчезли.

Ненавистная ночь уходила медленно и неохотно. День, последовавший за ней, был тусклым; здесь вблизи горы, воздух был полон дыма, а от башни тьмы распространялась тень, в которую окутывался Саурон. Фродо неподвижно лежал на спине. Сэм стоял рядом с ним, не в силах заговорить, но зная, что слово за ним: он должен заставить хозяина напрячь волю для следующего усилия. Наконец, наклонившись и погладив Фродо по лбу, он проговорил ему на ухо:

— Проснитесь, хозяин. Время выступать.

Как бы пробужденный внезапным ударом, Фродо вскочил и посмотрел на юг; но, увидев гору и окружающую ее пустыню, он дрогнул.

— Я не вынесу этого, Сэм, — сказал он. — Это такая тяжесть, такая тяжесть.

Сэм заранее знал, что сказанное им не поможет, что слова его напрасны и лишь ухудшают положение, но не мог сдержать себя.

— Тогда позвольте мне немного понести его, мастер Фродо, — сказал он. — Вы знаете, что я сделаю это с радостью, пока у меня есть силы.

Дикий огонь блеснул в глазах Фродо.

— Уходи! Не трогай меня! — закричал он. — Оно мое, говорю я! Убирайся! — Рука его потянулась к мечу. Но тут голос его быстро изменился. — Нет, нет, Сэм, — сказал он печально. — Но ты должен понять. Это моя ноша, и больше никто не может нести ее. И слишком поздно, Сэм, дорогой. Ты не можешь этим помочь мне. Я теперь в его власти. Я не могу отдать его, и если ты попытаешься отобрать его, я сойду с ума.

Сэм кивнул.

— Понимаю, — сказал он. — Но есть кое-что еще, что мы можем сделать. Почему бы не облегчить нашу ношу? Мы идем прямо туда, — он указал на гору. — И незачем нести с собой то, что нам больше не понадобится.

Фродо снова посмотрел на громадную гору.

— Да, — сказал он, — нам не многое понадобится на этом пути, а в конце его — вообще

ничего. — Подняв орочий щит, он отбросил его в сторону, вслед за ним полетел и шлем. Сняв серый плащ, он развязал тяжелый пояс и дал ему упасть на землю, и с ним вместе упал меч в ножнах. Обрывки черного плаща он снял и бросил.

— Больше я не орк, — воскликнул он, — и не возьму в руки оружия, ни грязного, ни прекрасного. Пусть берут меня, если смогут!

Сэм тоже бросил орочье снаряжение и вытащил все вещи из своего мешка. Каждая из них стала для него дорогой хотя бы потому, что он нес их так далеко и с таким трудом. Труднее всего было ему расставаться с кухонной утварью. При одной мысли, что ее нужно бросить, слезы показывались у него на глазах.

— Помните кролика, мастер Фродо? — спросил он. — И наш обед на теплом взгорье в стране капитана Фарамира в тот день, когда я увидел элфанта?

— Боюсь, что нет, Сэм, — ответил Фродо. — Вернее, я знаю, что все это было, но не могу видеть. У меня не осталось ни вкуса пищи, ни звука ветра, ни образа луны или звезд, ни воспоминания о траве или цветах. Я голый во тьме, Сэм, и никакой преграды между мной и огненным колесом. Даже наяву с открытыми глазами я вижу его, и все остальное блекнет.

Сэм подошел к нему и поцеловал руку.

— Тогда чем быстрее мы избавимся от него, тем быстрее отдохнем, — сказал он, запинаясь, с трудом подбирая слова. — Разговорами ему не поможешь, — бормотал он про себя, собирая вещи, которые они решили бросить. Он не хотел, чтобы они лежали в этой пустыне, бросаясь в глаза любому орку. — Похоже, что вонючка подобрал орочью стрелу. Он не прочь будет добавить к ней меч. А его руки достаточно плохи, когда пусты. И я не позволю ему пачкать мои кастрюли! — С этими словами он отнес все вещи к одной из многих зияющих трещин, избородивших землю, и бросил их туда. И звон его драгоценных кастрюль, когда они падали во тьму, показался ему похоронным звоном.

Он вернулся к Фродо, отрезал кусок эльфийской веревки, сделав из нее пояс для хозяина, остальную веревку аккуратно свернули и уложил в мешок. Рядом с ней он уложил только остатки путевого хлеба и фляжку; на поясе у него висело жало; а на груди в кармане фиал Галадриэли и маленький ящичек, подаренный ею же.

Наконец они повернулись лицом к горе и пошли, больше не думая об укрытии, сгибаясь от усталости и напрягая всю волю, чтобы идти. В тумане этого ужасного дня мало кто мог бы заметить их, разве что оказался бы совсем близко. Из всех слуг Повелителя Тьмы только назгулы могли бы предупредить его об опасности, которая, маленькая, но неукротимая, приближалась к самому сердцу охраняемого его королевства. Но назгулы на своих черных крыльях выполняли другие поручения, они собирались далеко, следя за маршем капитанов запада, и туда же была устремлена мысль башни тьмы.

В этот день Сэму показалось, что его хозяин нашел новые силы, большие, чем можно было объяснить избавлением от лишней тяжести. Они прошли дальше и шли быстрее, чем он надеялся. Земля была неровной и враждебной, и все же они продвинулись далеко, и гора стала ближе. Но когда день подходил к концу и тусклый свет начал слабеть, Фродо снова наклонился, начал спотыкаться, как будто усилия дня истощили его последние силы.

Во время их последней остановки он опустился на землю и сказал:

«Я хочу пить, Сэм», — и больше ничего не говорил. Сэм дал ему глоток воды; оставался еще только один глоток. Сам он ничего не пил; и теперь, когда над ними сомкнулась еще одна ночь Мордора, все его мысли были обращены к воде; и каждый ручеек, каждый фонтан, каждая речка, которые он когда-либо видел в тени ветвей или под лучами солнца, сейчас журчали и струились перед его глазами, став его пыткой. Он чувствовал пальцами ног холодную воду, когда шлепал в бассейне пруда Байуотера вместе с Джоли Коттоном, Томом Ниббсом и их сестрой Розой.

— Нет, это было много лет назад, — вздохнул он, — и так далеко отсюда. Путь назад, если он вообще существует, лежит через гору.

Он не мог уснуть и продолжал спор с самим собой.

— Что ж, мы сделали больше, чем ты надеялся, — твердо заявил он. — Начало вообще было хорошим. Я вспоминаю, что мы прошли половину расстояния, прежде чем нас остановили. Еще один день, и все будет кончено.

Он замолчал.

— Не будь дураком, Сэм Скромби, — послышался ответ его же голосом. — Он не сможет идти еще один день так, если вообще сможет двигаться. Да и ты не можешь идти, отдавая ему всю воду и почти всю еду.

— Я смогу еще немного пройти.

— Куда же?

— К горе, конечно.

— Но что потом, Сэм Скромби, что потом? Что ты будешь делать, оказавшись там? Он не сможет сделать что-нибудь сам.

К своему отчаянию Сэм понял, что на это у него нет ответа. У него не было об этом никакого представления. Фродо не часто с ним говорил о своем деле, и Сэм только смутно знал, что Кольцо каким-то образом нужно бросить в огонь.

— Щели судьбы, — бормотал он, вспоминая старика. — Что ж, если хозяин знает, как найти их, то я нет.

— Вот и все, пришел ответ. Все совершенно напрасно. Он сам так сказал. Ты глупец. Ты мог бы лечь и спать несколько дней подряд, если бы не был так упрям. Но ты умрешь, а все равно ничего не добьешься. Можешь лечь хоть сейчас, и от этого ничего не изменится. Ты никогда не поднимешься на вершину.

— Поднимусь, если все оставлю позади, кроме своих костей, — сказал Сэм. — И я понесу на себе мастера Фродо, даже если это сломает мне спину и сердце. Поэтому перестань спорить!

В этот момент Сэм почувствовал, как под ним дрожит земля, и услышал отдаленные раскаты грома, запертого под землей. В облаках мелькнула вспышка красного пламени и погасла. Гора тоже спала беспокойно.

Наступил последний этап их пути к Ородруину, и он оказался такой пыткой, что Сэм не мог даже представить себе, что он сумеет это вынести. Все тело у него болело, во рту так пересохло, что он не мог глотать. Было темно, и не только от дымов горы: казалось, приближается буря, и на юго-востоке на черном небе сверкали молнии. Хуже всего, что воздух был полон ядовитыми испарениями, дышать было трудно и больно, голова у них кружилась, они спотыкались и часто падали. И все же воля их не сдавала, и они тащились вперед.

Гора приближалась. Наконец, когда они поднимали свои тяжелые головы, она заполняла все поле зрения, нависая над ними, — огромная масса пепла, шлака и обгоревшего камня, из которого к облакам поднимался большой конус. Прежде чем кончился дневной сумрак и опустилась настоящая ночь, они добрались до самого подножья горы.

Со стоном Сэм опустился на землю. Фродо сел рядом с ним. К своему удивлению Сэму было легче, несмотря на усталость. Голова у него оставалась ясной. Споры больше не беспокоили его. Он знал все аргументы отчаяния и не прислушивался к ним. Воля его была крепка, и только смерть могла сломать ее. Он не испытывал какую-то бодрость. Он знал, что все пережитое, все опасности, все трудные мили привели их к решающему пункту: следующий день будет днем судьбы, днем последнего усилия или гибели.

Но когда же он придет? Ночь казалась бесконечной и вневременной, проходили минута за минутой, не принося никаких изменений. Сэм уже подумал, что снова наступила тьма и день не

придет. Наконец он дотронулся до руки Фродо. Она была холодна и дрожала.

— Мне не следовало бросать одеяло, — пробормотал Сэм: лежа, он старался согреть Фродо своим телом. Потом сон овладел им, и тусклый рассвет следующего дня осветил их лежащими рядом. На протяжении предыдущего дня западный ветер стихал, теперь он дул с севера и все усиливался. Медленно в то место, где лежали хоббиты, начал сквозь тень пробиваться свет невидимого солнца.

— Еще одно усилие! — сказал Сэм, с трудом вставая. Он склонился к Фродо и осторожно поднял его. Фродо застонал; усилием воли он выпрямился и тут же опустился на колени. Он с трудом взглянул на темные склоны горы судьбы, возвышающейся над ним и жалко пополз вперед на руках.

Сэм смотрел на него, плача в душе, но ни одной слезы не появилось на его сухих, испытывающих жгучую боль глазах.

— Я сказал, что понесу его, даже если сломаю спину, — пробормотал он, — и понесу!

— Мастер Фродо! — воскликнул он. — Я не могу нести его за вас, но я могу нести и вас и его вместе с вами. Остановитесь! Мастер Фродо, дорогой, Сэм понесет вас! И скажите только, куда нести.

Когда Фродо повис у него на спине, обхватив шею руками, Сэм поднялся на ноги и с удивлением понял, что ноша не тяжела. Он боялся, что у него не хватит сил, чтобы поднять хозяина, и ожидал, что разделит с Фродо ужасную тяжесть Кольца... Но это было не так. То ли потому, что сам Фродо был изможден болью, ножевой раной и ядовитым жалом, печалью, страхом и бездомными блужданиями, то ли какие-то скрытые резервы сил обнаружились в нем, Сэм поднял Фродо не с большим трудом, чем если бы ему пришлось поднимать хоббитенка на лужайке удела. Он глубоко вздохнул и пошел.

Они подошли к подножью горы с северной стороны и немного с запада; здесь ее длинные серые склоны, хотя и неровные, были не очень круты. Фродо не говорил ничего, и Сэм решил просто подниматься как можно выше. Он поднимался все выше и выше, поворачивая то туда, то сюда, где подъем был менее крутым, часто спотыкаясь, иногда падая, в конце концов ползя, как улитка с тяжестью на спине. Когда воля отказала, а тело уже не выдерживало, он остановился и осторожно положил хозяина на землю.

Фродо открыл глаза и вздохнул. Они поднялись уже выше облака испарений, лежавшего у подножья, и дышать здесь стало легче.

— Спасибо, Сэм, — хриплым шепотом сказал Фродо. — Далеко ли еще?

— Не знаю, — ответил Сэм, — я вообще не знаю, куда мы идем.

Он оглянулся, а потом посмотрел вверх и удивился тому, как далеко увел их последний бросок. Издали гора казалась более зловещей и высокой. Теперь Сэм понял, что она не так высока, как горные переходы Эфел Дуата, которые они с Фродо преодолели. Обширное основание горы поднималось на три тысячи футов над равниной, а над ним на половину этой высоты вздымался центральный конус, похожий на дымовую трубу и заканчивающийся неровным кратером. Сэм находился уже выше средней линии основания, и равнина Горгорота, окутанная дымом и испарениями, смутно виднелась далеко внизу. Взглянув наверх, Сэм чуть не крикнул, если бы не пересохший рот: он ясно разглядел над собой среди скал дорогу или тропу. Она петлей поднималась с запада и извивалась по горе, как змея, пока не пропадала из вида и достигала начала конуса с восточной стороны.

Сэм не видел подхода к тропе; перед ним находился крутой подъем, но он решил, что если они немного поднимутся, то доберутся до дороги. Тень надежды вернулась к нему. Они еще могут победить гору.

— Не зря здесь эта дорога, — пробормотал Сэм. — Если бы не она, я бы решил, что

наступает конец.

Но тропа была проложена не для Сэма. Он не знал, что смотрит на дорогу Саурона, соединяющую Барад-Дур с Саммат Нуаром — Палатами Огня. Из широких западных ворот Башни Тьмы выходила она, по длинному железному мосту перекидывалась через глубокую пропасть, на протяжении многих миль шла по углублению в равнине Горгорота и так достигала восточного склона горы. Поворачиваясь и кружа широкой петлей с севера на юг, поднималась она к конусу, но не к самой его вершине, а к темному входу обращенному прямо на восток, к окну, где в мрачной крепости бодрствовал глаз Саурона. Дорогу часто разрушали землетрясения и потоки лавы, но трудом бесчисленных орков ее тут же восстанавливали и расчищали.

Сэм перевел дыхание. Дорога есть, но как добраться до нее, он не знал. Сначала нужно было, чтобы перестала болеть его спина. Он лег плашмя и немного полежал рядом с Фродо. Никто не говорил. Медленно светало. Внезапно Сэм почувствовал странное беспокойство, которое не мог объяснить. Он знал, что нужно торопиться. Как будто кто-то позвал его: «Теперь, или будет слишком поздно!» Он взял себя в руки и встал. Фродо, казалось, тоже ощущал этот призыв. Он с трудом поднялся на колени.

— Я поползу, Сэм, — выдохнул он.

Так шаг за шагом, как маленькие серые насекомые, они ползли вверх по склону. Они добрались до тропы и обнаружили, что это широкая дорога, вымощенная камнем и усыпанная пеплом. Фродо взобрался на нее и затем, как будто повинувшись чьей-то воле повернулся лицом к востоку. Там нависла тень Саурона; но, разорванная порывом ветра извне или каким-то внутренним беспокойством, завеса качнулась и на мгновение разошлась; и Фродо увидел поднимающиеся черные, более черные, чем сожженные склоны, на которых он стоял, башни и укрепления Барад-Дура. Лишь одно мгновение они были открыты, но как из необыкновенно высокого и большого окна ударил луч красного света — взгляд пронзительного глаза; затем завеса снова сомкнулась и ужасное видение исчезло. Глаз не смотрел на них, он был обращен туда, где капитаны запада бросили вызов, и на север была обращена вся злоба Саурона. Черная власть готовилась нанести смертоносный удар. Но Фродо при этом мгновенном видении почувствовал себя смертельно раненым. Руки его ухватились за цепь на шее.

Сэм наклонился к нему. Он услышал слабый, почти неразличимый шепот Фродо:

— Помоги мне, Сэм! Помоги мне! Держи мою руку! Я не могу остановить ее.

Сэм взял руки хозяина, сложил их вместе ладонь к ладони, поцеловал и удержал в своих руках. Неожиданно ему в голову пришла мысль: «Он заметил нас. Все кончено, или скоро будет кончено. Ну, Сэм Скрэмби, это конец концов».

Он снова поднял Фродо, сложив его руки у себя на груди. Ноги Фродо свешивались. Наклонив голову, Сэм упрямо пошел вверх по дороге. Путь оказался не таким гладким, каким выглядел снизу. Случайно огненные потоки, которые вырвались наружу, когда Сэм стоял на Кирит Унголе, стекали вниз главным образом по южному и западному склонам, и с этой стороны дорога не была преграждена. Пройдя некоторое время на восток, она поворачивала под острым углом и шла на запад. Здесь, на повороте, она была пробита в старом выветренном утесе, когда-то давно извергнутым из печей горы. Тяжело дыша под своим грузом, Сэм прошел поворот и в этот момент краем глаза увидел, как что-то похожее на кусок черного камня упало с утеса.

На него обрушилась неожиданная тяжесть, и он упал вперед, царапая руки, удерживающие тело хозяина. Он понял, что случилось, потому что услышал над собой ненавистный голос.

— 3-з-злой хоз-з-зяин! — свистел этот голос. — Злой хозяин обманул нас; обманул Смеагорла, Горлум! Он не должен идти сюда! Он не должен уничтожать драгоценность! Отдай ее Смеагорлу, да, отдай ее нам! Отдай ее нам!

С яростным усилием Сэм встал. Он выхватил меч, но ничего не мог сделать: Горлум и

Фродо тесно переплелись. Горлум рвал на хозяине одежду, стараясь добраться до цепи и Кольца. Только это, вероятно, могло раздуть гаснущие огни сердца и воли Фродо — нападение, попытка силой отобрать сокровище. Он боролся с яростью, изумившей Сэма, да и Горлума тоже. Даже и в этом случае дело могло обернуться плохо, если бы не изменился сам Горлум: но то ли ужасные дороги, одинокие, голодные и безводные, то ли пожирающее желание и страх оставили на нем свои следы. Он был истощен, худ, кости его торчали под тонко натянутой кожей. Дикий огонь горел в его глазах, но прежняя злоба больше не сопровождалась прежней силой. Фродо отбросил его и дрожа поднялся.

— Вниз, вниз! — выдохнул он, прижимая к груди руки, так что под кожаной курткой он сжимал Кольцо. — Вниз, ты, ползучая тварь, и прочь с моей дороги! Твое время кончилось! Ты не можешь предать или убить меня сейчас.

И вдруг внезапно, как и раньше на краю Эмин Муила, Сэм увидел происходящее совершенно другим зрением. Скорчившееся существо, почти тень живого создания, почти разрушенное и побежденное, но полное отвратительного желания и гнева; а перед ним строгая, недоступная даже жалости фигура в белом, держащая на груди огненное колесо. Из этого огня доносился повелительный голос:

— Убирайся и не тревожь меня больше! И если еще раз дотронешься до меня, сам окажешься в огне судьбы.

Скорченная фигура попятилась, в его мигающих глазах был ужас и все то же ненавистное желание.

Затем видение исчезло, и Сэм увидел Фродо с руками прижатыми к груди, тяжело дышащего, и Горлума у его ног, стоящего на коленях, опиравшегося плоскими ладонями о землю.

— Осторожно! — крикнул Сэм. — Он прыгнет! — он сделал шаг вперед, размахивая мечом. — Быстрее, хозяин! — выдохнул он. — Идите! Не теряйте времени! Я справлюсь с ним. Идите!

Фродо посмотрел на него, как будто издалека.

— Да, я должен идти, — сказал он. — Прощай, Сэм! Это конец. На горе судьбы нас ждет наша судьба. Прощай!

Он повернулся и быстро, не сгибаясь, пошел по извивающейся дороге.

— Ну, — сказал Сэм, — теперь я с тобой рассчитаюсь! — Он прыгнул вперед с обнаженным мечом. Но Горлум лишь прижался к земле и захныкал.

— Не убивай нас! — выл он. — Не делай нам больно отвратительной жестокой сталью! Оставь нам жизнь, хоть ненадолго. Мы погибли. А когда исчезнет драгоценность, мы умрем, да, умрем в пыли. — Он зарылся длинными костлявыми пальцами в пепле дороги. — Пыль, — свистел он.

Рука Сэма дрогнула. Мозг его горел от гнева и воспоминаний о зле. Этот предатель и убийца много раз заслужил смерть. Да и самое безопасное сейчас — убить его. Но что-то в глубине души остановило Сэма: он не мог ударить существо, лежащее в пыли, одинокое, уничтоженное. Он сам, правда лишь недолго носил Кольцо и теперь смутно догадывался о той пытке, которую испытывал мозг и тело Горлума, поработанные Кольцом, неспособные найти мир или облегчение. Но у Сэма не было слов, чтобы объяснить, что он чувствовал.

— Будь ты проклят, вонючка! — сказал он и добавил. — Убирайся! Прочь! Я не трону тебя, но уходи! Или тебе достанется от отвратительной жестокой стали.

Горлум встал на четвереньки, попятился на несколько шагов, повернулся и, так как Сэм нацелился пнуть его, побежал вниз по дороге. Сэм больше не обращал на него внимания. Он неожиданно вспомнил о хозяине. Посмотрев на дорогу, он его не увидел. И как можно быстрее

пошел вверх. Если бы он оглянулся, то увидел бы, что Горлум тоже повернул и быстро, но осторожно, с диким огнем безумия в глазах, принялся красться меж камней.

Дорога извивалась. Вскоре она вновь повернула и углубилась в расщелину в конусе горы. Здесь она подошла к черным дверям в поверхности горы, к дверям Саммат Нуара... Далеко на юге солнце, пробивая своими лучами дым и испарения, зловеще горело тусклым красным диском; но весь Мордор лежал вокруг горы мертвой землей, молча, затянутый тенью, ожидая смертельного удара.

Сэм подошел к зияющему входу и заглянул внутрь. Там было темно, жарко, и глухой отдаленный гул потрясал воздух.

— Фродо! Хозяин! — позвал он.

Ответа не было. Он постоял, сердце его дико билось от страха, потом пошел вперед. За ним следовала тень.

Вначале он ничего не видел. Торопливо извлек он фиал Галадриэли, но свет был бледным и холодным в его дрожащей руке и не разгонял мрака. Он был в самом сердце королевства Саурана, у печей древней мощи, величайшей в Средиземье. Здесь все другие силы отступали. Боязливо сделал он несколько неуверенных шагов, и тут к самому своду поднялась красная вспышка. Сэм увидел, что находится в длинной пещере или туннеле, пронзающем дымящийся конус горы. Недалеко от него пол и стены были перерезаны большой щелью, в которой сверкал красный огонь, то поднимаясь, то опускаясь. Снизу доносился гул как от работы больших машин.

Снова блеснул красный свет, и вот на самом краю пропасти, у самой щели судьбы стоял Фродо, черный на фоне зарева, напряженный, прямой и неподвижный, как будто превратившийся в камень.

— Хозяин! — закричал Сэм.

Фродо шевельнулся и заговорил ясным голосом, более ясным и сильным, чем Сэм когда-либо слышал; этот голос заглушил гул горы судьбы, поднялся до самого свода.

— Я пришел, — сказал Фродо. — Но я не сделаю того, для чего пришел. Кольцо мое!

И неожиданно, надев его на палец, исчез из вида. Сэм разинул рот, но крикнуть не успел: в тот же момент произошло множество событий.

Что-то яростно ударило Сэму в спину, и ноги его подкосились, он полетел в сторону и ударился головой о каменный пол. Черная фигура пролетела мимо него. Он лежал неподвижно, на мгновение все покрылось мраком.

Далеко отсюда, когда Фродо объявил Кольцо своим и надел его на палец, в самом сердце королевства Саурана, власть в Барад-Дуре была потрясена и башня дрогнула от основания до гордой вершины. Повелитель Тьмы неожиданно узнал о нем, его Глаз пронзил все тени и увидел через всю равнину дверь и щель; в мгновение ока ему открылась вся глубина его заблуждений, и удушливый страх, как черное облако, поднялось в нем. Он знал, какая смертельная угроза нависла над ним.

Его мозг сразу отвернулся от политики, от сетей страха и предательства, от всех стратегий и войн; по всему королевству пробежала дрожь, рабы его дрогнули, армии остановились, капитаны застыли, лишённые воли, беспомощные и дрожащие. Они были забыты. Весь его разум, вся мощь, которой он владел, устремилась к горе. По его приказу с пронзительным криком быстрее ветра назгулы, духи Кольца, устремились на юг, к Горе Судьбы.

Сэм встал. У него кружилась голова, и кровь из раны на лбу заливала глаза. Он пошел вперед и увидел странное и ужасное зрелище. Горлум на краю пропасти боролся, как безумный, с невидимым врагом. Он раскачивался взад и вперед, то подходя так близко к краю, что чуть не падал туда, то отодвигаясь дальше, падая на землю, вставая и снова падая. Он свистел, но не

говорил ни слова.

Огни внизу проснулись в гнев, сверкнул красный свет, вся пещера наполнилась сиянием и жаром. Неожиданно Сэм увидел, как длинная рука Горлума протянулась ко рту, блеснули белые клыки и щелкнули. Фродо испустил крик. Он стоял на коленях на самом краю пропасти. Горлум, танцуя, как безумный, поднимал кверху откушенный палец с надетым на него Кольцом. Оно сияло живым огнем.

— Драгоценность, драгоценность, драгоценность! — кричал Горлум. — Моя драгоценность! О моя драгоценность! — Глаза его не отрывались от добычи, он сделал неверный шаг, пошатнулся на краю пропасти и упал с криком. Из глубины донесся его последний вопль:

— Драгоценность!

Послышался гулкий рев, языки огня лизнули своды. Гора затряслась. Сэм подбежал к Фродо, подхватил его на руки и оттащил от края. И здесь, на темном пороге Саммат Нуара, высоко над равнинами Мордора, его охватило такое удивление и такой ужас, что он стоял забыв обо всем и окаменев.

Он видел клубящиеся облака, и в их середине башни и укрепления, высокие, как горы, возвышающиеся над неизмеримыми подземельями; огромные дворцы и тюрьмы, безглазые тюрьмы, крутые, как утесы, зияющие ворота из стали и адаманта. Потом все исчезло. Башни упали, стены обрушились и растаяли, поднялись с ревом столбы дыма и пара. И вот за многие мили долетел рев, грохот, гул, земля дрогнула, равнина покрылась трещинами, из Ородруина вырвались огни. Небо разразилось громом и молниями. Вниз, как свистящие хлысты, упали потоки черного дождя. И в самом сердце бури, с криком, пронзавшим сердца, разрывая в клочья облака, ринулись назгулы. Охваченные пламенем, они падали камнем, сморщиваясь и исчезая. Навсегда.

— Вот и конец, Сэм Скромби, — услышал он рядом с собой.

Это был Фродо, бледный, изможденный, но снова прежний; в глазах его не было ни напряжения воли, ни безумия, ни страха, — только мир. Ноша его была сброшена. Это был дорогой хозяин Сэма, такой же, как и в сладкие дни Удела.

— Хозяин! — воскликнул Сэм и упал на колени. В развалинах целого мира он в этот момент чувствовал лишь радость, великую радость. Ноша сброшена. Хозяин спасен, он снова стал самим собой, он свободен. И тут Сэм увидел искалеченную и окровавленную руку Фродо.

— Ваша бедная рука! — сказал он. — И я не перевязал ее, не сделал ничего. Я заставил бы его расстаться с целой рукой за это. Но он ушел, ушел навсегда.

— Да, — сказал Фродо. — Помнишь ли ты слова Гэндальфа: «Даже Горлум может пригодиться на что-нибудь». Если бы не он, Сэм, я не уничтожил бы Кольцо. Поиск потерпел бы неудачу в самом конце. Поэтому простим его. Поиск удался, и теперь все кончено! Я рад, что ты здесь со мной. Здесь в самом конце всего, Сэм.

4. ПОЛЕ КОРМАЛЛЕН

Вокруг холмов все было покрыто войсками Мордора. Капитаны запада шли по дну в бушующее море. Солнце светило багровым светом, и от крыльев назгулов тень смерти упала на землю. Арагорн стоял под своим знаменем, молчаливый и строгий, как будто погрузившись в мысли и воспоминания о далеком прошлом; глаза его сверкали ярче звезд в глубине ночи. На вершине холма стоял Гэндальф, белый и холодный, и ни одна тень не падала на него. Атака Мордора разбилась, как волна, об осажденные холмы, голоса ревели, как прибой среди утесов.

Как будто увидев что-то неожиданное, Гэндальф шевельнулся; повернувшись к северу, он взглянул на бледное ясное небо. Потом поднял руки и громким голосом, перекрывающим шум битвы, крикнул:

— Орлы летят!

И много голосов подхватило его крик:

— Орлы летят! Орлы летят!

Войско Мордора смотрело вверх, гадая, что может значить этот знак.

Летел Гвайхир, крылатый владыка, и Лендровал, его брат, самый большой из всех орлов севера, могущественный из потомков старого Торондора, который строил свои гнезда на недостижимых вершинах Кольцевых гор, когда Средиземье было молодо. За ними быстрой длинной линией летели их подданные с северных гор, поднимая крыльями ветер. Прямо на назгулов устремились они, резко опускаясь с высоты, и ветер от их крыльев налетел на землю, как буря.

Но назгулы неожиданно повернули, бежали и исчезли в тени Мордора, услышав внезапный ужас призыва башни тьмы; в тот же момент войско Мордора дрогнуло, страх и сомнение пронзили сердца солдат, их смех замер, руки задрожали. Власть, которая их толкала вперед, наполняла ненавистью и яростью, дрогнула, ее воля отвернулась от них; глядя в глаза своих врагов, они увидели в них смерть и ужаснулись.

Тогда все капитаны запада громко закричали, их сердца исполнились новой надеждой в самом центре тьмы. С осажденных холмов рыцари Гондора, всадники Рохана, дунаданцы Севера ударили по дрогнувшему врагу, пронзая неприятеля острыми копьями. Но Гэндальф поднял руки и еще раз крикнул ясным голосом:

— Стойте, люди запада! Стойте и ждите! Это час судьбы.

И в этот момент земля у них под ногами дрогнула. Потом высоко над башнями черных ворот, высоко над горами поднялся черный столб, обвитый огнем. Земля стонала и тряслась. Башни зубов закачались и обрушились, могучие бастионы рухнули; черные ворота превратились в развалины; издалека то затихая, то вырастая, вздымались до облаков. Донесся гулкий рев, грохот, гул, и долгое раскатистое эхо ответило ему.

— Настал конец королевства Саурана! — сказал Гэндальф. — Хранитель Кольца завершил свой поиск.

Капитаны взглянули на юг, на землю Мордора, и им показалось, что там поднялась огромная черная фигура, увенчанная молниями, и заполнила собой все небо. Невероятно возвысилась она над миром, протянув на запад угрожающие руки, ужасные, но бессильные. И когда она наклонилась к ним в угрозе, подул сильный ветер и развеял ее по небу. Наступила тишина.

Капитаны склонили головы; а когда подняли их, враги бежали, и власть Мордора рассыпалась, как пыль по ветру. Как муравьи, когда смерть обрушивается на их раздувшееся жилище, сходят с ума, бесцельно бегают взад и вперед и умирают, так и создания Саурана: орки,

тролли, укрощенные заклинаниями звери — безумно бежали туда и сюда; одни убивали себя, другие бросались в ямы, с криками бежали прятаться в норы и темные проходы. Но люди Харада, жители востока и юга, увидели свое поражение войне и великую мощь и славу капитанов запада. И те, кто долго и верно служили злу, ненавидя запад, были однако людьми гордыми и храбрыми, они собрали все силы для последней отчаянной битвы. Но большинство бежало на восток; а некоторые бросали оружие и просили о милосердии.

Тогда Гэндальф, оставив все дела битвы Арагорну и другим капитанам, поднялся на вершину холма и позвал; к нему спустился большой орел — Гвайхир, Крылатый Владыка.

— Дважды нес ты меня, Гвайхир, друг мой, — сказал Гэндальф. — Третьего не миновать. Мой вес покажется тебе не большим, чем когда ты нес меня от Зиракзигила, где сгорела моя старая жизнь.

— Я понесу тебя, куда хочешь, — ответил Гвайхир, — даже если ты сделан из камня.

— Тогда летим, и пусть с тобой летят твой брат и кто-нибудь еще из самых быстрых! Нам нужна скорость быстрее ветра, чтобы поспорить с крыльями назгулов.

— Дует северный ветер, но мы перегоним его, — сказал Гвайхир. Он поднял Гэндальфа и полетел на юг, а с ним полетели Лендровал и молодой быстрый Монелдор. Они пролетели над Удуном и Горгоротом, совершенно разрушенными, и вот перед ними встала, блестя огнем, гора судьбы.

— Я рад, что ты здесь со мной, — сказал Фродо. — Здесь, в самом сердце и конце всего, Сэм.

— Да, я с вами, хозяин, — ответил Сэм, осторожно прижимая израненную руку Фродо к своей груди. — А вы со мной. И путешествие окончено. Но пройдя весь этот путь, я не хочу сдаваться. Мне это не нравится, если вы меня понимаете.

— Понимаю, Сэм, — сказал Фродо, — но так устроен мир. Надежды рассеиваются, и наступает конец. Нам осталось ждать совсем недолго. Мы затерялись среди разрушений и отсюда нет спасения.

— Что ж, хозяин, мы можем по крайней мере уйти подальше от этого опасного места, от щели судьбы, если она так называется. Идемте, мастер Фродо, попробуем спуститься по дороге.

— Хорошо, Сэм. Если хочешь, идем, — сказал Фродо.

Они встали и медленно пошли вниз по извивающейся дороге; но не успели они дойти до подножья горы, как большое облако дыма и пара вырвалось из Саммат Наура, конус раскололся и огромный яростный поток покатился длинным гремящим каскадом по восточному склону горы.

Фродо и Сэм не могли идти дальше. Последние силы их быстро подходили к концу. Они достигли низкого холма пепла, насыпанного у подножья горы, но с него не было пути. Теперь это был остров среди огненного моря Ородруина. И продержится он недолго. Вокруг него земля зияла трещинами, из них вырывался дым и ядовитые испарения. Гора сотрясалась в конвульсиях. И большие щели открывались в ее боках. Из них вытекали медленные огненные реки, направляясь к ним. Скоро они будут поглощены огнем. Шел дождь горячего пепла.

Теперь они стояли. Сэм продолжал гладить руку хозяина. Он вздохнул.

— Что за сказание могло бы быть, мастер Фродо, — сказал он. — Хотел бы я послушать его! Как вы думаете, скажут ли так: начинается история Фродо девятипалого и Кольца судьбы? И тогда все вокруг замолкнет, как замолкали мы, когда в Раздоле нам рассказывали о Берене Одноруком и о сильмариле. Как бы я хотел послушать! И мне интересно, что будет дальше, после нас.

Он говорил так, чтобы прогнать страх, и смотрел на север, в сторону ветра, расчищавшего небо, отгонявшего тьму и обрывки туч.

Такими и увидел их Гэндальф своими острыми и далеко видящими глазами, когда кружа в воздухе, опускался вместе с ветром: две маленькие фигурки, одинокие, держащиеся за руки, на низком холме, а весь мир под ними сотрясаясь, открывались глубокие щели, и реки огня подползали ближе. И, заметив их, быстро спускаясь, он увидел, что они упали, истощенные или отравленные дымом и испарениями, или пораженные отчаянием и страхом, пряча глаза от смерти.

Они лежали рядом. Опустился Гвайхир, и Лендровал, и быстрый Менелдор; путников, ничего не видевших, лежавших в беспамятстве, подняли и унесли далеко от тьмы и огня.

Проснувшись Сэм обнаружил, что лежит на мягкой постели, но над ним слегка раскачиваются широкие буковые листья, и сквозь них, зеленое и золотое, блестит солнце. Воздух был полон сладких смешанных ароматов.

Сэм помнил этот запах — запах Итилиена.

— Будь я проклят! — пробормотал он. — Долго же я спал! — Ему показалось, что он только что разжигал маленький костер, на солнечном пригорке. Он потянулся и глубоко вздохнул. — Но какой сон мне снился! — бормотал он. — Хорошо, что я проснулся.

Он сел и увидел, что Фродо лежит рядом с ним и мирно спит, одна рука его была под головой, другая лежала поверх одеяла. Это была правая рука, и третьего пальца на ней не было.

Память внезапно вернулась, и Сэм громко воскликнул:

— Это был не сон! Но где же мы?

Негромкий голос рядом произнес:

— В земле Итилиен под покровительством короля. Он ждет вас. — перед Сэмом стоял Гэндальф, весь в белом, борода его сверкала, как чистый снег, в мелькании солнечных пятен. — Ну, мастер Сэмвайс, как ты себя чувствуешь?

Но Сэм лег, широко раскрыл рот и, разрываясь между изумлением и великой радостью, ничего не мог ответить. Наконец он выдохнул:

— Гэндальф! Я думал, вы мертвы! А потом я решил, что сам умер. Неужели все печальное оказалось неправдой? Что же произошло с миром?

— Большая тень ушла, — сказал Гэндальф и рассмеялся, и смех его звучал, как музыка или как вода в пересохшей земле; и слушая этот смех, Сэм подумал, что уже много дней не слышал смеха, чистого звука веселья. Но сам он разразился слезами. Потом слезы его высохли, как от весеннего ветра проходит тихий дождь и солнце сияет еще ярче, и зазвучал его смех, и со смехом он встал с постели.

— Как я себя чувствую? — воскликнул он. — Не знаю, как это выразить. Я чувствую, я чувствую... — Он помахал руками в воздухе, — я чувствую себя, как весна после зимы, как солнце на листьях; и как арфы, и трубы, и все песни, что я слышал! — Он остановился и повернулся к хозяину. — Но как мастер Фродо? — спросил он. — Разве не стыдно из-за его бедной руки? Но я надеюсь, все будет в порядке. У него были трудные времена.

— Да, я в порядке, — сказал Фродо, садясь и смеясь в свою очередь. — Я снова уснул, ожидая тебя, Сэм, сонная голова. Я проснулся сегодня рано утром, а теперь, должно быть, уже полдень.

— Полдень? — переспросил Сэм, пытаясь сосчитать. — Полдень какого дня?

— Четырнадцатого дня нового года, — сказал Гэндальф, — или, если хотите, восьмой день апреля по календарю удела (в марте — или в роте — по календарю удела тридцать дней, прим. Автора) но в Гондоре новый год теперь всегда будет начинаться двадцать пятого марта, в день падения Саурона, в тот день, когда вас уносили от огня к королю. Он лечил вас, а теперь ждет. Вы будете есть и пить с ним. Когда вы будете готовы, я отведу вас к нему.

— Король? — спросил Сэм. — Король чего и кто он?

— Король Гондора и повелитель западных земель, — сказал Гэндальф, — он взял все свое древнее королевство. Скоро он едет на коронацию, но сейчас ждет вас.

— Что же мы наденем? — спросил Сэм: он увидел старую изорванную одежду, в которой они путешествовали. Она лежала свернутая у постели.

— Одежду, которая была на вас в Мордоре, — сказал Гэндальф. — Даже обрывки орочьих тряпок, что вы носили в черной земле, Фродо, будут сохранены. Ни шелк, ни полотно, никакое вооружение или украшения не могут быть более почетными. Но позже я, может быть, найду для вас другую одежду.

Он протянул к ним руки, и они увидели, что одна из них сияет.

— Что это у вас? — воскликнул Фродо. — Неужели...

— Да, я принес вам два ваших сокровища. Их нашли у Сэма, когда вас спасли. Подарки госпожи Галадриэль: твой сосуд, Фродо, и твой ящик, Сэм. Вы должны быть рады получить их снова.

Одевшись, умывшись и слегка поев, хоббиты последовали за Гэндальфом. Они вышли из буковой рощи, в которой лежали, и прошли по длинной зеленой лужайке, сверкающей в зеленых лучах и обрамленной стройными темнолиственными деревьями, усеянными алыми цветами. За деревьями слышался звук падающей воды, перед ними бежал в зеленых берегах ручей, у конца лужайки он вытекал в проход между деревьями, и вот в этом проходе хоббиты увидели далекий блеск воды.

Подойдя к выходу с лужайки, они удивились, увидев рыцарей в ярких кольчугах и высоких стражников в серебре и черном, что стояли здесь; воины приветствовали их поклоном. Затем один подул в длинную трубу, и они прошли в проход между деревьями у поющего ручья. Так они вышли на большое зеленое поле, за полем была широкая река в серебряной дымке, из которой поднимался длинный лесистый остров. У его берегов виднелось множество судов. На поле находилось большое войско. Стройные ряды его блестели на солнце. И когда хоббиты приблизились, воины обнажили мечи, потрясали копьями, запели рога и трубы, и все на множестве языков кричали:

Слава невысокликам!

Славим их великой славой!

Куйо и Перианн анаан!

Агларни Периан-пат!

Славьте великой славой

Фродо и Сэмвайса!

Даур а Бархаэль, кония ан Аннун!

Эглерис! Слава им! Эглерис!

А лайте те, лайте те!

Андаве лайту валмет! Слава им!

Корминолиндор, а лайта тариенна!

Слава им! Хранители Кольца,

великая слава им!

Лица их вспыхнули, глаза светились удивлением. Фродо и Сэм прошли вперед и увидели три высоких сидения, сделанные из зеленого дерна. У правого сидения развевался, белый на зеленом, бегущий большой конь; у левого на серебряно-синем знамени корабль-лебедь, плывущий по морю; у самого высокого трона в середине стояло большое знамя, развеваемое

ветром, и на нем на черном фоне под сияющей короной и семью звездами цвело белое дерево. На троне сидел человек, одетый в кольчугу, на коленях у него лежал большой меч, шлема на нем не было. Когда они подошли, он встал. И хотя он изменился, они узнали его, узнали повелителя людей с прекрасным и радостным лицом, темноволосого, с серыми глазами.

Фродо побежал ему навстречу, и Сэм последовал за ним.

— Вот это да! — воскликнул он. — Бродяжник или я еще сплю?

— Да, Сэм, Бродяжник, — сказал Арагорн. — Долог путь от Пригорья, не правда ли, где вам не понравилась моя внешность. Долгий путь для всех нас, но у вас он был самым трудным.

И затем, к удивлению и совершенному смущению хоббитов, он опустился перед ними на колено. Потом, взяв их за руки, Фродо за правую и Сэма за левую, повел их к трону. Посадив их на трон, он повернулся к войску и воскликнул так, что голос его прозвенел над всем войском:

— Славьте их великой славой!

И после того, как радостный крик прокатился по полю и замер, к окончательному удовлетворению и радости Сэма, вперед выступил гондорский менестрель, поклонился и попросил разрешения спеть. И сказал:

— О вы, повелители и рыцари, о люди доблести, короли и принцы, и прекрасный народ Гондора, и всадники Рохана, и вы, сыны Элронда, и дунаданцы севера, и эльф, и гном, и жители Удела с великими сердцами, и весь свободный народ запада, слушайте мое ле. Я спою для вас о Фродо девятипалом и о Кольце Судьбы.

И, услышав это, Сэм громко засмеялся от радости, встал и воскликнул:

— О слава и великолепие! Все мои желания исполняются!

И заплакал.

И все войско смеялось и плакало, а посреди веселья и слез ясный голос менестреля звенел серебром и золотом, и все люди затихли. И он пел, то на языке эльфов, то на общем языке запада, пел до тех пор, пока их сердца, раненные сладкими словами, не переполнились, и радость их была подобна мечам, и они погрузились задумчиво в те области, где боль и радость текут рядом и где слезы — это вино благословения.

Наконец, когда полдень уже давно прошел и тени деревьев удлинились, менестрель кончил.

— Славьте их великой славой! — воскликнул он и поклонился.

Тогда Арагорн встал, а за ним все войско, и они прошли в подготовленные павильоны и ели, пили и веселились, пока не кончился день.

Фродо и Сэма отвели в палатку, где с них сняли их старую одежду, аккуратно свернули и унесли с почетом; им же дали чистое полотно. Пришел Гэндальф; к удивлению самого Фродо, он нес меч, эльфийский плащ и митриловую кольчугу — все, что у него было отобрано в Мордоре. Для Сэма он принес золоченую кольчугу и его эльфийский плащ, починенный и отглаженный. Затем он положил перед ними два меча.

— Я больше не хочу никаких мечей, — сказал Фродо.

— По крайней мере сегодня вечером у тебя должен быть меч, — сказал Гэндальф.

Тогда Фродо взял меньший меч, принадлежащий Сэму и положенный с ним рядом в Кирит Унголе.

— Я отдаю жало тебе, Сэм, — сказал он.

— Нет, хозяин! Его вам дал мастер Бильбо вместе с серебряной кольчугой; он не хотел, чтобы кто-нибудь другой владел им.

Фродо уступил; и Гэндальф, как будто он был их оруженосцем, склонился и надел на них пояса с мечами; встав, он надел им на головы серебряные венцы. И тогда они отправились на большой пир и сидели за королевским столом с Гэндальфом, с Эомером, королем рохиррим, принцем Имрахилом и всеми главными капитанами; и с ними были Гимли и Леголас.

И когда, после стоячего молчания, принесли вино, появились два оруженосца, чтобы служить королям. По крайней мере они похожи были на оруженосцев; один в черно-серебряном мундире гвардии Минас Тирита, другой в бело-зеленом. Сэм удивился, что такие мальчишки могут находиться в армии могучих мужей. Когда же они подошли ближе и он смог разглядеть их ясно, он воскликнул:

— Смотрите, мастер Фродо! Ведь это Пиппин! Я хотел сказать, мастер Перегрин Тук и с ним мастер Мерри! Как они выросли! Я вижу, что тут должно быть рассказано не только наше сказание!

— Правильно, — ответил Пиппин, поворачиваясь к ним. — И мы начнем его рассказывать как только кончится пир. А пока попросите Гэндальфа. Он теперь не так скрытен, как раньше, хотя и смеется больше, чем говорит. А мы с Мерри сейчас заняты. Мы рыцари города и марки, как, я надеюсь, вы заметили.

Наконец радостный день окончился; и когда зашло солнце и круглая луна вышла из туманов Андуина и замерцала в листве, Сэм и Фродо сидели под шепчущимися деревьями посреди аромата прекрасного Итилиена; они говорили далеко полночь с Мерри, Пиппином и Гэндальфом, а немного спустя к ним присоединились Леголас и Гимли. Тут Фродо и Сэм узнали многое из того, что случилось с их друзьями после распада товарищества в злой день на Парт Гален у водопадов Раурса; и еще оставалось много, о чем нужно было поговорить и что рассказать.

Орки, говорящие деревья, лиги травянистых равнин, скачущие всадники, блестящие пещеры, белые башни и золотые залы; битвы, плывущие высокие корабли — все это проходило перед пораженным Сэмом. Но среди всех этих изумительных событий больше всего его удивил рост Мерри и Пиппина. Он заставил их встать спиной с Фродо и с самим собой и почесал в затылке.

— Не могу понять этого в вашем возрасте, — заявил он. — Но так и есть: вы на три дюйма выше, чем должны быть, или я гном.

— Вы определенно не гном, — ответил Гимли. — Но что я говорил? Смертный не может выпить энтийского напитка и рассчитывать на то, что он на него подействует не больше, чем кружка пива.

— Энтийский напиток? — переспросил Сэм. — Вы опять об энтах. Но кто они такие? Я вижу, нужны недели, чтобы все узнать.

— Конечно, недели, — сказал Пиппин. — А потом Фродо должен будет закрыться в башне Минас Тирита и все это записать. Иначе он забудет добрую половину, и бедный старый Бильбо будет сильно разочарован.

Наконец Гэндальф встал.

— Руки короля — руки целителя, дорогие друзья, — сказал он. — Вы были на самом краю смерти, и он вытащил вас оттуда, напрягая все силы, и отправил вас в следующую забывчивость сна. И хотя вы спали долго и спокойно, теперь вам следует снова поспать.

— И не только Сэму и Фродо, — сказал Гимли, — но и вам тоже, Пиппин. Я люблю вас, хотя бы за ту боль, что вы нам стоили и которую я никогда не забуду. Не забуду я и как отыскивал вас на холме после битвы. Я уже решил, что вы навсегда утеряны для гнома Гимли. Но теперь я знаю, как выглядит нога хоббита: это все, что виднелось из под груды тел. А когда я снял с вас огромное тело, я был уверен, что вы мертвы. Я чуть не порвал свою бороду. И всего лишь день прошел, как вы встали с постели. В постель! Да и я пойду спать.

— А я, — сказал Леголас, — пойду в леса этой прекрасной земли, которая наконец-то получила отдых. В будущем, если позволит наш повелитель, мы вернемся сюда; и когда мы поселимся здесь, земля эта будет благословенна — на некоторое время. На некоторое время: на месяц, на жизнь, на сто лет жизни людей. Но Андуин близко, а Андуин ведет к морю. К морю!

К морю! К морю!
Кричат белые чайки, дует ветер, летит белая пена.
На запад, на запад падает круглое солнце
Серый корабль, серый корабль, слышишь ли ты голоса,
голоса моего народа, ушедшего до меня?
Я покину, покину леса, где родился,
потому что наши дни подходят к концу
я пройду по широкой воде под одиноким парусом
длинные волны, накатывающиеся на последний берег,
сладкие голоса, зовущие с забытого острова в Эрессию,
в землю Эльфов, недоступную людям, где не опадают листья
— в землю моего народа навсегда!

И, напевая так, Леголас спустился с холма.

Тогда и остальные расстались, и Фродо, и Сэм пошли к себе и уснули. Утром они встали в надежде и мире; и они провели много дней в Итилиене. Поле Кормаллен, где расположилось войско, было недалеко от Хеннет Аннуна, и по ночам слышен был гул водопадов. Хоббиты бродили по окрестностям, навещая места, в которых уже бывали раньше; и Сэм все надеялся где-нибудь в тени леса или на тайной поляне увидеть огромного Элефанта. И когда он узнал, что в осаде Гондора участвовало много этих зверей, но все они были убиты, он подумал, что это печальная утрата.

— Что ж, я не могу одновременно находиться всюду, — сказал он. — Но, похоже, я многое потерял.

Тем временем войско готовилось к возвращению в Минас Тирит. Уставшие отдохнули, а раненные выздоровели. Некоторым пришлось сражаться с остатками войск востока и юга, пока все не были покорены. Наконец позже всех вернулись те, кто уходил в Мордор и разрушал крепости на севере этой земли.

Наконец, когда приближался май, капитаны запада снова выступили; они ступили на корабли и поплыли от Каир Андроса вниз по Андуину к Осгилиату; здесь они оставались в течение дня; на следующий день они прибыли на зеленые поля Пеленнора и снова увидели белые башни под высоким Миндолуином, город людей Гондора, последнее воспоминание о великом западе, что прошел через тьму и огонь и вступил в новый день.

И здесь посреди поля они установили павильоны и ждали утра; был канун мая, и король должен был вступить в ворота с восходящим солнцем.

5. НАМЕСТНИК И КОРОЛЬ

Над городом Гондора нависли сомнения и страх. Прекрасная погода и яркое солнце казались насмешкой людям, в чьей жизни было мало надежды и кто каждое утро ждал новостей о своей судьбе. Повелитель их был мертв и сожжен, мертвый король Рохана лежал в их цитадели, а новый король, пришедший к ним ночью, отправился на войну с властью, слишком темной и ужасной, чтобы кто-то мог надеяться успешно соперничать с ней. Не было никаких известий. После того, как войска оставили долину Моргула и двинулись в тени гор по северной дороге, ни один вестник не возвращался и не доходило никаких слухов.

Через два дня после ухода капитанов леди Эовин попросила женщин, ухаживающих за ней принести ей одежду. Когда ее одели и подвесили руку на полотняную перевязь, она отправилась к главе домов излечения.

— Сэр, — сказала она, — я в большом беспокойстве и больше не могу спокойно лежать в лени.

— Леди, — был ответ, — вы еще нездоровы, и мне приказано особо заботиться о вас. Вы не должны подниматься с постели в течении семи дней. Прошу вас вернуться.

— Я здорова, — возразила она, — по крайней мере телом, если не считать руки, да и она ранена не тяжело. Но я снова заболею, если ничего не буду делать. Нет ли новостей о войне? Женщины ничего не говорят мне.

— Новостей нет, — ответил глава. — И мы знаем лишь, что войско миновало долину Моргула; говорят, войско ведет новый капитан с севера. Он великий повелитель и целитель; и мне кажется странным, что целительная рука владеет и мечом. Теперь в Гондоре не так, хотя некогда, как говорят у нас было так, если только правдивы старые сказания. Но уже долгие годы мы, целители, можем лишь исправлять то, что сделали другие мечами. И у нас хватает дела: мир и без войны полон боли и ран.

— Нужен лишь один враг, чтобы развязать войну, а не два, мастер, — ответила Эовин. — И те, у кого нет мечей, тоже могут умереть от них. Вы хотите, чтобы люди Гондора лишь собирали для вас травы, когда повелитель тьмы собирает армии? И не всегда хорошо выздороветь телом. Так же как и не всегда плохо погибнуть в битве, даже в боли и муках. Если бы мне было позволено, в этот темный час я выбрала бы второе.

Глава посмотрел на нее: высокая, стояла она перед ним, глаза ее ярко горели, руки сжимались, когда она повернулась и посмотрела через открытое окно на восток. Он вздохнул и покачал головой. После паузы она снова повернулась к нему.

— Разве нечего делать? — спросила она. — Кто распоряжается в городе?

— Не знаю точно, — ответил он. — Меня это не касается. Здесь есть маршал над всадниками Рохана, а лорд Хурин, как мне говорили, командует людьми Гондора. Но наместником города по праву является повелитель Фарамир.

— Где я найду его?

— В этом доме, леди. Он был тяжело ранен, но сейчас находится на пути к выздоровлению. Но я не знаю...

— Отведите меня к нему. Тогда узнаете.

Повелитель Фарамир прогуливался один в саду домов излечения, солнце грело его, и он чувствовал, как жизнь возвращается в его тело; но на сердце у него было тяжело, и он смотрел на восток. Подойдя, глава домов излечения, позвал его по имени: он повернулся и увидел леди Эовин Роханскую; он был тронут жалостью, так как увидел, что она ранена, и его ясный взор проник в ее боль и беспокойство.

— Повелитель, — сказал глава, — это леди Эовин Роханская. Она ехала с королем и была тяжело ранена, теперь она находится у меня на излечении. Но она не удовлетворена и хочет поговорить с наместником города.

— Не поймите его неверно, повелитель, — заметила Эовин. — Не недостаток забот печалит меня. Не может быть лучших домов для исцеляющихся. Но я не могу лежать в лености, без дела, взаперти. Я искала в битве смерти. Но я не умерла, а битва все продолжается.

По знаку Фарамира глава поклонился и ушел.

— Что же делать мне, леди, — спросил Фарамир. — Я тоже пленник лекарей.

Он взглянул на нее, и ее красота и печаль глубоко тронули его сердце. А она посмотрела на него и увидела серьезную нежность в его глазах, и так как она выросла среди людей войны, она поняла, что перед нею стоит тот, с кем ни один всадник Рохана не сможет соперничать в битве.

— Чего же вы хотите? — снова спросил Фарамир. — Если это в моей власти, я выполню ваше желание.

— Я хочу, чтобы вы приказали главе выпустить меня, — сказала она; но хотя слова ее оставались гордыми, сердце ее дрогнуло и впервые она почувствовала сомнение. Она подумала, что этот высокий человек, одновременно строгий и мягкий, решит, что она просто капризничает, как ребенок у которого не хватает твердости, чтобы закончить скучную работу.

— Я сам сейчас подчиняюсь главе, — ответил Фарамир. — Я еще не принял власть над городом. Но даже если бы я сделал это, я все равно прислушался бы к его советам и не противоречил бы ему в вопросах его мастерства, разве лишь в случае крайней необходимости.

— Но я не хочу лечиться, — сказала она. — Я хочу отправиться на войну, как мой брат Эомер или как король Теоден, который погиб и лежит в чести и мире.

— Слишком поздно, леди, следовать за капитанами, даже если бы у вас хватило для этого сил, — сказал Фарамир. — Но смерть в битве может ко всем нам прийти, хотим мы этого или нет. Вам лучше подготовиться к этому и исполнять советы лекарей. Вы и я, мы должны терпеливо выносить часы ожидания.

Она не ответила, но когда он взглянул на нее, ему показалось, что что-то ней смягчилось, как будто суровый мороз уступил первым признакам весны. Слезы блеснули на ее глазах и поползли по щеке, как сверкающая дождевая капля. Ее гордая голова немного опустилась. Потом спокойно, скорее разговаривая с собой, чем с ним, она сказала:

— Но лекари заставят меня семь дней лежать в постели. А мое окно выходит не на восток... Теперь у нее был голос юной и печальной девушки.

Фарамир улыбнулся, хотя сердце его было полно жалости.

— Ваше окно не выходит на восток? Это легко исправить. Я прикажу главе. Если вы останетесь в этом доме, леди, и будете отдыхать, то вы сможете гулять в саду на солнце, если захотите; и будете смотреть на восток, туда, где находятся все наши надежды. И здесь вы найдете меня. Я тоже буду ходить, ждать и смотреть на восток. Мне будет лучше, если вы будете гулять и разговаривать со мной.

Она подняла голову и снова посмотрела в его глаза; на ее бледном лице появился и цвет.

— Чем я облегчу ваше положение, повелитель? — спросила она. — Я не хочу ни с кем разговаривать.

— Вы хотите получить ясный ответ?

— Да.

— Тогда, Эовин Роханская, я скажу, что вы прекрасны. В долинах среди наших холмов растут прекрасные и яркие цветы, а девушки наши еще краше, но я не видел в Гондоре ни цветка, ни девушки, столь прекрасных и печальных. Может быть, лишь несколько дней осталось миру до наступления тьмы; и когда она придет, я надеюсь мужественно встретить ее. Но у меня будет

легче на сердце, если, пока светит солнце я смогу видеть вас. Мы с вами оба прошли под крыльями тени, и одна и та же рука вывела нас оттуда.

— Увы, не меня! — возразила она. — Тень все еще лежит на мне. Не ищите лекарей. Я привыкла к мечу, и рука у меня тяжелая. Благодарю вас за то, что мне не нужно возвращаться в мою комнату. Я буду гулять, с позволения наместника города.

И, вежливо поклонившись, она ушла. А Фарамир долго ходил один по саду, и теперь его взгляд чаще устремлялся на дом, чем на восток.

Вернувшись в свою комнату, он вызвал главу и выслушал то, что тот мог сказать о леди Роханской.

— Не сомневаюсь, повелитель, — сказал глава, — что вы больше узнаете от невысоклика, который с нею; он ехал с королем и был с нею до конца.

Так Мерри был послан к Фарамиру, и пока длился день, они долго разговаривали, и Фарамир узнал многое, гораздо больше, чем было выражено в словах. И он подумал, что понимает теперь печаль и беспокойство Эовин Роханской. И прекрасным вечером Фарамир и Мерри прогуливались в саду, но она не пришла.

Но на утро, выйдя из дома, Фарамир увидел ее. Она стояла на стене. Одета в белое, она сверкала на солнце. Он позвал ее и она спустилась, и они гуляли по траве и сидели под зелеными деревьями, иногда молча, иногда разговаривая. И каждый последующий день они поступали так же. И глава домов, глядя на них из окна, радовался: он был целитель, и задача его облегчалась. И хотя дни были тяжелы от страха и дурных предчувствий, эти двое с каждым днем становились сильнее.

Так наступил пятый день с тех пор, как Эовин впервые пришла к Фарамиру; они вместе стояли на стене города и смотрели наружу. Все еще не приходило никаких новостей, и сердца всех были омрачены. Погода тоже стала хуже. Было холодно. Дул резкий северный ветер, земля вокруг города выглядела серой и унылой.

Они были одеты в теплую одежду и теплые плащи, а поверх всего на леди Эовин была большая накидка цвета летней ночи, вся усаженная серебряными звездами. Фарамир послал за этой накидкой, укутал в нее Эовин; и она стояла рядом с ним, была прекрасна и горда, как королева. Накидка эта была изготовлена для матери Фарамира, Финдуилас Амротской, безвременно умершей; и для него она была лишь смутным воспоминанием о чем-то ласковом и о первом большом горе; и ее одежда казалась ему соответствующей красоте и печали Эовин.

Она вздрогнула под звездной накидкой и посмотрела на север.

— Куда вы смотрите, Эовин? — спросил Фарамир.

— Разве не в той стороне черные ворота? И разве он теперь не там? Прошло семь дней, как он уехал.

— Семь дней, — сказал Фарамир. — Не думайте обо мне плохо, но я скажу вам: эти семь дней принесли мне радость и печаль, которых я не знал раньше. Радость видеть вас, и боль, потому что теперь страхи и сомнения этого злого времени удвоились. Я не хочу конца мира, Эовин, не хочу утратить так скоро то, что нашел.

— Утратить то, что вы нашли? — повторила она, серьезно глядя на него. — Я не знаю, о чем вы говорите. Но не будем, друг мой, говорить об этом. Я стою на самом краю, мрачная пропасть открывается у моих ног, и есть ли какой-нибудь свет за мной, я не могу сказать. Потому что я еще не могу повернуться. Я жду знака судьбы.

— Да, мы ждем знака судьбы, — согласился Фарамир. Больше они ничего не сказали. Им показалось, что ветер стих, свет померк, солнце потемнело и все звуки города прекратились. Не слышно было ни ветра, ни голоса, ни крика птицы, ни шелеста листвы и ни их собственного дыхания. Даже биение сердец не было ощутимо. Время остановилось.

Руки их встретились и сжались, хотя они и не знали этого. Они ждали, сами не зная чего. И вот им показалось, что над хребтами отдаленных гор поднимается еще одна огромная гора тьмы, поднимается, как волна, готовая поглотить весь мир; в ней сверкали молнии. Дрожь пробежала по земле, и они почувствовали, как затряслись стены города. Земля испустила звук, похожий на вздох. Сердца их вновь забились.

— Это напомнило мне Нуменор, — сказал Фарамир и сам удивился звуку собственного голоса.

— Нуменор?

— Да, потонувшую землю запада, и черную волну, поглотившую зеленые земли и холмы. Мне это часто снилось.

— Значит, вы думаете, что идет тьма? — спросила Эовин. — Тьма неизбежна? — И она вдруг прижалась к нему.

— Нет, — ответил Фарамир, глядя ей в лицо. — это просто видение. Я не знаю, что происходит. Разум говорит мне, что приближается большое зло и мы стоим у конца дней. Но сердце говорит — нет. Тело у меня легкое, и надежда и радость пришли ко мне, хотя я сам не понимаю, почему, Эовин. Эовин, белая леди Рохана, не верьте в этот час, что тьма победит! — Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

Так стояли они на стене города, дул сильный ветер, и их волосы, черные и золотые, смешивались при порывах ветра. И тень ушла, и солнце горячо ударило лучами, и всюду стало светло. Воды Андуина сверкали серебром, и во всех домах города запели от радости, овладевшей их сердцами неизвестно почему.

И прежде чем солнце стало склоняться к закату, прилетел большой орел. Он выкрикивал новости от капитанов запада:

Пойте, люди башни Анора:

Королевство Саурана кончилось навсегда,

И Башня Тьмы разрушена.

Пойте и радуйтесь, люди Башни Стражи

Ваша вахта была не напрасной, черные ворота разбиты

Ваш король в них, он непобедим.

Пойте и радуйтесь, дети запада: ваш король вернулся,

Он будет жить среди вас все дни вашей жизни.

И увядшее дерево зацветет вновь,

И король вырастит его в высоких местах,

И город будет благословенен.

Пойте все, вы, люди!

И люди во всем городе пели.

Следующие дни были золотыми, весна и лето соединились и пировали на полях Гондора. Быстрые всадники привезли от Каир Андроса сообщения о всем случившемся, и город готовился к прибытию короля. Мерри был вызван и уехал с телегами, которые везли припасы в Осгилиат и оттуда кораблями к Каир Андросу; но Фарамир остался — вылечившись, он принял на себя власть и наместничество, хотя и ненадолго. Его обязанностью было подготовить все для того, кто его сменит.

И Эовин не уехала, хотя брат просил ее прибыть на поле Кормаллен. Фарамир дивился этому, но он редко видел ее, будучи занятым многими делами; она продолжала жить в домах

излечения и одна ходила по саду, и лицо ее снова побледнело, и казалось, что во всем городе она одна была нездорова и печальна. Глава домов забеспокоился и поговорил с Фарамиром.

Тогда Фарамир пришел и увидел ее, и они снова вместе стояли на стене. И он сказал ей:

— Эовин, почему вы задержались здесь и не отправились в Кормаллен за Каир Андросом, где вас ждет ваш брат?

И она сказала:

— Разве вы не знаете?

Но он ответил:

— Могут быть две причины, но которая из них истинная, я не знаю.

И она сказала:

— Я не хочу играть в прятки. Говорите яснее.

— Если хотите, леди, — согласился он, — вы не пошли, потому что вас звал только ваш брат, и вид лорда Арагорна, потомка Элендила, в его торжестве теперь не принесет вам радости. Или же потому, что я не пошел, а вы хотите оставаться рядом со мной. А может, верны обе причины, и вы сами не можете выбрать. Эовин, любите ли вы меня, полюбите ли когда-нибудь?

— Я желала быть любимой другим, — ответила она. — Но мне не нужна ничья жалость.

— Это я знаю, — сказал он. — Вы желали любви лорда Арагорна. Он велик и могуществен, а вы хотели славы, хотели быть поднятой над всеми, кто ползает по земле. Он казался вам восхитительным, как великий капитан юному солдату. И он действительно величайший из людей. Но когда он ответил вам лишь пониманием и жалостью, вы не захотели ничего, вы искали доблестной смерти в битве. Посмотрите на меня, Эовин.

И Эовин долго смотрела на Фарамира, и Фарамир сказал:

— Не называйте жалостью дар верного сердца, Эовин! Я не предлагаю вам жалость. Вы высокая и доблестная леди и сами заслужили славу, которая не будет забыта. И вы прекрасны, даже в языке Эльфов не найдется слов для описания вашей красоты, и я люблю вас. Раньше я жалел вас. Но теперь, даже если бы у вас не было никаких печалей, если бы не было у вас страхов, если бы вы были благословенной королевой Гондора, я все равно любил бы вас, Эовин, любите ли вы меня?

И тогда сердце Эовин смягчилось, или она сама поняла его. Неожиданно зима прошла и солнце улыбнулось ей.

— Я осталась в Минас Аноре, башне солнца, — сказала она, — и смотрите! Тень исчезла! Я больше не буду девушкой с мечом, не буду соперничать с великими всадниками, не буду наслаждаться лишь песнями об убийствах. Я буду целителем, полюблю все, что растет. — она снова посмотрела на Фарамира и сказала. — Я больше не хочу быть королевой.

И Фарамир весело рассмеялся.

— Это хорошо, — сказал он, — потому что я не король. Но я женюсь на белой леди Рохана, если она того пожелает. И если она захочет, мы пересечем реку и в счастливые дни будем жить в прекрасном Итилиене и там разобьем сад. Все будет расти там с радостью, если придет белая леди.

— Значит, я должна буду оставить своих людей, гондорец? — спросила она. — И ваш гордый народ будет говорить о вас: «Вот идет тот, кто приручил дикую девушку с севера! Разве не было для него женщин из расы Нуменора?»

И Фарамир обнял ее, и поцеловал под солнечным небом, и не заботился о том, что они стоят высоко на стене и видны многим. И многие действительно видели их и исходивший от них свет, когда они сошли со стены и пошли рука об руку к домам излечения.

А главе домов излечения Фарамир сказал:

— Вот леди Эовин Роханская, теперь она здорова.

И глава ответил:

— Тогда я отпускаю ее из под своего присмотра и прошусь с ней. Пусть никогда не знает она ни ран, ни болезней. Я передаю ее в распоряжение наместника города до возвращения ее брата.

Но Эовин сказала:

— Теперь, получив разрешение уйти, я остаюсь. Из всех домов города этот стал для меня самым благословенным.

И она осталась там до возвращения короля Эомера.

Все было готово в городе. Собралось множество людей, так как новости разлетелись по всем окраинам Гондора Мин-Риммон и до далеких морских берегов. И все кто мог прийти в город поторопились прийти. Город снова наполнился женщинами и прекрасными детьми, вернувшимися домой. Из Дол Амрота прибыли искусные арфисты, а из долин Лебеннина — музыканты, играющие на виолах, флейтах и серебряных рогах, и многоголосые певцы.

Наконец пришел вечер, когда со стен увидели павильоны в поле, и всю ночь горели костры и люди ждали рассвета. Когда же ясным утром солнце встало над восточными горами, на которых больше не лежала тень, зазвонили все колокола, развернулись и затрепетали на ветру знамена. И в последний раз над Гондором на белой башне было поднято знамя наместника — ярко-серебряное, как снег под солнцем, без всякого изображения или девиза.

Капитаны запада повели свои войска к городу, и народ видел, как они приближаются линия за линией, сверкая и блестя в солнечных лучах. Они подошли к дороге, ведущей к воротам, и остановились в одной восьмой мили от стены. И хотя ворота были разрушены и не восстановлены, вход в город преграждал барьер: здесь стояли люди в черном и серебряном с обнаженными длинными мечами. Перед барьером стоял Фарамир — наместник, и Хурин, глава ключей и другие капитаны Гондора, и леди Эовин Роханская с маршалом Элфхелмом, и много рыцарей Марки; и с каждой стороны ворот толпился народ в разноцветных одеждах и с охапками цветов.

Перед стенами Минас Тирита образовалось обширное пространство, ограниченное со всех сторон рыцарями и солдатами Гондора и Рохана и жителями города и других областей земли. Наступила тишина. И вот из войска вышли вперед дунаданцы в серебряном и сером, а перед ними медленно шел лорд Арагорн. Он был одет в черную кольчугу, отделанную серебром и в длинный снежно-белый плащ с наколотым сверху большим зеленым камнем. Голова его была обнажена, лишь на лбу горела звезда, привязанная тонкой серебряной нитью. С ним шли Эомер Роханский, принц Имрахил, Гэндальф, весь в белом и четыре маленькие фигурки, на которые дивились все люди.

— Нет, сестра, это не мальчики, — сказала Иорет своей родственнице из Имлот Мелуя, стоявшей рядом с ней. — Это перианы из далекой земли невысокликов, они принцы с великой славой, говорят. Я знаю это, потому что лечила одного из них в домах. Они маленькие, но доблестные. Да, сестра, один из них отправился со своим оруженосцем в землю тьмы, сражался там с самим повелителем тьмы и сжег его башню. Так по крайней мере говорят в городе. Это тот, что идет рядом с эльфийским камнем. Я слышала, они большие друзья. А какое чудо лорд эльфийский камень. Речь у него слишком мягкая, уверяю тебя, но сердце золотое. И у него руки целителя. «Руки короля — руки целителя» — сказала я; и так все и открылось. А Митрандир сказал мне: «Иорет, люди долго будут помнить твои слова», и...

Но Иорет не пришлось продолжать свой рассказ, пропела труба, и наступила мертвая тишина. От ворот выступил вперед Фарамир и Хурин, а за ними шли четыре воина в высоких шлемах и мундирах цитадели, они несли большую шкатулку из черного лебетрона, отделанную серебром.

Фарамир встретился с Арагорном посреди пустого пространства, поклонился и сказал:

— Последний наместник Гондора просит разрешения сдать службу.

Он протянул белый шест. Арагорн взял шест и вернул его, сказав:

— Служба не кончена, она будет твоей и твоих потомков, пока живет мой род. Исполняй свои обязанности.

Тогда Фарамир заговорил ясным голосом:

— Люди Гондора, слушайте наместника этого королевства! Смотрите! Вот тот, кто заявил свои права на королевство. Это Арагорн, сын Арахорна, глава дунаданцев из Арнора, капитан войска запада, носитель Звезды Севера, владелец заново сплавленного меча, победитель в битве, чьи руки приносят исцеление, эльфийский камень, Элессар из линии Баландила, сына Исилдура, сына Элендила из Нуменора. Будет ли он королем, и войдет ли в город и будет ли жить в нем?

И все войско и все люди единым голосом воскликнули:

— Да!

А Иорет сказала родственнице:

— Такая церемония входа в город была у нас; и вот он пришел, как я говорила тебе и он сказал мне...

И снова она вынуждена была замолчать, потому что снова заговорил Фарамир:

— Люди Гондора, сказители говорят, что в старину по обычаю король получал корону от своего отца перед его смертью; если это было невозможно, то он получал корону на могиле отца. Но поскольку невозможно и это, я пользуюсь властью наместника; принес сюда из Рат Динона корону Ернура, последнего короля, чьи дни кончились в давно прошедшее время наших предков.

Войны вышли вперед, и Фарамир открыл шкатулку и достал древнюю корону. Она была сделана в форме шлема гвардии цитадели, только выше, и была вся белая, а крылья с обеих сторон, жемчужные и серебряные, напоминали крылья морской птицы — это была эмблема королей, пришедших из-за моря. На венце короны сияли семь алмазов, а в центре находился большой драгоценный камень, сиявший как пламя.

Арагорн принял корону и сказал:

— Эт аэрелло эндоренна утилиен. Синоме маруван ар хилдиннар тени амбар — метта!

Это были слова, произнесенные Элендилом, когда он пришел из-за моря на крыльях ветра: «Из-за великого моря в Средиземье я пришел. Я буду владеть этим местом и все мои потомки, до конца мира». Затем, к удивлению многих, Арагорн не надел корону, а вернул ее Фарамиру и сказал:

— Трудом и мужеством многих возвращаюсь я к наследству своему. В знак этого прошу я Хранителя Кольца вручить мне корону, а Митрандира надеть мне ее на голову, ибо он был главным организатором всех нас, и это его победа.

Вперед выступил Фродо, взял корону у Фарамира и передал ее Гэндальфу; Арагорн склонил колени, и Гэндальф надел корону ему на голову и сказал:

— Наступают дни короля. Да будут они благословенны, пока стоят троны Балара!

И когда Арагорн встал, все с удивлением и в молчании смотрели на него, как будто увидели впервые. Высокий, как морские короли древности, стоял он над всеми: древним казался он и в то же время в расцвете мужества; мудрость сияла у него во лбу, сила и исцеление были в его руках, и свет исходил от него. И Фарамир воскликнул:

— Смотрите! Вот наш король!

Загремели трубы, и король Элессар подошел к барьеру, а Хурин отвел его в сторону, и среди музыки арф, виол и флейт и среди пения чистых голосов король прошел по украшенным цветами улицам и вошел в цитадель. На башне было поднято знамя с деревом и звездами, и началось

правление короля Элессара, о котором сложено много песен.

При нем город стал прекраснее, чем даже в дни своего первого расцвета; он был наполнен деревьями и фонтанами, а ворота были сделаны из митрила и стали, а улицы вымощены белым мрамором. И народ горы работал в городе, и народ леса часто приходил сюда; и все были здоровы и веселы; и дома были полны мужчин, женщин и детского смеха, и ни одно окно не было слепым, и ни один двор пустым; и когда кончилась третья эра мира и началась новая, в ней сохранилось воспоминание о славе ушедших дней.

В последующие за коронованием дни король сидел на троне в зале королей и отправлял свое правосудие. От множества земель и народов прибыли послы: с востока и юга, от границ чернолесья и из Дунленда на западе. И король простил жителей востока, предоставил их себе и отпустил на свободу и заключил мир с Харадом; рабов Мордора он освободил и отдал им все земли вокруг озера Нурпен. И многих призывали к нему за получением награды за доблесть; и наконец капитан гвардии привел к нему для суда Берегонда.

И король сказал Берегонду:

— Берегонд, от твоего меча кровь пролилась в святом месте, а это запрещено. Ты также оставил пост свой без позволения повелителя или капитана: за это — смерть. И я объявляю свой приговор.

Своей доблестью в битве ты заслужил отмену наказания, но ты сделал еще многое из любви к Фарамиру. Тем не менее ты должен будешь уйти из гвардии цитадели и из Минас Тирита.

Кровь отхлынула от лица Берегонда, он схватился за сердце и опустил голову. Но король продолжал:

— Ты назначаешься в белый отряд, в гвардию Фарамира, принца Итилиена, и будешь жить в Эмин Арнене в чести и в мире и служить тому, кого ты, рискуя всем, спас от смерти.

И тогда Берегонд, поняв милость и справедливость короля, возрадовался и, поклонившись, поцеловал его руку и ушел, радостный и удовлетворенный. Арагорн отдал Фарамиру Итилиен и просил его жить в холмах Эмин Арнена вне пределов видимости из города.

— Ибо, — сказал он, — Минас Итил в долине Моргула будет совершенно уничтожен, и хотя со временем долина может очиститься, еще много лет в ней не сможет жить ни один человек.

Последним Арагорн приветствовал Эомера Роханского, и они обнялись и Арагорн сказал:

— Между нами не может быть слов о награде, о том, что давать и брать — мы братья. В счастливый час приехал с севера Эорл, и никогда не будет столь благословенен союз людей. Как вы знаете, мы положили Теодена прославленного в могиле в святыне Гондора, и здесь он может лежать, пока правят короли Гондора, если вы сами пожелаете. А если хотите, мы прибудем в Рохан и привезем его, чтобы он покоился среди своего народа.

И Эомер ответил:

— С того дня, как вы встали передо мной у зеленой травы, я полюбил вас, и любовь эта никогда не ослабеет. Но теперь я должен вернуться в свое королевство, где нужно многое привести в порядок и исцелить. Когда все будет готово, мы вернемся за павшим: пока же пусть он спит здесь.

И Эовин сказала Фарамиру:

— Я должна вернуться в свою землю и помочь брату в его работе. Но когда тот, кого я любила, как отца, будет положен отдыхать, я вернусь.

Так проходили радостные дни; и восьмого мая всадники Рохана двинулись северным путем, и с ними ехали сыновья Элронда. По сторонам дороги стояли люди и выкрикивали приветствия — от самых ворот города до стен Пеленнора. Потом все, что жили в других областях, отправились по домам; а в городе начались большие работы по восстановлению разрушенного и уничтожению всех следов войны и воспоминаний о тьме.

Хоббиты остались в Минас Тирите с Леголасом и Гимли: Арагорн не желал расставаться с товарищами.

— В конце концов все должно кончиться, — сказал он, — но я хочу, чтобы мы прожили вместе подольше: не настал еще час конца наших деяний. Приближается день, которого я ждал всю жизнь, и в этот день я хочу, чтобы рядом со мной были мои друзья...

Но что это за день, он не сказал.

Товарищи в эти дни жили в прекрасном доме вместе с Гэндальфом и ходили гулять повсюду. И Фродо спросил Гэндальфа:

— О каком это дне говорил Арагорн? Мы счастливы здесь, и я не хочу уходить, но дни бегут быстро, а Бильбо ждет. И мой дом в уделе.

— Что касается Бильбо, — ответил ему Гэндальф, — то он тоже ждет этого дня и знает о том, что удерживает вас здесь. А что касается самого дня, то сейчас еще май и лето не наступило; и хотя кажется, что весь мир изменился, для деревьев и трав не прошло еще и года с начала нашего путешествия.

— Пиппин, — сказал Фродо, — разве ты не говорил, что Гэндальф стал менее скрытен, чем раньше? Теперь, я думаю, он устал от этого и вернулся к прежним привычкам.

И Гэндальф сказал:

— Многие хотели бы заранее знать, что поставят на стол; но те, кто готовит пир, любят держать это в тайне: удивление делает слова похвалы громче. И Арагорн сам ждет знака.

Настал день, когда Гэндальфа нигде нельзя было найти, и товарищи гадали, что происходит. Но Гэндальф ночью вывел Арагорна из города и привел к южному подножию горы Миндолуин; здесь они нашли древнюю тропу, на которую мало кто осмеливался вступать. Она вела на гору к святилищу, где раньше бывали лишь короли. И Арагорн с Гэндальфом поднялись по крутой тропе и пришли на высокое поле ниже вечных снегов, одевающих высокую вершину, и сверху взглянули на город. Стоя здесь они осматривали землю, потому что наступило утро. И они увидели далеко внизу башни города, как белые карандаши, тронутые солнцем, и вся долина Андуина была, как сад, и горы тени были затянуты золотистой дымкой. С одной стороны они видели серый Эмин Муил и далеко, как звезда мерцал Раурса; с другой стороны они видели реку, извивающуюся, как лента, вниз к Пеларгиру, а на краю горизонта виднелся свет, говорящий о море.

И Гэндальф сказал:

— Это ваше королевство, и оно должно стать сердцем великого государства. Третья эра мира кончилась, и начинается новый век; ваша задача организовать его начало и сохранить то, что можно сохранить. Ибо хотя и многое спасено, гораздо больше уйдет навсегда. Кончилась и власть трех колец. И все земли, что вы видите, и все, что лежит вокруг них, отныне будет жилищем людей. Наступает время господства людей, и старшие королевства зачахнут или переместятся.

— Я хорошо это знаю, дорогой друг, — ответил Арагорн, — но мне по-прежнему нужны ваши советы.

— Уже ненадолго, — сказал Гэндальф. — Эта третья эра — мой век. Я был врагом Саурона; и моя работа окончена. Скоро я уйду. Ноша теперь ляжет на вас и на ваш народ.

— Но я умру, — сказал Арагорн. — Я смертный человек, и хотя я происхожу по прямой линии от людей запада и жизнь моя дольше, чем у других людей, но ненадолго. И когда родятся и состарятся те, кто сейчас в чреве женщин, я тоже буду стар. И кто тогда будет править Гондором и теми, кто считает город своим центром, если мое желание не исполнится? Дерево во дворе фонтана все еще мертво. Когда же я увижу знак, что будет иначе?

— Отверните лицо от зеленой земли и посмотрите туда, где все кажется голым и

холодным! — сказал Гэндальф.

Арагорн обернулся. За ним от кромки вечных снегов спускался каменный склон. Посмотрев туда, он увидел какое-то растение. Поднявшись, Арагорн у самого снега увидел деревце не более трех футов высотой. Однако оно уже выпустило молодые листья, темные по краям и серебряные внутри, и в его хрупкой кроне распустился маленький цветок, чьи белые лепестки сверкали, как освещенный солнцем снег.

И Арагорн воскликнул:

— Утувиениес! Я нашел его! Вот потомок старейшего из деревьев! Но как он попал сюда? Ему не больше семи лет.

Гэндальф, подойдя, посмотрел и сказал:

— Вероятно, это отросток Нимлота Прекрасного, Галатилиона, Телперiona — старейшего из деревьев, которое носит много имен. Кто скажет, как он пришел сюда в назначенный час? Но это древнее святилище и до того, как короли исчезли, а дерево во дворе засохло, здесь было посажено семя. Ибо сказано, что хотя плоды дерева созревают редко, зато жизнь в них может сохраняться долгие годы, и никто не может предсказать, когда эта жизнь проснется. И здесь лежало это семя, скрытое на горе, как род Элендила скрытно жил в пустынях севера. Но линия Имлота гораздо старше, чем ваша, король Элессар.

Тогда Арагорн осторожно взял растение в руки, и смотрите! Оно лишь слегка касалось земли и безо всякого вреда было поднято; и Арагорн отнес его в цитадель. Высохшее дерево было с почетом выкопано; и его не сожгли, но положили в тишине Рат Динона. И Арагорн посадил новое дерево во дворе у фонтана, и оно принялось и быстро начало расти. И когда наступил июнь, оно все было покрыто цветами.

— Знак дан, — сказал Арагорн, — и день уже близок.

И он расставил наблюдателей по стенам.

В день накануне середины лета от Амон Дина в город прибыли вестники и сообщили, что едет прекрасный народ с севера и что приезжие приближаются к стенам Пеленнора. И король сказал:

— Наконец они пришли. Пусть весь город будет готов!

И вот в самый канун середины лета, когда небо сияет, как сапфир, и белые звезды восходят на востоке, а запад остается золотым, когда воздух прохладен и ароматен, по северному пути к воротам Минас Тирита прибыли всадники. Первыми ехали Элрогир и Элладан с серебряным знаменем, а за ними Глорфиндель и Эрестор и все прочие жители Раздола, затем госпожа Галадриэль и Келеборн, господин Лотлориена, на белых конях, а за ними множество эльфов из их земель, в серых плащах и с белыми жемчужинами в волосах. Последним ехал мастер Элронд, могущественнейший среди эльфов и людей, и нес скипетр Аннуминаса, и рядом с ним на серой кобыле ехала его дочь, вечерняя звезда, Арвен.

И Фродо, увидев ее, сверкающую в вечерних лучах, со звездами на лбу и с ароматом вокруг себя, был сильно удивлен и сказал Гэндальфу:

— Теперь я понимаю, чего мы ждали! Это конец! Не только день теперь будет любим, но и ночь прекрасна и благословенна, и все страхи рассеются!

Король приветствовал гостей, и они спешили. И Элронд передал скипетр и вложил руку своей дочери в руку короля, и вместе они вошли в город, и в небе сияли звезды. И король Элессар женился на Арвен Ундомиель в городе королей в день середины лета и сказание о их долгом ожидании и труде подошло к концу.

6. МНОГО РАССТАВАНИЙ

Когда дни веселья кончились, товарищество начало думать о возвращении к своим домам. И Фродо отправился к королю. Король сидел с королевой Арвен у фонтана, она пела песню Валинора, а дерево росло и цвело. Они встали, приветствуя Фродо, и Арагорн сказал:

— Я знаю, зачем вы пришли, Фродо: вы хотите вернуться домой. Что ж, дорогой друг, дерево лучше всего растет в земле своих отцов. Но для вас теперь во всех землях запада дом. И хотя вашему народу мало места уделяется в легендах старины, теперь у него большая слава, чем у многих, больше не существующих обширных королевств.

— Правда, я хочу вернуться в удел, — сказал Фродо, — но сначала я должен побывать в Раздоле. Ибо если мне чего и не хватало в это благословенное время, так это Бильбо. Я очень опечалился, когда увидел, что он не прибыл с Элрондом.

— Вы удивляетесь этому, Хранитель Кольца? — спросила Арвен. — Вы знаете власть вещи, которая уничтожена; и все, что сделано этой властью, теперь ушло. Ваш родственник обладал этой вещью дольше вас. Он сейчас очень стар и ждет вас; он не будет больше совершать долгие переезды за одним исключением.

— Тогда я прошу разрешения уехать поскорее, — сказал Фродо.

— Через семь дней мы отправимся, — сказал Арагорн. — Мы долго будем с вами попутчиками, потому что поедem в Рохан. Через три дня вернется Эомер, чтобы увести Теодена в марку, и мы поедem с ним, чтобы почтить павшего. А теперь, прежде чем вы уйдете, я хочу подтвердить слово, сказанное вам Фарамиром, и заявить, что вы свободны в королевстве Гондор; и ваши товарищи тоже. И если бы был дар, соответствующий вашим деяниям, я дал бы его вам; но все, что вы желаете, будет вам дано, и вы поедете с почестями, как принц этой земли.

Но королева Арвен сказала:

— Я вам дам дар. Ибо я дочь Элронда. Я не пойду с ним, когда он отправится в серый приют: я избрала долю Лютиен, и сладкую и горькую одновременно. Но вместо меня пойдете вы, Хранитель Кольца, когда наступит время и если вы пожелаете. Если ваши раны мучают вас и воспоминания о вашей ноше тяжелы, вы должны будете уйти на запад, где залечатся ваши раны и минует усталость. А это носите в память об эльфийском камне и вечерней звезде, с жизнью которых переплелась ваша жизнь.

И они сняла подобную звезде белую жемчужину, висевшую на цепи у нее на груди и повесила цепь на шею Фродо.

— Когда воспоминание, и страх, и тьма долго будут одолевать вас, — сказала она, — это принесет вам облегчение.

Через три дня, как и ожидал король, в город прибыл Эомер Роханский и с ним Эорд лучших рыцарей Марки. Его встретили с почестями; и когда они сидели за столом в Мерготронде, большом зале пиров, он увидел красоту женщин и переполнился удивлением. И прежде чем отправиться отдыхать, он послал за гномом Гимли и сказал ему:

— Гимли, сын Глоина, готов ли ваш топор?

— Нет, лорд, — ответил Гимли, — но я могу подготовить топор, если нужно.

— Суди сам, — сказал Эомер. — Ибо между нами все еще стоят слова, касающиеся госпожи золотого леса. А теперь я увидел ее собственными глазами.

— И что же вы теперь скажете, лорд?

— Увы! — воскликнул Эомер. — Я не скажу, что она прекраснейшая из всех живущих женщин.

— Тогда я иду за топором, — сказал Гимли.

— Но вначале я должен попросить извинения, — перебил его Эомер. — Если бы я видел ее в другом обществе, я сказал бы то, что вы хотите. Но теперь я ставлю на первое место Королеву Вечернюю Звезду и готов сражаться со всеми, кто не согласен со мной. Идти ли мне за мечом?

Гимли низко поклонился.

— Нет, теперь я прощаю вас, лорд, — проговорил он. — Вы избрали вечер, а моя любовь отдана утру. И сердце мое говорит, что скоро оно уйдет навсегда.

Наконец пришел день отъезда, и большой отряд готов был отправиться на север от города. Тогда короли Гондора и рохана отправились в святилище и пришли к могилам на Рат Динон и вынесли тело короля Теодена на золотых носилках и прошли по городу в молчании. И положили носилки на большую повозку в окружении всадников Рохана и со знаменем впереди; и Мерри, как оруженосец Теодена, ехал в повозке и держал оружие короля.

Остальным товарищам были подготовлены в соответствии с их ростом лошади; и Фродо, и Сэмвайс ехали рядом с Арагорном, Гэндальф — на обгоняющем тень, а Пиппин — среди рыцарей Гондора; а Леголас и Гимли, как и раньше ехали верхом на Арод.

В поездке участвовали и королева Арвен, и Галадриэль, и Келеборн с их народом, и Элронд со своими сыновьями, и принцы Дол Амрота и Итилиена, и многие капитаны и рыцари. Никогда не передвигался по марке такой отряд, какой сопровождал возвращение домой Теодена, сына Тенгела.

Неторопливо и мирно проехали они Анориен и прибыли к серому лесу под Амон Дином и здесь слышали они в холмах гром барабанов, хотя никого не было видно. Тогда Арагорн приказал трубить в трубы. И герольды прокричали:

— Смотрите, едет король Элессар! Лес Друидан он отдает Гхан-Бури-Гхану и его народу в собственность навсегда; и отныне никто не смеет войти в него без их разрешения!

Барабаны громко зарокотали, и наступило молчание.

После пятнадцати дней путешествия повозка короля Теодена прошла по зеленым полям Рохана и прибыла в Эдорас. Здесь все отдохнули. Золотой зал был увешан прекрасными занавесами и полон света, и был дан величественнейший пир, которого не видели со времен постройки дворца. В течении трех дней люди Марки готовились к погребению Теодена; его положили в каменном доме со всем оружием и многими прекрасными вещами, которыми он владел, и над ним была насыпана большая насыпь, которую закрыли зеленым дерном. И теперь с восточной стороны поля курганов было восемь могильных насыпей.

И всадники королевского дома на белых лошадях объехали насыпь с песней о Теодене, сыне Тенгела, сочиненной его менестрелем Глеовином, и после этого он не писал никаких песен. Торжественные голоса всадников трогали даже сердца тех, кто не понимал их речи; слова этой песни зажигали огонь в глазах народа Марки; и люди Марки снова слышали топот копыт с севера и голос Эорла в битве на поле Келебранта; и катилась песня о короле, и громко пел рог Хэлма в горах, пока не настала тьма и король Теоден не восстал и не поехал сквозь тень в огонь, и умер в великолепии до того, как солнце сверкнуло утром над Миндолуином.

Минуя тьму, минуя сомнение, к началу дня

Ехал он и пел песню, обнажив свой меч.

Он оживлял надежду и с надеждой погиб.

И над смертью, над ужасом, над судьбой

Поднялся к великой славе.

Мерри стоял у подножья зеленой могилы и плакал, а когда песня кончилась, он воскликнул:
— Король Теоден! Король Теоден! Прощай! Ты был мне как отец, хотя и не надолго...

Прощай!

Когда погребение окончилось, стих плач женщин и король Теоден остался один в своей могиле, все собрались в золотом зале для великого пира, отбросив все печали — Теоден прожил долгую жизнь и закончил ее с честью, не меньшей, чем величайшие его предшественники. И когда наступило время во по обычаю Марки выпить в память королей, вперед выступила Эовин, леди Рохана, золотая, как солнце, и белая, как снег, и поднесла Эомеру полную чашу.

Тогда встали менестрель и сказитель и произнесли имена всех повелителей Марки по порядку; Эорл юный; Браго, Строитель Зала; Алдор, брат несчастного Балдора; Фреа; Френвайн; Голдвайн; Деор; Грам; Хэлм, лежащий в пропасти Хэлма. Так кончились девять могил с западной стороны, ибо здесь линия была прервана. А затем пошли могилы с восточной стороны: Фреалаф, племянник Хэлма; Леофа; Бедда; Фолка; Фолквайн; Фонгел; Тенгел; и последний — Теоден. И когда произнесли имя Теодена, Эомер осушил чашу. Тогда Эовин попросила наполнить чаши, и все собравшиеся встали и выпили за нового короля, восклицая:

— Привет тебе, Эомер, король Марки!

И когда пир подходил к концу, Эомер встал и сказал:

— Сейчас поминальный пир в честь короля Теодена; но я скажу радостную новость, и король не будет недоволен этим, потому что он был как отец моей сестре Эовин. Слушайте, мои гости, прекрасный народ разных земель, какой никогда не собирался в этом зале! Фарамир, наместник Гондора и принц Итилиена, просит руки Эовин, леди Рохана, и она согласна быть его женой. Поэтому они обручаются перед вами.

И Фарамир и Эовин вышли вперед и взялись за руки; и все выпили за их здоровье и возрадовались.

— Теперь, — сказал Эомер. — Гондор и Марка связаны новыми узами, и никто не радуется этому больше меня.

— Вы не скупы, Эомер, — сказал Арагорн, — вы отдаете Гондору прекрасное сокровище вашего королевства.

Эовин взглянула в глаза Арагорну и сказала:

— Пожелайте мне счастья, мой повелитель и целитель!

И он ответил:

— Я желаю тебе счастья первой встречи. И мое сердце радуется, видя твое счастье.

Когда пир кончился, те, кто должен был ехать, попросили позволения у короля Эомера. Готовился к отъезду Арагорн со своими рыцарями, народ Лориена и Раздола... Но Фарамир и Имрахил оставались в Эдорасе, осталась и Арвен вечерняя звезда, попрощавшись с братьями. Никто не видел ее последней встречи с Элрондом, ее отцом; они ушли в холмы и там долго разговаривали, и горько было их расставание, которое должно было длиться до конца мира.

Наконец перед отъездом гостей Эовин и Эомер пришли к Мерри и сказали:

— Прощайте, Мериадок из Удела и холвайн Марки! Поезжайте к доброй удаче и возвращайтесь поскорее!

И Эомер сказал:

— Короли древности нагрузили бы вас дарами, которые не смогла бы увезти телега с полей Мундбурга; и все же вы говорите, что не возьмете ничего, кроме оружия. У меня действительно нет достойного вашим деяниям дара; но моя сестра просит вас принять эту маленькую вещь в память о Дернхелме и о рогах Марки, трубящих на рассвете.

И Эовин дала Мерри древний рог, маленький, но искусно выложенный серебром, с зеленой перевязью; на нем была выгравирована линия всадников и руны с глубоким значением.

— Это наследие нашего дома, — сказала Эовин. — Рог сделан гномами и достался нам из Орды Ската, прозванного червем. Эорл Юный принес его с севера. Если подуть в этот рог, то его звук вселит страх в сердца врагов и радость в сердца друзей. И друзья услышат его звук и придут на помощь.

Мерри взял рог и поцеловал руку Эовин; они обнялись и расстались.

Гости были готовы. Они выпили прощальную чашу и со словами похвалы и дружбы расстались. Прибыв в пропасть Хэлма, они отдыхали два дня. Здесь Леголас выполнил свое обещание и посетил с Гимли Блισταющие пещеры; когда они вернулись, он молчал и сказал только, что Гимли один может найти подходящее слово для того, чтобы говорить о них.

— И никогда раньше гном не торжествовал победу над эльфом в словесном состязании, — сказал он. — Теперь пойдем в Фэнгорн, и счет сравняется.

Из пропасти Хэлма они отправились в Изенгард и увидели, чем занимаются энты. Все каменное Кольцо было разрушено, земля вокруг превратилась в сад, по которому протекал ручей; в середине находилось озеро чистой воды, и в нем стоял Ортханк, высокий и недосыгаемый, и его черные стены отражались в воде.

Некоторое время путешественники стояли на том месте, где раньше находились ворота Изенгарда и где теперь, как часовые росли два высоких дерева в начале зеленой аллеи, ведущей к Ортханку. Они в удивлении смотрели на проделанную работу, но никого живого не было видно поблизости. Но вскоре они слышали «Хум-хум, хум-хум»; к ним по дороге шел Древобрад, а рядом с ним Быстрый Луч.

— Добро пожаловать в Ортханкский сад! — сказал он. — Я знал, что вы идете, но был занят работой в долине; тут еще многое нужно сделать. Я слышал, вы тоже не бездельничали на юге и на востоке; и все, что я слышал — хорошо, очень хорошо. — И Древобрад похвалил все их дела, о которых, по-видимому, хорошо знал; наконец он остановился и долго смотрел на Гэндальфа. — Что ж, — заключил он, — вы оказались сильнее, и вся ваша работа проделана хорошо. Куда же вы теперь направляетесь? И зачем пришли сюда?

— Посмотреть, как идет ваша работа, мой друг, — ответил Гэндальф, — и поблагодарить за вашу помощь во всем совершенном.

— Хум, это прекрасно, — сказал Древобрад, — разумеется, энты сыграли свою роль. И не только с этим, хум, с этим проклятым Древоубийцей, что жил здесь. Было большое передвижение этих, бурарум, этих злоглазых — черноруких — кривоногих — жестокосердных — когтелопых — кровожадных, моримайте — сиикахонда, хум, ну, вы торопливый народ, а их полное имя длинное, как годы пытки от этих паразитов — орков. Они шли по реке, и с севера, и со всех мест вокруг Лаурелиндоренана, в который они не могли войти, благодаря великим, присутствующим здесь. — Он поклонился госпоже и господину Лориена. — И эти подлые существа были более чем удивлены, встретив нас на Болде; они не слышали о нас раньше, хотя то же самое можно сказать и о лучших народах. И не многие могут нас вспомнить: мало кто ушел от нас живым, да и тех в большинстве приняла река. Но для вас это было хорошо, король травяных земель недалеко проехал бы, а если бы и смог проехать, то, вернувшись, не застал бы своего дома.

— Мы хорошо знаем это, — сказал Арагорн, — и никогда не забудем ни в Минас Тирите, ни в Эдорасе.

— Никогда — слишком длинное слово даже для меня, — сказал Древобрад. — Вы хотите сказать, пока живет ваш народ; он будет действительно жить долго, даже с точки зрения энтов.

— Начинается новая эра, — сказал Гэндальф, — и вполне может случиться, друг мой Фэнгорн, что в этой эре люди переживут энтов. Но скажите: как вы выполнили мое задание? Как Саруман? Он еще не устал от Ортханка? Не думаю, чтобы он поблагодарил вас за улучшение

вида из его окна.

Древобрад хитро, как показалось Мерри, взглянул на Гэндальфа.

— Ах, — сказал он. — Я так и думал, что вы подойдете к этому. Устал от Ортханка?.. Очень, но не столько от башни, сколько от моего голоса. Хум. Я рассказывал ему долгие сказания — долгие, по вашему мнению.

— Как же он слушал? Вы приходили в Ортханк? — поинтересовался Гэндальф.

— Хум, нет, не в Ортханк! — сказал Древобрад. — Но он подходил к окну и слушал, потому что хотел узнать новости любым путем, и хотя эти новости ему не нравились, он все же жадно слушал. Я видел, что он выслушивал. Но я добавлял кое-что для него, над чем ему можно было подумать. Он очень устал. Это была его гибель.

— Я замечаю, мой добрый Фэнгорн, — проговорил Гэндальф, — что вы говорите: жил, был, устал. Почему? Он умер?

— Нет, насколько мне известно, — ответил Древобрад. — Но он ушел. Да, семь дней назад. Я позволил ему уйти. Мало что от него осталось, когда он выполз; как и его червеобразный спутник, он был похож на бледную тень. Не говорите мне, Гэндальф, что я обещал стеречь его: я это и сам помню. Но с тех пор положение изменилось. Я стерег его, пока он мог еще причинить какой-либо вред. Вы знаете, что больше всего я ненавижу, когда живое существо держат в клетке, и даже такого, как он, я не стал бы держать взаперти без особой необходимости. Змея без жала может ползти куда захочет.

— Может, вы и правы, — сказал Гэндальф, — но у этой змеи остался по крайней мере один клык. У него сохранился ядовитый голос, и я думаю, что он убедил вас, даже вас, Древобрад, зная ваше слабое место. Что ж, он ушел, и говорить об этом больше не стоит. Башня Ортханк возвращается королю, которому она принадлежала раньше. Хотя, может, она ему и не нужна.

— Это мы увидим позже, — сказал Арагорн. — Но я позволяю энтам делать все, что им угодно, в этой долине, пока они следят за Ортханком и не позволяют туда входить никому без моего разрешения.

— Ортханк закрыт, — сказал Древобрад. — Я заставил Сарумана закрыть его и отдать мне ключи. Они у Быстрого Луча.

Быстрый луч поклонился как дерево, клонящееся на ветру, и передал Арагорну два больших черных ключа сложной формы, надетых на стальное кольцо.

— Еще раз благодарю вас, — сказал Арагорн. — Пусть ваш лес растет в мире. Когда эта долина будет заполнена, останется много свободного пространства западнее гор, где вы ходили когда-то давно.

Лицо Древобрада стало печальным.

— Леса могут расти, — сказал он. — Деревья могут размножаться. Но не энты. Энтийских жен больше нет.

— Однако, может, еще есть надежда в ваших поисках, — предположил Арагорн. — Для вас теперь открыты земли на востоке, куда давно не было доступа.

Но Древобрад покачал головой и сказал:

— Это очень далеко. И теперь там слишком много людей. Но я забыл о вежливости. Не хотите ли остановиться здесь и отдохнуть? И, может, кому-нибудь из вас будет приятно пройти по лесу Фэнгорн и сократить дорогу домой? — И он посмотрел на Келеборна и Галадриэль.

Но все, кроме Леголаса и Гимли, сказали, что должны отправляться немедленно и идти на юг или запад.

— Ну, Гимли! — сказал Леголас. — Теперь с разрешения Фэнгорна, я посещу глубины энтийского леса и увижу деревья, каких нигде больше нет в Средиземье. Вы должны идти со мной и сдержать свое слово; так мы вместе доберемся до наших земель — чернолесья и того, что

за ним.

Гимли согласился с этим, хотя и не весьма радостно.

— Вот и кончается Товарищество Кольца, — сказал Арагорн. — Но я надеюсь, что вскоре вы вернетесь в мои земли с обещанной помощью.

— Мы придем, если наши повелители позволят нам, — сказал Гимли. — Что ж, прощайте, мои хоббиты! Вы благополучно доберетесь к своим домам, и я не буду плохо спать от страха за вас. Мы будем посылать слова, когда сможем, и, может быть, некоторые из нас еще встретятся. Но, боюсь, что все вместе мы больше никогда не соберемся.

Тогда Древобрад попрощался со всеми по очереди и трижды медленно и низко, с большим уважением, поклонился Келеборну и Галадриэль.

— Давным-давно мы не встречались у ствола или камня, а занимар, заннмалион ностарн! — сказал он. — Печально, что встречаемся еще раз лишь в самом конце. Мир меняется: я чувствую это в воде, и в земле, и в воздухе. Не думаю, что мы встретимся вновь.

И Келеборн сказал:

— Не знаю, старейший.

А Галадриэль добавила:

— Не в Средиземье и пока земля, лежащая под водой, не поднимется вновь. Лишь тогда на лугах Тасариона мы сможем вновь встретиться. Прощайте!

Последними попрощались со старым энтом Мерри и Пиппин, и он немного повеселел, глядя на них.

— Ну, мои веселые друзья, — сказал он, — хотите ли еще выпить моего напитка перед уходом?

— Конечно, хотим, — сказали они, и он отвел их в сторону в тень одного большого дерева, и они увидели, что там стоит большой каменный кувшин. Древобрад налил три чаши, и они выпили; и они увидели, как его странные глаза смотрят на них через край чаши.

— Осторожней, осторожней! — сказал он. — Вы уже и так выросли с тех пор, как я видел вас в последний раз.

И они рассмеялись.

— Что ж, до свидания! — сказал он. — И не забудьте, услышав новости об энтийских женах, прислать мне слово.

Он помахал своей большой рукой и исчез среди деревьев.

Путешественники ехали теперь быстрее, направляясь к Роханскому проходу. И здесь вблизи того места, где Пиппин смотрел в камень Ортханка, Арагорн попрощался со всеми. Хоббиты очень опечалились при этом расставании: Арагорн был их верным другом и предводителем во многих опасностях.

— Хотел бы я иметь камень, чтобы видеть в нем своих друзей, — сказал Пиппин. — И чтобы мы могли разговаривать.

— Остался только один камень, который вы могли бы использовать, — ответил Арагорн, — потому что вы не захотите видеть то, что показывает камень Минас Тирита. Но палантир Ортханка останется у короля, чтобы он мог видеть, что происходит в его королевстве и что делают его слуги. И не забудьте, Перегрин Тук, что вы рыцарь Гондора и я не освобождаю вас от службы. Сейчас вы уходите, но я могу позвать вас. И помните, мои дорогие друзья из Удела, что мое королевство простирается и на север — и однажды я приду туда.

Арагорн попрощался с Келеборном и Галадриэль, и госпожа сказала ему:

— Эльфийский камень, через тьму пришли вы к вашей надежде и получили теперь все, что желали. Хорошо используйте дни!

Но Келеборн добавил:

— Прощайте, родич! Пусть ваша судьба будет другой, чем у меня, и ваше сокровище останется с вами до конца!

С этим они расстались на закате: и когда немного спустя они повернулись и посмотрели назад, то увидели короля запада на большом коне в окружении рыцарей; и заходящее солнце осветило его, и белая мантия его запылала алым пламенем. Арагорн поднял зеленый камень, и из его руки вырвался зеленый огонь.

Вскоре уменьшившийся отряд, следуя по Изену, повернул на запад и прошел проход в пустынные земли за ним, а оттуда, повернув на север, добрался до границ Дунленда. Жители Дунленда бежали, увидев путников: они боялись эльфов, хотя те редко заходили в их земли. Но путники не обращали внимания, потому что их все еще было много и у них было все необходимое; и они, не торопясь, двигались своим путем, натягивая для отдыха палатки, где хотели.

На шестой день после расставания с королем они двигались по лесу, спускавшемуся с холмов у подножья туманных гор, которые теперь находились справа от них. А выбравшись на открытое пространство на закате солнца, они догнали старика, опирающегося на посох, одетого в обрывки серой и грязно-белой одежды. У его ног сидел другой нищий, сутулящийся и скулящий.

— Ну, Саруман! — сказал Гэндальф. — Куда вы идете?

— Какое вам дело? — ответил тот. — Вы хотите и в этом распоряжаться мной? Вы еще не удовлетворены моим падением?

— Вы знаете ответ? — сказал Гэндальф. — Нет и нет. Но в любом случае моя работа подошла к концу. Король принял на себя ношу. Если бы вы подождали в Ортханке, вы увидели бы его, и он проявил бы свою мудрость и милосердие.

— Тем больше было причин уйти поскорее, — ответил Саруман, — мне ничего от него не нужно. Если вы хотите получить ответ на свой первый вопрос, то я ищу пути из его королевства.

— Значит, вы опять идете неверным путем, — сказал Гэндальф, — и я не вижу надежды в вашем пути. Вы не хотите нашей помощи? Мы предлагаем ее вам.

— Мне? — удивился Саруман. — Нет, не смейтесь надо мной. Я предпочитаю, чтобы вы хмурились. А что касается присутствующей здесь госпожи, то я не верю ей: она всегда ненавидела меня и интриговала в вашу пользу. Я не сомневаюсь, что она привела вас этим путем, чтобы полюбоваться моей нищетой. Если бы я знал о вас, я не доставил бы ей этого удовольствия.

— Саруман, — сказала Галадриэль, — у нас другие дела и заботы, более важные, чем отыскивать вас. Скажите лучше, что вас догнала удача: это ваш последний шанс.

— Если на самом деле последний, то я рад, — сказал Саруман, — ибо я избавлюсь от необходимости отказываться в следующий раз. Все мои надежды рухнули, но я не хочу разделять ваши. Если они у вас есть.

На мгновение глаза его блеснули.

— Я не зря тратил долгие часы, изучая эти дела, — сказал он. — Вы обречены, и сами знаете это. И мне доставляет немалое удовольствие в моих скитаниях думать, что разрушая мой дом, вы разрушили и свой. И какой же корабль перенесет вас обратно через широкое море? — насмеялся он. — Серый корабль, полный призраков.

Он засмеялся хрипло и неприятно.

— Вставай, идиот! — закричал он второму нищему, сидевшему на земле, и ударил его посохом. — Поворачивайся! Если они идут по нашему пути, мы пойдем по другому. Вставай, или не получишь свою корку на ужин!

Нищий встал с хныканьем:

— Бедный старый Грима! Бедный старый Грима! Всегда его бьют и ругают. Как я его ненавижу! Я хотел бы уйти от него!

— Тогда уходи! — сказал Гэндальф.

Но Змеиный Язык бросил на Гэндальфа взгляд, полный ужаса, и заторопился за Саруманом. Когда зловещая пара проходила мимо хоббитов, Саруман остановился и посмотрел на них. Они смотрели на него с жалостью.

— Значит, вы тоже пришли поиздеваться надо мной, пострелята? — Сказал он. — Вам не интересно, в чем нуждается нищий. Ведь у вас есть все, что вам нужно: еда, и одежда, и лучшее зелье для ваших трубок. О, да я знаю. Я знаю, откуда оно. Не дадите ли нищему на затычку?

— Я бы дал, если бы оно у меня было, — сказал Фродо.

— Можете взять все, что у меня осталось еще, — сказал Мерри, — если немного подождете. — Он нагнулся и порывлся в мешке. Потом протянул Саруману кожаный мешочек и сказал. — Возьмите это. Оно из Изенгарда.

— Мое, мое, и дорого за него заплачено! — воскликнул Саруман, сжимая мешочек рукой. — Это только часть, вы взяли гораздо больше. Но нищий должен быть благодарен, если ему возвращают хоть горстку его собственного добра. Ну, что ж, оно хорошо послужит вам дома, если вы обнаружите, что в южном Уделе не все обстоит так, как вам хотелось бы. Долго в вашей земле будет не хватать листа!

— Спасибо! — сказал Мерри. — В таком случае я хочу получить обратно кисет. Он не ваш, он путешествовал вместе со мной. Заверните лист в какую-нибудь тряпку.

— Один вор стоит другого, — ответил Саруман и, отвернувшись от Мерри и пнув своего спутника, пошел к лесу.

— Вот это мне нравится! — воскликнул Пиппин. — А как же насчет засады, связывания и похода с орками через весь Рохан?

— Ах! — сказал Сэм. — Дорого заплачено, он сказал, интересно, кому? И мне не нравится то, что он сказал о южном Уделе. Пора нам возвращаться домой.

— Да, — согласился Фродо. — Но мы не можем идти туда, не увидев Бильбо. Я же во всяком случае сначала иду в Раздол.

— Так будет лучше, — сказал Гэндальф. — Жаль Сарумана! Боюсь, больше ничего нельзя для него сделать. Но не думаю, чтобы Древобрад был прав. Саруман еще может навредить.

На следующий день они прибыли в северный Дунланд, где сейчас не жили люди, хотя это была зеленая и приятная страна. Наступил сентябрь с золотыми днями и серебряными ночами, и они ехали налегке, пока не добрались до реки Лебединый Полет и нашли старый брод к востоку от водопадов, где река неожиданно спускается в низины. Далеко на запад в дымке лежали озера и острова, через которые река извиваясь текла к Грейфлуду; здесь, в тростниках жили бесчисленные лебеди.

Так прошли они в Эрегион, и в одно прекрасное утро, глядя из своего лагеря на низком холме, путники увидели на востоке три освещенных солнцем пика над плывущими облаками: Карадрас, Келебдил и Фриундол. Они приближались к воротам Мории.

Здесь они задержались на семь дней, ибо близилось еще одно печалившее их расставание. Вскоре Келеборн, Галадриэль и их народ должны были повернуть на восток и пройти через проход Красного Рога, спуститься по лестнице Димрилла к Сильверлоуд и к своей стране. Они так далеко прошли западным путем, потому что им о многом нужно было поговорить с Элрондом и Гэндальфом, и, задержавшись, они продолжали беседы со своими друзьями. Часто после того, как хоббиты засыпали, они сидели под звездами, вспоминая ушедшие века, и свои радости, и свою работу в мире, или советуясь о наступающих днях. Если бы мимо случилось пройти какому-нибудь путнику, мало что он услышал бы и увидел, ему показалось бы только,

что он видит вырезанные из камня серые фигуры — воспоминание о давно забытых днях в ненаселенной земле. Ибо они не двигались и не говорили словами, а прямо обменивались мыслями от мозга к мозгу; и лишь глаза их горели и жили при этом.

Но наконец все было сказано, и они расстались на время, пока не наступит час ухода Трех Колец. Быстро слившись с камнями, одетый в серое народ Лориена двинулся к горам. А те, что должны были идти в Раздол, сидели на холме и смотрели, пока из тумана вдали не блеснула вспышка. Фродо знал, что это Галадриэль подняла руку в знак прощания.

Сэм отвернулся и вздохнул:

— Я хотел бы снова побывать в Лориене!

Наконец однажды вечером они неожиданно, как всегда кажется путникам, оказались на высоком краю долины Раздола и далеко внизу увидели огни дома Элронда. Они спустились и пересекли мост, и подошли к двери и весь дом наполнился светом и радостными песнями.

Прежде всего, не поев, не помывшись, и даже не сняв плащей, хоббиты отправились на поиски Бильбо. Они нашли его одного в его маленькой комнате. Она была забита бумагами, перьями и карандашами. Бильбо сидел в кресле перед очагом, в котором ярко горел огонь. Он выглядел очень старым, но мирным, и он... спал.

Бильбо открыл глаза и взглянул на них.

— Здравствуйте! — сказал он. — Вы уже вернулись? А завтра мой день рождения. Как хорошо с вашей стороны! Вы знаете, мне исполнится сто двадцать девять. Через год, если проживу, я сравняюсь со старым Туком. Мне хочется побить его рекорд, но посмотрим.

Отметив день рождения Бильбо, четверо хоббитов еще несколько дней оставались в Раздоле; большую часть времени они проводили со своим старым другом, который теперь почти не выходил из комнаты, разве что лишь поест. Ибо он по-прежнему был очень пунктуален в этом и никогда не просыпал время обеда или ужина. Сидя у огня, они во очереди рассказывали ему о своих приключениях. Вначале он пытался кое-что записывать, но часто засыпал; а проснувшись, говорил: «Как прекрасно! Как удивительно! Но на чем мы остановились?» И они продолжали рассказ с того места, где он начал дремать.

Единственный момент в их повествовании, который действительно привлек его внимание, был рассказ о короновании и женитьбе Арагорна.

— Меня, конечно, пригласили тоже, — сказал он. — Но нашлись дела. А собираться — это такие хлопоты!

Однажды утром, посмотрев в окно, Фродо увидел, что ночью был заморозок и что паутина похожа на белые сети. И он понял, что должен попрощаться с Бильбо и идти. Погода по-прежнему была прекрасной после одного из лучших лет, какие только могли припомнить люди. Наступал октябрь, и вскоре должны были начаться дожди. А путь еще предстоял неблизкий. Но не мысль о погоде заставляла его торопиться. Он чувствовал, что пора возвращаться в Удел. Сэм разделял это чувство. Лишь накануне вечером он сказал:

— Что ж, мастер Фродо, мы ходили далеко и видели много, но я думаю, что места лучше этого так и не нашли. Здесь все есть, вы меня понимаете: и Удел, и золотой лес, и Гондор, и дворцы королей, и гостиницы, и луга, и горы — все смешано. И все же я чувствую, что нам пора уходить. Я беспокоюсь о своем старике, по правде говоря.

— Да, Сэм, все кроме моря, — ответил Фродо и повторил как бы про себя. — Кроме моря.

Фродо поговорил с Элрондом, и было решено, что они выступят на следующее утро. К их радости, Гэндальф сказал:

— Думаю, что я тоже должен идти. По крайней мере до Пригорья. Хочу увидаться с Баттербуром.

Вечером они зашли к Бильбо.

— Что ж, если вы должны идти, значит, должны, — сказал он. — Жаль. Я теряю вас. Приятно будет думать, что вы дома. Но я стал таким соней.

Затем он отдал Фродо митриловую кольчугу и жало, забыв, что когда-то уже сделал это. Он дал ему также три книги записей, сделанных им в разное время. На их красных переплетах было написано «Переведено с эльфийского Б. Т.»

Сэму он дал мешочек с золотом.

— Последняя капля сокровищ Смога, — сказал он. — Пригодится, если ты задумаешь жениться, Сэм. — И Сэм покраснел.

— У меня нет ничего для вас, мои юные друзья, — сказал он, обращаясь к Мерри и Пиппину, — кроме доброго совета. — И он дал им немало советов, добавив в лучших традициях Удела. — Не допускайте, чтобы ваши головы становились слишком великими для шляп. Если будете продолжать расти, скоро одежда обойдется вам в копейчку.

— Если вы хотите побить старого Тука, — парировал Пиппин, — не вижу, почему бы нам не попытаться побить бычьего рева.

Бильбо засмеялся и достал из кармана две прекрасных трубки с жемчужными наконечниками и отделкой из серебра.

— Думайте обо мне, когда будете курить их, — сказал он. — Их сделали для меня эльфы, но я больше не курю. — Тут он уснул ненадолго, а проснувшись, сказал. — Где мы остановились? Да, конечно, подарки. И, кстати... Кстати, я вспомнил кое-что, Фродо, а где мое кольцо?

— Я потерял его, Бильбо, дорогой, — ответил Фродо. — Точнее, я избавился от него.

— Какая жалость! — проговорил Бильбо. — Я хотел бы еще раз взглянуть на него. Но что я говорю глупости! Для этого ведь вы и уходили — чтобы избавиться от него. Но все это так сложно, и у меня смешалось в голове: дела Арагорна, и Белый Совет, и Гондор, и Всадники, и южане, и слоны, ты на самом деле видел слона, Сэм? — и пещеры, и башни, и золотые деревья, и бог знает еще что.

Я, очевидно, пришел домой из своего путешествия слишком прямой дорогой. Думаю, Гэндальф мог бы и мне кое-что показать. Да, но ведь все началось после моего возвращения. Да и поздно: мне сейчас кажется гораздо удобнее и приятнее сидеть здесь и слушать об этом. Огонь здесь такой уютный и еда очень хороша, а когда захочешь, к тебе приходят эльфы. Чего еще можно пожелать?

Дорога уходит все вперед и вперед от двери, где она начинается,
Далеко вперед ушла дорога, пусть идет по ней, кто может!
Пусть они начнут новое путешествие, а я поверну наконец
Свои усталые ноги
К освещенной гостинице навстречу ужину и сну.

С последними словами голова Бильбо опустилась на грудь, и он уснул.

Вечер сгустился в комнате, огонь в очаге горел ярче. Они смотрели на спящего Бильбо и видели, что он улыбается во сне. Некоторое время они сидели молча. Затем Сэм, осмотревшись по сторонам, негромко сказал:

— Не думаю, мастер Фродо, чтобы он много писал, пока мы отсутствовали. Он не сможет записать наш рассказ.

Бильбо открыл глаза, как бы услышав.

— Понимаете, я стал таким сонливым, — сказал он. — А когда у меня есть время писать, я люблю писать только стихи. Фродо, ты как-то привел в порядок здесь все. Возьми с собой мои

заметки, бумаги и мой дневник тоже, если захочешь. Понимаешь, теперь у меня для этого мало времени. Пусть тебе поможет Сэм, а когда вы все разберете, возвращайтесь, и я перечитаю. Я не буду слишком критиковать.

— Конечно, я это сделаю, — сказал Фродо, добавив. — И, конечно, я скоро вернусь: теперь это не опасно. Есть настоящий король, и он скоро наведет порядок на дорогах.

— Спасибо, мой дорогой, — сказал Бильбо. — Это принесет мне большое облегчение.

Тотчас же он снова уснул.

На следующий день Гэндальф и хоббиты попрощались с Бильбо в его комнате, потому что у дверей было холодно; попрощались они и с Элрондом и другими жителями Раздола.

Элронд пожелал им счастливого пути и сказал:

— Я думаю, Фродо, может быть, вам и не понадобится возвращаться. В это же время года, когда листья золотятся перед падением, ищите Бильбо в лесах Удела. Я буду с ним.

Никто не слышал этих слов, но Фродо их запомнил.

7. ДОРОГА ДОМОЙ

Наконец хоббиты повернулись лицами к дому. Им очень хотелось снова увидеть Удел; но вначале они ехали медленно, потому что заболел Фродо. Когда они подъехали к броду Бруинен, он остановился, и, казалось, не хотел въезжать в воду; и они заметили, что глаза его не видят ни их, ни окружающего. Весь этот день Фродо молчал. Было шестое октября.

— Тебе больно, Фродо? — спросил Гэндальф негромко, подъехав к нему.

— Да, — ответил Фродо. — В плече. Рука болит, и память о Тьме тяготит меня. Это было ровно год назад.

— Увы! Существуют раны, которые невозможно излечить полностью, — сказал колдун.

— Боюсь, со мной именно так, — согласился Фродо. — Настоящего возвращения назад не будет. Хотя я и вернусь в Удел, это будет не то: я сам уже не тот. Я ранен ножом, жалом, зубом и тяжелой ношей. Где мне найти отдых?

Гэндальф не ответил.

К концу следующего дня боль и беспокойство прошли, и Фродо был снова весел, так весел, как будто забыл о тьме прошлого. После этого путешествие шло хорошо, и дни бежали быстро; они ехали не торопясь и часто задерживались в прекрасных лесах, где листья отсвечивали красным и желтым на осеннем солнце. Наконец они прибыли на Заверть; день клонился к вечеру, и темная тень холма лежала на дороге. Фродо попросил всех поторопиться и не смотрел на холм, но проехал через тень со склоненной головой и завернувшись в плащ. Ночью погода изменилась, подул западный ветер, пахнувший дождем, и желтые листья кружили в воздухе, как птицы. Когда они приехали в Четвуд, ветви деревьев были почти голые и большой занавес дождя закрывал от их взора холм Пригорья.

Итак, в конце дождливого холодного дня пятеро путешественников поднялись по дороге и подошли к южным воротам Пригорья. Ворота были крепко заперты; дождь заливал им лица, по темному небу торопливо бежали низкие облака, и сердца их немного сжались: они ожидали более радушного приема.

Они много раз кричали, наконец вышел привратник, и они увидели, что у него в руках большая дубина. Он посмотрел на них со страхом и подозрением; но, увидев, что это Гэндальф и хоббиты, немного успокоился и поздоровался.

— Входите! — сказал он, открывая ворота. — Не стоит стоять здесь на ветру и дожде в этот хулиганский вечер. Старый Барли, несомненно, радушно встретит вас в «Пони» и тогда вы услышите все, что захотите.

— А позже вы услышите все, что скажем мы, и даже больше, — засмеялся Гэндальф. — Как Гарри?

Привратник нахмурился.

— Ушел, — сказал он. — Но лучше расспросите Барлимана. Добрый вечер!

— Добрый вечер и вам, — сказали они и проехали; и тут они заметили, что у ограды рядом с дорогой построено длинное низкое здание; оттуда вышло несколько мужчин и уставилось на приезжих. Подъехав к дому Билла Ферни, они увидели, что изгородь его сломана, а окна выбиты.

— Не убило ли его твоим яблоком, Сэм? — спросил Пиппин.

— Я не надеюсь на это, мастер Пиппин, — ответил Сэм. — Но я хотел бы знать, что случилось с бедным пони. Я много раз вспоминал его, и как были волки, и вообще все.

Наконец они подъехали к «Скачущему Пони»; гостиница ничуть не изменилась; за красными занавесями низких окон горел свет. Они позвонили, вышел Ноб и, приоткрыв дверь, посмотрел в щелку. Увидев их, он закричал:

— Мастер Баттербур! Хозяин! Они вернулись!

— Вернулись? Я их проучу, — слышался голос Баттербура, а вслед появился и он с дубиной в руке. Но, увидев приезжих, он остановился, и свирепое выражение его лица сменилось на удивленное и радостное.

— Ноб, дубина с кудрявой башкой! — взревел он. — Не можешь назвать старых друзей по именам? Обязательно нужно испугать меня! Ну, ну! И откуда же вы? Не думал, что снова увижу вас. Ведь факт — уйти в дикие земли с этим Бродяжником, а вокруг все эти черные люди. Но я рад видеть вас, а больше всего Гэндальфа. Входите! Входите. И те же комнаты, что и раньше? Они свободны сейчас. Вообще большинство комнат свободно сейчас, в эти дни, не скрою от вас, потому что вы сами это обнаружите. А я посмотрю, что можно предпринять насчет ужина как можно скорее; но сейчас у меня не очень много чего поесть. Эй, Ноб, засоня! Скажи Бобу! Ах, я забыл, Боба нет: он ушел вечером домой. Ладно, отведи пони гостей в конюшню. Ноб! А свою лошадь вы отведете сами, Гэндальф, я не сомневаюсь. Прекрасное животное, как я сказал, впервые увидев его. Ну, входите! Будьте как дома!

Манера речи во всяком случае у мастера Баттербура не изменилась. И все же: вокруг никого не было, все было тихо, а из гостиной доносились негромкие звуки двух-трех голосов. И в свете свечей, которые хозяин зажег и понес перед ними, было видно, что лицо у него усталое и обеспокоенное.

Он провел их по коридору к гостиной, которую они использовали той странной ночью больше года назад; они следовали за ним, слегка встревоженные, так как им стало ясно, что старый Барлиман пытается бодриться, но на самом деле его что-то тревожило. Положение было не таким, каким они хотели его видеть. Но они ничего не сказали и ждали.

Как они и ожидали, после ужина мастер Баттербур пришел к ним проверить, всем ли они довольны. Они были довольны: изменения во всяком случае не коснулись ни пива, ни еды в «Пони».

— Сегодня я не буду таким смелым, чтоб приглашать вас в общую комнату вечером, — сказал хозяин. — Вы устали, и у меня сегодня немного народа. Но если вы мне уделите полчаса перед сном, я с удовольствием поговорю с вами.

— Мы тоже хотим этого, — сказал Гэндальф откровенно. — Мы не устали. Путь у нас был легкий. Мы промокли, замерзли и голодны, но все это вы можете исправить. Садитесь. И если у вас есть трубочное зелье, мы вас благословим.

— Что ж, если бы вы попросили что-либо другое, я был бы счастлив, — сказал Баттербур. — Но именно этого у нас и нет. Только то, что выращиваем сами, а этого недостаточно. Из Удела мы ничего не получаем в эти дни. Но я посмотрю, что можно сделать.

Вернувшись, он принес пачку ненарезанного листа, достаточную для одного-двух дней.

— Лучшее, что у нас есть, — сказал он. — Но, конечно, не сравнится с зельем из южного Удела, как я всегда говорил, хотя в остальном я всегда на стороне Пригорья, прошу вашего прощения.

Они усадили хозяина в большое кресло у очага, Гэндальф сел по другую сторону, а хоббиты на низких стульях — между ними. И говорили много раз по полчаса, пока мастер Баттербур не сообщил и сам не узнал все новости. Большинство из того, что они говорили ему, было удивительно и невероятно для хозяина и намного превосходило его воображение. И у него часто вырывалось: «Не может быть!»

— Не может быть, мастер Торбинс! Или мастер Накручинс? Я спутался. Не может быть, мастер Гэндальф! Кто бы мог подумать!

Он и сам многое рассказал. Положение совсем нельзя было назвать хорошим.

— Никто теперь не приходит в Пригорье извне, — рассказал он. — А наши жители по

большей части сидят дома, закрыв двери. Это все из-за бандитов, пришедших по зеленому тракту в прошлом году, как вы можете вспомнить — позже их пришло еще больше. Некоторые были беженцами, но большинство — просто плохие люди, воры и разбойники. У нас были неприятности прямо в Пригорье, большие неприятности. Настоящая схватка, и были даже убитые! Если вы мне верите.

— Верю, — сказал Гэндальф. — И много убитых?

— Три и два, — ответил Баттербур, имея в виду высокий и маленький народ. — Бедный Мет Битсарто, и Ровли Эпилдор, и маленький Том Пикторн из-за холма; и Вилли Бенкс сверху, и один из Подкручинсов из Стедла. Все хорошие парни, и мы их потеряли. А Гарри Гоатлиф, привратник западных ворот, и Билл Ферни, они перешли на сторону чужаков и ушли с ними. Я думаю, что они их и впустили. В ночь схватки, я имею в виду. Тогда мы выгнали их, перед концом года, после прошлогоднего большого снегопада.

А теперь они стали разбойниками и скрываются в лесах за Арчетом и в пустынях на севере. Как в дурные старые времена, о которых говорится в сказаниях. На дорогах небезопасно, никто не ездит далеко, и люди рано закрываются на запоры. Нам пришлось поставить часовых вдоль всей ограды и держать по ночам людей у ворот.

— Нас никто не трогал, — сказал Пиппин, — а мы двигались медленно и не соблюдали предосторожностей. Мы думали, что все неприятности остались позади.

— Нет, к сожалению мастер, — сказал Баттербур. — А то, что вас не тронули, неудивительно. Они не нападают на вооруженных, у кого есть мечи, щиты, шлемы и все такое. Сначала дважды подумают. Должен сказать, что и я призадумался, увидев вас.

И тут хоббиты поняли, что люди смотрели на них с удивлением не из-за того, что они неожиданно вернулись, а из-за их одежды и вооружения. Сами они так привыкли к оружию и к передвижению в военном порядке, что совсем забыли о том, что яркие кольчуги, видные из-под плащей, шлемы Гондора и Марки, прекрасные гербы на щитах должны казаться необычными в их стране. А Гэндальф тоже ехал на высоком сером коне, весь одетый в белое, а на боку у него висел длинный меч Глемдринг.

Гэндальф рассмеялся.

— Ну, ну, — сказал он, — если они испугались нас пятерых, тогда мы встречали врагов пострашнее. Но во всяком случае пока мы здесь, они оставят вас в покое.

— Надолго ли? — спросил Баттербур. — Не буду скрывать: мы рады были бы иметь вас гостями подольше. Видите ли, мы не привыкли к таким делам, а Следопыты все исчезли, как говорят. Мы до сих пор не понимали, что они делали для нас. Тут были существа похуже грабителей. Волки были у ограды в прошлую зиму. А эти темные фигуры в лесах, от одной мысли о которых застывает кровь. Все это очень беспокоит, если вы меня понимаете.

— Да, — сказал Гэндальф, — все земли были в беспокойстве в эти дни, в большом беспокойстве. Но приободритесь, Барлиман! Вы были лишь на краю больших неприятностей, и я рад слышать, что вы не вступили в них глубже. Наступают лучшие времена. Может, лучше, чем вы себе представляете. Следопыты вернулись. Мы прибыли с ними. И снова есть король, Барлиман. Он скоро обратит свое внимание и сюда.

Зеленый тракт снова будет открыт, посыльные поскачут на север, начнется движение по дорогам, а злые существа будут изгнаны в пустыни. Вообще пустынь не будет; там же, где сейчас дикие земли, поселятся люди и будут поля.

Мастер Баттербур покачал головой.

— Если на дорогах будут порядочные проезжие, это нам не повредит, — сказал он. — Но мы не хотим больше грабежей и разбойников. Не хотим чужаков в Пригорье или поближе. Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. Не хочу, чтобы вокруг поселялись толпы чужаков, опустошая

наши земли.

— Вас оставят в покое, Барлиман, — сказал Гэндальф. — Между Изеном и Грейфлудом достаточно места для нескольких королевств. Много пустых земель и к югу от Брендивайна. А многие поселятся к северу, в ста и больше милях отсюда, в дальнем конце зеленого тракта — у северных склонов или у озера Эвендим.

— У плотины мертвецов? — спросил с сомнением Баттербур. — Говорят, это земля призраков. Даже разбойник не пойдет туда.

— Пойдут Следопыты, — ответил Гэндальф. — Вы говорите, плотина мертвецов? Так называли ее долгие годы. Но ее настоящее имя, Барлиман, Форност Орейн — королевский Норбери. И однажды король снова прибудет туда; и тогда мимо вас проедет немало народа.

— Что ж, согласен, это звучит более обнадеживающе, — сказал Баттербур. — Да и для дела это неплохо. Только пусть не трогает Пригорье.

— Не тронет, — сказал Гэндальф. — Он вас знает и любит.

— Откуда? — удивился Баттербур. — Он сидит на троне в большом зале в сотнях миль отсюда. И пьет вино из золотого кубка. И что ему «Пони» или кружка пива? Не то, чтобы у меня было плохое вино, Гэндальф. Оно необыкновенно хорошо, с тех пор, как прошлой осенью вы сказали над ним несколько слов.

— Ах! — сказал Сэм. — Он тоже говорит, что у вас хорошее пиво.

— Он говорит?

— Конечно. Он — Бродяжник. Глава Следопытов. Вы еще не поняли этого?

До Барлимана наконец дошло, и лицо его представляло сплошное удивление. Глаза его округлились, рот широко раскрылся.

— Бродяжник! — воскликнул он, передохнув. — Он, с короной, с золотым кубком! К чему же мы идем?

— К лучшим временам, для Пригорья во всяком случае, — сказал Гэндальф.

— Надеюсь. Что ж, это был самый хороший разговор для меня за много месяцев. И не стану скрывать, что сегодня я буду спать спокойнее и с легким сердцем. Вы мне дали много материала для размышлений, но я все это отложу на утро. Иду спать, и вы тоже, конечно. Эй, Ноб! — позвал он, подходя к двери. — Ноб, разиня!

— Ноб! — повторил он, хлопнув себя по лбу. — О чем же это напоминает мне?

— Надеюсь, не о другом забытом письме, мастер Баттербур? — Сказал Мерри.

— Ну, ну, мастер Брендизайк, не нужно напоминать мне об этом. Но вы перебили мне мысль. О чем это я? Ноб, конюшня, ах! Вот оно! У меня есть кое-что, принадлежащее вам. Если вы помните Билла Ферни и кражу лошадей, то пони, которого вы у него купили, здесь. Вернулся сам. Но где он был, вы знаете лучше меня. Он был лохматый, как старый пес, и тощий, как бельевая веревка, но живой. Ноб присматривал за ним.

— Что! Мой Билл! — воскликнул Сэм. — Ну, что бы ни говорил мой старик, я рожден счастливым. Вот и еще одно исполнившееся желание! Где он? Я иду к нему.

Путники оставались в Пригорье весь следующий день, и вечером мастер Баттербур не мог пожаловаться на отсутствие посетителей. Любопытство победило все страхи, и его дом был переполнен. Хоббиты навестили общую комнату и ответили на множество вопросов. У жителей Пригорья оказалась хорошая память, и Фродо несколько раз спрашивали, написал ли он свою книгу.

— Еще нет, — отвечал он. — Иду домой, чтобы привести в порядок свои записи.

Он обещал изложить и удивительные события в Пригорье, и жители Пригорья решили, что это будет самое интересное место в книге, гораздо интереснее, чем рассказ о далеких и незначительных событиях «на юге».

Одни из юношей заикнулся о песне, но на него зашикали, наступило молчание. Очевидно, больше никто не хотел повторения необычных событий в общей комнате.

Ни днем, ни ночью ничто не нарушало спокойствия Пригорья, пока путники оставались там. На следующее утро они встали рано. Погода оставалась дождливой. Они хотели до наступления ночи добраться до Удела, а путь предстоял немалый. Жители Пригорья высыпали на улицы, чтобы посмотреть на их отъезд. Они были сейчас в лучшем настроении, чем целый год. Те, кто не видел путников во всем их вооружении, с удивлением смотрели на них: на Гэндальфа с белой бородой, с разливающимся вокруг него светом; на четверых хоббитов, похожих на воинов из древних сказаний. Даже те, кто смеялся над разговорами о короле, подумали, нет ли в этих разговорах правды.

— Ну, удачи вам на дорогах и благополучного возвращения домой, — сказал мастер Баттербур. — Я должен предупредить вас, что не все в порядке в Уделе, если верно то, что мы слышали. Странные события там происходят. Но одно за другим, а голова у меня так забита собственными тревогами. Если я могу осмелиться, то скажу, что вы изменились и вполне можете справиться с любыми неприятностями. Я не сомневаюсь, что скоро все будет в порядке. Счастливого пути! И чем чаще вы будете приезжать к нам, тем я буду довольнее.

Они попрощались с ним, проехали через западные ворота и двинулись в Удел. Пони Билл был с ними; как и раньше, на нем было немало багажа, но он трусил рядом с Сэмом и казался вполне довольным.

— Интересно, на что намекал старый Барлиман? — сказал Фродо.

— Догадываюсь, — угрюмо ответил Сэм. — Я видел в зеркале: срубленные деревья и мой старик, изгнанный с Роу. Надо поторопиться.

— И, очевидно, что-то неладно с южным Уделом, — сказал Мерри. — Совсем не стало зелья.

— Что бы это ни было, — заметил Пиппин, — можете быть уверены, что в самом центре находится лото.

— Может, и так, но не в самом центре, — возразил Гэндальф. — Вы забыли о Сарумане. Он интересовался Уделом раньше Мордора.

— Но, поскольку вы с нами, — сказал Мерри, — скоро все прояснится.

— Пока я с вами, — сказал Гэндальф, — но скоро мы расстанемся. Я не пойду в Удел. Вы сами должны справиться со своими делами, для этого вы вполне подготовлены. Вы разве еще не поняли? Мое время кончилось: наводить порядок, помогать друзьям — это уже не моя задача. А что касается вас, мои дорогие друзья, то вы не нуждаетесь в помощи. Вы выросли. И очень выросли. Теперь вы равны величайшим мира, и я не боюсь за вас.

И если хотите знать, скоро я сверну в сторону. Мне нужно поговорить с Бомбадилом. В свое время я не успел это сделать. Мои дни подходят к концу, и теперь нам многое нужно сказать друг другу.

Немного спустя они добрались до того места на дороге, где расстались с Бомбадилом. Они надеялись, что увидят его там. Но его не было видно, и над курганами стоял серый туман, и темная завеса скрывала старый лес.

Они остановились, и Фродо задумчиво посмотрел на юг.

— Хорошо бы снова увидеть старика, — чуть спустя заметил он. — Интересно, что с ним?

— Можешь быть уверен, ничего особенного, — сказал Гэндальф. — Живет спокойно и, я думаю, не очень интересуется нашими делами, разве что посещением энтов. Может позже вы увидите его. Но на вашем месте я бы поторопился домой и прибыл бы к мосту через Брендивайн до того, как закроют ворота.

— Но там нет никаких ворот, — сказал Мерри, — нет ворот дорог на дороге. Конечно, есть

ворота в Бакленде, но меня через них пропустят в любое время.

— Нет никаких ворот? — повторил Гэндальф задумчиво. — Думаю, вы все же их найдете. И даже у ворот Бакленда у вас могут быть больше неожиданностей и неприятностей, чем вы думаете. Но вы наведете порядок. До свидания, дорогие друзья! Мы еще увидимся с вами. До свидания!

Он повернул Обгоняющего Тень, крикнул, и конь, как ветер, полетел к курганам.

— Ну, вот мы и снова вчетвером, как и начинали, — сказал Мерри. — Одни за другим все наши друзья остались позади. Как будто сон, который быстро бледнеет.

— Не для меня, — сказал Фродо. — Мне кажется, что сейчас я только засыпаю.

8. ОЧИЩЕНИЕ УДЕЛА

Уже наступила ночь, когда путники, промокшие и уставшие, добрались наконец до Брендивайна и увидели, что путь прегражден. В обоих концах моста стояли большие ворота, на дальнем конце они увидели несколько новых домов, двухэтажных с узкими окнами, мрачных и совсем не похожих на Удельские жилища.

Они стучали во внешние ворота и кричали, но вначале не было никакого ответа; затем, к их удивлению, кто-то задул в рог, и в окнах вспыхнули огни. Чей-то гортанный голос прокричал в темноте:

— Кто это? Уходите! Войти нельзя. Разве вы не видите объявления: не разрешается вход от заката до восхода солнца?

— Конечно, не видим в темноте, — крикнул Сэм. — И если хоббитов будут держать снаружи на таком дожде ночью, я сорву ваше объявление, как только найду его.

Хлопнуло окно, и толпа хоббитов с фонарями вывалилась из дома справа. Они открыли большие ворота, и некоторые из них вышли на мост. Увидев путников, они, казалось, испугались.

— Эй! — закричал Мерри, узнав одного из хоббитов. — Вы меня должны узнать, Хоб Хейвард! Я Мерри Брендизайк и хочу знать, что все это значит и что вы тут делаете?

— Будь я проклят! Это мастер Мерри, конечно, — сказал Хоб. — Говорили, что вы умерли! Погибли в старом лесу! Я рад видеть вас живым!

— Тогда перестаньте смотреть на меня через прутья и откройте ворота! — сказал Мерри.

— Мне очень жаль, мастер Мерри, но у нас приказ.

— Чей приказ?

— Шефа из Торбы-На-Круче.

— Шефа? Вы имеете в виду Лото? — спросил Фродо.

— Да, мастер Торбинс. Но сейчас мы просто говорим «шеф».

— Ну что ж, — сказал Фродо, — я рад, что он прославил Торбинсов. Но, очевидно, пришло время заняться им и поставить его на место.

Хоббиты за воротами замолчали.

— Нехорошо так говорить, — сказал один из них. — Он узнает. И если вы будете производить столько шума, вы разбудите большого человека шефа.

— Мы его и так разбудим и увидим, — проговорил Мерри. — Если вы хотите сказать, что ваш драгоценный шеф нанял разбойников и грабителей, тогда мы пришли как раз вовремя.

Он прыгнул с пони и, увидев в свете фонарей объявление, сорвал и перебросил его через ворота. Хоббиты попятись, не собираясь открывать.

— Давай, Пиппин! — сказал Мерри. — Двоих достаточно.

Мерри и Пиппин взобрались на ворота, и хоббиты побежали. Еще раз прозвучал рог. Из большого дома слева появилась на фоне освещенных дверей большая фигура.

— Что это? — усмехнулся появившийся, выходя вперед. — Взлом ворот? Убирайтесь, или я сломаю ваши грязные маленькие шеи.

Но тут он остановился, увидев блеск мечей.

— Билл Ферни, — сказал Мерри, — если за десять секунд ты не откроешь ворота, то пожалеешь об этом. Я проучу тебя сталью, если ты не будешь повиноваться. А открыв ворота, ты выйдешь из них и никогда больше не вернешься. Ты разбойник и грабитель с большой дороги.

Билл Ферни вздрогнул, побежал к воротам и открыл их.

— Дай мне ключ! — сказал Мерри.

Но разбойник пробежал мимо него и нырнул в темноту. Когда он пробегал мимо пони, один из них лягнул его сзади. Билл с криком полетел в ночь, и его больше не было слышно.

— Отличная работа, Билл! — сказал Сэм, имея в виду пони.

— Вот и все с большим человеком, — сказал Мерри. — А с шефом увидимся позже. Тем временем нам нужно помещение на ночь. Похоже, вы разрушили гостиницу у моста и поставили вместо нее эти отвратительные дома. Мы пойдем туда.

— Мне очень жаль, мастер Мерри, — сказал Хоб, — но это не разрешается.

— Что не разрешается?

— Впускать посторонних, есть лишнюю пищу и вообще все, — сказал Хоб.

— А почему? Был плохой год? Мне казалось, что лето было прекрасное и урожай хороший.

— Да, год был хороший, — сказал Хоб. — И мы вырастили богатый урожай, но точно не знаем, что с ним. Это все «сборщики», ходят повсюду, отбирают и говорят о запасах и о справедливом дележе. Но они больше отбирают, чем делят, и мы уже никогда не видим собранного.

Пиппин зевнул.

— Слишком утомительно для меня сегодня вечером. Дайте нам место, где мы могли бы поспать. Все равно оно будет лучше многих мест, которые мне приходилось видеть.

Хоббиты у ворот по-прежнему казались очень встревоженными: по-видимому, было нарушено еще какое-то правило. Но больше никто не противоречил таким опытным и вооруженным путникам, двое из которых были очень высоки и выглядели необыкновенно сильными. Фродо приказал снова закрыть ворота. Разумнее было сохранить предосторожности, пока вокруг бродят разбойники. Затем четверо хоббитов отправились в караульню и устроились там поудобнее. Это было голое и неприятное помещение с маленьким очагом, который не позволял развести хороший огонь. На втором этаже стояли ряды твердых постелей и на стене висели объявления и тексты правил. Пиппин сорвал их. Пива не было, а еды действительно оказалось слишком мало, но с тем, что принесли с собой путники, ее хватило даже для небольшого пира. И Пиппин нарушил правило номер четыре, бросив в огонь большую часть дров.

— Покурим, пока вы расскажете нам о том, что происходит в Уделе, — сказал он.

— Трубочного зелья нет, — ответил Хоб, — только для людей шефа. Все запасы куда-то исчезли. Мы слышали, что большая телега с грузом отправилась из южного Удела по старой дороге через брод Сарн. Это было в конце прошлого года, после вашего отъезда. Но с тех пор многое изменилось.

— Замолчи, Хоб Хейвард! — закричали остальные. — Ты знаешь, что такие разговоры запрещены. Шеф узнает о них, и мы все поплатимся.

— Он ничего не узнал бы, если бы среди нас не было доносчиков, — горячо сказал Хоб.

— Ладно, ладно, — сказал Сэм. — Достаточно. Не хочу больше слушать. Я надеялся отдохнуть, но теперь вижу, что нам придется поработать. Давайте спать и забудем обо всем до утра!

У «шефа», очевидно был способ узнавать новости. От моста до Торбы-На-Круче было добрых сорок миль, но кто-то их быстро преодолел. Фродо и его друзья скоро были обнаружены.

У них не было определенного плана, они смутно думали о том, чтобы вначале вместе отправиться в Крикхэллоу и немного отдохнуть. Но теперь, увидев, как складываются дела, они решили направиться прямо в Хоббитон. Поэтому на следующее утро они неторопливо двинулись по дороге. Ветер прекратился, но небо по-прежнему было серым. Местность вокруг казалась печальной, мрачной. Было начало ноября, осень. Казалось, слишком много костров горело по сторонам, и во многих местах поднимался дым. Большой столб его поднимался далеко в

направлении на Вуди-Энд.

Вечер застал хоббитов у Фрогмортон — деревни на дороге в двадцати двух милях от моста. Здесь они собирались провести ночь: «Плывущее бревно» в Фрогмортоне было отличной гостиницей. Но, подъехав к восточному концу деревни, они увидели барьер и большое объявление: проезда нет. За барьером стоял большой отряд шерифов с палками в руках и перьями на шляпах. Они выглядели одновременно важными и испуганными.

— Что это? — спросил Фродо, склонный к юмору.

— А вот что, мастер Торбинс, — ответил глава шерифов, хоббит с двумя перьями на шляпе. — Вы арестованы за недозволенный проход через ворота, срывание правил, нападение на хранителя ворот, браконьерство, сон в помещении караульни и подкуп стражи едой.

— А что еще? — спросил Фродо.

— Этого достаточно, — ответил главный шериф.

— Могу еще кое-что добавить, — вмешался Сэм. — Называние вашего шефа неподходящими словами, намерение ударить кулаком по его прыщевой роже, благодарность шерифам за то, что они выглядели дураками.

— Довольно, довольно, мастер! Шериф приказал, чтобы вы вели себя спокойно. Мы отведем вас в Байуотер и передадим людям шефа; и он разберет ваш случай, тогда и сможете дать ему объяснения. Но если вы не хотите очень долго оставаться в тюремных норах, советую вам помолчать.

К удивлению шерифов, Фродо и его товарищи расхохотались.

— Не говорите глупостей! — сказал Фродо. — Я пойду, куда и когда захочу. Я иду по делу в Торбу-На-Круче, но если вы хотите идти с нами, мы не возражаем.

— Хорошо, мастер Торбинс, — сказал глава шерифов, отводя барьер в сторону. — Но не забудьте, что я арестовал вас.

— Не забуду, — сказал Фродо. — Никогда. Но я могу простить вас. Сегодня я не собираюсь больше идти, поэтому можете отвести меня в «Плывущее бревно».

— Я не могу этого сделать, мастер Торбинс. Гостиница закрыта. В том конце деревни есть помещение шерифа. Я отведу вас туда.

— Хорошо, — согласился Фродо. — Идите, мы поедем за вами.

Сэм рассматривал шерифов и вскоре увидел знакомого хоббита.

— Эй, Робин Смоллбарроу! — позвал он. — Иди сюда, я хочу поговорить с тобой.

Украдкой взглянув на предводителя, который выглядел рассерженным, но не решался вмешиваться, шериф Смоллбарроу подошел к Сэму, который слез с пони.

— Послушай, Робин, — сказал Сэм. — Ведь ты из Хоббитона, и у тебя должно было хватить разума не устраивать засаду на мастера Фродо и вообще. И почему закрыта гостиница?

— Они все закрыты, — ответил Робин. — Шеф запретил пиво. С этого все и началось. И он не разрешает свободно передвигаться. Если хочешь куда-нибудь отправиться, нужно идти в дом шерифа, объяснить дело и получить разрешение.

— Стыдно позволять такое, — сказал Сэм. — Тебе самому содержимое гостиницы нравилось больше, чем ее наружный вид. Ты всегда, по делу или без него, заходил туда.

— Я и сейчас хотел бы этого, Сэм. Но не думай обо мне слишком плохо. Что я могу сделать? Ты знаешь, я поступил в шерифы семь лет назад, до того, как все это началось. Думал, что получу возможность побродить по стране, послушать новости и узнать, где лучшее пиво. Теперь же все по-другому.

— Но тогда уйди из шерифов, если это стало плохим делом.

— Нам это не позволено.

— Если я часто буду слышать «не позволено», я рассержусь, — заявил Сэм.

— Не могу сказать, что это мне нравится тоже, — сказал Робин, понижая голос. — Если мы рассердимся все вместе, что-нибудь можно будет сделать. Но люди, Сэм, люди шефа. Он шлет их повсюду, и если кто-нибудь из нас, маленьких хоббитов, заявляет о своих правах, его тащат в тюремные норы. Они взяли старого Флордамилинга, старого Уилла Битфута, мэра и еще многих других... Потом стало еще хуже. Они нас часто избивают.

— Зачем же служить им? — гневно спросил Сэм. — Кто послал тебя в Фрогмортон?

— Никто. Мы находимся здесь в доме шерифа. Мы теперь первый восточно-удельский отряд. Большинство здесь против своей воли. Даже в Уделе, впрочем, нашлись такие, которым нравится вмешиваться в чужие дела. И даже хуже: некоторые шпионят для шефа и его людей.

— Вот как вы о нас узнали?

— Верно. Они используют старую службу почты и держат повсюду специальных бегунов. Один сегодня ночью прибыл с «секретным сообщением», а другой ушел отсюда. А утром пришел приказ арестовать вас и доставить в Байуотер, а не прямо в тюремные норы. Очевидно, шеф вначале хочет посмотреть на вас.

— Боюсь, что скоро ему этого не захочется, — сказал Сэм.

Дом шерифа в Фрогмортоне был таким же плохим, как и дом у моста. Одноэтажный с узкими окнами, он был построен из плохо пригнанных кирпичей. Внутри него было сыро и невесело. Ужин находился на длинном, голом столе, который не мыли уже много недель. Да и еда была отвратительная. Путники с радостью оставили это место. До Байуотера оставалось восемнадцать миль, и они выступили в десять часов утра. Они выступили бы и позже, но задержка явно раздражала главу шерифов. Западный ветер сменился северным, стало холодней, но вот дождь прекратился. Очень комичная кавалькада покидала деревню, хотя мало кто из жителей осмелился выйти посмотреть на нее. Дюжине шерифов было приказано конвоировать «пленников», но Мерри заставил их идти впереди, а сами друзья поехали сзади. Мерри, Пиппин и Сэм смеялись, разговаривали и пели, а шерифы брели впереди, стараясь выглядеть строгими и важными. Фродо, однако, был молчалив и выглядел печальным и задумчивым.

Последним, кого они встретили в деревне был крепкий старик, подрезавший живую изгородь.

— Эй! — усмехнулся он. — Кто кого арестовал?

Два шерифа немедленно отправились к нему.

— Эй, шериф! — крикнул Мерри главе. — Прикажи своим парням вернуться, если не хочешь, чтобы я занялся ими!

После окрика своего начальника два хоббита угрюмо вернулись.

— Теперь вперед! — сказал Мерри, и после этого путешественники следили за тем, чтобы их пони шли достаточно быстро и не давали шерифам возможности оглядываться. Взошло солнце, и, несмотря на холодный ветер шерифы вскоре вспотели и начали отдуваться.

У камня трех Уделов они сдались. Они проделали почти четырнадцать миль с короткой остановкой в полдень. Было уже три часа. Шерифы проголодались, стерли ноги и не могли идти дальше.

— Ну, доберетесь сами, — сказал Мерри. — Мы поедем вперед.

— До свидания, Робин! — сказал Сэм. — Я подожду тебя у «Зеленого дракона», если ты еще не забыл, где это. Не задерживайся в пути.

— Вы уходите из-под ареста, — уныло сказал глава шерифов. — Я не отвечаю за это.

— Мы уже нарушили много правил и никого не просим отвечать за это, — сказал Пиппин. — Удач вам всем.

Путники двинулись вперед и, когда солнце начало склоняться к белым склонам далеко на западном горизонте, они прибыли к широкому пруду у Байуотера. Здесь их ждала действительно

первая болезненная неожиданность. Это была родина Сэма и Фродо и они поняли, что всегда тосковали по ней. Но многие дома, которые они помнили, теперь исчезли. Некоторые как будто сгорели. Приятный ряд хоббичьих нор на северном берегу пруда был разрушен, маленькие садики, сбегавшие к самой воде, заросли сорняком. Хуже всего было то, что вдоль берега пруда, где проходила дорога на Хоббитон, был выстроен ряд безобразных новых домов. Раньше здесь была аллея. Теперь все деревья были вырублены. В отчаянии глядя в направлении Торбы-На-Круче, путники увидели в отдалении высокую кирпичную трубу. Из нее валил черный дым.

Сэм вышел из себя.

— Я отправлюсь туда, мастер Фродо! — воскликнул он. — Хочу отыскать своего старика.

— Вначале нужно выяснить, в чем дело, — сказал Мерри. — Вероятно, у «шефа» здесь шайка разбойников. Лучше отыскать кого-нибудь, кто ввел бы нас в курс дела.

Но в Байуотере все дома и норы были закрыты, и никто не встречал путников. Они удивились этому, но вскоре поняли причину. Достигнув «Зеленого дракона», последнего дома со стороны Хоббитона, теперь безжизненного, с разбитыми окнами, они увидели с полдюжины больших, зловеще выглядевших людей, сидевших у стены гостиницы. Все они были смуглолицы и косоглазы.

— Похожи на друга Билла Ферни в Пригорье, — сказал Сэм.

— Похожи на многих в Изенгарде, — пробормотал Мерри.

В руках у разбойников были дубины, а на поясах рога, но больше никакого оружия не было видно. Когда путники подъехали ближе, разбойники отошли от стены и преградили им дорогу.

— Куда же вы направляетесь? — спросил один из разбойников, самый большой и злобный. — Дальше вам нельзя. И где эти драгоценные шерифы?

— Скоро придут, — ответил Мерри. — Они немного стерли ноги. Мы обещали подождать их здесь.

— Гарри, что я говорил? — сказал разбойник, обращаясь к своим товарищам. — Я говорил Шарки, что нельзя доверять этим маленьким дуракам. Надо было послать наших парней.

— А зачем? — спросил Мерри. — Мы здесь не привыкли к грабителям, но знаем, как с ними обращаться.

— К грабителям? Вот вы значит как? Смените тон, или мы вас самих изменим. Вы, малыши, становитесь слишком высокомерными. Не очень верьте в доброе сердце босса. Пришел Шарки, и все будет так, как он говорит.

— И как же это? — спокойно спросил Фродо.

— Эта страна должна быть приведена в порядок, — сказал разбойник, — и Шарки сделает это. Вам нужен хороший хозяин. И вы его получите. А тогда кое-чему научитесь, крысята!

— Что ж, я рад, что узнал ваши планы, — сказал Фродо. — Я собираюсь повидаться с Лото и надеюсь, ему будет полезно меня послушать.

Разбойник захохотал.

— Лото! Он все знает. Не беспокойтесь... Он делает все, что говорит Шарки. Если шеф доставляет нам беспокойство, мы можем сменить его. Понятно? А если малыши суют свой нос куда не следует, мы их от этого отучим. Ясно?

— Ясно, — ответил Фродо. — Во-первых, мне ясно, что вы ничего здесь не знаете. Многое случилось с тех пор, как вы ушли с юга. Ваши дни и дни всех других разбойников кончились. Башня тьмы пала, а в Гондоре есть король. Изенгард разрушен, а ваш драгоценный хозяин просит подаяние в диких землях. Мы видели его в пути. По зеленому тракту едут теперь посланники короля, а не вассалы Изенгарда.

Человек посмотрел на него и улыбнулся.

— Нищий в диких землях! Неужели? Хвастай, хвастай, мой маленький хвостун! Этим ты

нам не помешает жить в жирной маленькой стране, где вы слишком долго лентяйничали. И, — он щелкнул пальцами перед лицом Фродо, — посланники короля! Как бы не так! Когда я увижу кого-нибудь из них, тогда может быть, я и обращу на него внимание.

Это было слишком для Пиппина. Он вспомнил поле Кормаллен, а здесь косоглазый называет Хранителя Кольца «маленьким хвостуном». Он распахнул плащ, выхватил меч. Блеснул черный с серебром мундир Гондора.

— Я посланник короля, — сказал он. — Ты говоришь с другом короля и одним из наиболее славных героев запада. Ты разбойник и дурак. На колени и проси прощения, или же я покажу тебе проклятие троллей!

Меч блеснул в лучах заходящего солнца.

Мерри и Сэм тоже обнажили мечи и подъехали к Пиппину, но Фродо не двигался. И разбойники отступили. Их работа была пугать жителей Пригорья и колотить испуганных хоббитов. Бесстрашные хоббиты с яркими мечами и суровыми лицами явились для них неприятным сюрпризом. И в голосе пришельцев были нотки, которых они раньше не слышали. Они испугались.

— Идите! — сказал Мерри. — Если снова потревожите поселок, пожалеете.

Три хоббита двинулись вперед, а разбойники повернули и побежали по дороге на Хоббитон. На бегу они дули в рога.

— Ну, мы прибыли вовремя, — сказал Мерри.

— Может, слишком поздно, по крайней мере для того, чтобы спасти Лото, — ответил Фродо. — Несчастный глупец, мне его жаль.

— Спасти Лото? — удивился Пиппин. — Что ты имеешь в виду. Я бы скорее сказал: уничтожить его.

— Не думаю, чтобы ты все понял, Пиппин, — сказал Фродо. — Лото никогда не хотел, чтобы так обернулись дела. Конечно же, он глупец, но теперь он сам попался. Грабители все делают его именем. Он сам пленник в Торбе-На-Круче, я думаю, и очень испуган. Надо попробовать освободить его.

— Ну, я поражен! — сказал Пиппин. — Меньше всего я ожидал такого конца нашего путешествия — сражаться в самом Уделе с полуорками и грабителями, чтобы освободить прыщавого Лото!

— Сражаться? — переспросил Фродо. — Что ж, вероятно, дойдет и до этого. Но помните, нельзя убивать хоббитов, даже если они перешли на другую сторону. На самом деле перешли, я имею в виду, не просто повиновались приказам разбойников, потому что испугались. Ни один хоббит не был убит в Уделе, и не нужно начинать сейчас. И вообще никого не нужно убивать, если это возможно. Удерживайте руки до последней возможности!

— Но если этих разбойников много, — сказал Мерри, — то схватка неизбежна. Ты не сможешь освободить ни Лото, ни Удел, оставаясь печальным и удивленным, мой дорогой Фродо.

— Да, — согласился Фродо. — Второй раз испугать их так легко не удастся. Вы слышали звуки рога? Очевидно, недалеко есть еще разбойники. Нужно укрыться где-нибудь на ночь. В конце концов нас всего четверо, хотя мы и вооружены.

— У меня идея! — сказал Сэм. — Идемте к старому Тому Коттону на Южной аллее. Он всегда был крепким парнем. И у него много сыновей, все они мои друзья.

— Нет, — возразил Мерри. — Нам не пристало «укрываться на ночь». Именно так здесь все поступали, и это нравится грабителям. Они тогда просто загонят нас в угол и захватят или сожгут. Нет, нужно сделать что-то другое.

— Что же? — спросил Пиппин.

— Поднять Удел! — ответил Мерри. — Немедленно! Разбудить всех! Вы сами видите: все недовольны, все, кроме нескольких мошенников и дураков, которые хотят быть важными и не понимают, к чему это ведет. Но народ Удела так долго жил в спокойствии, что не знает как поступить. Нужна лишь спичка, и все вспыхнет. Люди шефа знают это. Они попытаются как можно быстрее покончить с нами. У нас очень мало времени.

Сэм, если хочешь, беги на ферму Коттона. Он самый решительный из всех местных жителей. А я затрублю в роханский рог: пусть послушают незнакомую музыку.

Они двинулись назад по середине поселка. Здесь Сэм свернул в сторону и поскакал на юг, к Коттону. Не успев отъехать далеко, он услышал поднимающийся в небо чистый звук рога. Далеко над полями и холмами разносился он. И так повелителен был его зов, что Сэм чуть не повернул и не поскакал назад. Пони его попятился и заржал.

— Вперед, парень! Вперед! — крикнул Сэм, успокоив. — Мы скоро вернемся.

Тут он услышал, как Мерри изменил сигнал и, потрясая воздух, взвился тревожный призыв Бакленда:

Вставайте! Вставайте!

Страх, огонь! Враги!

Вставайте!

Огонь! Враги! Вставайте!

Сэм услышал за собой хлопанье дверей и шум голосов. Перед ним вспыхнули огни, залаяли собаки, послышался топот ног. И прежде чем он добрался до конца аллеи, к нему подбежал фермер Коттон и три его сына! Том, Джолли и Ник. В руках у них были топоры. Они преградили ему путь.

Сэм услышал голос их отца:

— Нет, это не один из тех разбойников. По виду хоббит, но очень странно одет. Эй! Кто ты и что делаешь здесь?

— Это я, Сэм, Сэм Скромби. Я вернулся.

Фермер Коттон подошел ближе и уставился на него в сумерках.

— Ну! — воскликнул он. — Голос похож, да и лицо тоже, Сэм. Но я не узнал бы тебя в этом наряде. Похоже, ты был в чужих землях. Мы боялись, что ты умер.

— А вот и нет! — сказал Сэм. — И мастер Фродо тоже жив. Он здесь со своими друзьями. И еще суматоха началась. Они поднимают Удел. Мы хотим выгнать этих разбойников и их шефа. Начинаем прямо сейчас.

— Хорошо, хорошо! — воскликнул фермер Коттон. — Наконец-то началось! Весь год я ждал этого, но наши не хотели слушать меня. И мне приходилось думать о жене и Розе. Эти разбойники никого не жалеют. Но идемте, парни! Байуотер встает! Мы должны принять участие.

— Как миссис Коттон и Розе? — спросил Сэм. — Не опасно ли оставлять их одних?

— Мой Ниббс с ними. Но можешь идти и помочь, если хочешь, — добавил фермер Коттон с усмешкой. И он со своими сыновьями побежал к поселку.

Сэм заторопился к дому. У большой круглой двери наверху ступенек, ведущих с широкого двора, стояла миссис Коттон и Роза, а перед ними потрясая вилами, виднелся Ниббс.

— Это я! — закричал Сэм, подбегая. — Сэм, Сэм Скромби! Не проткни меня, Ниббс. На мне кольчуга.

Он спрыгнул с пони и побежал по ступенькам. Они молча смотрели на него.

— Добрый вечер, миссис Коттон! — сказал он. — Привет, Розе!

— Здравствуй, Сэм! — ответила Роза. — Где ты был? Говорили, что ты мертв, но я жду тебя с самой весны. Ты не очень торопился возвращаться.

— Может, и нет, — смущенно сказал Сэм. — Но сейчас я тороплюсь. Мы занимаемся разбойниками, и я должен вернуться к мастеру Фродо. Но я решил сначала взглянуть, как вы здесь, миссис Коттон, и ты, Рози.

— Все хорошо, спасибо, — ответила миссис Коттон. — Или было бы хорошо, если бы не эти воры и грабители.

— Ну, хватит, — сказала Рози. — Если ты был все время с мастером Фродо, то зачем ты его оставил, когда начались опасности?

Это было слишком для Сэма. Не зная, что ответить, он повернулся и сел на пони. Но когда он уже собрался уезжать, Рози сбежала со ступенек.

— Ты хорошо выглядишь, Сэм, — сказала она. — Иди! Побереги себя и возвращайся, как только вы покончите с этими разбойниками!

Вернувшись, Сэм увидел всю деревню на ногах. Помимо многих парней, здесь собрались свыше ста крепких хоббитов с топорами, тяжелыми молотами, длинными ножами и прочными палками; у нескольких были охотничьи луки. Из близлежащих ферм подходили все новые.

Разожгли большой костер, чтобы подбодриться, а также потому, что это было запрещено шефом. Костер ярко пылал в ночи. По приказу Мерри устанавливались баррикады с обоих концов поселка. Когда шерифы подошли к поселку, они были ошарашены; но увидев, что происходит, большинство из них сорвали свои перья и присоединились к восставшим. Остальные убежали.

Фродо и его друзья разговаривали у костра со старым Томом Коттоном, а восхищенная толпа байуотерцев стояла вокруг и смотрела на них.

— Что же дальше? — спросил фермер Коттон.

— Не могу сказать, — ответил Фродо, — пока не узнаю больше. Сколько здесь этих разбойников?

— Трудно сказать. Они все время передвигаются, приходят и уходят. Около пятидесяти в бараках в Хоббитоне; но оттуда они все время разбредаются воровать и грабить, или «собирать», как они говорят. Но вокруг босса, как они называют его, всегда не менее двух десятков. Вообще-то шефа уже около двух недель никто не видел, но люди никого к нему не пускают.

— Хоббитон — единственное место, где они живут? — Спросил Пиппин.

— Нет, к сожалению, — ответил Коттон. — Я слышал, у них лагерь на юге в Лонгботтоме и у брода Сарн; еще они бродят у Вуди-Энда и у перекрестка дорог есть их бараки. И есть еще тюремные норы, как они их называют — старые запасные туннели в Микел Дельвинге, которые они превратили в тюрьму для непокорных. Я считаю, что их в Уделе около трехсот или чуть меньше. Мы можем справиться с ними, если будем действовать вместе.

— Какое у них оружие? — спросил Мерри.

— Кнуты, ножи, дубины — все, что нужно для их грязной работы, — сказал Коттон. — Но, думаю, если дело дойдет до схватки, у них найдется и другое оружие. У некоторых из них есть луки. Одного-двух наших они подстрелили.

— Вот, Фродо! — сказал Мерри. — Я знал, что дело дойдет до схватки. Они сами начали убивать.

— Не совсем так, — заметил Коттон. — Первыми стреляли не они. Начали Туки. Видите ли, мастер Перегрин, ваш папаша никогда не желал иметь ничего общего с Лото, с самого начала. Говорил, что если кто и будет шефом Удела, то не этот выскочка. И когда Лото послал своих людей, они не смогли добраться до Туков. У Туков глубокие норы в зеленых холмах, больших Смайлсах и все остальное. И они не пустили разбойников в свои земли. Когда они попытались туда войти, Туки стреляли в них и застрелили троих. С тех пор разбойники внимательно следят за Туками и за Туклендом. Никого не впускают туда и не выпускают.

— Молодцы Туки! — воскликнул Пиппин. — Но кому-то нужно идти туда. Я отправляюсь в Смайлсы. Кто со мной в Такборо?

Пиппин уехал с полудюжиной парней на пони.

— Скоро увидимся! — крикнул он. — Туда всего четырнадцать миль полями. И утром приведу сюда армию Туков.

Мерри задул в рог, а хоббиты разразились приветственными криками.

— Все равно я не хочу убийств, — сказал Фродо, — даже разбойников.

— Хорошо! — сказал Мерри. — Но мы можем в любой момент ждать нападения из Хоббитона. Теперь они придут не для разговоров. Попытаемся кончить по-хорошему, но готовиться нужно к худшему. У меня есть план.

— Очень хорошо, — сказал Фродо. — Займись подготовкой.

Прибежали несколько хоббитов, посланных к Хоббитону.

— Идут! — кричали они. — Больше двух десятков. А двое отправились на запад.

— К перекрестку дорог, должна быть, — сказал Коттон, — собирать всю банду. Ну, туда пятнадцать миль. О них пока можно не беспокоиться.

Мерри торопливо отдавал приказы. Фермер Коттон расчистил улицу, посылая всех домой, за исключением старших хоббитов. Ждать пришлось недолго. Вскоре послышались громкие голоса и тяжелый топот. На дороге появился отряд разбойников. Они увидели барьеры и засмеялись. Они и представить себе не могли, что в этой маленькой стране кто-то сможет противостоять двадцати разбойникам.

Хоббиты отодвинули барьер и встали в сторону.

— Спасибо! — издевались люди. — Теперь бегите домой и в постель, пока вас не угостили кнутом. — И они двинулись по улице, крича. — Погасить огни! Всем в дома и оставаться там! Или мы пятьдесят из ваших на год отправим в тюремные норы. Босс начинает сердиться!

Никто не слушал их приказов. Когда они прошли, хоббиты задвинули барьер и пошли за ними. Когда люди подошли к костру, около него в одиночестве стоял фермер Коттон и грел руки.

— Кто ты и что делаешь? — спросил предводитель разбойников.

Фермер Коттон медленно повернулся к нему.

— Я как раз собирался спросить вас об этом, — сказал он. — Это наша страна, и вас сюда не звали.

— Ну, так позовете! — сказал предводитель. — Возьмите, парни, его! В тюрьму, и дайте ему кое-что, чтобы был поспокойней.

Люди шагнули вперед и остановились. Вокруг них послышался гул голосов, и они неожиданно поняли, что фермер Коттон совсем не один. Они были окружены. В темноте на краю кольца света от костра стояло множество хоббитов, подкравшихся в тени. Их было не менее двухсот, и все вооруженные.

Вперед вышел Мерри.

— Мы уже встречались, — сказал он предводителю, — и я предупредил, чтобы вы не возвращались. Вторично предупреждаю: вы стоите на свету и окружены лучниками. Если дотронетесь хоть пальцем до этого фермера или еще кого-нибудь, будете немедленно застрелены. Положите оружие!

Предводитель огляделся. Он был в ловушке. Но, чувствуя за собой поддержку двадцати товарищей, не испугался. Он слишком плохо знал хоббитов и не понимал всей опасности. Он принял глупое решение сражаться. Ему показалось, что они легко прорвутся.

— На них, парни! — закричал он. — Бей их!

С длинным ножом в одной руке, с дубиной — в другой он устремился из светлого круга,

стараясь пробиться к Хоббитону. На его пути стоял Мерри. Предводитель занес дубину, собираясь нанести жестокий удар. Но упал мертвый, пронзенный четырьмя стрелами.

Для других этого было достаточно. Они сдались. У них отобрали оружие, связали и загнали в пустой барак и там оставили под охраной. Мертвого предводителя оттащили и закопали.

— Оказывается, это совсем нетрудно, — сказал Коттон. — Я говорил, что мы можем справиться с ними. Нам нужен был лишь сигнал. Вы вовремя появились, мастер Мерри.

— Еще много нужно сделать, — ответил на это Мерри. — Если ваши подсчеты верны, тут их не больше десятой части. Но сейчас темно. Я думаю, следующего удара нужно ждать утром. После этого мы сможем поговорить с шефом.

— А почему не сейчас? — спросил Сэм. — И сейчас не больше шести часов. И я хочу повидаться со своим стариком. Вы не знаете, что с ним, мастер Коттон?

— Не слишком хорошо и не слишком плохо, Сэм, — ответил фермер. — Они перекопали Бэгшот Роу, а для него это был тяжелый удар. Он в одном из новых домов, которые строили люди шефа, когда не занимались грабежом или воровством, — в миле от конца Байуотера. Он часто приходил ко мне, и я проследил, чтобы его накормили получше, не то, что некоторых наших бедняков. Все вопреки правилам, конечно. Я оставил бы его у себя, но это было не позволено.

— Спасибо, мастер Коттон, я никогда не забуду этого, — сказал Сэм. — Но я хочу его видеть. Этот босс и их Шарки ничего не станут делать до утра.

— Ладно, Сэм, — сказал Коттон. — Подбери парочку парней и отведи отца в мой дом. Мой Джолли покажет тебе дорогу.

Сэм ушел. Мерри организовывал патрули вокруг поселка и ночную охрану. Потом он и Фродо пошли с фермером Коттоном. Они сидели с его семьей в теплой кухне, и Коттон вежливо расспрашивал их о путешествии, но едва слушал ответы: их гораздо больше интересовали события в Уделе.

— Все началось с прыщавого, как мы его называем, — сказал фермер Коттон, — и началось вскоре после вашего отъезда, мастер Фродо. У него забавные идеи, у этого прыщавого. Похоже, он хочет обладать всем и все привести в порядок по-своему. Вскоре он начал скупать все вокруг, хотя где он брал для этого деньги, так и неизвестно: мельницы, солодовни, гостиницы, фермы и плантации листа. Он и мельницу Сэндимена купил, кажется, еще до того, как явился в Торбу-На-Круче.

Конечно, отец в южном Уделе кое-что ему оставил, и он отправлял куда-то лучший лист. Но в конце прошлого года он начал отправлять большие грузы, и не только лист. Приближалась зима. Народ рассердился, но у него был готов ответ. Много людей, главным образом разбойников явилось в больших фургонах, некоторые увозили на юг товары, другие остались здесь. Их приходило все больше. И прежде чем мы поняли, что происходит, они были уже повсюду в Уделе, рубили деревья, копали, строили для себя бараки и дома. Вначале прыщавый платил за товары и возмещал убытки, но вскоре люди начали просто так отбирать все, что им нравилось.

Были волнения, но слабые. Старый Уилл, мэр, отправился в Торбу-На-Круче с протестом, но так и не вернулся. Разбойники схватили его и заперли в Микел Дельвинге. И он там и сейчас сидит. Вскоре после этого прыщавый объявил себя шефом шерифов или просто шефом и дела все, что хотел; и если кто-то становился «высокомерным», — так они это называют, — то следовал за Уиллом. Дела шли все хуже и хуже. Не было зелья ни для кого, кроме людей; и шеф не разрешал никому, кроме людей, пить пиво и закрыл все гостиницы; и всюду правила, так что нельзя было даже ничего спрятать, когда шли эти грабители и отбирали наше добро «для правильного распределения». Это означало, что у них есть, а у нас нет. Но с тех пор, как

появился Шарки, все пошло еще хуже.

— Кто этот Шарки? — спросил Мерри. — Я слышал, как один из разбойников говорил о нем.

— Главный разбойник, наверное, — ответил Коттон. — Во время последней жатвы, в сентябре, мы впервые услышали о нем. Мы его никогда не видели, но он в Торбу-На-Круче, и он и есть настоящий шеф, я думаю. Все разбойники делают то, что он говорит, а он обычно говорит: рубить, жечь, разрушать, а теперь, похоже, и убивать. В их действиях нет никакого смысла. Они срубают деревья, оставляя их гнить, жгут дома и не строят новых.

Возьмите мельницу Сэндимена. Прыщавый снес ее, как только поселился в Торбе-На-Круче. Потом привел много людей, которые должны были построить другую, гораздо большую мельницу, со множеством колес и разных иностранных приспособлений. Только глупый Тэд был доволен этим, и теперь он работает там, где отец его был хозяином, чистит колеса для этих чужеземцев. Идея прыщавого заключалась в том, чтобы молоть больше и быстрее. Но прежде чем молоть, нужно было иметь зерно для помола, а его стало не больше, а меньше. С тех пор, как явился Шарки, на мельнице вообще ничего не мелют. Там все время стучат молотки, идет дым и зловоние, и больше нет мира в Хоббитоне... Всю грязь опускают в воду, а оттуда она попадает в Брендивайн. Если они собираются превратить Удел в пустыню, то идут верным путем. Не думаю, что за всем этим стоит дурак прыщавый. Это Шарки.

— Верно, — подхватил Том. — Они ведь взяли даже старую Любелию, а Лото любил свою мать, хоть больше никто ее не любил. Некоторые жители Хоббитона видели ее. Она шла вниз по аллее со своим старым зонтиком. Навстречу ей несколько разбойников с большой телегой.

— Куда это вы? — спрашивает она.

— В Торбу-На-Круче, — отвечают они.

— Зачем?

— Строить бараки для Шарки.

— А кто велел?

— Шарки, — отвечают они. — убирайся с дороги, старая перечница!

— Я покажу вам Шарки, грязное ворье! — закричала Любелия, подняла свой зонтик и набросилась на предводителя разбойников, который был вдвое выше ее ростом. Ну, они и схватили ее. Потасили в тюремные норы, и это в ее-то возрасте. Там видели и других, которых мне жаль больше, но нельзя отрицать, что она оказалась не смелее всех.

В середине этого разговора пришел Сэм со своим отцом. Почтенный старик выглядел не намного старше, но слегка оглох.

— Добрый вечер, мастер Торбинс, — сказал он. — Рад видеть вас в добром здравии. Но у меня есть на вас зуб, так сказать, если я могу говорить откровенно. Вам не следовало продавать Торбу-На-Круче. С этого и начались все неприятности. И пока вы блуждали по чужим землям, охотились за черными людьми, если мой Сэм говорит правду, хотя я не совсем его понял, они здесь перекопали Бэгшот Роу и погубили мой картофель.

— Мне очень жаль, мастер Скромби, — сказал Фродо. — Но я вернулся и постараюсь возместить вам потери.

— Лучше и сказать нельзя, — заметил старик. — Мастер Фродо Торбинс — настоящий джентльхоббит, как я всегда говорил, чего нельзя сказать о других носителях этой фамилии, прошу вашего прощения. Надеюсь, мой Сэм вел себя хорошо и вы довольны?

— Вполне доволен, мастер Скромби, — сказал Фродо. — Вы можете не поверить, но он теперь одна из известных личностей во всех землях, и о его деяниях сочиняют песни отсюда до самого моря по обоим берегам Великой Реки.

Сэм покраснел, но с благодарностью посмотрел на Фродо: глаза Розы сверкали, и она

улыбалась ему.

— Трудно поверить, — сказал старик, — хотя я вижу, что он побывал в странном обществе. Что это за народ? Я не хотел бы носить на себе всякие железяки.

Семья фермера Коттона и его гости на следующее утро встали рано. Ночью ничего не было слышно, но день, несомненно, принесет новые осложнения.

— Похоже, никого из разбойников не осталось в Торбе-На-Круче, — сказал Коттон, — но банда с перекрестка дорог может нагрянуть с минуты на минуту.

После завтрака появился вестник из Тукленда. Он был в приподнятом настроении.

— Тэйн поднял всю нашу землю, — заявил он, — и во все стороны, как огонь разлетаются новости. Разбойники, сторожившие нас, бежали на юг, те, что уцелели. Тэйн пошел за ними, чтобы преградить дорогу большой банде; а мастера Перегрину с отрядом он послал сюда.

Следующие новости были не такими хорошими. Мерри, отсутствовавший всю ночь, прискакал в десять часов.

— Большая банда в четырех милях отсюда, — сказал он. — Идут по дороге от перекрестка; к ним присоединились много отбившихся разбойников. Их около сотни.

— Да, эти не станут разговаривать. Они сразу начнут убивать, — сказал фермер Коттон. — Если Туки не подойдут раньше, нам лучше уйти в укрытие и стрелять оттуда и без предупреждения. Все-таки придется сражаться, мастер Фродо.

Туки пришли раньше. Вскоре показалась сотня хоббитов из Такборо и с зеленых холмов во главе с Пиппином. Теперь у Мерри было достаточно сил, чтобы справиться с грабителями. Разведчики сообщили, что разбойники держатся вместе. Они знали, что страна поднялась против них и, очевидно, решили безжалостно расправиться с восстанием в самом его центре — в Байуотере. Но среди них, по-видимому, не было предводителя, опытного в военном искусстве. Они шли без всяких предосторожностей. Мерри быстро изложил свой план.

Разбойники с топотом шли по восточной дороге; не останавливаясь, они свернули на Байуотерскую дорогу, которая на небольшом расстоянии спускалась между высокими откосами с низкими ивовыми зарослями наверху. За поворотом, примерно в одной восьмой мили от главной дороги они встретили баррикаду из старых фермерских телег, наваленных друг на друга. Это их остановило. В тот же момент они увидели, что изгороди над их головами полны хоббитов. За ними другие хоббиты громоздили друг на друга спрятанные в поле телеги, отрезая им путь назад. Сверху послышался голос.

— Итак, вы в ловушке, — сказал Мерри. — И ваши товарищи в из Хоббитона поступили также, один из них мертв, остальные в плену. Бросайте оружие! Потом отступите на двадцать шагов и садитесь. Кто не послушается будет застрелен.

Но разбойников было не так легко запугать. Некоторые хотели повиноваться, но товарищи тут же вернули их. Около двух десятков их повернуло и ударило по второй баррикаде. Шестерых застрелили, остальные прорвались, убив двух хоббитов, и рассыпались по полям, направляясь к Торбе-На-Круче. Еще двоих застрелили во время бегства. Мерри громко затрубил в рог, и на расстоянии послышался ответ.

— Они не уйдут далеко, — сказал Пиппин. — Теперь по всей стране наши охотники.

В ловушке оставалось около восьмидесяти человек. Они пытались взобраться на баррикаду или на откосы, хоббиты были вынуждены начать стрелять или рубить их топорами. Но самые сильные все же пробились на западную сторону и с яростью набросились на противника, скорее склонные теперь убивать, чем спасаться бегством. Погибло семь хоббитов, остальные дрогнули. Тогда Мерри и Пиппин, находившиеся с разных сторон, напали на разбойников. Мерри убил предводителя, косоглазого гиганта, похожего на большого орка. Потом он повел свои силы, окружая оставшихся людей кольцом лучников.

Наконец все было кончено. Около семидесяти разбойников мертвыми лежали на полях и дюжина попала в плен. Было убито девятнадцать хоббитов и около тридцати ранено. Мертвых разбойников погрузили на телеги, отвезли в заброшенный песчаный карьер и там похоронили. Впоследствии это место было названо Ямой Битвы. Погибших хоббитов положили в общей могиле на склоне холма, впоследствии тут поставили большой камень, а вокруг разбили сад. Так кончилась битва при Байуотере 1419 года, последняя битва в Уделе и единственная после сражения на зеленых полях 1147 года в северном Уделе. Глава о ней появилась в красной книге, а имена всех участников были занесены в особый список и изучались всеми историками Удела. С этой даты начинается слава и известность Коттонов, но на самом верху списка стоят имена капитанов Мериадока и Перегрина.

Фродо участвовал в схватке, но не обнажил меч, а главным образом удерживал хоббитов, не давая убивать тех, кто бросил оружие. Когда битва кончилась, и были организованы все нужные работы, то Мерри, Пиппин и Сэм присоединились к нему и поехали обратно к Коттонам. Они, поели, и Фродо со вздохом сказал:

— Ну, что ж, вероятно, пора говорить с «шефом».

— Да и чем скорее, тем лучше, — согласился Мерри. — И не будь слишком мягким! Он ответственен за появление этих разбойников и за все причиненное ими зло.

Фермер Коттон собрал эскорт из двух дюжин крепких хоббитов.

— Это только предположение, что в Торбе-На-Круче нет больше разбойников, — сказал он. — Мы точно не знаем.

И они пошли пешком. Впереди шли Фродо, Сэм, Мерри и Пиппин.

Это был один из самых печальных моментов в их жизни. Перед ними поднялась большая труба; и когда они подошли ближе к старому поселку через ряд новых домов по обе стороны дороги, они увидели новую мельницу во всем ее безобразии: большое кирпичное здание, перегородившее ручей и наполнявшее его грязью и зловонием. Все деревья вдоль Байуотера и дороги были спилены.

Когда перешли мост, взглянув на холм, они были потрясены. Даже Сэм, смотревший в зеркало, не был готов к увиденному. Старый дом на западной стороне был снесен и его место занял ряд приземистых вымазанных смолой барачков. Все ореховые деревья были вырублены. Живые изгороди выкорчеваны. По всему голому вытоптанному полю в беспорядке стояли большие телеги. Посреди Бэгшот Роу зиял песчаный и гравийный карьер. Торба-На-Круче была видна из-за большого скопления хижин.

— Они все срубили! — сказал Сэм. — Они срубили дерево приема! — И он указал на то место, где стояло дерево, под которым Бильбо произносил свою прощальную речь. Теперь это дерево, высохшее, с отрубленными ветвями лежало в поле. Этого последнего удара Сэм не выдержал и разразился слезами.

Конец им положил смех. Смеялся грубый хоббит, стоявший у низкой стены мельничного двора. У него было грязное лицо и черные руки.

— Не нравится, Сэм? — насмеялся он. — Ты всегда был слишком мягким. Я думал, ты уплыл на кораблях, о которых всегда болтал. Чего тебе здесь нужно? У нас хватает работников в Уделе.

— Вижу, — ответил Сэм. — Некогда умыться, но достаточно времени, чтобы подпирать стены. Послушайте, мастер Сэндимен, у меня немалый счет в этой деревне, не удлинй его своими насмешками. Ты пытаешься гнаться за слишком большим для тебя мечом.

Тэд Сэндимен сплюнул через стену.

— Гарри! — сказал он. — Ты не посмеешь меня тронуть, я друг босса. Но он-то уж тебя тронет, если ты будешь раскрывать рот.

— Не трать слов на дурака, Сэм! — сказал Фродо. — Надеюсь, немногие хоббиты похожи на него. Это было бы самым большим вредом нанесенным людьми.

— Ты грязен и невежественен, Сэндимен, — сказал Мерри. — И не очень хорошо соображаешь. Мы как раз идем на холм смещать твоего драгоценного босса. С его людьми мы уже разделились.

Тэд разинул рот, впервые заметив эскорт, который по знаку Мерри начал переходить мост. Нырнув в мельницу, он выбежал с рогом и громко затрубил.

— Побереги дыхание! — засмеялся Мерри, — лучше я...

Подняв свой серебряный рог, он затрубил в него, и его чистый звук полетел над холмами. Из нор, навесов и домов Хоббитона послышались ответные крики. Множество хоббитов, с громкими криками приветствий выбежало и последовало за отрядом к Торбе-На-Круче.

На верху аллеи отряд остановился, а Фродо и его друзья продолжали подъем; наконец они пришли на некогда любимое свое место. Сад был забит хижинами и навесами, некоторые были построены так близко к окнам, что закрывали свет. Повсюду груды мусора. Дверь была изрублена, дверной колокольчик сорван. Стук в дверь ни к чему не привел. Они толкнули ее, и дверь поддалась. Они вошли. Внутри все было грязно и беспорядочно. Отвратительно пахло. Похоже, что тут уже давно никто не жил.

— Где прячется этот жалкий Лото? — спросил Мерри. Они обыскали все комнаты и не нашли никого, кроме крыс и мышей. — Не поискать ли в бараках?

— Это хуже, чем Мордор, — сказал Сэм. — Гораздо хуже. Беда пришла к тебе в дом.

— Да, это Мордор, — согласился Фродо. — Это его работа. Саруман все время выполнял ее, хотя и думал, что действует в своих интересах. То же самое с теми, кого Саруман обманул, как Лото.

Мерри в отчаянии и отвращении оглянулся.

— Идемте отсюда! — сказал он. — Если бы я знал об этом раньше, я заткнул бы своим кисетом Саруману глотку.

— Несомненно, несомненно! Но вы этого не сделали, и поэтому я могу приветствовать вас дома.

У двери стоял сам Саруман. Он выглядел сытым и довольным, глаза его блестели от злорадства и удовольствия.

Неожиданно Фродо все понял.

— Шарки! — воскликнул он.

Саруман засмеялся.

— Значит вы слышали это имя? Так меня называли мои люди в Изенгарде. Знак восхищения, я думаю (вероятно, происходит от орочьего шарку — старик, прим. автора). Но, очевидно, вы не ожидали меня увидеть здесь.

— Я не ожидал, — сказал Фродо. — Но должен был догадаться. Гэндальф предупреждал меня, что вы можете еще навредить.

— Совершенно верно, — согласился Саруман и добавил, — и не просто навредить. Вы, хоббиты, вообразившие себя повелителями, заставили меня хохотать, когда проехали вместе с этими великими господами, такие уверенные, такие довольные своими маленькими личностями. Вы решили, что хорошо со всем справились и теперь можете просто вернуться и спокойно жить в своей стране. Дом Сарумана разрушен, сам он изгнан, но вас-то уж никто не тронет. О, нет!

Саруман снова засмеялся.

— Гэндальфу до вас больше нет дела. Когда его инструменты выполнили работу, он их бросает. Можете бегать за ним, тратить зря время, болтать и ездить вдвое более далеким путем,

чем нужно. «Что ж, — подумал я, — если они такие глупцы и дают мне возможность опередить их, я им преподам урок. Одно злое изменение влечет за собой другое». Урок был бы гораздо лучше, если бы вы дали мне немного больше времени и людей. Все же я многое успел, и вам теперь придется потрудиться, чтобы исправить это. И мне будет приятно вспомнить об этом среди своих обид.

— Что ж, если вы находите в этом удовольствие, — сказал Фродо, — мне жаль вас. И уходите немедленно, никогда не возвращайтесь!

Хоббиты из отряда видели, как Саруман вышел из одного барака и теперь подошел к двери Торбы-На-Круче. Услышав слова Фродо, они гневно загомонили:

— Не отпускайте его! Убить его! Он негодяй и убийца. Убить его!

Саруман посмотрел на их враждебные лица и улыбнулся.

— Убить его! — усмехнулся он. — Убейте меня, если можете, если это в ваших силах, мои храбрые хоббиты. — Он распрямился и мрачно посмотрел на них своими темными глазами. — Но не думайте, что если я утратил свое могущество, то вместе с ним я потерял и силу! Ударивший меня будет проклят! И если моя кровь обагрит Удел, он заболеет и никогда не выздоровеет.

Хоббиты отступили. Но Фродо сказал:

— Не верьте ему! Он потерял свою власть, кроме голоса, который может еще обманывать. Но я не позволю его убить. Бесполезно на месть отвечать мстью: это никому не поможет. Идите, Саруман, кратчайшим путем.

— Змея! Змея! — позвал Саруман, и из ближайшего барака выполз змеиный язык, прижимаясь к земле, как собака. — Снова в путь, змея, — сказал Саруман. — Эти великие господа снова нас выгоняют. Идем!

Саруман повернулся, собираясь уходить, и змеиный язык заторопился за ним. Но когда Саруман проходил мимо Фродо, в его руке сверкнул нож, и он быстро ударил. Лезвие ударилось о колычугу и сломалось. Дюжина хоббитов во главе с Сэмом с криком схватила негодяя и повалила на землю. Сэм выхватил меч.

— Нет, Сэм! — сказал Фродо. — Не убивай его даже и теперь. Он не повредил мне. И во всяком случае я не хочу, чтобы его убивали в таком состоянии. Некогда он был велик и благороден, и мы никогда не посмели бы посягнуть на него. Он пал, и мы не можем помочь ему; но я пощажу его в надежде, что для него еще возможно исцеление.

Саруман встал и посмотрел на Фродо. В глазах его было смятенное выражение удивления, уважения и ненависти.

— Вы выросли, невысоклик, — сказал он. — Да, сильно выросли. Вы мудры и жестоки. Вы отравили мне радость мщения своей мягкостью, и я по вашей милости пойду отсюда в горечи. Я ненавижу вас и ваше великодушие. Я пойду и больше не стану вас беспокоить. Но не ждите, чтобы я желал вам здоровья и долгой жизни. У вас не будет ни того, ни другого. Но это не моя заслуга. Я лишь предсказываю.

Он пошел, и хоббиты расступились, образовав проход. Их кулаки сжимались, они хватались за оружие. Змеиный язык поколебался, затем последовал за хозяином.

— Змеиный Язык! — окликнул Фродо. — Вы можете не идти за ним. Вы не причинили мне никакого зла. Можете отдохнуть и подкормиться у нас, а когда окрепнете, пойдете куда захотите.

Змеиный Язык остановился и посмотрел на него, готовый остаться. Саруман обернулся.

— Никакого зла? — хихикнул он. — О, да! И он выползал по ночам, только чтобы взглянуть на звезды. Но я не слышу, чтобы кто-нибудь спросил, где прячется бедный Лото. Ты ведь знаешь, а, Змея? Расскажи им!

Змеиный Язык припал к земле и заскулил:

— Нет, нет!

— Тогда я скажу, — заявил Саруман. — Змея убил вашего шефа, этого бедного глупца, нашего прекрасного маленького босса. Не так ли, Змея? Ударил его ножом во сне. И закопал. Нет, Змея кое-что сделал. Оставьте его мне.

Дикая ненависть сверкнула в налитых кровью глазах Змеиноного Языка.

— Вы приказали мне, вы заставили меня, — просвистел он.

Саруман рассмеялся.

— Ты всегда делал то, что говорил Шарки. Верно, Змея? Ну, а теперь он говорит: за мной!

Он пнул Змеиноного Языка, лежавшего на земле, повернулся и пошел. Но Змеиный Язык неожиданно вскочил, выхватил спрятанный нож, с ворчанием, как собака прыгнул на спину Сарумана, дернул его голову назад, перерезал горло и с криком побежал по дороге. Прежде чем Фродо смог что-либо сказать, прозвенели тетивы трех луков, и Змеиный Язык упал мертвым.

К изумлению всех, вокруг тела Сарумана собрался серый туман и медленно поднялся на большую высоту, как столб огня. Большая завернутая в саван фигура нависла над холмом. Она дрожала, глядя на запад. Но с запада подул холодный ветер, фигура отклонилась и со вздохом растаяла.

Фродо с ужасом и жалостью смотрел на тело, и ему показалось, что в нем происходят быстрые изменения. Лицо сморщилось, и вскоре лишь тонкая черная кожа обтягивала череп. Подняв кусок грязной ткани, лежавший рядом, Фродо закрыл им тело и отвернулся.

— Вот и конец, — сказал Сэм. — Страшный конец, и я не хотел бы видеть его. Но так лучше.

— Я надеюсь, что это и конец войны, — сказал Мерри.

— Я тоже, — проговорил Фродо и вздохнул. — Самый последний удар. И только подумать, что он упал здесь, у самой двери Торбы-На-Круче. Во всех своих страхах и надеждах об этом я никогда не думал.

— Я не стал бы говорить о конце, пока мы не расчистим эту грязь, — сказал Сэм угрюмо. — А для этого потребуется немало времени и труда.

9. СЕРЫЙ ПРИЮТ

Очистка действительно потребовала большого труда, но гораздо меньше времени, чем опасался Сэм. На следующий день после сражения Фродо поехал в Микел Дельвинг и освободил из тюремных нор пленников. И первым, кого он там встретил, оказался Фредегар Болдер, увы, больше не толстяк. Его схватили, когда разбойники захватили отряд восставших, который он вел из укрытия в холмах Скарн.

— Тебе было бы лучше отправиться с нами бедный старина Фредегар! — сказал Пиппин, когда Болдера принесли. Он был слишком слаб, чтобы ходить.

Болдер открыл глаза и постарался улыбнуться.

— Кто этот юный гигант с громким голосом? — прошептал он. — Неужели маленький Пиппин! Каков же теперь размер твоей шляпы?

Тут была и Любелия. Бедняга, она выглядела очень старой и худой, когда ее вывели из темной узкой норы. Она настояла на том, чтобы идти самой; и ее так приветствовали, так восторженно хлопали и кричали когда она появилась, опираясь на руку Фродо, по-прежнему сжимая свой зонтик, что она была тронута и даже расплакалась. Никогда в своей жизни она не была так популярна. Но новость о смерти Лото сразила ее, и она не захотела возвращаться в Торбу-На-Круче. Она вернула его Фродо и уехала к своим родственникам Брейсгирдлям из Хардботтла.

Когда следующей весной старушка умерла — в конце концов ей было больше ста лет, — Фродо был удивлен и сильно тронут: все имущество, и свое, и Лото, она завещала ему, чтобы он помог бездомным хоббитам. Так кончилась семейная вражда.

Старый Уилл Бетфут дольше всех находился в тюремных норах, и хотя, вероятно, с ним обращались не так плохо, как с остальными, ему потребовалось много времени, чтобы восстановить силы, прежде чем он снова смог исполнять свои обязанности мэра. Фродо согласился быть его заместителем, пока мастер Бетфут не придет в норму. Единственное решение, которое он принял в качестве заместителя мэра, заключалось в возвращении шерифов к их прежним функциям и численности. Задача отыскания последних остатков разбойников была возложена на Мерри и Пиппина, и они отлично справились с ней. Южные отряды, узнав о битве при Байуотере, бежали и не оказывали сопротивления Тэйну. К концу года их всех переловили и выслали за границы Удела.

Тем временем начались усиленные восстановительные работы, и Сэм был очень занят. Хоббиты могут трудиться, как пчелы, когда это необходимо. К услугам Сэма были руки тысяч добровольцев всех возрастов, от маленьких, но проворных рук юношей и девушек, до высохших и ороговевших рук стариков и старух. К началу июля от новых домов шерифов и других построек людей «шефа» не осталось ни одного кирпича. Кирпичи эти были использованы для ремонта старых нор, которые стали уютнее и суше. В бараках, амбарах и старых норах были найдены сделанные разбойниками большие запасы добра, еды и даже пива. Особенно большие склады были в туннелях Микел Дельвинга и в старых карьерах Скарн. Поэтому июль встретили с большой радостью и надеждой, чем ожидали.

Первое, что предприняли в Хоббитоне еще до сноса новой мельницы, была очистка холма и Торбы-На-Круче и восстановление Бэгшот Роу. Песчаный карьер заровняли и превратили в сад, в южном откосе холма выкопали новые норы и выложили их кирпичом. Старик вернулся в нору номер три. Он часто говорил, не заботясь о том, слышат его или нет:

— Злой ветер никогда не приносит добра. Но все хорошо, что хорошо кончается.

Были некоторые споры, как называть новую улицу. Предлагались названия Сады Битвы и

Лучший Смайлс. Но все же в соответствии со здравым смыслом хоббитов ее называли Новая улица. А байуотерцы шутливо именовали ее концом Шарки.

Хуже всего обстояло с деревьями: по приказу Шарки их безжалостно вырубали по всему Уделу. И Сэм горевал из-за этого больше всех. Эту рану залечить было труднее всего, и Сэм понимал, что лишь его далекие потомки увидят Удел таким, каким был раньше.

Но однажды — в течении многих недель он был слишком занят, чтобы думать о своих приключениях, — он вспомнил о даре Галадриэль. Он достал ящичек, показал остальным путешественникам (так их теперь называли) и попросил у них совета.

— Я все гадал, когда ты о нем вспомнишь все-таки, — сказал Фродо. — Открой!

В ящичке оказался серый порошок, а в нем семечко, похожее на маленький орешек в серебряной скорлупке.

— Что мне делать с ним? — спросил Сэм.

— Пусти по воздуху в ветреный день, и пусть работает, — посоветовал Пиппин.

— Над чем? — спросил Сэм.

— Выбери одно место и посмотри, что будет с растениями на нем, — посоветовал Мерри.

— Но я уверен, что госпоже не понравилось бы, если бы я использовал его только для своего сада, когда теперь так много пострадавших, — сказал Сэм.

— Используй этот подарок в своей работе, Сэм, — сказал Фродо. — И используй бережно. Его здесь немного, а я думаю, что каждая его песчинка ценна.

И вот Сэм сажал отростки там, где раньше были деревья, и бросал в почву у корней каждого немного порошка. С этой работой он обошел весь Удел, но особое внимание уделял Хоббитону и Байуотеру. В конце концов у него осталось немного порошка. И тогда он отправился к камню трех Уделов, который находился в самом центре Удела, и бросил остаток порошка в воздух. А маленький серый орешек он посадил на поле приема, там, где некогда росло дерево. Его очень интересовало, что из этого получится. Всю зиму он сдерживал свое нетерпение и старался удержаться от постоянного посещения этого места.

Весна превзошла самые смелые его надежды. Посаженные им деревья принялись и начали стремительно расти, как будто торопились за год достичь двадцатилетнего возраста. На поле приема появилось прекрасное новое дерево с серебряной корой и длинными листьями. В апреле оно покрылось золотыми цветами. Это был меллорн, и он приводил в изумление всех соседей. В последующие годы это огромное прекрасное дерево стало широко известно, и любопытные приходили издалека, чтобы взглянуть на него — единственный меллорн к западу от гор и к востоку от моря и один из прекраснейших в мире.

Год 1420 в Уделе был необыкновенным. Не только ярко светило солнце и было достаточно дождей, но во всем чувствовался достаток, богатство и преуспевание, проблески красоты, которой не дано видеть смертным и которая давно ушла из Средиземья. Дети рожденные или зачатые в этом году — а их было множество, — росли красивыми и сильными, и у большинства из них были золотые волосы, что раньше у хоббитов встречалось довольно редко. Фрукты и ягоды были в таком изобилии, что молодые хоббиты чуть не купались в землянике и в варенье; а позже они сидели на лужайках под сливовыми деревьями и ели, пока не наделали маленьких пирамид из косточек. И никто не болел, и все были довольны, кроме тех, кому приходилось косить траву.

В Южном Уделе хорошо уродился виноград, а урожай листа был поразителен: и повсюду было столько зерна, что в жатву все амбары переполнялись. А пиво 1420 года вспоминалось долго и вошло в пословицу. Еще поколение спустя можно было услышать, как старик в гостинице, выпив добрую пинту эля, отдавал кружку и говорил со вздохом:

— Настоящее вино 1420 — го, да!

Вначале Сэм вместе с Фродо оставался у Коттонов; позже, когда Новая улица была готова, он переселился туда со стариком. Ко всем своим прочим работам он занимался очисткой и восстановлением Торбы-На-Круче; и ему часто приходилось ездить по Уделу из-за своих лесовосстановительных работ. Поэтому его не было дома в начале марта и он не знал, что Фродо заболел. Тринадцатого марта фермер Коттон нашел Фродо в постели; Фродо сжимал белую жемчужину, висевшую на цепочке у него на шее и, казалось, бредил.

— Оно ушло навсегда, — говорил он, — и теперь все пусто и тошно...

Но болезнь прошла, и когда двадцать пятого вернулся Сэм, Фродо ему ничего не сказал. Тем временем Торбу-На-Круче привели в порядок, Мерри и Пиппин привезли из Крикхоллоу старую мебель и все имущество, и вскоре старая нора выглядела так, как будто ничего и не менялось.

Когда все было готово, Фродо спросил:

— Когда же ты поселишься у меня, Сэм?

Сэм неуверенно посмотрел на него.

— Если не хочешь, не нужно, — прибавил Фродо. — Но ты знаешь: твой старик живет рядом.

— Дело не в этом, мастер Фродо, — сказал Сэм и покраснел.

— А в чем же?

— В Рози, в Рози Коттон. Ей не нравятся эти мои разъезды, но она ничего не говорит. А я, пока был занят, тоже молчал, потому что хотел сначала закончить работу. А теперь я поговорил с ней, и она сказала мне: «Ну, мы зря истратили целый год, так зачем же тянуть дальше?» — «Зря потратили? — Повторил я. — Я бы не сказал». Хотя я понимаю, что она имела в виду. И чувствую, что разрываюсь надвое.

— Понимаю, — сказал Фродо, — ты хочешь... Жениться и в то же время хочешь жить со мной в Торбе-На-Круче. Но, дорогой Сэм, это же так легко! Женись побыстрее и переезжай сюда с Рози. В Торбе-На-Круче хватит места для самой большой семьи.

Так и сделали. Весной 1420 года (а этой весной было заключено очень много браков) Сэм женился на Рози, и они поселились в Торбе-На-Круче. И если Сэм был счастлив, то и Фродо тоже. И ни за одним хоббитом в Уделе не ухаживали так ласково и заботливо, как за ним. Когда закончились восстановительные работы, Фродо зажил спокойной жизнью, много писал и приводил в порядок свои записи. Он сложил с себя обязанности заместителя мэра на ярмарке в середине лета и старый Уилл Бетфут был избран мэром на следующие семь лет.

Мерри и Пиппин некоторое время жили вместе в Крикхоллоу, и между Баклендом и Торбой-На-Круче было много хождений и поездок. Два молодых путешественника наделали много шума в Уделе своими песнями, рассказами, пышными нарядами и удивительными манерами. «Благородные» — называли их хоббиты, имея в виду лишь хорошее: все радовались, видя как они едут в своих ярких кольчугах, с прекрасными щитами, весело смеются и поют и хотя они стали очень велики ростом, в других отношениях они не изменились, и лишь стали более склонны к шуткам и веселью, чем раньше.

Фродо и Сэм, однако, не привлекали всеобщего внимания. Лишь иногда одевали они серые плащи необычного покроя, заколотые у шеи прекрасными брошками. Кроме того, Фродо всегда носил на цепочке белую жемчужину и часто касался ее рукой.

Все шло хорошо, а в будущем обещало идти еще лучше. Сэм был занят и доволен. И ничто не омрачало его жизнь в этом году, кроме смутного беспокойства за хозяина. Фродо почти не занимался делами Удела, и Сэм с болью видел, какой малой известностью он пользуется у себя на родине. Мало кто знал или хотел знать о его деяниях и приключениях; восторг и уважение хоббитов были отданы преимущественно мастеру Мериадоку, мастеру Перегрину и (Сэм

подозревал об этом) ему самому. Осенью снова возникла тень старых тревог.

Однажды вечером Сэм вошел в кабинет и увидел, что хозяин выглядит очень странно. Он был бледен, а глаза его казались устремленными куда-то вдаль.

— В чем дело, мастер Фродо? — спросил он.

— Я ранен, — ответил Фродо, — ранен, и рана никогда не заживет.

Но приступ прошел, и на следующий день Фродо стал снова самим собой. Впоследствии Сэм припомнил, что это было шестого октября. Два года назад они сидели в темной яме на Заверти.

Шло время, наступил 1421 год. В марте Фродо снова заболел, но с большим трудом скрыл это, так как Сэм был занят другими делами. Двадцать пятого марта родился первый ребенок Сэма и Розы.

— Ну, мастер Фродо, — сказал Сэм, — я в затруднении. Розы и я решили назвать его Фродо, с вашего позволения, но это не он, а она. Хотя более красивой девочки и быть не может. Она больше похожа на Розы, чем на меня. И мы не знаем, как быть.

— Что ж, Сэм, — ответил Фродо, — что плохого в старых обычаях? Выбери ей имя цветка, как у Розы. Половину девочек в Уделе называют такими именами, и ничего не может быть лучше.

— Вы, вероятно, правы, мастер Фродо, — сказал Сэм. — Я слышал немало прекрасных имен в своем путешествии, но боюсь, что для ежедневного употребления они слишком грандиозны и утомительны. Старик говорит: «Дай ей короткое имя, тогда тебе не нужно будет сокращать его для пользования». Но если это будет название цветка, то я не беспокоюсь о длине. Понимаете, это должен быть прекрасный цветок, потому что, понимаете, я считаю ее прекрасной, а потом она будет еще красивее.

Фродо на мгновение задумался.

— Сэм, как тебе нравится Эланор — солнечная звезда? Вспомни маленькие золотые цветы в траве Лотлориена.

— Вы снова правы, мастер Фродо! — воскликнул Сэм радостно. — Это мне и нужно!

Маленькой Эланор исполнилось шесть месяцев и наступила осень 1421 года, когда Фродо позвал Сэма в свой кабинет.

— В четверг день рождения Бильбо, Сэм, — сказал он. — И он побьет старого Тука. Ему исполнится сто тридцать один год!

— Так и будет! — сказал Сэм. — Он чудо!

— Что ж, Сэм, — сказал Фродо, — я хочу, чтобы ты спросил у Розы, сможет ли она некоторое время обойтись без тебя. Мы отправляемся вместе. Но, конечно, теперь ты не сможешь уезжать далеко или надолго, — печально добавил он.

— Это плохо, мастер Фродо?

— Да, но неважно. Проводишь меня немного. Скажи Розы, что ты будешь отсутствовать недолго, не больше четырех дней. И что приедешь домой целым и невредимым.

— Я хотел бы дойти с вами до Раздола, мастер Фродо, и повидать мастера Бильбо, — сказал Сэм. — И все же единственное место, где я по-настоящему хочу быть, — тут. И я снова разрываюсь надвое.

— Бедный Сэм! Но ты выздоровеешь. Снова ты станешь прежним и целым, как будто ничего и не было.

В следующие два дня Фродо вместе с Сэмом разбирал записи и передал ему ключи. Прежде всего он отдал ему большую красную книгу, страницы которой почти до конца были заполнены. Вначале она была написана рукой Бильбо, но большая часть книги представляла собой записи Фродо. Она была разбита на главы, но глава восьмидесятая осталась не оконченной и после нее

шло несколько чистых страниц. Названий было много, зачеркнутых и снова написанных:

Мой дневник. Мое неожиданное путешествие. Туда и обратно. И что случилось после. Приключения пяти хоббитов. Сказание о Великом Кольце, составленное Бильбо Торбинсом по его собственным наблюдениям и рассказам друзей. Как мы участвовали в Войне Кольца.

Далее шли записи рукой Фродо:

Падение Повелителя Колец и возвращение короля (как их видел малый народ: воспоминания Бильбо и Фродо из Удела, рассказы их друзей и советы Мудрых). Вместе с извлечениями из Книги Сказаний, переведенные Бильбо в Раздоле.

— Вы почти кончили, мастер Фродо! — воскликнул Сэм.

— Да, почти, — ответил Фродо. — Последние страницы принадлежат тебе.

Двадцать первого сентября они выступили — Фродо на пони, который принес его из Минас Тирита и которого теперь называли Бродяжник, а Сэм на своем любимом Билле. Стояло прекрасное золотое утро, и Сэм не спрашивал, куда они направляются: он думал, что и так догадывается.

Они поехали к Вуди-Энду, позволив пони идти неторопливо. Переночевали в зеленых холмах и двадцать второго сентября спустились с холмов. В полдень они въехали в лес.

— Как будто за этим самым деревом вы прятались, мастер Фродо, когда впервые показался черный всадник! — сказал Сэм, указывая налево. — Сейчас все это кажется сном.

Наступил вечер и на востоке замерцали звезды, когда они миновали старый высохший дуб и спустились с холма между рядами ореховых деревьев. Сэм молчал, погружившись в воспоминания. Вскоре он понял, что Фродо негромко напевает старую песню, слова которой, однако, были немного новыми:

Все еще за углом может ждать
новая дорога или тайный вход;
и хотя я часто проходил мимо них,
наконец наступает день, когда я должен
ступить на скрытую тропу,
ведущую к западу от луны,
к востоку от солнца.

И как бы в ответ снизу донеслась песня:

А! Элберет Гилтониэль!
Симврен пенна мириел
О менел аглар эленат,
Гилтониэль, а! Элберет!
Мы те, кто живет
Далеко под деревьями,
Помним сияние звезд запада.

Фродо и Сэм остановились и молча ждали в тени, пока не увидели впереди огоньки и путников.

Здесь был Гилдор со множеством эльфов. И, к удивлению Сэма, были здесь Элронд и Галадриэль. Элронд был в сером плаще и со звездой во лбу, в руках у него была серебряная арфа,

а на пальце золотое кольцо с большим голубым камнем — Вилия, самое могучее из трех колец. Галадриэль сидела на белой кобыле и была вся в белом, как облако под луной; она сама, казалось, испускала мягкий свет. На пальце у нее сверкал Нэин — кольцо, сделанное из митрила с белым камнем, светившимся, как морозная звезда. А за ними на маленьком сером пони ехал и Бильбо. Казалось, он спит.

Элронд серьезно и вежливо поздоровался, а Галадриэль улыбнулась.

— Ну, мастер Сэмвайс, — сказала она. — Я слышала и видела, что вы хорошо использовали мой подарок. Удел будет теперь еще прекрасней и благословенней.

Сэм поклонился, но не нашел, что ответить. Он совсем забыл, как прекрасна госпожа.

Тут проснулся Бильбо и открыл глаза.

— Здравствуй, Фродо, — сказал он. — Знаешь, я сегодня побил старого Тука! И думаю, что теперь я готов к новому путешествию. Ты пойдешь со мной?

— Да, — сказал Фродо. — Хранители Кольца пойдут вместе.

— Куда вы хотите идти, хозяин? — воскликнул Сэм, уже поняв наконец, что происходит.

— В приют, Сэм.

— А я?

— А ты нет. Вернее — не дальше приюта... Хотя ты тоже был Хранителем Кольца, хоть и ненадолго. Твое время еще придет. Не грусти, Сэм. Ты не можешь все время разрываться надвое. Ты будешь цельным долгие годы. Тебя ждет еще много радостей.

— Но... — начал Сэм, и слезы сверкнули у него на глазах. — Я думал, вы тоже будете радоваться в Уделе долгие годы, после всего вами сделанного.

— Я тоже так думал раньше. Но я слишком глубоко ранен, Сэм. Я старался спасти Удел и спас его, но не для себя. Так часто бывает, Сэм: когда появляется опасность, то кто-то должен отдать все, чтобы спасти других. Но ты мой наследник: все, что у меня было я оставляю тебе. И у тебя есть Роза и Эланор, а потом придут маленький Фродо и маленькая Роза, и Мерри, и Голдилокс (золотые локоны), и Пиппин, и еще другие, которых я уже не вижу. Твои руки и твой разум нужны будут повсюду. Ты, конечно, будешь мэром столько, сколько захочешь, и станешь самым знаменитым садовником истории; и ты будешь читать Красную книгу и сохранять память об ушедшей эре, так чтобы все помнили великую опасность и любили свою землю еще больше. И это даст тебе занятие и счастье такие большие, на какие только может рассчитывать смертный.

А сейчас поехали со мной!

Подъехал Элронд и Галадриэль. Кончалась Третья Эпоха, миновали Дни Кольца и подошел конец сказаниям и песням этого времени. С ними уходили эльфы. Среди них, полный печали, но без горечи, ехал Сэм, а с ним Фродо и Бильбо, и эльфы оказывали им почести.

Хотя весь вечер и всю ночь они ехали по Уделу, никто, кроме диких зверей, их не видел; лишь изредка какой-нибудь путник замечал слабое мерцание между деревьев. И выйдя за пределы Удела, они миновали белые склоны, подъехали к башням и посмотрели на далекое море; и оттуда они спустились к Митлонду, к Серому Приюту в длинном заливе Луна.

Когда они подъехали к воротам, навстречу им вышел Сирдан, корабельный мастер. Он был очень высок и стар, с длинной седой бородой, но глаза его были остры и сверкали, как звезды. Он посмотрел на них и, поклонившись, сказал:

— Все готово.

Сирдан провел их в гавань, и здесь они увидели белый корабль, а на берегу рядом с большим серым конем, ожидая их, стояла фигура в белом. Фродо узнал Гэндальфа, который теперь открыто носил на руке Третье Кольцо — великую Барию, и камень ее был красен, как огонь.

Сэм еще больше опечалился и подумал, какой одинокой и тоскливой будет его дорога домой. Но прежде чем эльфы взошли на борт и все было готово к отплытию, торопливо прискакали Мерри и Пиппин. И Пиппин смеялся и плакал.

— Ты один раз уже пытался ускользнуть от нас, Фродо, и неудачно, — сказал он. — И хотя на этот раз нас предупредил не Сэм, а сам Гэндальф.

— Да, — сказал Гэндальф, — потому что вам лучше будет ехать назад втроем. Ну, дорогие друзья, здесь на берегу моря кончается наше Товарищество в Средиземье. Идите с миром! Я не говорю — не плачьте: слезы не всегда вызваны злом.

Когда Фродо поцеловал Мерри, Пиппина и Сэма и взошел на борт, были подняты паруса, подул ветер, и корабль медленно поплыл по длинному серому заливу. Свет фиала Галадриэль, который держал Фродо, потускнел и погас. И корабль вышел в море и двигался на запад, пока глубокой ночью Фродо не почувствовал сладкий аромат в воздухе и не услышал над водой звуки пения. И ему показалось, что он снова видит сон в доме Бомбадила, отдернулся серый дождевой занавес, и он увидел белые берега, а за ними прекрасную зеленую страну под мягкими лучами солнца.

Но для Сэма, оставшегося в гавани, вечер сгустился в темную ночь, и глядя на воду, он видел лишь смутную тень, удалявшуюся на запад. Далеко за полночь стоял он на берегу, слыша лишь вздохи и бормотание волн у берегов Средиземья, и звук этот глубоко запал в его сердце. Рядом с ним стояли Мерри и Пиппин и молчали.

Наконец три товарища повернулись и, не оглядываясь, двинулись домой. До самого Удела они не произнесли ни слова, но каждый чувствовал великое облегчение от того, что рядом по длинной серой дороге едут друзья.

На восточной дороге они разделились: Мерри и Пиппин поехали в Бакленд. И тут они снова начали петь. А Сэм поехал в Байуотер и к концу дня подъехал к холму. Он увидел свет в окнах; ужин был готов, и его ждали. Роза впустила его, он сел в свое кресло и посадил на колени маленькую Эланор.

Он глубоко вздохнул:

— Ну, вот я и вернулся!

Как же сложилась дальше судьба героев, которых мы успели полюбить на протяжении трилогии?

Арагорн, Король Гондорский, жил долго и счастливо. Правление его было мудрым и помогло свершиться, казалось бы, невозможному. При нем Гондор снова превратился в цветущий край, вернув блеск и величие времен нуменорцев-основателей.

Когда Арагорн умер, правление принял Фарамир.

Через некоторое время гонец из Гондора доставил двум знатнейшим вождям кланов далекой Хоббитании — Перегрину Кролу и Мериадоку Брендизайку — приглашение посетить столицу Гондора. Под приглашением стояли подписи владык двух могучих областей Средиземья: герцога Роханского Эомера и правителя Гондорского Фарамира. И Мерри, и Пин достигли к этому времени весьма преклонного возраста, и никакие неотложные дела не помешали им внять призыву государей, которым они в молодости дали клятву верности. Старость их была спокойной и мудрой, и напоминала прекрасные дни осени, когда в природе разлито волшебное золотое очарование покоя. Умерли они в один день, и были похоронены у подножия невысокого холма, рядом с местом успокоения Арагорна и Арвен.

Сэм Скрэмби, на протяжении долгого времени бессменный мэр Норгорда, когда ему исполнилось восемьдесят пять лет, отошел от дел, и счастливо жил в окружении многочисленных внуков и правнуков в Торбе-на-Круче. Никто, даже его заботливая супруга Роза, не знал, что в последние годы его нет-нет, да и посещал странный недуг. Обычно это случалось в марте месяце, и Сэм заранее находил какой-нибудь предлог отлучиться из дому, чтобы не беспокоить домашних. Он проводил несколько дней в гостях либо у Пина, либо у Мерри. Оба были единственными, кто понимал, что происходит с их товарищем. Когда Пин и Мерри покинули Хоббитанию, Сэму исполнилось девяносто два года. Под осень он стал собираться в дорогу. Роза к этому времени уже не было в живых, а многочисленной родне он сказал, что собирается посетить друзей молодости, да может у них и останется...

Однако, покинув Норгорд, он, никуда не сворачивая, направился прямо на запад, и ничуть не удивился, когда на второй день повстречал еще двоих путников. Это были Леголас и Гимли. Так, втроем, они и достигли Серебристой Гавани, и серый корабль ждал их у причала...

С их уходом в Средиземье не осталось никого из тех, чья судьба когда-то неразрывно сплелась с судьбой Кольца Всевластья, и чья память хранила бы подробности Великих событий Третьей Эпохи...